

ЛИДИЯ ЛАЗОР

Свеча судьбы

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Лидия Лазор

СВЕЧА СУДЬБЫ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Роман

Луганск – 2008

БУДУЩЕЕ, ЗА КОТОРОЕ СТОИТ БОРОТЬСЯ

Выход в свет каждой новой книги Л. Лазор – заметное событие в литературной и общественной жизни. Вот почему публикация второй части романа Л. Лазор «Свеча судьбы» не могла не привлечь к себе внимания, обещая читателям встречу с полюбившимися героями из первой части романа и его автором – собеседником, разговор с которым всегда затрагивает самые глубокие и тонкие струны человеческой души, не давая ей погрязнуть в рутине каждодневных будней. Таково творческое кредо Л. Лазор, ставящей перед собой только высокие задачи, стремящейся обогатить своего читателя духовно и нравственно, направить его на путь, ведущий к Храму.

Каждый раз, раскрывая новую книгу Л. Лазор, невольно напраиваешься на особый лад, ждешь новых ярких впечатлений, выводящих на орбиту подлинной духовности, когда красота слова органически соединяется с глубиной мысли, а литературные образы наполняются энергией жизни, превращаясь в реальных людей, вместе с которыми идешь по непростым дорогам их жизни, начинаешь любить и ненавидеть, страдать и радоваться...

Л. Лазор – известный поэт и прозаик, много и плодотворно работающий в различных литературных жанрах: от детской литературы до духовно-исторических произведений.

Для того, чтобы представление об авторе было более полным, уместно указать на то, что Лидия Ивановна имеет не только впечатляющие достижения на литературном поприще. Не менее значимы её достижения в науке, сфере образования, общественной деятельности. Об этом говорят следующие факты: Лидия Ивановна Лазор впервые в 1989 году создала межвузовскую правовую кафедру, впоследствии на её основе в 1992 году открыла специальность «Правоведение» и сформировала юридический факультет, который стал ведущим правовым центром в Луганской области. В настоящее время она является деканом юридического факультета Восточноукраинского национального университета имени Владимира Даля, доктором юридических наук, профессором, Заслуженным юристом Украины, академиком Международной академии информатизации, академиком

Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, академиком высшей школы Украины, членом-корреспондентом Академии правовых наук, Заслуженным деятелем науки и техники, комиссаром II ранга, генерал-лейтенантом Международного комитета защиты прав человека. В 1998 году Лидия Ивановна была признана женщиной-учёным года. Результат её научной деятельности составляют более 200 научных работ. Она руководит аспирантурой, подготовила около двадцати кандидатов и двух докторов юридических наук. Л.И. Лазор – член Международного общества писательских союзов, член Союза писателей России, автор двадцати двух поэтических, прозаических и музыкальных сборников разнопланового характера. Более чем на 100 её произведений написана музыка известными композиторами, такими как Анна Григорьевна Ковалёва, Сергей Петрович Турнеев, протоиерей Василий Попов, Иван Казанцев, Андрей Васильев и другими. Её музыкальные произведения звучат в форме молитв, псалмов, вальсов, песен, гимнов, романсов и т.д. Они исполняются профессиональными певцами и хорами по телевидению, радио, в Церквях, дворцах культуры, драмтеатрах, учебных заведениях. Многие из них также звучали и звучат на международных музыкальных фестивалях.

За вклад в развитие науки и литературы Л. Лазор награждена юбилейным орденом «Рождество Христово», орденом Княгини Ольги, дипломом «Лауреат литературной премии имени Владимира Даля», орденом «За патриотизм», орденом Преподобного Нестора Летописца, орденом «Звезда Почёта», орденом Пресвятой Богородицы Покровы, орденом «За веру и верность», высшей степенью отличия «Золотая Звезда» за защиту прав и свобод человека, а также восемью медалями.

Имя Лидии Ивановны внесено в сборник очерков известного журналиста Л. Ткаченко «Ты, освятив тобой избранный сан» // Издательство ДИНАУ – Киев, 1999 и в историко-литературную энциклопедию Г.С. Довнара, В.С. Волкова «Отцы и правнуки Луганска» // Издательство «Светлица» – Луганск, 2000. Её имя внесено в энциклопедию Международной академии информатизации «Элита информации мира» // Международное издательство «Информациология» – Торонто, т. 2, 2000. Имя Лидии Ивановны внесено в Юридическую энциклопедию под ред. Шемшученко Ю.С. // Издательство «Украинская эн-

циклопедия» имени М.П. Бажана – Киев, т. 3, 2001 и в биографический энциклопедический словарь «Женщины Украины», главный редактор М. А. Орлик // Издательство «Феникс» – Киев, 2001. Включена в справочник «Кто есть кто в Украине» / / Издательство справочной литературы «К.И.С. – Киев. Информация. Сервис», 2000, в книгу «Выдающиеся юристы настоящего» // Союз юристов Украины; Ред. кол.: Евдокимов В.О. (председатель), Онищук М.В. (ответственный секретарь) – Киев, Издательский дом «Ин Юре», 2001, в Великий энциклопедичний юридичний словник / За редакцією акад. НАН України Ю.С. Шемшученка. – К.: ТОВ «Видавництво «Юридична думка», 2007, а также в биографическое издание «Імена України 2007». – К.: Фенікс, 2007. Об административной, научной и литературной деятельности Лидии Ивановны написано в различных газетах и журналах Украины и России более ста пятидесяти статей.

Авторитет Л. Лазор как писателя и учёного весом. Это налагает на неё дополнительную ответственность за каждое высказанное публично слово. Как говорится, «по силам и груз»..

Оправдал ли новый роман наши ожидания? Вот вопрос, который не может не волновать подлинного почитателя таланта Л. Лазор. На него не терпится ответить.

Сразу скажем, что новый роман просто обречён на успех. Да и как может быть иначе? Роман читается, как говорится, «взахлёб». Он берёт за душу, увлекает, интригует и волнует до самой глубины души. Если вспомнить известное остроумное деление литературы на интересную и скучную, то по этому критерию роман заслуживает самую высокую оценку.

Тому подтверждение – удивительная событийная насыщенность буквально каждой страницы многогранного романа, его сюжетная напряжённость и эмоционально-психологическая выразительность. Подкупает и вызывает ответный отклик искренность, с которой написан роман.

Не менее значимой является мастерски выстроенная композиция романа, его своеобразный многоуровневый характер, обнаруживающий себя в том, что роман одновременно адресован самым различным категориям читателей. Он близок и понятен так называемому «простому читателю», и в то же время открывает немалую философскую глубину читателю вдумчивому, при-

обретая в его глазах очевидные черты «интеллектуальной прозы».

Широкомасштабный роман предстаёт перед нами в разных литературных ипостасях. Это социальная драма, отражение и литературный слепок с нашего недавнего советского прошлого. В этом смысле роман весьма поучителен, информативен. Молодой читатель почерпнёт из него немало интересного и полезного для себя. И хотя часто история учит нас тому, что «ничему не учит», хочется высказать уверенность в том, что роман займёт достойное место в истории современной культуры как художественный портрет своего времени.

Роман имеет и другую сторону, которую нельзя обойти вниманием. Большая часть читателей воспримет его как историю любви. Для этого есть все основания. Глубокое проникновение в мир чувств и переживаний героев романа, точная передача малейших нюансов их взаимоотношений. Страницы романа, рассказывающие о трагическом столкновении чувства долга перед семьёй и любовной привязанностью главной героини романа – Елены Михайловой, – никого не оставят равнодушным.

Лирический компонент романа весом. В этом несомненная удача автора, сумевшего передать и воспроизвести всю сложную гамму внутреннего мира человека, чувствующего и любящего. Этот момент следует особо подчеркнуть.

Нередко мы подходим к человеку, делая акцент на рационально-логической составляющей его облика. Безусловно, данный момент очень важен. Homo sapiens – человек разумный – вот почти общепризнанная формула человека. Но она обедняет его образ, придаёт ему «механистический» характер. Тот, кто руководствуется только логикой, может быть, и поступит рационально правильно, найдёт эффективное решение жизненной задачи. Но от него вряд ли стоит ждать готовности к самопожертвованию и подвигу ради своих близких и любимых. Мать, спасающая своё дитя, поступает так не потому, что ей это выгодно. Она не рассуждает, а просто действует по зову сердца. В этом величие человеческого духа, источник его силы.

Такое понимание человека и смысла его жизни доминирует в романе. Елена Михайлова – успешный учёный и организатор науки, менеджер «мирового класса». Она умеет «просчитать» всё. Но одновременно одарена способностью к состраданию и са-

моотверженной любви к ближнему, всегда готова прийти на помощь тем, кто в этом нуждается. Благодаря её трудам и заботам возвращается к жизни мать подруги Елены Михайловой.

Елена Михайлова не жалеет сил и времени, работая в Монастыре. Доктор наук и директор научно-исследовательского института с тютюком в руках – это не случайность, не занимательная прихоть и «показуха». Такова жизненная позиция и осознанный выбор самого автора романа. Отсюда убедительность всего сказанного в нём.

Вглядываясь в талантливый авторский замысел и его реализацию, задумываешься над тем, чему отдать предпочтение? Эмоционально-чувственной составляющей романа? Несомненно, это его сильная сторона. Роман сразу завладевает вниманием читателя, погружает его в стихию чувств, вызывает и смех, и слёзы. Он не оставит равнодушным даже самого зачёрствелого читателя. Разве можно спокойно воспринимать те места романа, где идёт речь о человеческой преданности и любви? Если учесть, что обо всём этом автор пишет на высокой ноте и предельно искренно, психологически точно, то дух захватывает!

Роман разворачивает перед нашим воображением целую портретную галерею лиц, каждое из которых – неповторимая индивидуальность. Они выписаны рукою большого мастера. Впечатляет то, как очерчен образ Любы, скромной и тонко чувствующей. А насколько отталкивающим и омерзительно-циничным выглядит в романе Виктор Павлович?!

Каждая сцена многогранного романа вызывает доверие своей реалистичностью, её видишь словно воочию. Восхищает умение автора воссоздать картины жизни недавнего прошлого, во всём многообразии его проявлений. За этим стоит не только владение словом, но и знание жизни, охватывающее как простой крестьянский труд, так и сферу научно-технической деятельности.

Роман наполнен запоминающимися деталями и подробностями жизнеустройства уже далеких для нас советских времён. Это свидетельствует о большой подготовительной работе, проведённой автором, свободно владеющим фактами истории страны и народа.

Язык романа красочен и передаёт все нюансы чувств и мыслей героев.

Можно ещё много хорошего сказать о романе. О том, напри-

мер, как удачно в нём сочетается «физика» и «лирика».

К сильной стороне романа следует с уверенностью отнести его динамизм. Действие в романе разворачивается столь стремительно, что при его чтении возникает желание даже как-то замедлить ход событий, приостановить бег времени. Автор не даёт такой возможности. Ему есть что сказать, и читателю остаётся с неослабевающим вниманием следить за тем, как порой незаметливо, а иногда неожиданно сложно ткнутся нити судеб героев романа, складывается картина их жизни. Она одновременно учит и возвышает. Ведь подлинное искусство всегда зовёт к вершинам, поднявшись на которые, мы видим дальше и понимаем больше. Такова сверхзадача романа, и решается в нём, на наш взгляд, вполне успешно.

И всё же сказанное о романе нельзя признать достаточным без рассмотрения его философско-религиозного аспекта, который просматривается на всём протяжении романа, но наиболее ярко и полно проявляет себя в той его части, где речь идёт о пребывании главной героини романа в Монастыре. Автор даровито показывает нам, какие тяжкие и мучительные раздумья овладевают Еленой Михайловой, пытающейся найти выход из глубокого морального и духовного кризиса, в котором она оказалась. Таким выходом для неё является Вера, свет которой, как пламя свечи, вначале слабо, а затем всё более ярко освещает и показывает путь, которым надо идти. Это путь к Богу. Только Бог способен принести облегчение и душевный мир.

То, как описывается жизнь Елены Михайловой в Монастыре, поражает воображение своей правдивостью. Образы монахинь – простых и скромных женщин, посвятивших себя служению Богу и людям, – оставляют неизгладимое впечатление. Без громких слов и пафоса они самоотверженно работают, проявляя в каждодневных делах такую чистоту помыслов и устремлений, которая не может не восхищать.

Под влиянием всей обстановки Монастыря, его особой атмосферы потерявшая душевный покой Елена Михайлова постепенно начинает обретать новые ориентиры жизни, уверенность в своих силах. Участие в церковных службах очищает её душу, окрыляет и укрепляет волю к борьбе.

Духовная эволюция Елены Михайловой, спасительная сила Веры её в Божий промысел показаны в романе очень наглядно.

Страницы, на которых говорится об этом, безусловно, можно отнести к самым лучшим. Под таким углом зрения, учитывая актуальность вопросов Веры в современном обществе, находящемся в глубоком духовно-нравственном кризисе, значение романа трудно переоценить.

Если такие книги, как роман Л.Лазор «Свеча судьбы», в наше время ищутся и находят своего читателя, то не всё ещё потеряно. У нас у всех есть будущее, за которое стоит бороться. Именно эту мысль автор отстаивает в романе со всей страстностью и искренней убежденностью, проявляя при этом не только литературный, но и проповеднический дар.

С романом не хочется расставаться. Слишком важны и интересны поставленные в нём вопросы. Как сложится жизнь главной героини романа Елены Михайловой? По каким жизненным дорогам пойдут другие действующие лица романа? Заслуживает продолжения начатый на страницах интереснейшего романа серьёзный разговор о Духовности и Вере, их значении для современного человека.

Поздравим же автора значимого романа Л.И.Лазор с несомненным большим творческим успехом! Пожелаем ей дальнейшей плодотворной работы и будем с нетерпением ждать выхода в свет третьей части романа.

Литературные аналитики
творчества Лидии Лазор:

**Политюк Б.С. , кандидат
философских наук, доцент**

**Одинцова М.И. , филолог
ВНУ им. В. Даля**

17.06.08 г.

Роман

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА I

Приехав в Москву, Елена не знала, в какой ей идти Монастырь. Ранее она ещё от мамы слышала о том, что в Москве есть Новодевичий женский Монастырь. И Михайлова решила поехать именно в него. Лена с великим трудом отыскала этот Монастырь. Но оказалось, что он закрыт ещё в 1922 году. И фактически с 1934 года является филиалом Государственного Исторического музея*. Храмы, которые были на данной территории, являли плачевное состояние. Служба в них не велась, хотя здесь их находилось несколько, и все они нуждались в ремонте, ведь шёл 1971 год. А в этот, как и в предыдущие годы, как знает читатель, Церкви, Монастыри и Храмы под любым предлогом правительством СССР закрывались, идеи духовности не приветствовались, а процветало коммунистическое насилие над всем и вся. И за христианские идеи людей отправляли до двадцати пяти лет в места лишения свободы, а то и приговаривали к высшей мере наказания – расстрелу. Народ был напуган жестокостью власти.

Но Елена душевно доведена была до крайности. У неё назревал нервный срыв. Она знала, что без Господней милости не обрести ей покоя. А это благо, возможно, она сможет вымолить в Монастыре. Поэтому страх психического расстройства взял верх над страхом власти и погнал её искать спасенья в Монастыре, где царит око вечности и Божье мировоззрение, которое при старании, через тернистый путь излечивает душу и даёт ей волю парить в свободе и чистоте отношений. И эти качества

* И лишь в 1994 году вновь был учрежден женский Монастырь. В день престольного праздника в 1995 г. в Смоленском Соборе, который находится на территории Монастыря, Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II совершил первую Божественную Литургию. См. Православная Москва. Справочник действующих Монастырей и Храмов – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во Братства Святителя Тихона, 1995. – с. 22-23.

очень хотелось приобрести Елене.

И Михайлова, набравшись смелости, подошла к работнице музея и стала её расспрашивать.

– Скажите, пожалуйста, есть ли где поблизости ещё женские Монастыри?

Люба, так звали ведущую исторического отдела музея, осмотрев Лену пронзительным взглядом, ответила:

– Есть... Но где они конкретно находятся, я не знаю.

– А что это за могилки на территории бывшего Монастыря? Вы бы не смогли ответить?

– Почему же?.. Отвечу. На территории Монастыря находятся могилы поэта Д.В. Давыдова, писателей М.Н. Загоскина, И.И. Лажечникова, А.П. Чехова, историка С.М. Соловьёва и его сына философа В.С. Соловьёва, генерала А.А. Брусилова и др. На новом кладбище, прилегающем к Монастырю с юга, похоронены Н.В. Гоголь, А.С. Хомяков, М.Н. Ермолова и многие другие деятели русской культуры, а также государственные видные руководители. А в Успенском, бывшем Монастырском Храме, похоронены женщины из царской и княжеской фамилии, в том числе великая княгиня Софья Алексеевна...

И вдруг Люба в ответе резко осеклась, вопросительно посмотрела на Лену и душевно спросила Михайлову:

– А почему вы про Монастыри расспрашиваете? Да и про могилки?

Елена от неожиданного вопроса несколько смутилась, но, посмотрев на открытый взор Любы, рассказала ей всю правду. Ведущая исторического отдела музея внимательно слушала Михайлову, не прерывала вопросы и лишь когда та закончила своё объяснение, сражённая Елениной трагедией, Люба спросила:

– А сколько вы думаете пробыть в Монастыре, если вдруг вам удастся его найти?

– Я и сама не знаю. Люба, в моей душе такая боль, она меня ест изо дня в день, как ржа железо, и я ничего определённо не могу сказать, когда же ко мне придёт облегчение... Да и сынишка Игорёк ещё маленький, как он там будет без меня...

Люба минуты две-три молчала, а затем, мило улыба-

ясь, сообщила:

– Я вам, Лена, немножко неправду сказала. Я знаю один женский Монастырь в нашей области, который назван в честь Божьей Матери. В нём трудится, где и приняла постриг в монахини, моя дальняя родственница, ей там дали имя – Александра. Я в том Монастыре несколько раз была. В этом Монастыре порядки очень строгие. Он существует полулегально и находится в глубинке, про него мало кто знает... Если хотите, Лена, то у меня скоро выходящей, и я могу вас в тот Монастырь отвезти.

– Конечно хочу, Любушка! Спасибо вам большое и низкий поклон. Вы так меня обрадовали. Век не забуду вам вашей доброты.

– Да ладно... Чего там.. Не стоит благодарности.. Я бы и сама ушла в тот Монастырь, да обстоятельства не позволяют. Мама парализована. Я у неё одна. А за ней нужен уход. Вы сейчас лучше ознакомьтесь с территорией Монастыря, музея, а я буду заканчивать работу, а то мне необходимо для директора подготовить отчёт на завтра. Как я закончу, то я вас приглашаю идти со мною домой, наш дом недалеко находится. Не возражаете?..

– Ой, что вы, Любушка! Спасибо сердечное! Конечно же не возражаю! Не знаю, как вас и благодарить... Вы мне такую надежду дали на спасение...

– Это не я дала, а Господь вас ко мне направил... Ну идите же... Идите... Вы пока можете зайти и посмотреть Храмы. Правда, они не действующие и очень нуждаются в ремонте...

Елена, радостная и окрылённая таким исходом встречи, пошла на территорию музея, зашла в Храм и увидела написанный маслом Лик Спасителя. Краски на иконе от времени поблекли, потрескались. На Образе еле просматривалось, где Господь благословляет обеими руками. На груди Его открытое Евангелие со словами: «Заповедь новую даю вам – да любите друг друга...» Далее слова Иисуса Христа прочитать совершенно было невозможно. Они словно были выведены каким-то раствором. И вместо них зияла размытая по стене серая дорожка.

В куполе Михайлова увидела ещё несколько написанных маслом изображений. Среди них она заметила Бо-

городицу, стоящую на воздухе, окружённую Небесными Силами и сияющую неизречённою славою со словами: «Радуйтесь. Я с вами есмь во все дни». Лена задумалась над этим выражением, стремясь понять всю глубину содержания. Но, как ей показалось, её разум не в силах проникнуться распаханностью души и впитать изложенное расцветом обращения Богородицы. И она подумала: «Это, наверное, от моего маловерия, безкультурия... Да и правда, ведь я так мало знаю Библию, а Святых писаний фактически никаких не читала. Может быть, мне повезёт и я в Монастыре, куда Люба мня отведёт, ознакомлюсь с Богословской литературой... А вдруг меня туда не примут?... Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, Богородица, помогите мне, простите грехи вольные и невольные. Я так нуждаюсь в успокоении души, в осмыслении происходящего, в укреплении силы духа, воли и в искуплении своих грехов... А то я не выдержу той боли, которая поселилась в моей душе и постоянно давит меня, словно плитой. Я знаю, Господи, Богородица, без Вашей помощи, я не справлюсь... И снова смогу наложить на себя руки или сотворить ещё что-то очень тяжкое...» Поток просительных мыслей, обращений в её душе к Спасителю, к Пресвятой Богоматери, пошёл лавиной и вызвал в ней слёзы горечи, раскаянья. В таком состоянии она не заметила, сколько пробыла времени и сколько бы ещё простояла. Но вдруг ход её мыслей, состояние души нарушил голос, который раздался сзади:

– Лена, ну куда же вы пропали? Я уже давно закончила работать, а вас всё нет и нет. Обошла могилки, ища вас, забегала в Храмы. Уже отчаялась и не надеялась вас найти, на всякий случай забежала сюда... И, слава Богу, здесь наконец-то вас нашла... Вы хоть знаете, который уже час?..

– Нет...

– Да уже восьмой час... Чем теперь мы уедем? Все автобусы уже прошли... Разве только в десять вечера будет ещё один рейс. Но на это время автобус то бывает, а то и не приходит... Поняла?..

– Поняла. Вы извините меня, Любушка, пожалуйста. Для меня здесь время прошло, как одно мгновение. Я и

не подумала, что уже вечер...

Люба посмотрела на Лену. В её взоре было столько растерянности, раскаянья, и в то же время взгляд её светился лучами солнца, являя ласку, свет, откровение и неопиcуемый восторг от познания или прикосновения к чему-то возвышенному и непостижимому, от чего так может светиться и ликовать душа. Потому и Люба как-то сразу обмякла, подобрела. И, устыдившись своей внезапной вспышки гнева, сказала:

– Ну ничего... Бог даст – доедем.. У Бога ведь всего много... Лена, я вон при возмущении, как вы услышали, назвала уже вас не на «вь», а на «ть». Как вы, не возражаете, чтобы мы перешли на такую форму обращения?

– Конечно, Любушка, нет. Напротив, мне уютнее и теплее, когда люди друг к другу обращаются на «ть». Официальность «выканья» отдаляет человека от человека, ставит между ними словно какой-то заслон. Поэтому, на мой взгляд, Господь не случайно, когда обращался к своим ученикам или к другим людям, даже к Матери Своей – Богородице, Отцу Своему, всегда говорил «ть», а не «вь». Так ведь, Люба?

– Да, правильно... Если честно, то и я именно так думаю. А кроме того, мы с тобой почти одного возраста. Тебе, Лена, сколько лет?

– В апреле тридцать исполнилось...

– А мне в июне – двадцать девять... Так что разница в возрасте между нами пролегла всего в один год.

Люба подошла к Лене, дружески обняла, и они, словно сёстры, пошли на автобусную остановку. Ведь как ни странно, но Люба чем-то походила на Лену. Она была такая же статная, имела пышный, слегка волнистый белокурый волос, правильные черты лица и была лишь ростом чуток выше Елены.

– Ну давай, Леноч, а то мы с тобой в разговоре расслабились и идём очень медленно, – ускорим шаг. А вон, посмотри, автобус какой-то идёт, может, он нас подберёт? Побежали...

И они во всю молодецкую прыть помчались к остановке. Автобус, как оказалось, путь держал в ту сторону, куда и им было необходимо ехать. Загъхавшиеся, но

радостные Люба с Еленой сели в автобус.

- Любушка, видала, как нам повезло...

- Это уж точно. Автобус этот проходящий, и он, как правило, пассажиров на этой остановке не берёт. А тут взял, да ещё мы с тобой и уселись на сидения, как барыньки. Бог даст – через часок-полтора будем и дома.

- Да?.. А что так близко Монастырь?

- Нет... Монастырь дальше. Но к нему никакой транспорт не ходит. Туда пешком добираются. Он в семи километрах находится от нашего села.

- А ваше село большое?

- В селе более тысячи домов.

- Ого... Немаленькое... А как же ты, Люба, из этого села выбралась? Ведь практически это невозможно...

- Я в Москве училась в институте на историческом факультете. Там же на втором курсе познакомилась с парнем. Он учился в медицинском институте, звали его Михаилом, жил он с мамой и папой в Москве. Имели они большую трёхкомнатную квартиру. На пятом курсе мы с ним познакомились. Его родители меня прописали к себе. И поэтому, имея московскую прописку, меня после окончания вуза распределили вот в этот Государственный Исторический музей, где мы с тобой, Елена, и познакомились...

- Люба, а почему в отношении своего Михаила и его родителей ты говоришь в прошедшем времени?

- Дело в том, что мой муж трагически погиб...

- Как?..

- Миша со своим отцом Антоном Ивановичем поехали в выходной день на дачу. Я тогда болела и не смогла им составить компанию. А мама, моя свекровь, Виктория Львовна, была в Ленинграде в гостях у своих дочерей-близняшек Веры и Нины. Поэтому Миша с папой поехали вдвоём, а так, как правило, мы всегда ездили на дачу вчетвером. Я очень люблю землю и с большим удовольствием занималась на дачном участке. И вообще мы жили очень дружно. Мишу я боготворила. Он такой был прекрасный: весёлый, добрый, красивый, трудолюбивый. Ко мне очень хорошо относился. Мне, как казалось, муж меня любил. И папа с мамой меня очень баловали,

словно родную дочь. Я в той семье жила, как в раю. Да счастье внезапно покинуло меня... Михаил со свёкром возвращались с дачи уже ночью. Их машину осветила «Волга», а тут из-за поворота выскочил грузовик, и Миша в него врезался... Смерть наступила мгновенно... Вот так погибли Михаил и Антон Иванович...

– А давно это случилось?

– Скоро будет шесть лет... Моя свекровь не выдержала такого одиночества и через год, обменяв московскую квартиру на ленинградскую, переехала жить туда, к своим дочкам...

– Где же ты живёшь?

– Как где?... У родной мамы. Хотя свекровь, душевная женщина, не оставила меня без жилья. Она вначале свою квартиру разменяла – на двухкомнатную и однокомнатную квартиру. И однокомнатную мне отдала, там меня и прописала. Я заезжаю в квартиру, но не очень часто, её временно отдаю порой студентам... А так приезжает частенько свекровь. Я её очень люблю, мне кажется, не меньше, чем родную мать. И раньше, когда она приезжала, то я непременно жила в той квартире, а домой не ездила. А сейчас, когда маму парализовало, Виктория Львовна частенько прибывает к нам в деревню. Так что у меня в дому, бывает, сразу живут две мамы.

– Люба, а родная мать не ревнует?

– Да что ты, моя маманя такая хорошая и разумная женщина, она к Виктории Львовне относится с большим уважением. Живут мирно и друг в друге души не чают. А я если покупаю что одной, то и другой непременно то же самое дарю. Вот и сейчас Виктория Львовна у нас. За мамой ухаживает... Мама почти не ходит, у неё отнялась вся правая сторона...

– Давно это приключилось? И отчего?

– Парализовало маму, вот уже скоро два года будет. А отчего? То я и сама не знаю. Мама много лет дояркой работала. На ферме сквозняки, холодно, труд тяжкий. Кормов для коров, помню, не хватало, и тут, к несчастью, сразу три коровы сдохли, так её после этого по судам затаскали, думали, что посадят. Да, слава Богу, обошлось. Но вскоре после этого маму парализовало.

– Любушка, а где твой отец? Ты прости, пожалуйста, что я всё тебе вопросы задаю..

– Ничего... Я же про твою жизнь сегодня многое узнала. Теперь черёд мой настал раскрывать тебе свою автобиографию, – улыбаясь добродушно, продолжала говорить Люба. – Отца моего, Петра Фёдоровича, убили в Великую Отечественную войну, так же, как и твоего, только не в сорок втором, а в сорок третьем году. Я у них одна была дочка. Моя мама родила меня в девятнадцать лет. Ей сейчас всего лишь сорок восемь годков. Молодая ещё моя мамуля, Романова Мария Ивановна, да вот парализована...

– Если позволишь, то я твою маму полечу...

– Да ты ж не врач, как же ты лечить будешь?

– Когда-то в детстве я маму свою лечила, у неё почти аналогичная была картина. Она не могла ходить, спину не могла ни согнуть, ни разогнуть. А лечила её я смесью, которую делала из керосина, капсина, нашатырного спирта и других растирающих средств. Купи это всё завтра и не будем откладывать. Я завтра вечером и начну... Люба, а когда мы в Монастырь пойдём?

– В субботу, то есть послезавтра. А завтра я непременно куплю все растирающие средства, о которых ты говорила. И ты попробуешь, коль изъявила желание растирать маму, авось получится. И моя мамуля будет ходить...

– Хорошо...

– Леноч, я с тобой за разговорами и не заметила, как быстро пробежало время, ведь вон уже показалась наша деревня. Смотри она у нас древняя..

Село размашисто разбросалось на большой территории, но садов просматривалось не очень много. На возвышенном месте стояла Церковь. Недалеко от неё протекала речка.

– Люба, а Церковь действующая?

– Нет... Её уже лет пятнадцать как закрыли. А в ней хранят зерно... Лена, смотри, вон третий дом справа – это наш. Ещё ничего, да?..

– Красивый. Чем-то напоминает мне наш дом, где я родилась...

А дом, действительно, был добротный. Срублен он из круглых брёвен, которые плотно через конопляную прослойку, прилегали друг к другу. Хотя брёвна уже от времени, дождя и солнца несколько почернели, чем придавали оттенок грусти. Зато железная крыша была покрашена тёмно-красной краской, а узорчатые наличники были покрашены в небесно-голубой цвет, что придавало дому светлую улыбку. Словно говоря: «Мы ещё поживём в роскоши и цветении, порадуем своих домочадцев и односельчан». И совсем рядышком возле дома с одной стороны росли две роскошные берёзы, а с другой – мощный, раскидистый дуб.

– Лена, смотри, эти берёзы и дуб сажал незадолго до войны мой папа. Им уже за тридцать лет. Мама в память об отце очень о них заботится. Раньше, если нет дождя долго, то она их поливала, подкармливала навозом, а теперь меня всё заставляет. Но я тоже с удовольствием за ними ухаживаю. Правда, берёзы роскошные?.. И дуб – богатырь!.. Дом от ветров защищает.

– Да.. Берёзы очень стройные. Недаром их сравнивают с девичьим прекрасным станом. А дубище какой могучий!.. Смотри, Люба, он точно крылатый исполин своими неотразимыми зелёными ветвями стремится дотянуться до неба и обнять его своей трепетной листвой.

– Похоже, что так.. Я в детстве любила на него залазить и раскачиваться на ветвях.. Лена, кажется, нас ждут. Вон в воротах двора стоит мама Вита.

Подойдя ближе, Елена увидела Викторю Львовну. Она была высокого роста, грузноватая, лет около шестидесяти, чёрные волосы густо проросли проседью, обрамляя красиво её высокий лоб. Чёрные глаза светились радостью встречи с невесткою.

– Люба, что же ты так сегодня поздно? Мы с Марией Ивановной уже беспокоиться стали.. Я вон уже третий раз всё выхожу за ворота тебя встречать..

– Ой, мамочка, зря вы беспокоились с мамой Маней.. Немножечко задержалась, правда..

– Ничего себе немножечко, на целых два часа.

– Зато я не одна пришла, а с Еленой.. Познакомьтесь.. Виктория Львовна с улыбкой протянула доверчиво

руку Лене, выражая всем своим видом расположение к пришедшей незнакомке, сказав:

– Виктория Львовна, а можно и просто тётя Вита...

– А я – Лена...

– Ма, Лена, познакомились?! Ну и чудненько, пойдёмте в нашу дорогую хижину.

И Люба бойко впереди Виктории Львовны и Лены пошла в дом. А Елену почему-то охватило волнение и страх. Она боялась, как её встретит мать Любы – Мария Ивановна. Но, как оказалось, переживания были напрасны. Мария Ивановна при знакомстве по-крестьянски, с открытой душой обняла и поцеловала Лену, говоря:

– Я вот, детка, ходить не могу, ноги совершенно не слушаются, а правая сторона вообще как не моя...

– Мария Ивановна, по поводу вас мы дорогой с Любушкой уже говорили. Я вот предложила ей набрать средства для растирания и обезболивания. Она завтра лекарства купит в Москве, а мы с вами вечерочком и начнём лечиться. Я свою маму от подобной болезни когда-то вылечила...

– Вот бы и мне освободиться от этих недугов, а то я Любу да и Викторю Львовну замучила. Ведь мало что делаю, а больше всего лежу. А дела всё они выполняют. В деревне без работы нельзя быть – не прокормишься...

– Мамуля, не горюй. Пропасть мы тебе не дадим. Давайте будем на стол накрывать да ужинать. Что, мамы, у нас сегодня на ужин?

– Я супу приготовила и картошечки пожарила, словно знала, что у нас гости будут, с капусточкой пирожков напекла.

И Виктория Львовна по-молодецки, с хозяйской хваткой накрыла на стол. Стол подтянули к кровати, дружно приподняли, посадив в кровати Марию Ивановну, она с трудом опустила ноги на пол, и все с аппетитом стали кушать. Во время ужина Люба коротко сообщила о том, что Елена будет жить у них и работать в Монастыре. Обе мамы, выслушав информацию, расспрашивать Лену и Любу не стали, а восприняли всё как должное. Поев, стол убрали на место, посуду помыли и стали готовиться ко сну. Лене постелили перину в пристройке в сенях. Она

почувствовала себя как когда-то дома, в своей деревне. Ей было тепло и уютно. Трещали сверчки, воздух, проникающий в маленькое окошечко пристройки сеней, был наполнен ароматом цветущих луговых цветов и трав. Дышалось легко. Мысли взметнулись памятью былых дней, которые живой картинкой предстали перед Еленой. И особенно образ матери – Александры Петровны. Лена очень скучала за мамой. Сегодняшняя встреча с этими двумя милыми женщинами – Марией Ивановной и Викторией Львовной – напомнила ей те тяжёлые крестьянские дни в родном селении, но наполненные маминской лаской, её вниманием. Поэтому невзгоды легче было переносить, о чём и подумала Елена. Но незаметно мысли рассеялись, на глаза легла тень усталости, которая отвлекла от воспоминаний, а также и от волнений встречи с завтрашним днём в сфере нового преломления жизненной ситуации, обстоятельств – и Михайлова забылась в крепком сне. Проснулась она, когда первые петухи давно пропели, ведь было уже около восьми часов утра. Елена поднялась, свернула перину, но не знала, что с ней делать, поэтому вошла в дом. Мария Ивановна, увидев Елену, дружелюбно сказала:

– Доброе утро, Лена. Как спалось на новом месте? Какие сны приснились?

– Спалось хорошо, Мария Ивановна, снов никаких не видела. Вот и проспала так долго.. А куда перину положить?

– Да пусть там лежит. Может быть, в обед захочешь отдохнуть, то и не надо будет расстилать..

– В обед, Мария Ивановна, я не привыкла расслабляться сном.. Вы лучше скажите, чем мне заняться?

– А что ты, Леночка, умеешь делать?

– Крестьянскую работу я, наверное, всякую могу делать. Ведь я до пятнадцати лет жила в деревне.

– Вначале, Леночка, надо позавтракать.

– Мария Ивановна, мы вчера так поздно поужинали, я ещё не проголодалась.. Можно я пойду и во дворе или в огороде поработаю?

– Ну коль хочешь помочь, то иди попригортай картошку. По-моему, там Виктория Львовна этим сейчас за-

нимается.

– Хорошо... Я тогда, Мария Ивановна, пойду к ней.

Лена, выйдя на приусадебный участок, увидела Викторию Львовну, подошла к ней, сказав:

– Доброе утро. Бог в помощь, Виктория Львовна.

– Здравствуйте, Леночка... Спасибо...

– Виктория Львовна, дайте и мне мотыгу, я тоже хочу поокучивать картошку.

– А я что буду делать? Эта мотыга тупая, а другой совсем нельзя работать...

– Брусочек есть?..

– Где-то был...

– Вы пока пойдите, поищите, а я тем временем поработаю. Захватите и тупую мотыгу – я её поточу.

Получив мотыгу, Михайлова, как в детстве, низко склонилась над картошкой и быстро стала её окучивать с двух сторон. Пока Виктория Львовна подошла к ней с мотыгой и брусками, Лена окучила большой участок земли.

– Ого, Леночка, сколько много ты уже сделала... Я бы полдня провозилась с такой работой.

– Да я же, Виктория Львовна, из крестьянской семьи. Мне эта работа привычная... Нашли брусочки?

– Еле нашла. Вот принесла все, какие в этом доме имеются.

Михайлова выбрала брусочек со средней зернистостью. Ловко приспособила мотыгу на камень и умело её стала точить. Минут через десять-пятнадцать попробовала пальцем лезвие тяпки, взяла брусочек с мелкой зернистостью и им довела мотыгу до хорошей остроты. Закончив процедуру затачивания, отдала мотыгу Виктории Львовне, а сама стала приводить в рабочее состояние и вторую тяпку.

– Леночка, как же ты её хорошо наточила, мотыга сама теперь землю загортает вокруг картошки... Ишь ты, какая мастерица...

– Мне, Виктория Львовна, приходилось затачивать тяпок, кос, лопат и так далее много, ведь я росла в селе в многодетной семье, а с двенадцати до семнадцати лет жили мы с мамой и сестрой. Мама долго инвалидом вто-

рой группы была, пока случайно я её не вылечила. А мы с Тamarой, то есть моей сестрой, сами всё делали, поэтому я и умею. Отца ведь в сорок втором году на войне убили, так что помогать было некому...

– Видать, вы, Леночка, суровую школу испытания прошли?

– Да... Пришлось разное повидать...

Виктория Львовна почувствовала, что Елена не очень хочет рассказывать о своей жизни, и не стала ей больше задавать вопросы. А Елена взяла заточенную вторую тяпку, пошла окучивать картошку. Земля была мягкая и легко поддавалась рыхлению. И Лена быстро рядок за рядком окучивала картошку. И ей вторила Виктория Львовна. Однако после третьего рядка не выдержала такого темпа и жалобно сказала: «Леночка, я не могу уже, давайте отдохнём. Я вся запыхалась...»

– Виктория Львовна, да вы отдохните или вообще идите к Марии Ивановне, чтобы ей не было скучно. Я сама здесь управлюсь... Здесь работы на часа два-три...

– А ты, Леночка, завтракала?

– Да я ещё не хочу.

– Тогда, Лена, я пойду завтрак готовить.

– Меня, Виктория Львовна, раньше двенадцати часов не зовите. Пока не закончу эту работу, завтракать я не пойду.

– Так это, Лена, уже обед будет.

– Ничего... Аппетит лучше нагуляю.

Виктория Львовна не стала больше дискуссировать, а взяла свою мотыгу и пошла к дому. Она очень удивилась тому, как Лена работает. И подумала: «Любочка быстро тоже работает, но за Леной ей не угнаться. А что же мне для неё приготовить? Спросить надо у Марии Ивановны, она в этой части находчивей меня». Войдя в дом, Виктория Львовна в первую очередь сказала:

– Мария Ивановна, Леночка наточила мастерски тяпки и так ловко пригортает картошку. И просила её не беспокоить, пока она не закончит окучивать всю картошку. И что будем готовить?

– Давай, Виктория Львовна, молочной каши сварим, там же гречка у нас осталась?

– Ещё на раза два-три хватит. Надо Любочке сказать, чтобы она из Москвы гречки привезла да и вермишель купить не забыла. Мария Ивановна, а ещё, что будем готовить?

– Давай, Виктория Львовна, борщика зелёного сварим? Ведь яйца есть, щавель вон какой вымахал и сметанка имеется. Лена, наверное, любит такой борщ? А может, ты мне к кровати поставишь пахтульку* – я набью маслица. А то у нас его уже ничуть не осталось...

– Сметанка уже подсобиралась. Я сейчас, Мария Ивановна, всё принесу, а вы к обеду и собьёте масла.

Виктория Львовна пошла и опустилась в погреб, который в темноте горел весь гнилушками, собрала с глиняных горшков, в которых было молоко, вершки (сметану), прихватила кувшин накопившейся сметаны, все содержимое вылила в пахтульку. И Мария Ивановна, с трудом опустив ноги на пол, начала сбивать масло. А сама она направилась в огород, там нарвала зелёного лука, щавля. Потом во дворе набрала мелких дровишек, подложила их под треножник, на него поставила чугунок и начала готовить завтрак. И обе хозяйки успешно и дружелюбно стали заниматься каждая своим делом. Работа у них ладилась. Мария Ивановна методически левой рукой сбивала сметану. В сметане через час-полтора уже начали появляться маленькие кусочки масла, а из кухни стал доноситься запах зелёного борща и молочной гречневой каши. И мама Маня вскорости услышала голос Виктории Львовны.

– Мария Ивановна, уже время скоро двенадцать. У меня всё готово, а нашей работницы всё нет. Я пойду Лену приглашу уже не на завтрак, а на обед.

– Да, Виктория Львовна, конечно... Надо звать Лену. Я уже и сама как-то чувствую себя неловко. Мы с тобой с утра хоть чайку попили. А она до сих пор ничего не ела.

Мама Вита, вымыв руки, вытерла их стареньким полотенцем, поспешила в огород. А там как раз Елена заканчивала окучивать последнюю бороздку картошки.

– Леночка, устала, наверное? Вон сколько много об-

* Продолговатый конический сосуд высотой около метра и стержень с резным кругом в виде зубчатого колеса внизу, при помощи которого из сметаны сбивается масло.

работала картошки.. Пойдём, наконец, кушать. Завтрак-обед уже готов. Проголодалась ведь?..

– Не очень, Виктория Львовна. Я к еде не очень жадная...

– Вот потому такая и худенькая.. Есть надо любить, а то ноги тело носить не будут.

Елена добродушно улыбнулась. Ей было приятно слышать речи этой обаятельной и ласковой женщины. В голове молниеносно пронеслась мысль: «Вот и мама когда-то так же приходила на пазымо*, чтобы нас с сестрой звать обедать или ужинать». И сердце защемило грустью. Пересилив себя, Лена поспешила закончить работу. Помыла руки, и они с Викторией Львовной пошли в дом. Сытно пообедав, помыв посуду, Михайлова не знала, чем заняться. До приезда Любы было много времени, ей не терпелось приступить к лечению Марии Ивановны, было очень горестно смотреть на её мучения. Лена подошла к Марии Ивановне, помогла ей покрыть голову платком, погладила ей парализованное плечо и руку, встретила с её взглядом и услышала: «Леночка, я ничего не чувствую..» И из её глаз покатались слёзы.

– Мария Ивановна, не расстраивайтесь.. Бог даст, вылечим.. А Люба когда приезжает с работы домой?

– Да, как правило, часов в семь-восемь..

– Сейчас ещё только два часа, чем мне заняться?

– А ты, детка, иди приляг.. Отдохни..

– Отдыхать я не хочу. Если можно, позвольте мне познакомиться с вашим селом.

– О чём речь? Конечно, можно! Только не потеряйся..

– Как именуется ваше село?

– Златоречье.

– Какое поэтическое, красочное название. Тут золото что ли добывали?

– Нет, Леночка, золота здесь, наверное, нет. А вот речка течёт чистая, и рыбка в ней водится. Она недалеко от нашего дома. Ты, если хочешь, пойдёшь погуляешь в ней.

– С удовольствием пойдёшь, Мария Ивановна, и погуляешь.

– Иди, иди, детка, день вон какой красный, вода в речке, наверное, тёплая.

* Приусадебный участок, на котором постоянно выращивали картошку.

ГЛАВА II

Михайлова вышла из дома, оглянулась со всех сторон, но никакой речки не увидела. Подошла к детям лет десяти-одиннадцати, спросив:

– Скажите, а где здесь речка?

– А вон.. Пойдёмте с нами.. И мы туда собираемся.., – указав вдаль, ответил белокурый мальчик.

– Хорошо.. Я с радостью с вами пойду.

И Лена в окружении трёх мальчишек пошла к речке. Действительно, речка была совсем недалеко. Она протекала за косогором, метрах в пятистах-шестистах от дома. Подойдя к речке, мальчишки с разбегу поньряли в воду. Лена постояла несколько минут на берегу, полюбовалась ими, как они все умело плавали, затем пошла по берегу в низ речки. Купаться она не стала, поскольку купальника у неё не оказалось, а заходить в речку без него она постеснялась. Затем села под иву, которая склонила свои ветви к воде, словно желая коснуться речки и вобрать её в свои объятия.

Вода в речке текла медленно, блестя в лучах солнца зеркально-золотистым переливом. Возле берега просматривалось каменистое дно, взывая своей чистотой и прозрачностью, что Елена не удержалась, приподняв платье выше колен, чтобы его не замочить, зашла в воду и пошла по мелководью. Кое-где она видела рыбу, которая мирно плыла, верша свою водную жизнь. Глядя на неё, Лена подумала: «Видать, каждому и всему есть своё назначение.. У рыбы своя жизнь, которая, вероятно, тоже складывается по-разному. Одни живут до своей рыбьей старости, другие, не успев набрать ещё своего полного роста и веса, попадают в руки ловца, обрывая свою жизнь.. И люди жизнь по своей воле, а может по промыслу Божьему или по своему бессердечию, или, напротив, бесхребетности, бездумью, или иным вросшимся качествам в судьбу и обстоятельствам проживают по-разному. Что же так у меня всё неладно получается? Почему я всё бегу от себя? А можно ли бежать от себя? Наверное, нет.. В душе моей такая неслаженность, такой беспорядок, такой дискомфорт. Я сбежала от сына,

мужа... И от этого очень тоскую и страдаю.. Боже, помоги мне собраться, быть устойчивой, единой с самой собой, в своих мыслях, избавиться от любви к Николаю..»

И вдруг тут же прошла молниеносно в её сердце мысль: «А вдруг без любви я очерствеву и стану бездушной, не способной понимать людей? Господи, я этого тоже не хочу. Ведь я мечтаю быть желанной людьми и любимым. А кто же у меня любимый?.. Муж? Нет!.. Я же лгу себе. Любимый всё же Снегирёв, который довёл меня до отчаяния, до нервного срыва. А за что я его люблю? За красоту?.. Так он уж не такой и красавец.. За ум?.. Так и умом он особо не блещет.. Так за что же?.. За ласку?.. Так и она ни столяр утончённая.. Так за что же он меня сводит с ума?.. Возможно, он является той частью, которая живёт во мне, и для меня она является жизненной необходимостью, без неё я стану другой.. Как это всё понять и разобраться в себе, в моей жизненной ситуации?.. Как?.. Боже!.. Помоги! Ниспошли в мой мозг просветление.. Научи, как мне поступить?..»

Лена от мыслей и вопросов, которые неожиданно обрушились лавиной на неё, брела по мелководью, а затем и не заметила, что уже по пояс зашла в воду, ступив ещё несколько шагов, она очутилась в воде с головой. Михайлова лишь тогда словно очнулась... Подняв вверх сложенные стрелой руки, с силой оттолкнувшись ногами от дна глубинной ямы, Лена выплыла на поверхность воды, проплыла метров пятнадцать, обнаружила мелководье и вышла на берег. «Так можно и утонуть... Что это я так внезапно задумалась и вошла в свой внутренний мир, его проблемы, да ещё идя по воде?.. Сколько это я пробрела по речке?»

Елена оглянулась назад, но детей не увидела. «Наверное, я очень далеко ушла. И деревни вон уже не видно. Ещё заблужусь... Не найду дом Романовых... Пойду назад по берегу, дойду до ивы, а потом поднимусь и стану идти тем же путём, что шла с мальчишками».

Так Михайлова и сделала. А пока она брела до заданной цели, то платье её высохло. Волосы, собранные в жгут, были ещё мокрые. Она освободила их из-под заколки, они золотистым покрывом легли на её плечи. Лучи

солнца словно игрались в них, переливая волосы светом огня в разливе роскоши цветущего луга.

Воздух был напоён запахами ромашек, васильков, медовухи, каши и другой душистой травы, отчего дышалось легко и благоуханно. На сердце у Елены стало спокойнее. И она, одухотворённая, подошла к дому Романовых. Здесь во дворе увидела Викторию Львовну, она собиралась идти по воду.

– Виктория Львовна, давайте я принесу воды. Для чего вода? Во что её выливать?

– Леночка, вода нужна и для полива помидор, огурцов и для коровы. Овечки тоже любят вечером, после соли попить. Я вон им сегодня солонца разбросала.

– А воду брать с колодца?

– Да. Вон в овраге есть пруд и колодец. Так скотину поить брать воду надо с колодца, а поливать можно воду брать из пруда.

Елена взяла два больших ведра, повесила их на коромысло и стала носить воду. Она шустро наносила воды полную кадучку*. Затем стала поливать огород, а тут и Люба пришла уже с работы.

– Любушка, а который уже час?

– Шесть.

– А Мария Ивановна говорила, что ты приходишь в семь-восемь..

– Я, Елена, сегодня отпросилась пораньше. Побегала по аптекам. Выполнила твоё задание. Вон смотри, целую сумку принесла разных растирок.

– Люба, неси мне большую бутылку, если нет, то хотя бы банку с крышкой..

– Леночка, в нашем хозяйстве большая бутылка имеется. Я сейчас, мигом.

Она пошла на погребницу, принесла запыленную стеклянную, зеленоватого цвета бутылку, помыла тщательно её и подала Михайловой.

– Елена, твоё волеизъявление выполнено. Вот тебе бутылка. Сойдёт такая посуда?

– Вполне. Только немножко надо бы подсушить её.

– Давай я её насажу на кол. Она мигом стечёт и на сол-

* Бочку.

нце высохнет. А сейчас пойдёмте ужинать.

– Рано же ещё, Люба.

– Ничего, а то я сегодня не обедала. Есть хочется, аж под ложечкой болит.

– Ну коль так, то пошли.

Мама Вита быстренько стала накрывать на стол, Лена и Люба ей помогали расставить тарелки, нарезать хлеб, лук. Дружно все сели за стол. Поужинали. Люба пошла поливать огород. Виктория Львовна взялась за прореживание и прополку моркови, а Лена, слив все растирки в бутылку, быстрыми движениями стала взбалтывать содержимое. Удобно разместив Марию Ивановну на кровати, намеривалась растереть её тело.

– Ну что, Мария Ивановна, начнём растирательные процедуры делать?

– Начнём, детка...

– Тогда, Господи, помоги нам в вашем лечении и дай быстреего вам выздоровления, чтоб ножки ваши ходили, спина не болела, рука и вся ваша правая сторона ощутила вновь своё первозданное состояние. Прости, Всевышний, нам грехи наши вольные и невольные. Даруй телесного освобождения от боли рабы Марии...

Затем осторожно налила в руку, сжав её корзиночкой, содержимое из бутылки, начала втирать лекарство в спину, плечо, ноги. Эту процедуру делала она долго. Тело словно выпивало растирку, спина слегка порозовела, стала тёплая, но парализованная часть тела не показывала признаков облегчения. Лена стала с большей силой массажировать, как когда-то своей любимой маме. И всё спрашивала: «Мария Ивановна, чувствуете от моих рук и массажа боль или теплоту?»

– Нет, Леночка, ничего не чувствую. Левая сторона вот горит... А правая – словно чужая, ничего не ощущает.

– Бог даст, Мария Ивановна, вылечим, заставим её нас слушаться... Освободим от боли. Давайте я вас укутаю хорошо... На ноги оденем бурки* меховые.

– Да у меня их, детка, нет.

– Тогда сейчас обуем валенки. А я постараюсь сегодня

* Сапоги.

вам бурки пошить. Вон, я гляжу, у вас овечьи овчины есть. Я из них и пошью. И швейная машинка, вижу, «Зингер» имеется...

- Ты, Леночка, шить умеешь?

- А что тут сложного? Я их уже шила лет в пятнадцать... Давайте я вас укутаю одеялом потеплее. Сердцем вы не страдаете?

- Да нет... Кажись, слава Богу, не болит...

- Вот и славненько. Вы так полежите насколько силы хватит, а я пойду покрою бурки. Да шить стану.

- Хорошо, Леночка... Спасибо большое... Вишь, какая ты додельница. Ты, наверное, швейёй работаешь?

- Приходилось... - уклончиво ответила Михайлова, достав с лежанки овчины, расстелила их на столе и выкроила высоту бурок во всю длину шкурок, чтоб бурки сумели в готовом виде согреть колени Марии Ивановны. Затем села за швейную машинку. Машина работала хорошо. Строчка под иглой не тянула. Игла уверенно пробивала мягкую кожу и ткань, приложенную сверху на неё. Прострочила семью дорожками подошву бурок и верх густо выстрочила, чтобы они не сжимались гармошкой при носке. Вместо замка встрочила петельки, в них вдела подготовленный из такой же ткани шнурок, чтобы он мог завязываться крестиком снизу доверху. Вверху бурок для красоты встрочила опушку меховую, рядом с ней прошла внутреннюю стёжку, в которую с помощью булавки вдела шнурок, чтобы при носке бурки не спадали вниз. И к одиннадцати часам вечера меховые сапожки были готовы. Довольная Михайлова пошла и надела их на ноги Марии Ивановне. Бурки получились славные.

- Леночка, да как же ты мой размер угадала? Прямотаки со всех сторон впору... Не жмут и не велики.. И высота чудная - хорошо колени укрывает.

- Да я, Мария Ивановна, взяла ваши туфли, вымерила по ним размер вашей ноги, а высоту бурок сделала по своим ногам. Мы же с вами одного роста.

- Вот мастерица-то ты какая, Леночка! Спасибо тебе сердечное, теперь носить их буду и днём, и ночью. Я почувствовала, что в них уютно ногам. Особенно левая нога,

что не парализована, она после растирки стала живее.

– Хотите я вам ещё немного порастираю?

– Да хотеть то я хочу, но уже поздно, а вы завтра с Любой в Монастырь собираетесь идти. Вставать надо рано, не успеете выспаться.

– Успею. Давайте, Мария Ивановна, вновь приступим к нашей растирательной процедуре.

И Михайлова, ловко сняв бурки с мамы Мани, начала втирать лекарство в парализованные части тела. На этот раз данное лечение проходило короче. Затем, напоив чаем с чистотелом, укутав Марию Ивановну, Михайлова успокоилась и пошла спать. Утром в пять часов все уже были на ногах. И каждый занимался своей работой. Ляба, подоив корову, погнала её вместе с овцами в стадо, Виктория Львовна готовила завтрак, а Лена вновь занялась лечением Марии Ивановны.

– Мария Ивановна, как вы себя чувствуете?

– Лучше, Любочка. Мои ноги всю ночь были словно в печке. Так им в этих бурках тепло. Мне кажется, что левая нога уже лучше стибается.

– Ну и слава Богу!.. Сейчас мы с вами вновь повторим процедуру исцеления. А вечером, когда я приду из Монастыря, мы вновь займёмся вашим лечением.

– Ой, Леночка, замучаю я тебя своими болячками..

– Ничего, Мария Ивановна. Эта работа неутомительная, она творческая, определяет цель и даёт надежду на решение нашей с вами проблемы. Так ведь?

– Детка, ты что-то мудрёно мне сказала.. В проблемах я ничего не понимаю..

Михайлова добродушно улыбнулась и добавила:

– Уж язык у нас такой богатый, а у нас с вами одна цель – вылечиться. Вот и всё.

– Это, Леночка, понятно. Мне так хочется встать на ноги и поработать. А то Любу я уже очень замучила.. Всё лежу, как бревно, день-деньской. Дочка каждый день встаёт ни свет ни заря и ложится за полночь. Спасибо Виктории Львовне, она, к счастью, приезжает и помогает нам выжить. Но только, к сожалению, на короткое время. У неё в Ленинграде дочери живут, а у них дети имеются. У Веры – Иван, у Нины – Виточка. Нина дочку в

честь бабушки назвала... Любят они свою бабушку, да и бабушка своих внучат боготворит, присматривает за ними. Правда, они уже большеенькие стали. Сейчас на море отдыхают. В августе их привезут сюда. Заговорила я тебя Лена, ещё раз спасибо большое за бурки и лечение. Вот милость—то Божья мне выпала, что я с тобой встретилась. Я так рада, что ты будешь жить у нас... Кажись, Виктория Львовна тебя зовёт. Хватит уже, деточка, трудиться, вон руки как налились от растирания и красные, как у гусёнка лапки. Давай уж бурочки оденем..

— Хорошо, Мария Ивановна, заканчиваю растирать... Сейчас сапоги-скороходы вам одену, укутаю, как младенца, и отдыхать заставлю. Пусть ваши косточки и тело не капризничают, а в тепле расслабятся и здоровеют.

— Ой, Леночка, какая же ты ласковая! Я с тобой познакомилась лишь позавчера, а душа к тебе распахнулась, словно к родной дочке.

— Спасибо, Мария Ивановна, за добрые слова. Вы меня ими смущаете... Отдыхайте... Вон и Любушка пришла... Побегу одеваться.

— Да вы позавтракайте. И пусть же Виктория Львовна вас покормит, да и в дорогу вы с собой еды возьмите, а то путь далёкий и день большой силы потребует. Надо идти семь километров туда да семь от Монастыря.

— Мама, как ты себя чувствуешь? — ещё с порога, видя, что мать не спит, спросила Люба.

— Уже лучше, дочка. Леночка меня вновь всю порастирала.

— Заморила, кажется, ты её..

— Да... Наверное...

— Нет... Люба, что ты такое говоришь? Мне совершенно не составляет эта процедура никакого труда. Не смущай Марию Ивановну. Пойдём лучше уже в Монастырь.

— Пойти—то пойдём. Однако давай вначале покушаем..

— Правильно, дочка, и я как раз об этом говорю Леночке, да в дорогу возьмите еды. И для Монастыря прихватите муки и картошки..

— Хорошо, мама, возьмём. Часов в девять—десять нас ждите.

Закончив все приготовительные работы, Люба с Ле-

ной отправились в Монастырь через овраг и прямо вышли на лесную дорожку, которая зовущее цветным ковром простиралась вдаль, увлекая за собой спутников своей красотой.

– Люба, смотри сколько разных цветов! Ну прямо как в дендрарии. Я уже давно не видела такой роскоши. У нас в Донбассе тоже есть цветы, но они не такие сочные и разнообразные.

– У нас, Ленок, и лес ничего. Вон какие гиганты стоят. Ведь климат у нас, как ты знаешь, умеренно континентальный. И самый тёплый месяц – июль. А сегодня уже семнадцатое число... Вот люди да и вся растительность стремятся воспользоваться теплотой данного месяца и взять от него всё благо, которое дарует, как ты говоришь, нам Бог.

– Это не я говорю, Любушка, а это очевидно. Только надо быть внимательным, уметь видеть, слышать и мыслить. Ты же, как я полагаю, не веришь, что мы произошли от обезьяны? Дарвинская концепция совершенно надумана, она беспочвенна. Я полагаю, её лет через тридцать-сорок мир признает несостоятельной.

– Ой, Елена, я в политике не очень разбираюсь...

– Здесь, Люба, не политика, а идеология, притом порочная. Вот почему мы с тобой идём крадучись в Монастырь... Почему разорили все Храмы, Церкви? Почему людям не дают возможности в них ходить? Почему власть государства навязывает только свою идеологию, которая угодна ей? И давит всех и вся своим коммунистическим игом, а не даёт людям выбора – ходить в Церковь или нет. Да всё потому, что власть коммунистическая замешана на крови, лжи, бездумном и циничном убийстве. И если людям дать свободу выбора мировоззрения, ощущения, восприятия бытия жизни и осмысления собственного я, то народ уйдёт от подчинения одностороннему ненавистному строю. Его он свергнет, тогда и рухнет коммунистическая власть. Вот почему наша власть и стремится весь народ нашего государства держать как словно в одном большущем лагере, а провинившихся убивать или помещать в особые карцеры. И дарвинская концепция как раз запутывает мышление и со-

знание людей. Она отвечает интересам коммунистической власти, ведь Дарвин утверждал, что человек сотворён не Господом, а он явился в этот мир в следствие эволюционного процесса. А кто же создал ту обезьяну? И почему-то обезьяна за две тысячи лет как была обезьяной, так ею и осталась, и никакого видоизменения мир в ней не заметил. Ведь не изменились также и другие животные, они же не превратились в другие качества. А по его теории, если обезьяны переродились в людей, то и коровы, лошади, волки, собаки и другие животные тоже пройдут путь эволюции, и что?.. Они тоже станут похожи на людей?.. Чуть всё это, Люба!.. Мне стыдно от того, что нас забивают такой теорией. И люди от безысходности поддерживают эту умалишённую концепцию...

- Ленок, ты что так расходишься, я, конечно, разделяю твою позицию, хотя и не очень смысл в этой концепции. Но я тебя умоляю, не говори больше ни с кем на эту тему, а то упекут тебя, как ты сказала, в карцер или, чего доброго, ещё убьют... Стукачей же у нас, сама знаешь - тьма...

- Да знаю, Любушка. Мы ж с тобой вдвоём. Идём лесом, а лес даже и по теории Дарвина никогда не научится говорить. Так ведь?

- Так-то оно так.. Но выброси, Лена, ты эти мысли из головы. А то мне очень боязно за тебя... Поэтому очень прошу, не будь сама себе врагом..

- На душе, Любушка, что-то очень тяжело, вот я и не выдержала и дала волю своим мыслям, выпустила их из клетки смирения. За последнее время смирение меня стало покидать, а кротость, кажется, совершенно порастеряла. Может, в Монастыре её приобрету?

- Да, Лена... В Монастыре без кротости трудиться нельзя. Для послушницы смирение и кротость - необходимая духовная пища.

- Любушка, я боюсь, что не справлюсь, не выдержу режима и порядка, который введен в Монастыре...

- Выдержишь... В этом Монастыре, Лена, очень хорошая игуменья. Её зовут Анной. Она основательница Монастыря. Монастырь, правда, очень скромный. Власти же не помогают строить. Да они о нём практически и не

знают. В нём живут и работают, кроме настоятельницы Анны, ещё десять монахинь и схиархимандрит Тимофей. Прихожане его называют отец Тимофей, он службу здесь правит. Видишь? Вон уже и возвышается Монастырь, который посвящён Божьей Матери, он называется Благовещенский...

Действительно, впереди, метрах в ста, стоял Храм. Он был срублен из брёвен. Подойдя ближе, Елена по обе стороны дверей на стенах увидела две большие иконы, на них были нарисованы два Ангела со свитками. Тот, что на правой стороне, указывает рукою на слова: «Исходя, блюди опасно очи, слух, сердце и чувства твоя, храни трезвение и молитву Иисусову...» Другой Ангел держит высоко свиток со словами: «Идущу ти во святой Храм, отложи гнев, зависть, ненависть...» А над входной дверью изображена Богородица с воздетыми руками и большими буквами написано: «В Храме стоящи Славы Твоея на Небеси стояти мним: Благородие, дверь Небесная, отверзи нам двери милости Твоея».

Лена и Люба перекрестились и зашли вовнутрь Храма. На стенах Храма они увидели множество развешенных икон с изображением Спасителя, Божьей Матери, Серафима Соровского, Николая Чудотворца, Равноапостольной княгини Ольги, Апостолов: Петра, Павла, Андрея; Ангелов: Лидии, Нины, Веры, Надежды и ряда других икон, о которых Елена не знала. Вновь трижды перекрестившись, они подошли к свечному киоску, в котором находилась лет сорока монахиня, и Люба у неё спросила:

– Скажите, пожалуйста, где игуменья Анна? Можно ли с ней пообщаться? Нам это очень необходимо. Вот Лена специально приехала из Донбасса и хочет здесь поработать в качестве послушницы.

– Вы здесь побудьте, а я сейчас сбегая к матушке Анне.

И минут через пять-семь к ним подошла монахиня с настоятельницей Храма Анной. Она была лет шестидесяти, с живыми и жизнерадостными глазами, худенькая, среднего роста. Но чувствовалось, что тяжёлая, постоянная работа и заботы Храма наложили на неё отпечаток усталости и тревоги.

- Кто тут меня хочет видеть?
- Это мы, матушка Анна.
- Тогда пойдёмте ко мне в мой кабинет.

И быстренько повела Лёну с Любой в дом, в котором находился её кабинет. Кабинет был маленький. В углу и на стенах виднелись иконы. Рабочий стол был сбит из плохо обработанных досок, до половины покрытый старенькой клеёнкой. Здесь же находилась и маленькая печка, сложенная из кирпича. Виднелась перегородка, а в неё вела дверь. Но вместо неё висела занавеска, за перегородкой находилась комнатка два на два метра, которая служила игуменье спальней. Видно было, что настоятельница жила очень скромно, о чём и подумала Елена. Но чувствовалось, что такая скромность не угнетала матушку Анну. Она добродушно пригласила пришедших присесть на табуретки и спросила:

- Ну рассказывайте, что вас привело к нам?
- Я, матушка Анна, привела свою подругу Лёну, она хочет послужить у вас в качестве послушницы.
- А что ты, Лёна, умеешь делать?
- Я, матушка Анна, в селе родилась, жила там до пятнадцати лет и умею выполнять крестьянскую работу: косить, дрова рубить, корову доить, хлеб печь, шить, пилить брёвна, ну и с другой деревенской работой справлюсь.
- Это хорошо, что справишься. А сколько ты, Елена, думаешь здесь пробыть?
- Да я точно не знаю. Ведь, матушка Анна, человек полагает, а Бог располагает..
- Это правильно.. Но всё же ты, вероятно, хотя бы приблизительный срок предусмотрела?
- Месяцев пять-шесть хотела бы у вас потрудиться..
- У нас, Лёна, здесь не совсем легко. Кроме Богослужения, нужно выполнять работу по хозяйству. А Богослужение проходит ежедневное – Литургия в восемь часов, вечерня, утреня в семнадцать часов, а сейчас вот летом – в восемнадцать часов. По воскресениям и великим праздникам – две Литургии в семь и десять часов, накануне всенощное бдение. Правда, кто работает на тяжёлых физических работах, то для тех имеются некоторые

послабления. Службой правят схиархимандрит Тимофей и протоиерей Василий.

– Матушка Анна, я буду стараться. Я привыкшая много работать.

– А по образованию ты кто?

– Я инженер... Имею степень доктора технических наук и звание профессора.

– Дети есть?

– Сын. Он с мужем живёт. Ему уже одиннадцать лет.

Игуменя внимательно посмотрела на Елену, хотела ей задать ещё вопросы, но видя, что та не очень склонна к раскрытию своего внутреннего мира, не стала больше спрашивать, подумав: «Позже по желанию сама всё расскажет...» А вслух сказала:

– Ну что, Елена, давай попробуем. Первые дни будешь выполнять разные работы. А там более конкретно определимся. Жить станешь вот в этом же домике. В нём, кроме этой комнаты, ещё четыре, но они побольше. В одной живут батюшки – Тимофей и Василий, а в остальных матушки. Я тебя поселю к матушкам – Ольге, Зинаиде и Ангелине. Тесно у нас очень. Заготовливаем лес, будем строить дом. Хочется, чтобы каждый здесь имел свою келью. Вы не обратили внимание на то, что мы уже начали его строить. Стены по кругу метра в полтора уже возвели. С Божьей помощью через год-два, может быть, построим наш желанный дом-гостиницу.

– Матушка Анна, а можно я пока ночевать буду у Любы? У её мамы парализована правая сторона. Я начала растирать Марию Ивановну. Мне очень хочется её вылечить. И в течение месяца я хотела бы её утром и вечером растирать, авось поможет. Я буду стараться не опаздывать на службу и выполнять задание по Храму.

– Ну коль тебе, Лена, так хочется, то это благое намерение, грешно тебе в этом отказать. Ходи и ночуй у Марии Ивановны. Я её хорошо знаю. Она раньше частенько нам помогала и на службу приходила.

– Вот, матушка Анна, она вам передала муки и картошки!

– Спасибо ей большое передайте. А сейчас пойдёмте, я проведу Лену в её комнату.

И они втроём зашли в комнату. В ней оказалась только Ольга, которая забежала на минутку, чтобы взять ведро. Она спешила наносить воды для коровы.

– Матушка Ольга, а у нас пополнение. Это Елена, познакомьтесь. Она будет жить вместе с вами. Её вот тоже возьмёшь с собой и всему станешь учить, то есть пока будешь её начальником.

– Хорошо, матушка Анна, – улыбаясь, ответила Ольга.

– Но ночевать она пока будет в Златоречье, там работа у неё не закончена, чтобы её пораньше отпустила. Поняла?..

– Да, конечно..

– Ну вот и всё.

– Тогда, матушка Анна, мне можно сейчас идти с Ольгой?

– Можно, идите и трудитесь.

– И я с вами пойду. Можно? И что мы будем делать?

– Тебе, Люба, дадим лёгкую работу. Будешь воду носить, а мы с Еленой пойдём в лес – попилим. А ты воды наносишь и приходи к нам, помогать станешь.

– Договорились.

Люба взяла ведро и вышла. С нею ушла и матушка Анна. А Ольга спросила Лену:

– А у тебя рукавички есть? Ты же городская, гляжу. На руках вон мозолей не вижу.

– Нет, Ольга, у меня рукавиц, но я и без них обойдусь.

– Тогда пошли. Может, наряд попроще оденешь?

– Это можно.

Елена одела платье в горошек, а юбку и кофту повесила на шест. Затем, взяв пилу и топор, они пошли в лес. Там стали выбирать ровные деревья и их пилить для строительства Монастырского дома. Не успели они спилить и одного дерева, как к ним уже подошла Люба.

– Ну как идут дела?

– Нормально, уже заканчиваем пилить это дерево. Сейчас поможешь его валить. Кажись, пилу уже надо вынимать. Давай, Люба, тяни пилу на себя.

Вытащив пилу, они втроём стали валить дерево против себя. Дуб затрещал и ружнул на землю, оставив на

пеньке часть недопиленного ствола. Лена взяла топор, умело стала рубить с дерева ветви. Затем они отпилили ненужную часть – верхушку дуба. После этой операции точно таким же образом они приступили пилить второе, третье, четвёртое дерево. И тут Ольга скомандовала:

– Девчата, на сегодня хватит, рабочий день закончен, пора на вечерню.

Служба шла около двух часов. Елена и Люба молились со всеми монахинями. В Храме были также человек пятнадцать с окрестных деревень. Службой правил схиархимандрит Тимофей. Елена в службе многое не понимала. Она не могла разобрать значение некоторых слов, поскольку они для неё звучали несколько необычно, и текст был далеко не знаком. Но она усердно молилась. Обращая взоры к Спасителю, Божьей Матери, прося их помочь приобрести покой души. Однако мысли её почему-то рассеивались, Лена не могла сосредоточиться. И душой находилась словно в каком-то вакууме. Молитвы скользили по оболочке вакуума, но не проникали в глубь души. Отчего Елена подумала: «Я наверное такая грешная, что молитва не осязается мной и не осмысливается. Надо внимательней вслушиваться в слова схиархимандрита». Но как она не напрягала своё внимание и не стучалась в душу, всё же той радости, которую она мечтала получить от службы, Лена не ощутила. Она стояла обескураженная и лишь механически крестилась. Это её очень напугало, она сникла, слёзы отчаяния потекли из её глаз. Стесняясь своих слёз, Михайлова украдкой вытирала их, шепча: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешную, помоги выстоять службу, облегчи мою душу, дай ей возможность, чтоб она раскрылась и услышала слова молитвы и осмысливала бы проводимую отцом Тимофеем службу». Лена видела, как прихожане прозрели, с распахнутым сердцем молились, припадая на колени. Она же то ли по стеснению, то ли от того, что бес не давал ей пройти душой к Богу, на колени не пала. Душа её стала словно рваться на части, появилось удушье. И она вдруг, как ей показалось, услышала в себе голос: «Чего стоишь, иди вон из Монастыря, я тебе здесь не дам покоя». Лена подумала: «А может,

кто-то это мне из прихожан сказал?» Внимательно посмотрев по сторонам, определила, что никто к ней не обращался, поскольку возле неё никого не было. Люба от неё была далеко, и она, как определила Михайлова, была всецело поглощена Литургией. Елене стало страшно, превозмогая себя, она стала шептать молитву «Отче наш». Первые слова произносила механически, но к середине молитвы почувствовала некоторое облегчение, содержание молитвы ею стало осмысливаться. И она несколько раз подряд прочитала ещё и любимую ею также молитву «Достойная есть». Затем, крестясь, говорила и другие молитвы до самого конца службы. Когда служба закончилась, Елена подошла к Ольге и сказала:

- Мне можно теперь идти к Романовым?
- Может быть, потрапезничаете с Любой?
- Нет, Ольга, мы пойдём дома поедим.

И они, не заходя в келью, пошли быстрым шагом к Романовым. Елена молчала, ей не хотелось говорить то ли от усталости, то ли, возможно, её томил то обстоятельство, которое перед ней раскрылось в Храме.

- Леноч, ты чего молчишь? Устала что ли?

- Есть немного... Столько всего нового и объёмного влилось в меня за эти четыре дня, что я не в силах всё происходящее осмыслить, - уклончиво ответила Елена.

- Тяжеловато тебе придётся. Ты себя, вон вижу, не совсем хорошо чувствуешь, поэтому давай я маму сегодня порастираю?

- Тебе, Любушка, надо ещё по этому делу экзамен на качество сдать, - смеясь, сказала Михайлова.

- Хорошо. С сегодняшнего дня я буду у тебя ассистентом. Договорились?..

- Договорились. Но тебя, Любушка, надо будет проверить ещё на биополе.

- Это какое ещё биополе?

- Самое простое... Будет Мария Ивановна чувствовать облегчение после твоего массажа и растирания, то значит есть биополе в твоих руках, а если не станет легче, то, Любушка, экзамена ты не выдержишь. Я знаю точно, что в моих руках есть биополе. Я это поняла, когда маму лечила. У неё, я же тебе говорила, спина не разги-

балась и ноги очень болели, что она на костылях лишь ходила, и я её вылечила. Затем я массажировала голову Веронике, у неё давление было очень высокое. И, к счастью, тоже вылечила. После одиннадцатого сеанса сестра почувствовала облегчение, её давление нормализовалось. А до этого она в больнице лежала много раз.. Пока в больнице находится, то чувствует облегчение, но стоит после больницы недели две пройти, а особенно на погоду, Вероника пластом от боли лежала.

– Елена, так почему же ты со своими способностями врачом не стала?..

– Эта почему–то профессия меня не влечёт. Да и судьба под другим углом складывалась. Я свою трудовую деятельность начала с профессии токаря, а она способствовала развитию инженерной мысли. Вот я и поступила в политехнический институт. Затем училась в аспирантуре. После её окончания защитила кандидатскую, позже защитила докторскую диссертацию. Сделала в науке два открытия – одно по аэродинамическому сопротивлению крыла, а другое – по индукционной нагревательной установке для сквозного нагрева металлических заготовок перед горячей обработкой давлением.

– Видал, Леноч, какая ты у нас знаменитость. Ты, верно, имеешь большую волю? А кем же ты работала?

– Да какая же там воля.. У меня её как раз и не хватает, поэтому я и нахожусь здесь, а работала я директором научно-исследовательского института, Любушка, давай помолчим, то и вправду мне не хочется говорить. Полюбуюсь природой.

Люба поняла, что в жизни у Елены произошло что-то очень неординарное, о чём Елена не хочет говорить. И Романова подумала: «Видать, Михайлова многохватила лиха в своей судьбе. Что даже воспоминание о своей жизни причиняет ей боль: значит рана ещё живая и не затянулась временем». А вслух сказала:

– Да, Елена, действительно, природа наша очень замечательная. Этот лес вековой, многое повидал. Я в него люблю приходить, особенно весной, когда соловьи поют. А листочки на деревьях спешат одеть ветви своими ярко-зелёными пышными плащами.. И луга у нас здесь соч-

ные. Мы в школьные годы с одноклассниками не раз участвовали в сенокосе. Ворошили скошенную траву, метали её в стога, которые издавали невероятное благоухание. В обед я не раз, лёжа с открытыми глазами, вдыхала этот аромат, от него мне становилось мечтательно и сладко... И я рисовала свою жизнь в таких ярких красках...

И Романова сникла, остальной отрезок пути они шли молча, каждая погружённая в свой внутренний мир, который им подарила доля. Ведь у них уже был трепет, взлёт... И они уже обе почувствовали боль, которую преподнесла им судьба, освещённая её свечёй желаний, надежд, горьких разочарований. Но, дорогой читатель, как говорят в народе: «Жизнь прожить – не поле перейти». А у наших молодых героинь столько ещё дорог впереди.. И возможно, они вновь будут счастливыми?.. Почитаем роман, и мы с Вами познаем их пути... Ведь всему своё время...

Придя домой, Люба стала заниматься поливом огорода, а Елена возложенными самой на себя обязанностями врача и массажиста. Михайлова около часа растирала Марию Ивановну, стараясь где мягкими, а где и сильными движениями втереть лекарство в тело. Но ни рука, ни нога не несли облегчения, хотя мама Маня, радуясь большому старанию Елены, говорила:

– Леночка, кажется, рука уже шевелится и нога тепло чувствует. Значит, скоро побегу.

– Дай Бог, Мария Ивановна... Утром я вас вновь разотру, а днём старайтесь, как можете, сами растирать левой рукой больную руку и ногу и пытайтесь массажировать и голову, особенно правую часть.

– Хорошо, Леночка. А ты завтра в Монастырь пойдёшь?

– Пойду... Но я приду...

– Тяжело тебе, детка. Там наработаешься, и тут отдыха нет, да и идти четырнадцать километров. Может, я да Люба меня порастирает.

– Мария Ивановна, Люба как раз мне уже об этом говорила, но я ей и вам скажу, что стану ходить, пока вас не вылечу, а Бог даст – силы у меня хватит. И рассуж-

дать давайте по этому поводу больше не будем.

Мария Ивановна от строгого Лениного тона несколько внутренне сжалась, какой-то холод некоторого страха лёг на сердце, и она подумала: «Ишь, какая командирша. Видал, какой командный тон. У неё не послушаешься. Зато как старается помочь, верно, редкой души человек. Помоги ей, Господи. Видно, мучается. Что же её там в душе гложет, как бы ей помочь?» Долго ещё Мария Ивановна думала о Елене, желая разгадать её внутренний мир.

А Елена, закончив свою процедуру растирания, так же, как и вчера, закутала Марию Ивановну, одела на ноги ей бурки и заставила её лежать, сказав:

– Потейте, сколько силы хватит... Однако, если очень долго будете потеть, ну так часа три-четыре, то зовите Лябу или меня, чтобы мы вас переодели. Вот и всё, уважаемая больная, спокойной вам ночи, – с лаской в голосе, улыбаясь, сказала Елена.

– Спокойной ночи и тебе, детка. Ты же иди поужинай, а то уже скоро одиннадцать, а вы с Лябой всё ещё не вечеряли.

Люба, услышав слова матери, сказала:

– Наконец-то, а то я уже изнемогаю от голода.

– Ну чего же, Люба, ты ждёшь? Покушала бы.. Я бы и сама поела..

– Вдвоём, Еленушка, аппетит лучше. Давай скорей садись за стол..

Поев, Лена и Люба пошли спать. И вскоре забылись в крепком сне. А утром, вновь повторив процедуру растирания, Лена уже в шесть часов поспешила в Монастырь. И такая жизнь в доме Романовых продолжалась не одну неделю. Но дни бежали очень быстро, Елена не заметила, что уже наступила вторая декада августа. Душевное состояние потихоньку улучшилось. Единственное, что её беспокоило, так это молчание мужа. Прошло уже три недели, как она направила письмо Дмитрию, а ответа всё ещё не получила. И сегодня, улучив момент, она ему написала второе письмо.

«Здравствуйте, мои дорогие Игорёк и Дмитрий. Почему вы не отвечаете? Может быть, вы не разобрались с

адресом? И не знаете, куда слать письма?.. То я вам изложу его: Московская область, село Златоречье, Большая Чехловка. Романовой Марии Ивановне, а в скобках поставьте букву «М».

Мне здесь живётся неплохо, много работаю, состояние здоровья улучшается, очень скучаю за вами. Люблю, обнимаю и целую. Ваша мама и жена. 15.08.1971г.»

ГЛАВА III

Елена, запечатав письмо в конверт, задумалась над своей судьбой. Не такую Михайлова представляла себе жизнь в Монастыре. Здесь ей больше приходилось работать физически. Она очень мало, по её мнению, знала духовных писаний. В Храме молилась, но так ещё и не постигла последовательность службы и Литургии. И она подумала: «Завтра пойду к Романовым, слава Богу, состояние здоровья у Марии Ивановны уже лучше. Мама Маня уже встаёт на ноги, рукой берёт кружку и другие предметы, правда, скованность, медлительность движений ещё имеются, но облегчение существенное наступило. И поэтому буду к ним ходить через два дня, а в дни, когда меня не будет, путь растирает Люба. Я же буду заниматься постижением духовной литературы. Попрошу у отца Тимофея Библию. Ведь я так мало знаю, а ещё учёный...»

Вечером Михайлова пошла в Златоречье, зашла на почту, там бросила в почтовый ящик письмо и отправилась к Романовым. Мария Ивановна встречала Лену уже у ворот, с волнением спросила:

– Ты почему, дочка, задержалась?.. Выглядишь очень усталой. Вся уже выбилась из сил. Я тебя всю измучила. Спасибо тебе, детка, вот я уже не думала, что ходить буду, а сегодня, Леночка, я и картошку копала. Может, тебе уже не надо меня растирать. Отдохни, пожалуйста, от меня...

– Нет, Мария Ивановна, растирать вас ещё надо продолжать. И я обещаю дать себе отдых, буду ночевать в Монастыре, но с условием, что вы ежедневно также не менее двух раз утром и вечером станете проделывать ле-

чение. И Люба начнёт, да и вы сами по возможности будете совершать эту растирочную процедуру. А я к вам буду приходить через два дня.

– Обещаю, детонька. Я и сама буду часами тереть, да и Любочка станет. Она уже не раз тёрла.

– Зовите Любу, пусть она мне сейчас сдаёт экзамен.

Мария Ивановна быстро привела дочь с огорода. Елена поучительно стала наставлять Любу, как именно необходимо растирать и как делать массаж. Михайловой показалось, что Любаша достаточно успешно овладела этим процессом. И ей сказала:

– Ну что, товарищ ассистент, экзамен ты сдала. Теперь утром и вечером будешь проделывать эту работу, а я через два-три дня буду тебя подменять. Понятно? – улыбаясь, спросила Елена.

– Понятно, товарищ профессор, – в таком же шутиливо-ласковом тоне ответила Люба.

– Я теперь спокойна, имею талантливую ученицу, которая меня не подведёт, поэтому завтра я остаюсь ночевать в Монастыре. Согласна, Любушка?

– Нам без тебя, Еленушка, будет очень тоскливо.

– Но я же стану приходить.

– Приходи, доченька, приходи, – расплакавшись, сказала Мария Ивановна.

– Мама Маня? Чего это вы? Плачете?.. Я же приду.

– Я так, Леночка, к тебе привязалась, золотой ты человек, таких, наверное, больше и на свете нет. Спасибо тебе, родная, вылечила ты меня. Врачи вот семь лет меня всё лечили, в каких больницах я только не лежала! Какие уколы мне только не делали, а толку никакого... А ты вот простой растиркой да своим добрым сердцем меня на ноги поставила. Низкий тебе, родимая, поклон. Век не забуду твоего старания и помощи, которые ты оказала мне. Приезжай к нам в любое время, для тебя двери открыты всегда, ты мне стала как дочь. Правда ведь, Любушка?!

– Правда, мама, и я Ленусю полюбила как сестру. Мне тоже в жизни повезло.. Теперь, мамуля у тебя две дочки...

– Спасибо вам, Мария Ивановна и Любушка, за такие

сердечные и добрые слова. И я очень рада душой, что обрела вас. Господь, верно, милостью Своею меня обнял, коль я встретила таких прекрасных и светлых людей в очень сложный мой жизненный отрезок времени. Вы мне стали поддержкой и опорой. Не встретить я Любушку, которая, не зная меня, откликнулась на мою просьбу со всей своей душевностью.. Не помоги она мне в столь лихую годину – я не знаю, что бы было со мной сейчас..

И Елена резко встала, подошла к Любе, расцеловала её, а затем и маму Маню и расплакалась. Устыдившись своих слёз, она вышла в сени, затем, успокоившись, легла спать, довольная тем, что она сумела помочь Марии Ивановне и обрела людей с открытой душой и добрым сердцем. И вот она, разморенная трудом и радостными чувствами, быстро уснула. А утром, растерев Марию Ивановну, пошла в Монастырь и, как всегда, около семи была уже там. Подойдя к Ольге, Лена спросила:

– Оленька, что у нас сегодня за работа?

– Пойдём опять в лес и будем спиливать деревья для постройки нашего заветного Монастырского дома.

– Тогда я наточу пилу, а то она уж такая затупленная, да и топор заодно поострю – он тоже не лучше.

И Елена быстро пошла в старенький сарай, нашла там брусок, взяла пилу и топор, вышла во двор Монастыря, приспособилась возле пенька, который ей послужил рабочим местом, и, как заправский заточник, мастерски привела в порядок пилу и топор. И обращаясь к Ольге, которая находилась в глубине двора, крикнула:

– Ольга, я справилась. Пойдём в лес.

В лесу срезанных и обработанных с Монастырской меткой брёвен было много. Боясь, что их заезжие крестьяне могут украсть, Елена сказала:

– Ольга, брёвна надо бы снести или свезти в Монастырский двор, а то можем их и лишиться..

– Елена, не переживай. С Монастырской меткой их никто не возьмёт, да и лесник Максимыч за ними следит и их охраняет.

– А я помню, наш лесник нас гонял и всё забирал, да ещё за это штрафовал и всё грозился в тюрьму посадить.. Других и сажали, правда, это было восемнадцать лет на-

зад. Помню, мы с сестрой Тамарой набрали сушняка, а лесник и его у нас забрал и составил на нас акт. Мама платила штраф. А Дарюшина дядю Федю, что он срезал два дерева, чтобы их распилить на доски, лесник задержал и доложил в Сельсовет. Затем его судили и за это ему дали тринадцать лет тюрьмы.. А соседку, старенькую женщину, за сумку колосков приговорили к двум годам.

– Сейчас чуть-чуть послабление дали. И за колоски, если пособираешь их в поле, уже не дают тюрьмы. И лес разрешают выписывать. Настоятельница выписала около ста кубов. И ещё нам повезло.. Лесник очень набожный человек, и Максимыч сердцем старается помочь Монастырю, видя как мы бедствуем, он для Храма, но на своё имя, выписал двести кубометров леса. Вот его то мы и спиливаем. Так что не бойся.. Мы здесь с тобой ничего не воруем..

– А как же, Ольга, мы его вывозить-то в Монастырский двор будем?

– Не знаю, Лена. Тут мужики нужны, человек восемь-десять, чтобы бревно поднять и нести к Монастырю. Лошадь с телегой ведь здесь не проедет. Ну, Бог управит... Богородица не оставит нас в беде... Давай, Елена, перерыв сделаем. Ведь мы уже пять деревьев срезали и обработали, поэтому имеем право и чуток отдохнуть.

И она усталой походкой принесла сумку, достала хлеб-бушка и водицы. Дала один кусок хлеба Елене, а другой себе взяла, встав, они помолились и приступили к трапезе.

– Скромный у нас с тобой, Леноч, для такой работы обед получился.. Ну ничего.. Господь нас с тобой силой подкрепит. Да и до конца Успенского поста четыре дня всего осталось... Ты сегодня идёшь к Романовым?

– Нет.. Я пойду позже.. Мария Ивановна, слава Богу, почти вылечилась. Она обещала приехать на подводе с Любой на Успенский праздник сюда и помолиться Господу в благодарность своего исцеления.

– Это прекрасно, когда человек носит в своём сердце благодарение к Господу, Творцу, Спасителю нашему. Прошла, значит, Мария Ивановна без злобности путь испытания, что ей Христос ниспослал.. Бог ведь, Лена, нам

посылает иной раз тернистый путь, чтобы проверить нас, крепки ли мы верой к Нему. И если человек безропотно проходит, то явно, что для него уготовлен путь в Царстве Небесное. А это наивысшее счастье и смысл нашей земной жизни. Человек ведь рождается для вечности, да не каждый её получает... Так ведь, Елена?

– Наверное, так. Я, Оля, к своему стыду, очень мало знаю молитв, святых писаний, плохо очень разбираюсь в службе, мало что смыслю в Божественной Литургии. Ты мне расскажи хоть чуток про неё.

– Литургия, Елена, есть самое важное Богослужение, во время которого свершается Святейшее Таинство Причащения, установленное Господом нашим Иисусом Христом в четверг вечером, накануне крестных Его страданий. Умывши ноги своим Апостолам для показания им примера смирения, Господь воздал хвалу Богу Отцу – взял хлеб, благословил его, переломил и дал Апостолам, говоря: «Примите, ядите: сие есть Тело Моё, еже за вы ломимое». Потом он взял чашу с виноградным вином, также благословил её и подал Апостолам, говоря: «Пейте от нея вси: сия есть Кровь Моя Нового Завета, я же за вы и за многия изливаемая во оставление грехов». Причастив их, Господь дал заповедь всегда совершать это Таинство: «Сие творите в Моё воспоминание».

Апостолы совершали Святое Причащение по заповеди и примеру Иисуса Христа и научили христиан совершать это великое и спасительное Таинство. В первое время порядок и образ совершения Литургии передавался устно, и все молитвы и священные песнопения заучивались на память. Затем стало появляться и письменное изложение Апостольской Литургии. С течением времени Литургия пополнялась новыми молитвами, песнопениями и священными действиями, что нарушало в разных Церквях единообразие в совершении её. Явилась потребность объединить все существовавшие чины Литургий, внести единообразие в их совершение. Это и было сделано в четвёртом веке, когда прекратились гонения на христиан и христианская Церковь получила возможность приступить к благоустройству внутренней своей жизни. В это время Святой Василий Великий записал и

предложил к общему употреблению составленный им чин Литургии, а Святой Иоанн Златоуст несколько сократил этот чин. В основу этого чина была положена древнейшая Литургия Святого Апостола Иакова, первого Иерусалимского епископа. Поняла, Елена?

– Настало, Ольга, в голове некоторое просветление. Но ещё нет понятия, а какие же молитвы входят в Литургию? И не знаю совершенно о порядке Церковных Богослужений.

– Этот вопрос тоже разрешаемый. Я тебе сего дня дам Богослужебные книги Православной Церкви. А в них изложены и Божественная Литургия, о которой я тебе говорила, и молитвы, и каноны, и проскомидия, и порядок ведения Богослужения.

– Ой, как здорово! Я давно, Ольга, мечтала почитать эти книги.

– Ну всё... Пойдём, Елена, работать... А то мы с тобой несколько засиделись...

Они встали и снова до самого вечера спиливали деревья, обрезали тонкую часть, снимали кору, делали на них Монастырские метки. И к назначенному времени поспешили на вечерню.

Стоя в Храме, Елена усердно молилась... В её душе, по сравнению с первой службой, было спокойно, радость и умиротворение разливались в её внутреннем мире сосредоточением. Она вникала всем сердцем и душой в содержание тех слов, которые говорил схиархимандрит Тимофей, не замечая времени и не чувствуя усталости. А после службы и скромного ужина Елена взяла у Ольги обещанные книги и стала с жадностью их читать, не замечая того, что свет уже давно горит, уже наступило позднее время и Ольга, Зинаида и Ангелина собираются спать. Видя, что Елена так глубоко погрузилась в чтение, Ольга подошла к ней и сказала:

– Елена, пора спать.

– Оля, а можно я пойду в трапезную и там почитаю?

– Можно, но не на всю ночь. Завтра у нас тяжёлый день, пойдём вновь спиливать деревья.

Елена, примостившись в углу небольшой комнаты, так называемой трапезной, с великим интересом читала

Историю Церковного Устава. Эта книга настолько ее захватила, что она не заметила, как наступил рассвет. Видя, что уже дневной свет заглянул в окошко, Михайлова, помня наказ Ольги, быстренько закрыла книгу и побежала в свою келью. Тихонько пробралась к своей кровати, легла, но так и не уснула. Прочитанное в ней осмысливалось новизной восприятия и глубинного отношения к Церкви, к Библии. Елена очень желала читать книгу дальше. А спать ей совершенно не хотелось. Она лежала с закрытыми глазами, пытаясь уснуть, но так и не смогла. А вскоре монахини, в том числе и Ольга, Ангелина и Зинаида, стали собираться в Храм. Елена тоже быстро поднялась и пошла с ними на утреннюю службу...

ГЛАВА IV

Жизнь в Монастыре для Елены была очень насыщенной. Она много читала и глубоко познала Библию, Жития святых, а также и о духовной жизни отшельников, пустынников. И ей многое раскрылось об аскетической жизни монашества. Она поражалась стойкости монахинь, проживающих в этом Монастыре, их нравственной духовной силе, величайшему подвигу духовного служения миру. Сравнивая их с собой, Елена бранила себя за слабость. И как-то, идя вместе с Ольгой на луг, чтобы там метать сено в стожки для своей Буренки, она спросила:

– Скажи, пожалуйста, Ольга, многие ли могут быть монахами?

– Монашеская жизнь, уважаемая Елена, есть удел только немногих избранных, имеющих призвание, то есть непреодолимое внутреннее желание иноческой жизни, чтобы всецело посвятить себя служению Богу. Как и сказал о том Сам Господь: «Кто может вместить, да вместит». Вступающие на путь монашеского жития должны иметь твердое решение: отречься от мира, то есть отказать от всех земных благ и интересов, развивать в себе силы духовной жизни, во всем исполняя волю своих духовных руководителей, отказаться от своего имущества и даже от старого имени. Монах или монахиня бе-

рет на себя добровольное мученичество: самоотречение, жизнь вдали от мира среди труда и лишений. Ведь цель монашества – приобретение нравственной духовной силы для спасения души. Иночество есть в своем содержании величайший подвиг духовного служения миру. Монашество охраняет мир, молится за мир, духовно окормляет его и представляет за него, то есть совершает подвиг молитвенного заступничества за мир..

– Ольга, а какое имя тебе от рождения дали?

– Мама при рождении меня назвала Татьяной.

– А ты давно стала монахиней? И если можно, расскажи, почему ты приняла обет монашества?

– О, Лена, это длинный разговор.

– Оленька, но хоть вкратце расскажи.

– Мой путь к монашеству, Лена, не очень простой. Дома родители никак не приветствовали моё желание идти в Монастырь. А я иной жизни себе не представляла. Я ещё в детстве мечтала жить в Монастыре. У меня огромная была внутренняя потребность ходить в Церковь, молиться, поститься. Жила я с родителями в Казани. Папа работал начальником цеха крупного завода, а мама – учительницей. Оба коммунисты, закоренелые атеисты, а я их прошу, чтобы они мне позволяли ходить в Церковь. Ясно, что они меня не отпускали. Впервые, когда мне исполнилось одиннадцать лет, я тайно от них пошла в Церковь и постоянно по воскресеньям посещала службы. Так это продолжалось месяца три. Но потом родители узнали, отец меня крепко побранил и строго-настрого приказал, чтобы я Церковь обходила стороной. Где-то месяца четыре я терпела, а потом опять тайно пошла в Церковь. Узнав, отец меня побил.. И родители начали за мной очень строго следить. В школу стали провожать и из школы встречать, на улицу тоже меня не пускали одну. Но так было не долго.. Я от родителей сбежала.

– А где же ты жила?

– Где придётся.. И на вокзале ночевала, и под открытым небом. Однажды пришла в Церковь и рассказала всё отцу Александру о том, что я очень хочу ходить в Церковь, а родители не разрешают, и поэтому сбежала из дома. И просила отца Александра мне помочь в этом деле.

Отец Александр, помню, удивился и меня спросил:

– Давно ты, дитё, из дома ушла?

– Дней двенадцать прошло, – еле слышно ответила я ему.

Услышав это, отец Александр схватился за голову и говорит: «А у вас есть дома телефон?»

– Есть, – отвечаю я ему. – Только вас прошу, вы им не звоните, а то они меня посадят дома под замок, и я тогда не смогу в Церковь ходить.

– Танечка, я тебе обещаю помочь, но только пойдём позвоним родителям. А то они небось все извелись душой.

Я нехотя согласилась. Отец Александр им позвонил, вскоре папа с мамой приехали. Меня забрали, но и отец Александр поехал с нами. Долго он с родителями говорил, всё убеждал их дать мне возможность, чтобы я ходила в Церковь. Родители не соглашались. Тогда я им сказала: «Если не отпустите, то я уеду в другой город и там буду ходить в Церковь».

– Родители, ну что же вы так глухи к дочке? Значит, у неё душа так просится в Храм и не может жить без Церкви. Отпустите вы её, ради Бога, а то ведь потеряете дочь. Может, где в деревне у вас родственники живут? Отправьте её туда, пусть там в Церковь ходит..

Родители долго не соглашались, но в конце концов всё же отвезли меня в деревню к дальней родственнице, где была Церковь. Женщину эту звали Вера Петровна, она была верующей, очень хороший человек.. Я у неё прожила шесть лет, пока там не закончила школу. Затем с её помощью вот попала сюда, в этот Монастырь, и здесь уже живу девять лет.

– А ты счастлива? Ты не раскаиваешься в избранном пути?

– Ну что ты, Лена? Конечно же, нет! Я очень рада, что живу в Монастыре. Моя душа здесь очень уютно чувствует. Служить Богу – это моя наивысшая и наиглавнейшая цель. Я к этому долго шла. И другой жизни я не приемлю.

– Ольга, ты точно Богом избрана, коль имеешь такое непреодолимое внутреннее желание всецело посвятить

себя служению Богу.

– Не знаю, Елена, избрана я Господом или нет... Одна-ко жизнь Монастырская – это моя свеча судьбы, и я никак не хочу, чтобы она загасилась.

– А я вот, Ольга, получила нервный срыв, и душа моя вся изметалась и изболелась, что я не выдержала и руки на себя наложила. Да Господь пожалел меня всё-таки, смерть отвёл.. Я замужем, имею сына одиннадцати лет, мужа не люблю, а к сердцу припал женатый мужчина. Он имеет троих детей. Он настаивает, чтобы мы с ним поженились, а я не хочу, чтобы он осиротил детей, сама же люблю его до безумия... Вот и живу между молотом и наковальней, вся извелась, хоть достигла в жизни многого. Я – доктор технических наук, профессор, работала директором научно-исследовательского института, а счастья и покоя нет. Поэтому я, грешница, сюда и приехала, чтобы помолиться и испросить у Господа силы, которая бы помогла мне справиться с собой и принять правильное решение...

Сейчас как будто бы душа у меня, Ольга, успокоилась, я чувствую в себе некоторую стойкость, но не уверена, что излечилась полностью. Монастырь, Церковь способствуют формированию нравственной духовной силы. С Богом можно избежать ошибок, да власть нашего государства непременно стремится втолкнуть нас в жернова греха. Коммунистическая бесовская сила словно ослепла и не может понять, что Бог, Церковь – это спасительный оплот, который может защитить от беды и горя, когда душа не избежала соблазна и впала в греховную рутину.

– Лена, а в городе, где ты живёшь, почему ты не ходишь в Церковь? Там что, Храмов нет?

– Есть, Ольга. За то, что я ходила в Церковь, стукачи в обком партии написали и в КГБ, там меня разбирали и так унижительно, как школьницу, бранили, поливая нещадно грязью... Спасибо, нашлись два сердечных человека. Они и помогли меня выгнать из этой рутин. Вот поэтому сюда я и приехала, чтобы здесь в глубинке побыть и помолиться вволю Господу.

Большое спасибо тебе, Оленька. Ты так меня поддер-

живаешь, участвуешь в моём духовном просветлении и многому меня учишь. Твои духовные книги помогли мне глубже осмыслить жизнь. Ты, как старец, терпеливо стучишься в мою душу, чтобы снять с неё страдания. Кстати, Ольга, а ты имеешь духовного отца?

– Имею, схиархимандрита Кирилла! Он великую духовную силу, Лена, имеет. Очень многое знает. Господь ему многое открывает. Находится он в Мукачево, в Закарпатье...

– Ольга, а он не говорил, этот строй, что сейчас у нас в стране существует, когда-нибудь рухнет?

– Ничего, Леночка, в нашем мире постоянного нет, – уклончиво ответила она.

– А мне, Ольга, мама, Царствие ей Небесное, под великим секретом ещё в детстве говорила, что в восьмидесятые-девяностые годы к власти придёт Михаил меченый. И он разрешит людям ходить в Церкви. Начнут Храмы и Монастыри строить и никакого гонения на верующих не будет. И вскоре распадется СССР и коммунистическое насилие исчезнет, причём неожиданно и в короткое время... Ей об этом говорил старец... Да до этого времени так еще много воды утечет... Ведь идет пока только тысяча девятьсот семьдесят первый год, значит ждать ещё не менее пятнадцати-двадцати лет... Люди за такой срок ещё больше к Богу очерствели. Коммунистическая идеология совершенно людей забьет своей бездуховностью. Надо будет чтобы ещё не менее хотя бы двадцати лет прошло, чтобы люди смогли осмыслить и выйти из коммунистического мировоззрения, а точнее – бесовского порабощения. Ольга, это же надо додуматься до того, что за веру в Бога сажать людей в тюрьмы?.. А в лучшем случае – увольнять с работы. Какая дикость!.. И это вершится не в первом и не в средние века, а в двадцатом веке..

– Елена, успокойся, за наши грехи Бог допустил такой беспредел. Ведь сами же люди в семнадцатом году срывали с Церковью колокола, рушили Храмы, топтали иконы Спасителя. Они сами распахнули двери для бесовщины, следовательно – для своего горя и беды. Так что пенять на лихолетье, мракобесие люди, в первую очередь, должны на себя. Но Бог милостивый. Он сжалится

и даст вновь народу возможность ходить в Церкви. Господь снимет гонение, и народ получит свободу в выборе дороги к Всевышнему. Но за своё великое грехопадение, которое совершили в семнадцатом году, должны нести наказание. Но время такое, о котором тебе в детстве говорила мама, Елена, придёт. Мне об этом тоже рассказывал мой духовный отец Кирилл. Так что крепись, ты сама ещё тому будешь свидетель...

– Дай Бог... Да старая я к тому времени, Оленька, буду...

– В любом возрасте, как говорит мой духовный отец, жизнь прекрасна, если не терять силы духа. А батюшке Кириллу сейчас уже восемьдесят лет. И он, слава Богу, ещё по-молодецки ходит, службой правит.

Ольга и Лена долго ещё вели друг с другом доверительную беседу. Лена из одиннадцати монахинь больше всего полюбила Ольгу. Она к ней словно прикипела душой. После каждой беседы с ней Елена становилась как бы радостнее, откровеннее, уверенней в себе. К ней и остальные монахини хорошо относились, поддерживали Лену в благих делах. Схиархимандрит Тимофей её исповедовал и причащал несколько раз. Но почему-то на исповеди так откровенно, как с Ольгой, Лена не могла раскрыться душой. Она то ли стеснялась, то ли дьявол не давал ей возможности освободиться от давящих чувств и впечатлений, чтобы в полной степени почувствовать облегчение. Но всё равно после общения с отцом Тимофеем Михайлова ощущала в своей душе свет, который освещал жизненный путь, взывая к осмыслению происходящего и вере в завтрашний день. Елена стала более уверенной в себе, глубже почувствовала зов стремлений, в ней стал пробуждаться интерес к более глубокой духовной жизни, но и в то же время к своей предыдущей работе. Она стала очень скучать по сыну. Ведь в Монастыре Елена уже трудится четвёртый месяц. Как-то игуменья Анна её спросила:

– Леночка, ты такая добросовестная, старательная, исполнительная, в тебе есть те качества, которые должны иметь монахи. Может, ты для себя в дальнейшем наметишь монашеский путь?

Для Елены слова настоятельницы Храма прозвучали несколько неожиданно. Она никогда не задумывалась над этим. И не совсем сразу нашлась, что ответить, а лишь в волнении произнесла:

– Матушка Анна, не знаю, что мне ответить на ваш вопрос. Я ещё в себе не разобралась. В Донбассе сын меня ждёт. Вчера письмо прислал, пишет, что скучает за мной, а он у меня ещё маленький. Как я вам говорила, ему всего лишь одиннадцать лет.

– Тогда, Леночка, поработай ещё хотя бы месяц, а там и домой можешь съездить. Сейчас надо к зиме подготовиться, этот месяц у нас очень напряжённый, а ты у меня незаменимый работник. Видать, Бог тебя ко мне послал, ты вон как сумела всё организовать и наладить работу в Монастыре и по строительству, и по хозяйству. Под твоим руководством ведь мы не только наготовили на весь дом брёвен, да сумели и заготовить и на сарай. Ведь старый сарай у нас рухнул окончательно. Спасибо тебе, Леночка, что ты, как плотник, так умело перебираешь его. Вот достроишь и поедешь домой, а то мы его без тебя до ума не доведём. Скоро уже снег грянет, а для коровы никакого укрытия нет. Замерзнет она под открытым небом. Ты уже, пожалуйста, Леночка, дострой. Я тебе с завтрашнего дня ещё в подмогу Софью, Лиду и Евдокию направлю.

– Хорошо, матушка Анна, я постараюсь всё сделать так, как вы сказали, то есть подтянуть всю работу до зимы...

Довольная таким Елениным ответом настоятельница направилась в свой рабочий кабинет, а Лена пошла заниматься своей работой. Усердно поработав до окончания рабочего дня, в восемнадцать часов она поспешила в Храм на вечерню.

Служба, как всегда, проходила трепетно, волнительно и с большой любовью была обращена к Спасителю, Пречистой Господней Матери и всем Святым.

На утренней службе в праздник Покрова Пресвятой Богородицы Храм торжественно отмечал событие, происходившее в давние времена в греческом городе Царьграде, о чём Елена знала из Святых писаний. И что случай

этот произошёл во Влахернском Храме. Именно в нём присутствовала и молилась о мире и о людях Сама Небесная Царица и осеняла молящихся своим святым омофором. Но это видение было доступно лишь блаженным Андрею, Христа ради юродивому, и его юному ученику Епифанию. А далее Михайлова познала из проповеди схиархимандрита Тимофея, который говорил:

– Божья Матерь посредствует между землёй и небом. Она ходатаица мира, возносящая наши молитвы к Престолу Сына Божия. Горе мира, грехи мира, скорби мира – это печаль для Божьей Матери. Она слёзно молится с нами и о нас. И как необходимо каждому верующему человеку помнить, Чьё сердце мы раним своими беззакониями и Чьими слезами омываются наши преступления. Вместе с тем необходимо помнить и другую утешительную истину: о том, что в сердце Божьей Матери достаточно места для каждого прибегающего к Ней человека, что Её материнская любовь – неиссякаемый источник радости, заступления и помощи для всех людей. В этом – великая радость и утешение для каждого грешного человека.

Елена долго размышляла над услышанной проповедью отца Тимофея. Ей было радостно и грустно. Тоскливо было оттого, что и она доставляет Божьей Матери печаль своей скорбью и роптанием, мало молится и не такая крепкая в вере, как бы она хотела быть. Хоть Елена очень старалась и делом, и словом, и молитвой быть благодарной Божьей Матери, но всё равно это было непро-никновенно и не так глубоко, как это делают монахини. Она видела, когда монашенки этого Храма молятся, то от их лиц, глаз излучается не подлежащий описанию свет радости и умиления. А она, как ни старается, такого состояния в себе не чувствует. От нахлынувшего чувства недовольства собой Елена расплакалась. Слёзы сплошным ручейком бежали по её скробоному лицу. И сквозь слёзы, обращаясь к Божьей Матери, она молитвенно, в стихотворной форме стала говорить слова, которые полились из её души:

***О приснодева! Ты выше
Ангелов,***

*Ты Пресвятая, главней
Архангелов!
Ты Богородица!
Владычица
И алчущих Ты
Кормилица.
Спаси и меня,
православную,
Укрой своей ризою
славною.
Защити меня от
злодеяния,
Молитвенного пошли
старания.
Воздвигни меня из глубины
грехов,
Помоги вооружиться чистотою
слов.
Не допусти творить неугодных
дел,
Чтоб во мне ларчик добра
не оскудел.
За мои грехи, прошу,
помолись,
За меня перед Богом Ты
заступись.
Богородица! К Тебе
припадаю
И на защиту Твою
уповаю.*

Закончив мысленно читать эту, родившуюся в её сердце молитву, Елена стала шептать акафист, посвящённый Владычице и написанный в честь Покрова Божьей Матери. Ей ещё хотелось постоять и помолиться. Но служба закончилась, и люди стали выходить из Храма. Она почувствовала неуютность, что остаётся одна, тоже вышла из Храма и пошла в свою келию. Взяв книгу «Жития Святых», начала читать о праведных Иоакиме и Анне – родителях Пресвятой Богородицы и о других святых и праведных. И с большим интересом познавала их судьбу, и, не отрываясь, она читала чуть ли не до вечерней службы. Ей очень хотелось познать жизнь людей, которые прошли тернистый путь. И Господь за их стара-

ние ниспослал им свою благодать и милость. Она поражалась их стойкости, воле, усердию, вере, с которой они шли во имя Иисуса Христа, не страшась лишений, мучений и пыток. И Михайлова подумала про себя: «Я такой и близко не смогу быть...»

Придя с вечерней службы, Елена почувствовала, что в душе у неё расстилается путь покоя. Но всё же волнение и необъяснимая грусть не покидали её истерзанного сердца. Она скучала не только за сыном, но и за сестрой Тамарой. От неё Лена уже давненько получила письмо, но всё, за неимением времени, не могла на него дать ответ. А сегодня у неё появились свободные минутки, и она написала:

«Здравствуй, моя дорогая и любимая сестричка Томочка. Я очень за тобой скучаю. Мне стало уже намного лучше, душевное состояние моё стабилизируется, во мне рождается вновь интерес к жизни. И скажу я тебе, Томочка, что я большая, вероятно, эгоистка, верно, возлюбила себя очень, что получился со мной такой нервный срыв. А смотрю, как здесь в Монастыре за нас, грешных, трудятся и молятся монашенки, то диву даюсь. Томочка, они спят в сутки по два-три часа, а остальное время всё в труде находятся и терпят такие лишения, и не ропщут, а совершают с упоением величайший подвиг духовного служения миру. Они полностью самоотреклись от внешнего мира. И приняли на себя добровольное мученичество ради людей, таких грешных, как я.

Но, Томочка, я тоже здесь всем сердцем стараюсь, хотя мне до них очень далеко. Они много трудятся, но словно и не устают, а я замертво падаю от усталости. Однако сплю тоже мало, стремлюсь с ними так же выполнять тот режим, что и они. Правда, настоятельница Монастыря матушка Анна говорит, что для таких, как я, уставлены в Монастыре послабления, поскольку я послушница, а не монахиня. Моею работой, как мне кажется, и мною здесь довольны. Я выполняю обязанности по строительной и общей части, являюсь как бы ответственной за состояние технической сферы Монастыря. Но хожу и в Храм я на все службы. В келии, где я живу, ночью монашенки тоже молятся, и я стараюсь с ними молиться,

но иной раз просыпаю, а они меня не будят. От чего наутро мне бывает очень стыдно.

Материальная сторона Монастыря очень плачевная, дохода неоткуда взять. Игуменья Анна, очень добрая женщина, изо всех сил стремится сводить концы с концами. В Монастыре есть корова, семь курочек, тридцать соток земли – вот и всё хозяйство. Я здесь сена много накосила, на всю зиму хватит. Косила в лесу на поляне, и как мы с тобой когда-то в детстве и отрочестве носили с полей на плечах, так и я здесь носила вязанки травы в Монастырский двор.

А сейчас мы строим с монахинями сарай для коровы. За его строительство настоятельница определила меня старшей. Вот выстроим, ещё кой-какую работу доделаю и где-то, Бог даст, в конце ноября – начале декабря приеду домой...

Но время ещё до ноября есть – ты пиши. И напиши, как там Игорёчек? Сынок прислал мне письмо, но такое коротенькое. И Дмитрий почему-то редко пишет, и тоже письма не пространные. Похоже, что они что-то скрывают... Ну вот и всё. До свидания, моя желанная сестричка, до скорой встречи. Обнимаю тебя крепко-крепко, целую, как в детстве, в щёчку. Твоя Елена...»

27 октября 1971 г.

ГЛАВА V

Перечитав письмо, Елена была недовольна тем содержанием, которое раскрывалось на его страницах. И она подумала: «У меня не получилось изложить то, о чём просит сказать душа. Да и про жизнь Монастырскую я написала неумело». Но переписывать и дописывать письмо не стала, свернув его, положила в конверт. А мысли в её голове бродили гурьбой. Одни терялись в противоречиях, другие – тоскливо взирали на всё происходящее, третьи – успокаивающе ласкали её истерзанную душу, что она не смогла сдержать слёзы отчаянья – зарыдала. Затем, встав на колени, стала говорить:

– Господи, в чём моя вина? Где я поступила неправильно? Почему я извожусь в терзаниях? Будто бы я чув-

ствую уютность и умиротворение, но тут же вновь давит, верно, на меня тяжесть моего порочного греха, и я опять становлюсь неустойчивой, обуреваемой противоречиями своей жизни, и я теряю нить покоя. Я хочу пребывать в Монастыре, я счастлива, Боже, что Ты дал возможность мне почитать и Библию, и Жития Святых, и Историю Православной Церкви, и ряд других Святых писаний. Я многое познала, Всевышний, о Твоей жизни, о жизни Твоих учеников. От этих священных писаний мне становится светло, радостно, я зажигаюсь огнём жизни, стремлением творить добро для людей, поселиться навсегда в Монастыре и жить монашеской жизнью, молиться за себя и за мир во его спасение и отречься навсегда от мирской жизни. Но тут же во мне говорят материнские чувства...

Я чувствую свою вину, что я во спасение себя бросила сына, а он же моя кровь и плоть. Он ведь не должен страдать от моей вины. При живой матери мой сын, получает, лишается природной материнской ласки и того чувства, что Ты, Господи, при создании человека заложил. И выходит, бросив сына, я тоже творю грех? Господи, Иисусе Христе, Сын Божий, я люблю Тебя всем сердцем, всей душой и всем разумом моим, но тем же разумом и плотью своею я люблю сына. Как же мне поступить? Я и ехала в Монастырь, чтобы обрести душевный покой и продолжать работать в миру. Находясь здесь, я крепче прониклась верой в Тебя, Господи. И мне усладно молиться Тебе, Славить Тебя и мне хочется остаться здесь навсегда, чтобы ближе быть к Тебе, Владыко. Господи, я совершенно запуталась. Царь Небесный, помоги мне найти правильное решение, прости меня за сотворённый грех, грех прелюбодеяния и попытки самоубийства. Научи меня, Всевышний, стойкости в любви к Тебе, Господи, и изгнания Снегирёва из сердца. Владыко, ведь всё это время его образ живет в моём сердце. И мне его не хватает. За всё это время я его не извела из своей души. Я очень стараюсь, чтобы от него избавиться, но я к нему словно прикипела и не могу справиться с его засилием. Господи, неужели я такая порочная, что даже в Монастыре я думаю о нём? Неужели моя судьба так поросла

грехопадением, что свеча очищения не освещает её своим огнём и не спаливает путь мирского сладострастия? Господи, тогда я великая грешница?! Отче, ведь моя судьба словно разделилась на две части: в одной я стремлюсь к Тебе, Господи, всем своим сердцем, душой и разумом, а в другой – грехопадение, которое стремится поработить меня, держать в своей воле и отдалить, Владыко, меня от Тебя. Неужели во мне так много имеется природного искусительного греха Евы и Адама? Ведь я, Господи:

***То в слезах вся к Тебе я иду,
А то вдруг суетливо бегу
В ту чужую далёкую гладь,
Где хочу о Тебе я молчать..***

Господи, и в тот момент я совершенно не вмешаю кротости, во мне искусительный элемент сладострастного грехопадения плещется лавиной. И в то же самое время я очень раскаиваюсь в прорастании во мне безумного разгула прелюбодеянных мыслей. И я очень боюсь, Боже, что мои мысли приведут меня к их реальному воплощению. Ведь со Снегирёвым чуть не наступил момент глубокого и непоправимого познания искусительного греха. Хоть и мысленное сладострастие – это тоже уже грех. Я это понимаю. Ведь этот грех, Господи, теснит меня, связывает мою волю, ведёт к разрушению психики и к гибели души, поэтому я и наложила на себя руки. А ты, Господь, пришёл в эту греховную минуту и защитил меня от адовой смерти. Спасибо Тебе, Милостивый Христос, за спасение моей жизни и души, хвала и слава Тебе, Господи, во веки веков..

Творец, душой прошу, возьми меня, лютую грешницу, под Свой покров, возлей в меня духа светлого и чистого, который бы меня насыщал глубокой верой к Тебе и искоренил во мне пороки грехопадения. Перед дьяволом я очень слабая, и сама не смогу защитить себя от соблазнов, которые разбрасывает жизнь. Ниспосли мне долю лёгкую, которая бы не причиняла мне столько страданий.. Но если Ты, Отче, воздал своей волей мне тернистый путь для очищения моей души, чтобы вознести её в вечность, то, Боже, я подчиняюсь начертанной мне судьбой искусительной и испытательной дороге жизни. Но

только я умоляю, Господи, в очень тяжёлую минуту не покинь меня, не оттолкни меня от Себя и не дай испить чашу лиха свыше моих сил. Помоги мне, Отче, пройти свой путь и не отречься от Тебя в минуты тяжкого горя, а за любую печаль иль радость любить Тебя, Господи, Иисуса Христа, Сына Божьего всем стремленьем и всею душою своею и всем разумом своим..

Затем Елена поднялась с колен и вдруг в душе почувствовала облегчение. К ней в душу словно заглянуло солнце, которое обласкало ее светом очищения, любви и радости. Душа просветилась умилением и воспарила в мир познания судьбы, выполняя обет молитвенного волеизъявления и старания перед Богом..

Осчастливленная духовным порывом, Михайлова сегодня решила идти к Романовым. У них Елена уже дней семь как не была, соскучилась за Любой и Марией Ивановной. Ведь в них она обрела верных друзей. Подойдя к дому, Лена увидела Марию Ивановну, как она ловко убирает картофельную ботву с пазьма, и, не заходя в дом, Елена направилась к ней. Ещё издали, радостно улыбаясь, сказала:

– Здравствуйте, мама Маня! Как здоровье ваше?

– Ой, Леночка! Здравствуй, детка! Слава Богу, вот работаю.. Чувствую себя хорошо. Паралич меня полностью отпустил, словно его и не было. Спасибо тебе, Леночка, это точно лишь благодаря твоим усилиям. Врачи диву даются: как это ты меня исцелила?

– Я рада, Мария Ивановна, что так славно получилось. А Люба пришла с работы?

– Пришла. Ужин готовит. Я вот решила ботву всю сносить под навес. А то скоро уже снег выпадет. Сегодня денёк, глянь, какой погожий выдался.

– Да, денёк на славу выпал. Уже вечер глубокий, а солнце словно не хочет уходить на покой. Вон как своим закатом радостно выглядывает из-за бугра. Давайте, Мария Ивановна, вам помогу убрать ботву..

– Спасибо, Леночка. Я твоей помощи всегда рада. Труженица ты наша великая. Столько ты нам во всём помогаешь. За что же мне это Господь такую милость дал, что тебя в такую трудную годину в наш дом воззвал? Какая

же ты умница... Во всём нам порядок навела. И Люба старается теперь во всём его поддерживать. И в селе о тебе столько хорошего разговора ходит. Всё спрашивают, кем ты нам доводишься? А я им отвечаю: «Леночка – наша родственница». Ничего, что я так говорю?

– Кто же, мама Маня, от родственников, да ещё таких добрых, светлых и милых отказывается?.. Я рада тому, что вы меня в свой круг родственников ввели.. Давайте, я эту кучку ботвы понесу сама..

– Детка, подели её на две части, а то тяжело нести будет..

– Ничего. Я привыкшая.. В Монастыре брёвна приходится носить. А они разве такой тяжести? Да ничего, управляюсь. Справлюсь и с этой кучкой. К тому же скоро будет темнеть. Я думаю, нам с вами до темноты надо успеть всю эту ботву переносить.

– Леночка, да я же теперь здоровенькая и сама всё поделаю. Раньше, как вспомню, аж страх берёт, что лежала как чурбан и повернуться самостоятельно не могла. А сейчас я герой. Ведь я даже сама и полы могу мыть. Сгибаюсь, разгибаюсь, детка, теперь совершенно свободно, без боли и напряжения. И тоже могу тяжесть немалую носить. Вот эту кучку я осилю..

Вдвоём они сумели до темноты перенести всю картофельную ботву. Ещё и смогли собрать капустные листья с огорода, отдав их Бурёнке, и лишь затем пошли в дом.

А Люба к этому времени ужин стоговила и спешила накрыть на стол. Увидев входящую Лену, очень обрадовалась, бросилась ей на шею, поцеловала, говоря:

– Ленусенька, ты чего это так долго не приходила? Я завтра уже к тебе сама собиралась идти в Монастырь. А мама, словно кто ей шепнул, сказала, что ты сегодня должна прийти. Ты и вправду пришла. Мойте руки и садитесь, мои дорогие, ужинать. Я вам сегодня наготовила супчика, оладушек напекла, чайку с земляничкой заварила.

Люба, светясь радостью, щебетала, наполняя дом теплым уютом радушного расположения. В доме хоть было очень скромно, но комната сияла чистотой. Ситцевые занавески на окнах взывали цветущими ромашками, печ-

ка сверкала белизной, свежевывмытый пол являл блеск коричневой краски.

- Ты, доченька, смогла уже и полы помыть? У нас сегодня словно праздник...

- Конечно, мама, праздник. Леночка ведь пришла. Тебе, Ленуся, супчика ещё подлить?

- Да нет, Любушка, не надо.

- Тогда давай я тебе оладушек со сметаной положу. И чаёчка подам. Я уже за тобой так соскучилась, - подавая тарелку с оладьями и ставя чашку с чаем, говорила хозяйка.

- Мама, а тебе ещё супчика добавить?

- Добавь, дочка, половничек. Вкусный суп ты сегодня приготовила. А ты сама что не ешь?

- Ем, ем... Я от вас не отстану... Ты же знаешь, как я быстро с едой справляюсь. Когда с девушками идём в столовую обедать, ведь частенько бывает так, что когда Света с Дашей ещё только первое съедают, то я вдруг замечаю, что я уже чай допиваю. И мне от этого стыдно бывает, что я такая у вас быстроежка.

- Зато в старорежимное время при найме на работу тебя бы хозяин брал в первую очередь, - шутя сказала Елена.

- Ну хоть в чём-то бы выиграла.

- Ты у нас и в наше время во многом выигрываешь.

- Против тебя, Ленок, я выгляжу блёклым листком.

- Это ты-то блёклый листок? Смотри ты какая, Любаша, у нас яркая и красивая, цветёшь и взываешь своей привлекательностью, как роза в саду, всех хлопцев в музее с ума свела.

- Свести-то, может, и свела, а вот замуж никто не берёт.

- Возьмут. Какие ещё твои годы? Я вот скоро, Люба, буду уже уезжать, где-то, наверное, через недельку-другую, в Донбасс и там тебе найду жениха.

- А работать где ты собираешься?

- Ещё не знаю.. Возможно, в Донецке найду работу, а может быть, уеду в другой город. Посмотрю по обстоятельствам...

- Лена, а переезжай жить в Москву. Ты со своими де-

ловыми данными работу в Москве быстро найдешь .

- А жить где я буду?

- Первое время тебе с Игорьком и Дмитрием светит моя однокомнатная квартира. Там, глядишь, вам дадут двухкомнатную. Ты же у нас большой учёный. Душой окрепла, теперь, непременно, из тебя научные идеи посыпятся как из рога изобилия. У тебя всё получится. Соглашайся, Еленушка, а то мы без тебя сразу осиротеем. Тебя мы очень душой полюбили.

- Правда, детка, переезжайте всей семьёй жить в Москву. Что вам в том Донбассе делать? И твоя родина отсюда недалеко. Глядишь, и туда съездишь быстрее. Земля детства всегда звать будет, как мне об этом говорила ещё моя бабушка. Да и я, Леночка, без тебя вся истоскуюсь, - дрожащим голосом просила Мария Ивановна, сдерживая нахлынувшие слёзы.

- Спасибо огромное, мама Маня и Любушка. Мне очень дорого ваше признание и приглашение. Я тоже вас, Мария Ивановна, полюбила как мать, а Любу как сестру. Вы так добры ко мне. Я очень благодарна вам и Господу, что Владыка меня привел к вам. Вы столько дали мне своей любви, ласки и тепла, согрели меня и поддержали в очень тяжёлую для меня минуту.

- Это ты, Леночка, нас поддержала, а особенно меня, ведь без тебя я бы так и была прикована к кровати. Так бы и продолжала мучить Любочку да Викторию Львовну. А теперь, слава Богу и тебе, я бегаю и работу могу выполнять. А без тебя я сникну, - расплакавшись, сказала Мария Ивановна.

- Ну что вы, мама Маня? Не плачьте. Я очень рада вашему приглашению. Я постараюсь приехать в Москву, если ничего не помешает, то непременно буду у вас. Коль Любушка даёт квартиру, то уже вопрос о трудоустройстве легче будет решать, ведь есть, где жить. Вот только съезжу домой, встречусь с сыном, с Дмитрием, а также с родственниками, и если, Бог даст, будет всё нормально, то примчусь в Москву трудоустроиваться. Следовательно, явлюсь к вам, моя любимая мама Маня, - подойдя к Марии Ивановне, гладя её ласково по седьм волосам, говорила Михайлова.

– Ну вот и слава Богу. Боль от сердца отлегла. Наша Лена будет с нами. Моя Любочка не станет одна. Да и я с вами, мои детки, буду чувствовать уют и спокойствие, – повеселевшим голосом говорила Мария Ивановна.

Мария Ивановна, Люба с Еленой долго ещё за ужином жизнерадостно обсуждали вопрос о трудоустройстве и дальнейшем пребывании Михайловой. И лишь намечтавшись вдоволь, разошлись спать. Но Лене не спалось, она думала: «Как там поживает её учитель и друг Анатолий Валентинович Ямщиков? Работает или на пенсию ушёл? Ведь уже скоро пять месяцев будет, как уехала из Донецка. А письмо я ему так и не написала. Нехорошо это с моей стороны». И чтобы извиниться и снять томление с сердца, Лена встала с постели и пошла на кухню. Там включила свет и стала писать:

«Здравствуйте, глубокоуважаемый Анатолий Валентинович. Простите, пожалуйста, что так долго вам ничего о себе не сообщала. У меня дела идут на поправку. Нервная система, как мне кажется, нормализовалась. Чувствую себя неплохо. Много работаю. Здесь я заимела хороших друзей и прекрасных людей. Собираюсь домой. Непременно приеду к вам посоветоваться и пообщаться. Я очень за вами соскучилась. Передавайте поклон вашей любезной супруге Зинаиде Ивановне.

Анатолий Валентинович, учитывая, что я скоро приеду, то о многом писать не буду, а при встрече всё расскажу вам подробно. А сообщить есть о чем..

До свидания, с низким поклоном и признательностью к вам.

Ваша ученица».

Наконец, с чувством выполненного долга, Елена успокоилась и пошла спать. Вскоре уснула, но сон был не крепкий. Она проснулась от страшного сна, который ей приснился. Лена не могла осмыслить, к чему во сне она видела такую жуткую картину. Где будто бы они с Дмитрием, Игорьком и Снегирёвым Николаем шли по темному лесу, им навстречу выскочили незнакомые ей страшные животные, на вид не то собаки, не то кошки, ростом с трёхмесячного теленка, с огненными глазами. Они, оскалив зубы, рычали, стремясь наброситься на них. Лена,

схватив Игорька за руку, бросилась с ним бежать вперёд, а за ними побежали и Дмитрий с Николаем. Неожиданно впереди возникла высокая и крутая гора. Лена, не отпуская Игорька, выбиваясь из сил, поднималась на вершину горы. Дмитрий с Николаем несколько отстали, но тоже стремились взобраться на гору. А их эти страшные чудища преследовали, пытаясь вот-вот на них наброситься. Особенно разъярённо зверь смотрел на Николая и уже собирался сделать прыжок, Елена в этот момент бросила на зверя лежавший на земле камень и попала в голову страшному чудищу. Зверь взвыл и приготовился прыгнуть на неё, прыгнул, но споткнулся возле неё. Однако сумел схватить её острыми клыками за одежду и повис на ней, стремясь столкнуть вниз. Лена стала яростно отбиваться, взывая на помощь Николая с Дмитрием. Дмитрий, напугавшись, не тронулся с места, стоял как вкопанный в землю. А Николай побежал отбивать от зверя Елену. Он вцепился руками в это чудище, оторвал его от Елены и покатился с ним вниз. Лена, оставив Игорька, поспешила ему на помощь, но зверь Николая не отпускал и тянул его вниз, в болото. Затянув Николая в болото, чудище стало топить свою жертву. Елена увидела бревно, схватила его, бросила на поверхность болота, поползла по нему, протягивая руку Николаю, который уже выше чем по пояс тонул в болотистой гуще. И с силой дёрнув Николая, вытащила его из пасти болота. Но зверь, оскалившись, стоял и не уходил. А с горы доносился пронзительный крик Игоря, взывающего о помощи. От этого крика Елена и проснулась...

Этот сон лишил Елену спокойствия и желания спать. Она долго пыталась осмыслить сон, разгадать его, понять, к чему он ей приснился. Но определенно прийти к конкретному ответу Лена так и не смогла. Однако на душе стало тоскливо, страх, который Лена ощутила во сне, не покидал её и наяву, и она уже до утра не смогла уснуть.

Встав с постели и не включая свет, Елена начала молиться, шепча утреннюю молитву:

– К Тебе Владыка Человеколюбец, встав ото сна, прибегаю и по милосердию Твоему спешу на дела Твои. Молюсь Тебе: помоги мне во всякое время во всяком деле и

избавь меня от мирского худого дела и дьявольского искушения, и спаси меня, и введи в Твоё вечное царство. Ибо Ты мой Творец и Промыслитель, и Податель всякого добра. На Тебя вся моя надежда. И Тебе воздаю славу ныне и всегда, и во веки вечные. Аминь.

Затем Елена прочитала молитву Господню, Символ Веры, Пресвятой Троицы, Господу Иисусу Христу, Хвалебную молитву Богородице, а также и молитву Святому Духу. Эти молитвы она знала наизусть, читала их продолжительное время. И пока Елена молилась, в окна уже заглянул рассвет. После молитвы она встала с колен, тихонько оделась и пошла в Благовещенский Монастырь. В Храме ещё задолго до утренней службы Елена начала заниматься строительством сарая. Работа над сараем заметно продвигалась. Сегодня с матушками Храма она уже думает простелить брёвна на потолке и зашить его досками. А к концу следующей недели достроить полностью. И уже в конце ноября или в первых числах декабря уехать в Донецк.

При мысли о том, что уже скоро она поедет домой, на сердце стало радостно и тревожно. И Лена вновь задавала себе вопросы: «Как всё сложится? Смогу ли я разрешить все свои проблемы? Зажила ли моя сердечная рана? Смогу ли я переехать жить в Москву? А было бы всё-таки хорошо жить и работать в Москве. Я бы в этот Монастырь смогла приезжать молиться, да и материальную помощь бы оказывала. А то какая здесь бедность...»

В хлопотах строительства, в приготовлении к зиме и поездке домой время летело как на крыльях. И вот уже Елена прощается с монахинями, которые её с любовью и лаской обнимают и вновь просят приезжать в Храм. Всем Михайлова приглянулась, а настоятельница, матушка Анна, при расставании даже прослезилась, говоря:

– Леночка, ты нас не забывай. У тебя золотые руки и такая светлая голова. Всё ты можешь делать, всё у тебя получается, за что ни возьмёшься. Нам тебя очень будет не хватать. Кто же теперь выручит нас дельными советами? Кто нам с такой любовью и старанием поможет?..

– Матушка Анна, – обнимая настоятельницу, сказала Елена, – Бог даст, я в Москву приеду и буду приходить

вам помогать. Спасибо вам за тёплый приём, за добрые слова и отношение. Вы мне очень помогли. Я вашими молитвами, в очищение и просветление народа, в том числе и меня, окрепла, вновь почувствовала в себе жизнерадостность и стремление трудиться. Я от вас уезжаю словно обновлённая, способная решать мирские проблемы. Если бы не ваша помощь, то я бы не смогла подняться из бездны горя и печали. Я вам очень за всё благодарна, я вас всех очень полюбила. И мне вас тоже будет не хватать.

– А я как буду жить теперь без тебя? – вдруг спросила стоящая среди монахинь Ольга. – Ты мне стала больше, чем монастырская сестра. С кем же я теперь в паре буду работать?

– С матушкой Верой, – обнимая Ольгу, сказала Елена.

– Матушка Вера – очень хороший человек, ничего не скажешь, но без тебя, Елена, мне будет очень тяжело.

– Дорогие мои матушки, я, как приеду, немного разберусь и напишу вам письмо, а то вскоре и сама прикачу, вы и не успеете за мной соскучиться. Ещё раз спасибо вам сердечное и низкий поклон. Я очень тронута вашим вниманием и вашей душевностью. Это для меня большая награда...

Наконец, Елена со всеми матушками распрощалась, зашла и к Романовым. Там тоже по-родственному рассталась с мамой Маней. Заехала к Любе на работу. Любушка проводила Елену к поезду, поцеловала Елену и сказала:

– Леноч, как приедешь, не задерживайся с письмом или лучше мне позвони на работу, чтобы я знала, как там у тебя обстоят дела.

– Позвоню, Любушка, непременно позвоню.. А ты не скучай, – и поцеловала её ответно, прошептав: – Нам жизнь ещё улыбнётся, коль мы того заслужим, а? Ведь мы с тобой будем стараться? Так ведь, Любушка?

– Непременно так...

– Ну иди, Любушка, а то сейчас поезд будет уже от платформы отъезжать...

– С Богом, Леноч!

Ещё поцеловав Елену, лишь тогда Люба направилась к выходу из вагона. Елене было грустно от расставания с матушками Монастыря, мамой Маней, Любой, но радостно, что она отправляется домой и скоро повстречается с Игорьком и своими родственниками..

ГЛАВА VI

И вот Михайлова поудобней разместилась в купейном вагоне, уложив небольшую сумку под сиденье, села и задумалась. А мысли её рассеянно блуждали в голове. Будучи ещё под впечатлением от расставания, не слышала, что к ней обращается высокого роста мужчина со словами:

– Ну что, будем знакомиться? Меня зовут Виктор Павлович, – протягивая руку Елене, сказал симпатичный мужчина лет сорока.

Увидев протянутую к ней руку, только тогда Елена поняла, что с нею знакомятся, от чего несколько неловко, подавая руку, сказала:

– Елена Васильевна.

– Вы, Елена Васильевна, едете до Донецка или до иного города?

– До Донецка, – вновь однословно ответила Лена.

– Вы там живёте?

– Да.

– Что это вы, Елена Васильевна, такая неразговорчивая?

– Да о чём говорить? Не о чем..

– Хотя бы о том скажите вначале, где вы работаете?

Елена не знала, что ответить. Ей не хотелось признаться Виктору Павловичу в том, что она уже около пяти месяцев не работает, и говорить неправду ей тоже не хотелось, поэтому она уклончиво ответила:

– Я как бы в длительном отпуске.

– А в качестве кого, Елена Васильевна, вы до длительного отпуска работали?

– Проводила анализ и разработки различных тем в научно-исследовательском институте.

– По каким же направлениям, Елена Васильевна, вы

проводите исследования?

– По многим.. К примеру, по аэродинамическому сопротивлению крыла, по индукционной нагревательной установке для сквозного нагрева металлических заготовок перед горячей обработкой давлением.

– О! Это интересные исследования. И давно, Елена Васильевна, вы над этими проблемами работаете?

– Вы, Виктор Павлович, словно следователь, задаёте мне всё вопросы.

– Извините, Елена Васильевна, если это неприятно, то я не буду больше вам надоедать. Но у меня получилось, как в народе говорят, на ловца и зверь бежит. Я очень интересуюсь этими исследованиями. Я вот знаю, что этими разработками занималась Елена Васильевна Михайлова, я читал её статьи, но недостаточно. И хотел бы пообщаться с директором одного из научно-исследовательских институтов Ямшиковым Анатолием Валентиновичем. Этот институт тоже занимался этими темами. Надеюсь, что там есть материал, который бы мне помог глубже ознакомиться с данными исследованиями.

Услышанные слова словно током пронзили Елену. Она поняла, что её любимый учитель, Анатолий Валентинович Ямшиков, на пенсию не вышел, а работает вместо неё директором института, чему она была очень рада. И этот незнакомец говорит о её разработках. И Михайлова не знала, как ей поступить: признаться ли в том, что эти статьи, о которых Виктор Павлович, ведёт речь, принадлежат ей, и что она является автором открытий по данным разработкам? Не решив, как ей поступить в этой ситуации, Елена очень внимательно, пронизывающим взглядом посмотрела на Виктора Павловича и сказала:

– А для чего вам необходимо глубже знать глубокие исследования по данным проблемам? И откуда вы знаете Ямшикова Анатолия Валентиновича?

– Елена Васильевна, теперь, похоже, ролями мы поменялись. И следователем уже стали вы? – улыбаясь, сказал Виктор Павлович. – Дело в том, что я являюсь генеральным директором комплексного научно-исследовательского департамента Министерства обороны. И Ми-

нистерство неожиданно в срочном порядке мне выдало задание, чтобы наш департамент скоординировал все разработки и изложил единую концепцию по данным исследованиям. А Ямщикова Анатолия Валентиновича я знаю много лет. Он был моим научным консультантом по докторской диссертации. Это прекрасный человек. Великий учёный и в то же время очень скромный, я у него бывал дома и не раз. Знаю даже его супругу. Кажется, её зовут... зовут... Татьяна Ивановна...

– Не Татьяна Ивановна, а Зинаида Ивановна.

– Так вы, Елена Васильевна, знаете её? Тогда вы должны знать и Анатолия Валентиновича!

– Я знаю его. Анатолий Валентинович тоже был моим научным руководителем по кандидатской, а затем научным консультантом по докторской диссертации. И фамилия моя – Михайлова...

– Так это ваши статьи я читал?

– Если под авторством Михайловой, то значит мои.

– А открытия по индуктивному сопротивлению в аэродинамической части крыла и по индукционной нагревательной установке, что тоже вам принадлежат?

– Мне.

– Вот это да! Никак не мог предполагать, что вы, такая хорошенькая и совершенно молоденькая, являетесь автором открытий. Я-то думал, что Михайлова – это учёный уже зрелых лет. А вам, по-моему, Елена Васильевна, и тридцати нет?

– Есть, Виктор Павлович, имею их в полном объёме, – улыбаясь, ответила Михайлова.

– Простите за любопытство, а вы замужем?

– Да.

– А детей имеете?

– Имею сына одиннадцати лет.

– А вы, Елена Васильевна, не хотели бы поменять место жительства?

– Что вы этим, Виктор Павлович, хотите сказать?

– Да предложить вам переехать жить в Москву. Мы бы вам сразу дали двухкомнатную квартиру. Но, простите, с условием, чтобы вы возглавили научно-исследовательский институт, где бы вы продолжали развивать

ваши темы в направлении военной промышленности и космического исследования.

– Кто же этот институт в данное время возглавляет?

– Сейчас его временно возглавляет один из сотрудников данного института. Но он как руководитель и как учёный слабоватый и не может решить поставленную проблему, а, как я вам уже говорил, Министерство обороны перед нами срочно поставило задачу провести исследования и дать ожидаемый результат, чем мы конкретно и спешим заняться. Вот в связи с этим и создали научно-исследовательский институт. И я вот вам предлагаю возглавить эту работу и помочь решить поставленные задачи.

– Да вы же, Виктор Павлович, меня совершенно не знаете! Возможно, я не подойду для этой работы?

– Подойдёте, Елена Васильевна, даже очень. Я вспомнил, как тепло и с высокой профессиональной оценкой говорил мне где-то год тому назад Анатолий Валентинович об энергичной женщине. Я тогда не уточнял, правда, у него конкретно ни фамилии, ни имени этой женщины, поскольку не было в том необходимости. А сейчас я понял, что тогда это речь шла о вас.

– Ваше предложение для меня очень неожиданно прозвучало. Признаться, я не знаю, что вам, Виктор Павлович, и сказать... По этому поводу позвольте мне посоветоваться со своим учителем Анатолием Валентиновичем.

– Не возражаю. Давайте завтра втроём все встретимся и всё обсудим. Кстати, Анатолий Валентинович обещал, что приедет меня встречать... А вы, Елена Васильевна, позвольте ещё полжобопытствовать, коренная дончанка?

– Нет. Я родилась в селе Нарманка, оно находится недалеко от города Ставрополя. А в пятнадцать лет мы с мамой переехали жить в Шахтёрск, где жили моих два брата и четыре сестры.

– Ого... Много вы имеете сестёр... А у меня сестёр нет, но брата имею. Зато ещё я имею и двадцатидвухлетнего сына.

– Да вы же такой молодой...

– Нет, Елена Васильевна, не такой я уже и молодой. Мне сорок три года. Женился я рано, в восемнадцать лет. Прекрасно мы жили с Наташенькой, но, к великому несчастью, четыре года тому назад жена умерла. И другой, похожей на неё, так и не могу встретить... Вот и хожу в холостяках. Живём мы с сыном. Он у меня, не сплзить бы, хороший парень. Уже институт в этом году закончил. Стремится к науке, хочет писать диссертацию. Ищет себе руководителя, да всё никак не подберёт. Он в этой части какой-то своеобразный, руководителя выбирает, словно жену. Что по этому поводу мы с ним даже поссорились. В аспирантуру он поступать не хочет. Вот прикрепился соискателем в моём институте. И последнее время стал интересоваться космическими разработками.

– И прекрасно, Виктор Павлович, ведь эта тема актуальная. И она, если не вечная, то интересоваться мир будет очень долго. Кстати, я ей стала интересоваться ещё учась в институте.

– Вы, Елена Васильевна, учились на дневном отделении?

– Нет, на заочном, потом на вечернем.

– А аспирантуру вы заканчивали?

– Да.. Её я закончила тоже без отрыва от производства.

– В докторантуре вы учились?

– Нет, я работала над докторской, будучи соискателем.

– Сложновато вам пришлось. Мне в жизни всё давалось куда легче. Институт, аспирантуру и докторантуру я закончил, учась на дневной форме... Елена Васильевна, учитывая, что времени у нас с вами много и нам надо его чем-то заполнить, можно я ещё вас спрошу? Это не у вас ли Ягодкин Тарас Михайлович украл открытия и присвоил их себе?

– У меня.

– Это вас Ягодкин пытался убить?

– Да...

– Елена Васильевна, вы опять начали отвечать однословно. Расскажите, пожалуйста, об этом поподробнее...

– Не очень приятное, Виктор Павлович, это воспоминание, но коль вы настаиваете, то скажу вам словами Ягодкина, которые он произнёс на суде в своём заключительном выступлении. А изложил он следующее: «Я действительно мошенническим путем оформил на себя право авторства на открытия, которые принадлежали Михайловой Елене Васильевне. Признаю себя виновным в том, что я хотел убить Михайлову, но всё не находил возможности это сделать. А когда меня на научно-практической конференции изобличили, сказав, что не я автор открытий по аэродинамическому сопротивлению крыла и индукционной нагревательной установке, а Елена Васильевна, то её решил убить в этот же день, после конференции. Точнее, я её хотел задавить машиной, которой управлял. С этой целью я её поджидал возле института. Когда Михайлова села в трамвай, я последовал за ней. После того, как она вышла на своей остановке, улучив удобный момент, я резко поехал на неё с целью убить. Но здесь её неожиданно оттолкнул подбежавший мужчина. Как позднее выяснилось, это был Никитин Олег Григорьевич. Увидев, что Никитин толкнул Михайлову и она упала навзничь, сильно ударившись, я подумал, что Елена Васильевна погибла. Во всяком случае, мне так показалось. И чтобы замести следы, а точнее убрать свидетеля, я решил убить Никитина, поэтому резко наехал на него своей машиной...» Вот что по этому делу в отношении меня сказал Ягодкин.

– Какой подлец этот Ягодкин, надо же! Такое сотворить?! А этот Никитин хоть жить остался?

– Мой спаситель Олег Григорьевич Никитин был очень тяжело травмирован, долго пролежал в больнице, где-то около полугода. Я ходила навещала его. Он оказался не только прекрасным человеком, но и хорошим собеседником. Олег тоже закончил тот же политехнический институт, что и я, трудолюбивый парень. Ему где-то под тридцать лет. Может, и его заберёте в Москву? – улыбаясь, спросила Елена.

– Насчет него, Елена Васильевна, надо бы мне подумывать, – также улыбаясь, ответил Виктор Павлович. – Сколько же лет получил этот Ягодкин?

– Суд приговорил Ягодкина к семи годам лишения свободы.

– Мало, надо бы больше дать этому подлецу, – возмущаясь, сказал собеседник и продолжил:

– Да, Елена Васильевна, в очень сложную вы попали ситуацию. Но, к счастью, всё обошлось...

За разговором они не заметили, что время уже было позднее, часы отбивали уже последние минуты одиннадцатого часа ночи. И скоро будут уже в вагоне выключать свет... Но вдруг, неожиданно для себя, Виктор Павлович посмотрел на часы и, сразу оценив ситуацию, быстро вышел из вагона, чтобы Елена смогла переодеться и растелить свою постель. И, шустро приведя себя в порядок, Елена вышла из вагона, дав возможность своему спутнику переодеться... И вот они уже разместились на своих постелях, пожелали друг другу спокойной ночи, стремясь заснуть. Но сон ни Елену, ни Виктора Павловича не брал в свои объятия, поскольку каждый из них осмысливал информацию, которую получили совершенно неожиданно. Однако для каждого она стала очень полезной. И лишь далеко за полночь под стук колес поезда они смогли заснуть, проспав до восьми часов, а в девять поезд должен был прибыть уже в Донецк. Встав, в темпе скрутив матрацы и сдав проводнице постель, они переоделись и ещё успели попить чаю, пока поезд подошёл к областному городу Донецку.

А город уже давно проснулся. Люди спешили: кто на работу, кто в школу, кто в детский сад, а кто и встречать приезжающих, как, например, Анатолий Валентинович. Ведь он уже стоял на первой платформе, куда должен был подойти поезд «Москва–Донецк», ожидая приезжающего Виктора Павловича. Его Елена ещё издали заметила и помахала рукой, но Анатолий Валентинович её не заметил, а поезд повез их от него дальше. И вот, наконец, поезд остановился. Елена и Виктор Павлович направились к выходу, куда уже успел подойти и Анатолий Валентинович. Елена с ходу бросилась на шею Анатолию Валентиновичу, обняла его и поцеловала, сказав:

– Не ожидали, Анатолий Валентинович, меня сегодня здесь увидеть, да ещё вместе с Виктором Павловичем?

– Никак не ожидал, моя дорогая Елена Васильевна! Как же я рад, Леночка... Как рад тебя вновь увидеть...

– А мне что, вы не рады, Анатолий Валентинович?

– Рад, конечно, очень рад. Но встреча с вами, Виктор Павлович, сегодня у нас запланирована, – пожимая дружески его руку, сказал Анатолий Валентинович, – а вот Леночку сегодня здесь никак не предполагал увидеть...

– Мы с ней, Анатолий Валентинович, дорогой о вас говорили. Оказывается, вы не только мой учитель, но и Елены Васильевны. Как же это прекрасно. За далекий путь мы много обсудили разных проблем, в том числе и эту, в отношении которой я к вам приехал. Оказывается, Елена Васильевна так глубоко владеет теми разработками по аэродинамическому сопротивлению крыла и индукционной нагревательной установке, а мне по этим темам очень нужны специалисты, так я вашу ученицу прошу, чтобы она переехала жить в Москву и возглавила эту работу. А она сказала, что этот вопрос должна обсудить с учителем, и как скажет Анатолий Валентинович, то так и будет.

– Это, конечно, хорошее предложение, а где же конкретно Елена Васильевна будет жить?

– Как где? Ей выделим двухкомнатную квартиру. Практически сдан двенадцатиэтажный дом, и в этом доме нам выделяют несколько квартир. Люди уже начинают в него заселяться.

– А в качестве кого вы её приглашаете работать?

– Хочу, чтобы она возглавила научно-исследовательский институт, который мы сейчас формируем. Это год назад об этой женщине вы так хорошо отзывались?

– О ней, Виктор Павлович.

– При общении с Еленой Васильевной я это сразу понял. Поэтому без лишних проверок сразу и предложил возглавить ей институт.

– Вы не ошиблись... Это редкой души руководитель и везущий ученый, я думаю не только в Украине, но и в СССР.

– Анатолий Валентинович, уж больно вы меня расхваливаете. Я от ваших таких высоких слов смущаюсь.

– А что, Леночка, смущаться?... По заслугам чин даёт-

ся. Жаль, конечно, тебя, Леночка, мне отпускать, да в Москве тебе интересней будет работать, там у тебя вырастут крылья. И полетишь ты на свободу...Твой талант нельзя держать взаперти, его надо пускать на волю, чтобы он взлетел на свою вершину.

– О, Анатолий Валентинович, да вы у нас поэт. Вон какими роскошными словами заговорили. И из вашего разговора я понял, что Елену Васильевну вы отпускаете в Москву?

– Я-то отпускаю.. Теперь слово за Еленой..

– Анатолий Валентинович, вы так быстро всё с Виктором Павловичем обговорили, что я прямо-таки растерялась и не знаю, что сказать.

– А что тут, Елена Васильевна, думать, соглашайтесь... Надеюсь, что не будете раскаиваться. Я вам стану помогать, да я понял, что вы не особенно будете нуждаться в моей опеке.

– Да, Виктор Павлович, Леночка – очень деловой руководитель и не боится рисковать. Вы с ней хлопот в части нерешительности не будете иметь.

– Тогда что, Елена Васильевна и Анатолий Валентинович, едем в ресторан? Это дело «обмоем».

А пока нам накрывают на стол, не будем откладывать этот вопрос в далёкий ящик и напишем сейчас заявление. Ведь мы всё обговорили и чтобы не возвращаться к данному разговору ещё раз, то в торжественной обстановке окончательно и решим.

Пишите, Елена Васильевна: Генеральному директору научно-исследовательского департамента Министерства обороны Снегирёву Виктору Павловичу, далее, как вам известно, вашу фамилию, имя и отчество. И в содержательной части заявления укажите следующее: прошу принять меня на должность директора научно-исследовательского института с пятого декабря тысяча девятьсот семьдесят первого года.

– Виктор Павлович, я не смогу с пятого числа. Я же хочу хоть немного дома побыть, к родственникам съездить. Позвольте мне с десятого декабря.

– Ну с десятого, так с десятого. Пока вы здесь, дома, будете посещать родственников и решать иные вопросы,

связанные с отъездом. А я по приезде в Москву сразу ваше заявление направлю в отдел кадров для оформления, поэтому чтобы через неделю в Москве уже были.

- Видал как, Леночка?! Ты у нас прямо с корабля на бал.

- Это уж точно, Анатолий Валентинович. О таком исходе дела я и предполагать не могла.

- Ну что же, уважаемые Анатолий Валентинович и Елена Васильевна, позвольте мне сказать тост за вас, за наше знакомство и пожелать, чтобы никто не пожалел об этой встрече, а был бы рад её содержанию, и каждый бы способствовал тому, чтобы она переросла в крепкую дружбу.

И они выпили коньяка, крепко покушали и вновь сели в машину, на которой приехал на железнодорожный вокзал Анатолий Валентинович, чтобы встретить Виктора Павловича, и поехали на работу к своему радушному хозяину и любимому учителю. Однако по пути Елена сказала:

- Виктор Павлович, Анатолий Валентинович, может быть, мне не обязательно ехать в институт, вопросы же в отношении меня мы решили... Завезите меня домой, я очень соскучилась за сыном..

- С моей стороны никаких возражений нет. Я все документы по разработкам по аэродинамическому сопротивлению крыла и индукционной нагревательной установке подготовлю, дам все пояснительные записки и иные документы, которые имеют отношение к ним. А ты, Леночка, когда будешь ехать в Москву, то захвати свои монографические исследования и диссертацию. Они тоже имеют очень большую ценность в сфере разработки вопросов, которые вам придётся исследовать. Да не забудь забежать к нам, а то Зинаида Ивановна за тобой очень соскучилась.

- Хорошо, Анатолий Валентинович, забегу.

- Ну что, Елена Васильевна, коль вы не хотите с нами ехать в институт, то до встречи в Москве.. И чтобы не задерживались. И позвоните мне числа пятого декабря.

- Постараюсь, Виктор Павлович, всё сделать так, как вы сказали, - подав ему руку и поцеловав Анатолия Ва-

лентиновича, Елена распрощалась, вышла из машины и пошла домой.

ГЛАВА VII

Быстренько поднявшись по ступенькам родного дома, Елена в волнительном состоянии остановилась перед дверью, достала ключ от квартиры и тихонько открыла дверь. В квартире никого не было, и Елена подумала: «Наверное Игорёк ещё в школе, а Дмитрий на работе». Ей стало тоскливо в пустой квартире, и, не зная, куда себя деть, она решила искупаться. Зайдя в ванную, Лена увидела халат, висевший на стенке. «Это к моему приезду, верно, Дима мне купил такой красивый халат... Но, похоже, кто-то его уже одевал.. А может быть, это халат тёти Паши?» Выйдя из ванной, чтобы взять для себя полотенце, Елена в шкафу увидела некоторые изменения: в нём, кроме вещей её и Дмитрия, висела ещё незнакомая ей женская одежда. И в её голове пронеслась мысль: «К нам кто-то приехал в гости? Надо скорее покупаться и что-то вкусненькое приготовить к ужину».

Набрав полную ванну горячей воды, Елена с головой окунулась в неё, затем мыльной губкой хорошо потёрла свое похудевшее тело и, наслаждаясь тёплой водой, неожиданно для себя размечталась: «Скоро уже придёт Игорёк, Дмитрий, и я им скажу приятную новость о том, что они переедут скоро жить в Москву. А в Москве – красотища-то какая!.. Одна Красная площадь чего стоит! А театры?! Парки?! Цирки?! Вот Игорёк будет рад. Он очень любит цирковые представления». В своих мыслях она витала по достопримечательностям Москвы уже около часа. Спohватившись, начала ополаскиваться и, наконец, закончив все послеванные процедуры, начала готовить.

В холодильнике было много продуктов, чему Елена обрадовалась и по-доброму подумала: «Дмитрий – молодец, не держит Игорька в голоде, заботится о нём – истинный отец. Вон сколько продуктов накупил. Сейчас я им борщика сготовлю, жаркое и оладушек испеку. Устрою им праздничный ужин и сюрприз своим приездом.

Они явно на сегодня меня не ждут». Утопая в сладком предвкушении, Елена умело, с материнским и хозяйским наслаждением приготовила ужин, помыла полы, всё прибрала в квартире. Комнаты засияли чистотой, задышало вкусным запахом кухонного приготовления. Однако в душе у Лены стала назревать тревога, и она подумала: «Уже пора бы Игорьку из школы прийти. Да и Дмитрий уже должен с работы явиться... Что-то их до сих пор нет?.. Ведь вон уже восемнадцать час пошёл. Чем мне ещё заняться, чтобы время скоротать? Может, позвонить Дмитрию на работу, что их так долго нет? Да нет... Тогда никакого сюрприза не будет. Он, наверное, взял Игорька из школы, и они пошли в кино. Раньше они часто так делали. А может быть, просто где-то гуляют и скоро придут?..»

Но их все не было и не было.. Отчего Елена стала ещё больше волноваться, прислушиваться к каждому шороху, но они всё не приходили. Наконец, в двадцатом часу дверь отворилась, и в комнату вошёл Дмитрий с незнакомой девушкой. Увидев в квартире Елену, он растерялся, не зная, что делать. Глаза его вопрошающе смотрели то на девушку, а то на жену, отчего и Елена почувствовала себя неуютно, однако сказала:

– Здравствуй, Дмитрий. Что, не ожидал?..

– Здравствуй, признаться – нет. Ты же должна была приехать где-то через неделю..

– Да.. Но обстоятельства сложились по-иному. А что же ты не знакомишь с гостьей?

– Это Даша, племянница тёти Паши.

– А где же Игорёк, его почему до сих пор нет?

– Он у Тамары.

– Как у Тамары?

– Да она приехала и Игоря взяла к себе.. И он теперь живёт у Тамары с Михаилом.

– Давно?

– Месяца два. Он в школе там учится.

– Дмитрий, как? Что произошло? Почему Игорь живёт в Шахтёрске?

– Игорь не стал ладить с Дашей, сквернословил, дерзил ей, всё на зло, с ним стало жить невозможно. Он даже

однажды толкнул Дашу, она упала, а Даша беременна... Она от меня ждёт ребёнка...

– От кого?..

– От меня, Елена. Тогда я позвонил, чтобы Тамара взяла Игоря к себе до твоего приезда.

– Дмитрий, что ты натворил?.. Как ты мог?..

Елена, сражённая новостью, отошла от них, села на стул и больше ничего спрашивать ни у Дмитрия, ни у Даши не стала. А Дмитрий, постояв ещё некоторое время у двери, повёл Дашу домой. И где-то через часа полтора вернулся. Разделся, хотел подойти к Елене, но заметил, что она сидела в отрешённом состоянии, отчего побоялся к ней обратиться и лег на кровать.

А Елена так и просидела всю ночь. И ранним утром уехала в Шахтёрск к Тамаре с Михаилом. И к ним приехала, когда они ещё все спали. От её звонка в дверь все попроспались. Тамара, открывая дверь и увидев Елену, удивилась.

– Леночка?! Заходи, дорогая сестрёнка.

И Тамара с великой радостью обняла Елену, расцеловала, приговаривая: «Наконец-то моя ненаглядная Елена Прекрасная прибыла... Вот счастье-то, а то мы уже тебя заждались».

Услышав голос матери, Игорь мигом вскочил с кровати, подбежал к ней. Елена обняла, расцеловала его и почему-то расплакалась.

– Мапочка, ты почему плачешь? Не плачь...

– Это, сыночек, я от радости, наверное. Я так за тобой соскучилась...

– А я тоже соскучился, – обняв Елену, сказал, светясь искрящейся улыбкой, Михаил. Тут и Олежик, прильнув к Елене, поцеловав, выпалил:

– Тётя Лена, а Игорёк у нас живёт, и мы с ним вместе в школу ходим. Так классно... Я его в обиду не даю, а он за меня заступается.

– А как ты, Игорёк, учишься?

– На пятёрки, мамуля...

– И я, тётя Лена, учусь хорошо.

– Ой, какие вы молодцы.. За это, Бог даст, я вас в Москве по циркам повожу.

– Когда?

– Возможно, сынок, даже на зимних каникулах. Ведь у меня для вас есть новости.. Меня берут на работу, дают квартиру в Москве, и там, Игорёк, мы станем жить .

– Вот это да! Отлично! Олежик, там мы с тобой на мет-ро вдоволь накатаемся...

– Что это ты, Елена, сказала? Какая Москва? Какая работа? Пойдемте все на кухню завтракать, и ты нам всё по порядку расскажешь .

Тамара быстренько разогрела вечером сваренный борщ, разлила его по тарелкам, подогрела кашу, нарезала хлеб и всех пригласила кушать . Никто упрасивать себя не заставил. Всем хотелось не столько есть, сколько узнать, как это Михайлова вдруг станет жить и работать в Москве. И Тамара не выдержала и сказала :

– Ну, моя ненаглядная сестричка, не томи, говори свои новости. Как это ты вдруг собираешься переселиться в Москву?..

– Томочка, это как-то вышло неожиданно и для меня. Я не далее как позавчера познакомилась в поезде с человеком, а он мне и предложил работать и жить в Москве.

– Сестричка, да может он какой-то аферист?..

– Нет, Тамара... Он живет в Москве и работает генеральным директором научно-исследовательского департамента при Министерстве обороны. И они очень заинтересовались моими разработками и по аэродинамическому сопротивлению крыла, и по индукционной нагревательной установке. Он ехал к Анатолию Валентиновичу в институт за моими этими самыми разработками и другими материалами, связанными с данными темами. Анатолий Валентинович вчера встречал этого генерального директора на железнодорожном вокзале и тоже очень удивился, увидев меня с ним и услышав в отношении меня конкретные запросы. Но возражать не стал. Тогда мы всё обсудили, и я поняла, что это серьезное намерение генерального директора в отношении меня.

Я уже и заявление написала на работу с десятого декабря. Так что в Москве должна быть не позже седьмого-восьмого декабря. Виктор Павлович, так зовут генерального директора, сказал, что и квартиру на днях мне уже

выделят... И что дом будто бы уже сдали в эксплуатацию.

- Лена, а кем же ты будешь там работать?

- Заявление, Тамара, писала на должность директора научно-исследовательского института.

- Ух ты, моя сестричка, хорошо. А получать сколько будешь?

- Не знаю.. Мне стыдно было, Тамара, спрашивать.

- Ну я думаю, Еленушка, что не меньше, чем ты в Донецке получала. Я очень рада за тебя. Дай Бог, чтобы сбой никакого не случилось.

- Я сама, Тамара, боюсь, чтобы что-нибудь не случилось... Поэтому давай завтра съездим в глубинку в Церковь, помолимся, и я попрошу Божьего благословения у священника на работу и проживание в Москве.

- Может быть, Елена, сегодня съездим? Отправим вот только детей в школу, Мишу на работу, а я сейчас позвоню секретарю, и если никакой срочной информации о каких-то совещаниях или других горящих дел нет, то мы можем ехать.

- Чудесно... Иди, Тома, звони.

А Тамара, прежде чем позвонить, начальственным тоном скомандовала:

- Дети, быстренько одевайтесь и отправляйтесь в школу, а то время уже в обрез.

- Ма, а может, в честь приезда тётки Лены мы с Игорьком в школу не пойдём?

- Нет, Олежик, нам с тёткой Леной надо съездить в одно место. А вас же одних, без тётки Лены, какой прок дома оставлять? К тому же скоро четверть заканчивается. У вас же в школе сейчас идут сплошные контрольные. Поэтому, мои дорогие, идите в школу, а я сейчас на работу позвоню.

И Тамара, набрав номер, поговорила с секретарём, затем долго общалась с главным инженером, дала ему поручение съездить вместо неё в Донецк для решения неотложного дела. Затем подошла к Елене, спросив:

- Ну что, дети в школу побежали?

- Пошли, - с тоскою в голосе ответила Елена.

- Ты что, Леночка, грустишь? На работе у меня поря-

док. Всё я уладила, и сейчас мы с тобой поедem в Церковь, в Широкое. Там нас с тобой, похоже, никто не знает.

Они быстро оделись и поехали в Церковь, помолились. Елена у отца Кирилла взяла благословение, и уже к трём часам приехали домой. Лена была задумчива и встревожена создавшейся ситуацией с Дмитрием, не знала, как ей поступить в данном случае, и явно желала обсудить этот вопрос с Тамарой. А сестра, душою почувствовав состояние Елены, сама завела разговор.

- Леночка, ты Дмитрия видела?..

- Видела... Он вчера около двадцати часов заявился с Дашей. И сказал, что она беременна от него.

- Ну что теперь ты будешь делать?..

- Разведусь, Тамара. А разве тут есть ещё какие варианты? Раньше я не расторгла брак с ним, думала, что он очень любит сына. А на поверку получилось, что он ни сына, ни меня не любит. Стоило мне уехать, как он привёл в дом женщину, которую возлюбил больше меня и сына. Зачем он мне такой нужен? Тем более, что Даша от него ждёт ребёнка. И этому ребёнку нужен будет отец. Правда, какой он отец, коль Игоря выставил из дома?

- Нет, Лена, Игоря он не выставлял, а позвонил и попросил, чтобы я его забрала и он пожил у нас, пока ты не приедешь.

- А это, Тома, разве не одно и то же? Ну если он влюбился, случился грех, то чего же сына не воспитывать, а отдавать тётке? Разве он после этого отец? Нет, Тамара, не отец. А как же он рыдал о сыне, обо мне, всё говорил, что любит меня и сына больше жизни.. Тряпка он, а не мужик.. Поэтому завтра поеду в суд и подам заявление на развод.

- Лена, может быть, повременить?..

- Да что здесь, Тамара, временить?..

- Сыну, Елена, отец нужен. Тяжело будет самой тебе его воспитывать.

- Ой, Тамара, я уже сказала: какой он отец? Чем такого отца иметь, лучше уже никакого. Сама, Бог даст, Игоря воспитаю. Да и не люблю я Дмитрия и никогда не любила. Ты же, сестричка, знаешь...

– Леночка, да ты хоть с ним поговори..

– Тома, а о чём говорить? Ведь я вчера всё своими глазами видела. Боюсь только, что не разведут, времени ведь очень мало. Надо же, как я тебе уже говорила, десятого числа быть мне в Москве на работе. И не хотелось бы, не разрешив этот вопрос, ехать в Москву. Поэтому, Томочка, я завтра раненько уеду в Донецк. Зайду в суд, подам заявление на развод и попрошу Майю Ивановну, чтобы она как можно быстрее расторгла наш брак. Я знаю её, она не только прекрасный судья, но и чудесный человек. Думаю, пойдет мне навстречу.

– Елена, но утро вечера мудренее. Завтра поедешь, и всё станет известным.

– А может быть, Тома, мне сейчас поехать? Я уже на месте как-то лучше ориентируюсь. И сегодня к Майе Ивановне вечерочком сбегая. И с утра уже буду готовить документы, какие необходимы суду..

– Не знаю, Лена, что тебе и сказать.. Ну коль душа зовёт, то едь домой, чтоб потом не жалела об упущенном дне, да и возможность будет с Дмитрием поговорить..

– Тома, вот заладила.. О чём с этим недотёпой говорить? Всё уже сказано. Ну я поехала, Тома?

– Постой, Лена, я денег дам.

– Не откажусь, сестричка. А то я почти на нуле.

Тамара подошла к шкафу, резким движением открыла дверцу, взяла чуть ли не всю кипу денег и их отдала Елене.

– Ого, сколько! Тома, ты, наверное, все деньги отдала?

– Ничего, мы послезавтра вновь получим. А ты когда ещё зарабатываешь? А они ох как тебе нужны..

– Спасибо, Томочка, что бы я без тебя делала..

Взяв деньги, поцеловав сестру, Елена поехала в Донецк.

Приехав в Донецк, Елена, не заходя домой, пошла к Майе Ивановне. Судья приветливо встретила Елену, выслушала её просьбу. Удивилась, что Дмитрий изменил Елене. Ей казалось, что он очень любил Елену. Но когда Лена сказала, что Даша от Дмитрия ждёт ребёнка, её колебания полностью исчезли. И она для доказательства

причины расторжения брака попросила, чтобы Елена завтра же принесла справку о беременности Даши.

ГЛАВА VIII

Елена, получив информацию от Майи Ивановны, медленно побрела домой. Она задумалась над своей жизнью, над поведением Дмитрия. И не могла осмыслить: почему любящий, как ей казалось, муж, изменил, а сына спокойно отправил подальше от себя? Эти вопросы Елена задавала себе много раз, но ответа так и не нашла. В голове она слышала то обвинительные ответы, а то совершенно противоположные, которые оправдывали Дмитрия и обвиняли её. Наконец, дойдя до дома, она поднялась на свой этаж, открыла дверь. В квартире горел свет, а Дмитрий смотрел телевизор, он был один.

Елена молча разделась и хотела идти спать. А ей навстречу тем временем поднялся Дмитрий. Подойдя к ней, он, стремясь её обнять, говорил:

– Леночка, прошу тебя, прости меня. Я не знаю, как это всё получилось... Я знаю, я виноват перед тобой, молю тебя, прости.. Я тебе изменил, но я люблю только тебя...

– Прощения, Дмитрий, с моей стороны не будет. Я хочу с тобой развестись.

– Леночка, не покидай меня, я без тебя пропаду. Я люблю тебя...

– Ещё скажи: больше жизни. Ведь так ты уже мне говорил. А стоило мне уехать, как ты уже про меня и забыл...

– Дорогая моя, всё произошло помимо моей воли. Когда ты уехала в Монастырь, то было где-то недели через две ко мне, тогда Игорёк как раз был у Тамары, пришла тётя Паша с племянницей, то есть Дашей. Она помогала тётю Паше прибираться. Всё убрав, наготовив еды, тётя Паша пошла домой, а Даша попросилась ещё побыть, чтобы послушать музыку. Ей тётя Паша разрешила, а мне не выгонять же было её? Я тоже согласился. Она села на диван и стала слушать музыку. Затем пришла ко мне на кухню, я там ужинал, сказав: «Дмитрий, ты куша-

ешь? Можно и я к тебе подсяду? Заодно и мой день рождения отпразднуем.. Ведь мне сегодня исполнилось семнадцать лет. И у меня бутылочка водочки для этого случая имеется...»

И Даша взяла свою сумку, оттуда достала бутылку, раскупорила её, налила водку в стопки. И мы с ней выпили. Затем ещё и ещё... И пили, пока не выпили всю бутылку. Я охмелел, и она стала пьяной. Начала меня целовать, шептать ласковые слова в мой адрес. И, одним словом, я тебе в тот вечер изменил. А утром мы проснулись и увидели ужасающую картину: вся постель в крови, Даша возле меня лежит нагая. Она вскочила, оделась, залилась слезами. И я не знал, что делать. Мне было стыдно и очень жаль Дашу, что я ей поломал всю жизнь. Я проклинал себя, но что случилось – то уже случилось... Даша рыдала безутешными слезами.. Я перед ней извинился, ничего ей не обещая. Проводил её домой..

Она дома о случившемся всё рассказала родителям. А вечером Даша с родителями пришла ко мне. Мать Даши, Евдокия, стала мне угрожать, говоря: «Если ты не женишься на Даше, то я тебя посажу в тюрьму за изнасилование дочки. Ведь ей всего только семнадцать лет. Она несовершеннолетняя, а ты воспользовался тем, что она не понимала, что делала и изнасиловал её. Ведь ты её напоил.. Наверное, ещё подсыпал снотворного». Я ей сказал, что не подсыпал никакого снотворного, а она в ответ: «Если даже не подсыпал, но напоить – то ты её напоил и изнасиловал. Тебе же не семнадцать лет, а тридцать, и ты понимал, что делал. Ты же опозорил Дашу, извёл ей жизнь, теперь такая, кому она нужна? Поэтому или ты женишься на ней, или я иду в милицию».

«Но, Евдокия, ваша же дочь не любит меня», – говорю я ей. А тут Даша вступила в разговор и в слезах отвечает: «Как не люблю? Я очень, всем сердцем, Димочка, тебя люблю. И если ты не женишься на мне, то я удавлюсь, и я от тебя никуда не уйду.. Тебя же Елена Васильевна бросила, ты ей не нужен, а мне ты очень нужен. Умоляю тебя: женись на мне, я тебя никогда не брошу и не изменю тебе, Димочка..» Она долго всё говорила о своих чувствах ко мне, что Евдокия прервала её, говоря:

«Нечего, Даша, тебе так унижаться, коль любишь, то оставайся здесь и живи... А ты, преступник Дима, хоть пальцем дочку тронешь, то я тебя собственными руками задушю... У меня дочь одна. Я за неё смогу постоять. Поэтому или ты будешь жить с Дашей, или я пройду все инстанции и посажу тебя в тюрьму за изнасилование. Вот так вот, дорогой зятёк... Всё, дочь! Мы с отцом уходим домой, а ты живи здесь... И не вздумай уходить отсюда».

И они ушли, а Даша с тех пор живёт здесь. Правда, она как человек неплохая, но я, Леночка, совершенно её не люблю.

– Но почему же ты сына отправил к Тамаре?

– Леночка, Игорёк как узнал, что Даша будет жить у нас, сделался невыносимым. Он стал делать всё назло мне и Даше. Начал убегать с уроков и из дома. Однажды он отсутствовал два дня. Я оббегал весь Донецк, поднял на ноги всю милицию, чуть с ума не сошёл, пока не увидел сына снова дома. Милиция Игоря нашла на вокзале, он там спал, его привели среди ночи домой. Моей радости не было конца. А он ошетинился, как зверёнок, неистово стал бить Дашу, крича: «Вон из дома! Ты шалава! Ты нехорошая и падшая женщина. И ты, отец, подонок. Грязная тварь. Ты почему не ждёшь маму? Она приедет. Ей сейчас тяжело, а ты тут гульки с этой стервой творишь. Я не буду с вами жить, я убегу от вас или твою шалаву и тебя оболую кипятком, когда вы будете спать».

От услышанного и увиденного я испугался, позвонил Тамаре и попросил её, чтобы она забрала Игорька, и он пожил у них до твоего приезда.

– Ну хорошо, я вот приехала. Так что ты собираешься делать с Дашей? Она ведь ждет ребёнка, а ты же его отцом являешься.

– Леночка, я же не отказываюсь от ребёнка. Но жить я с ней не буду. Ведь я люблю тебя, только одну и единственную тебя.

– Но я с тобой жить не хочу. Ты же совершенно безвольный, и меня, как показало время и жизнь, ты не любишь. Что же это за любовь, что ты после моего отъезда, хотя и по моей вине, вдруг принимаешь девушку, пьёшь с ней... Действительно, Евдокия права в том, что ты раз-

ве не понимал, что влечёт за собой встреча с девушкой и выпивка? Почему ты Дашу не отправил домой? Почему ты с ней пил водку?.. Ты что, не осмысливал?.. Тебе что, двенадцать лет?.. Соблазнил Дашу, а теперь в кусты.. Да нет, Дмитрий, за свои действия и поступки надо отвечать. Тебе уже, слава Богу, тридцать лет, и хватает тебе прятаться за спину других.. Я с тобой жила, жалела тебя, но никогда не любила. И за то, что я тебя не любила, мне хотелось добром и вниманием к тебе компенсировать свою нелюбовь. И как мне было ни тяжело, но я со Снегирёвым не переступила порог дозволенного. И, вероятно, из-за этого чуть не сошла с ума, получила нервный срыв, чуть не наложила на себя руки. Возможно, по промыслу Бога осталась только жива. Ты же прекрасно об этом знаешь.. И я, чтобы спасти семью и быть благодарной Господу, частично и тебе, отправилась в Монастырь. И ты же меня отпустил. Я изо всех сил старалась, работала над собой, трудясь, молясь и прося Господа, чтобы Владыка исцелил меня. И Бог ниспослал мне покойствие в душу. Я вновь способна была со вниманием к тебе относиться и продолжать наши добрые семейные отношения. Но ты всё разрушил..

- Леночка, прости, я исправлюсь... Не покидай меня..

- Нет, Дмитрий. Теперь уже исправить ничего нельзя. Ты порвал единственную в себе нить – нить моей веры в то, что ты любишь меня, и это меня в некоторой степени согревало и удерживало подле тебя.. А эта вера полностью исчезла. Ты сам её растоптал. Мне не за что теперь ухватиться. Поэтому жить я с тобой не буду. И наши отношения друг к другу давай оформим действующим законодательством.

- Но, Леночка, только не расторжение брака..

- А что ты предлагаешь? Быть мужем двух жён? Так, во-первых, у нас ни на Украине, ни в Союзе Советских Социалистических Республик пока двоежёнство не предусмотрено. Да и, во-вторых, в качестве первой или второй жены по изложенным тебе причинам быть, Дмитрий, я не хочу. Поэтому мы немедленно расторгаем брак, я забираю Игоря, и мы с ним уезжаем жить в Москву.

- Дорогая моя Леночка, не бросай меня. Я же без тебя

умру или пропаду, – рыдая, обнимая ноги Елене, молил Дмитрий.

– Дмитрий, прекрати так унижаться... Встань! Мне крайне неприятны твои прошения и поцелуи... И куда ты не пропадёшь, я думаю, что на тебя воров, вроде Даши, больше не найдется. А умереть?.. Ты же до сегодняшнего дня не умер, значит, и дальше проживёшь свою длинную и счастливую жизнь без меня. Прости, Дмитрий, меня за иронию и сарказм. Но добрых слов у меня для тебя больше нет, и мне больше с тобой не хочется говорить... Отпусти меня спать... Я очень устала...

Дмитрий встал с колен, словно побитый, качаясь, пошёл и лёг на диван. У него в комнате долго горел свет, но утром, когда Елена проснулась, Дмитрия в квартире уже не было.

Елена быстро оделась и поехала к тётке Паше. Увидев Елену, тётка Паша очень удивилась и, стыдливо пряча глаза, сказала:

– Леночка, виновата я перед тобой. Это я к тебе разлучницу привела. Об этом хотела тебе письмо написать, да так и не решилась... Ты прости меня, пожалуйста, что так вот все по-глупому получилось с Дмитрием и с Дашей. Теперь и Даше что же делать? Хоть она и виновата, но жаль её, ей и восемнадцати нет, а вот поди уже и ребёнок ждёт, а мужа не имеет. А её родители ведь очень выпить любят... Кто же ей поможет?..

– Ничего, тётка Паша, мы с вами ей поможем. Иди, приведи её сюда. Она же недалеко живёт?

– Да вот, через дорогу. Я мигом, я сейчас... – волнуясь и суетясь, ответила тётка Паша.

И не прошло десяти минут, как тётка Паша с Дашей были перед очами Михайловой. Даша выглядела бледной, беременность её уже выдавалась: округлённый живот теснил шерстяную короткую юбку, которая задиралась кверху ещё выше, показывая худенькие её ноги. Подняв стыдливо на Елену глаза, Даша спросила:

- Елена Васильевна, вызывали?
- Да, Даша, я хочу с тобой поговорить...
- Я слушаю вас...
- Даша, мне бы хотелось с тобой поговорить по-добро-

му, откровенно. Сразу тебе скажу, что я пришла сюда, чтобы вопрос решить в твоих интересах. Скажи, ты любишь Дмитрия?

– Очень, Елена Васильевна, люблю. Если сказать честно, то я его ещё в седьмом классе поллюбила. И так завидовала вам, что он вас любит, а не меня.

– А какой срок беременности у тебя?

– К концу уже четвертый месяц идёт... И если всё будет хорошо, то где-то в конце апреля – начале мая рожу.

– Так ты хочешь за Дмитрия выйти замуж?

– Конечно, Елена Васильевна! Это мечта моей жизни.

– Тогда, Даша, иди в больницу, где ты стоишь на учёте, и принеси справку о твоей беременности. И мы пойдём её отнесём в суд. Я там подам заявление о расторжении брака с Дмитрием.

– Это я мигом, Елена Васильевна. Больница тут недалеко от дома тёти Паши находится.

Она, накинув пальто, на ходу застёгивая пуговицы, спешно побежала в больницу. А тётя Паша, обращаясь к Михайловой, сказала:

– Леночка, какое же золотое у тебя сердце! Спасибо тебе большое. Дай, Господь, тебе здоровья. И прости ты нас, ради Бога, таких вот бестолковых... Не знаем, что творим, а потом рыдаем. А как ты там в Монастыре жила? Вижу вон выглядишь усталой. Да где там бодрой да радостной тебе быть... На тебя то одно горе, то другое навалится. И так, слава Богу, всё ты стремишься по-доброму разрешить. Я вот всё поражаюсь тебе, где ты берёшь терпение и силу? Не жалко тебе с Дмитрием расставаться? Он же неплохой человек и любит тебя.

– Тётя Паша, если бы любил, то не изменил бы..

– Леночка, да мы, бабы, сами на шею вешаемся, где мужику от наших ласк устоять? А потом сами порой от этого рыдаем, да мужиков мучаем. А ты вон пожалела Дашку да её ребёнка, уступаешь ей Дмитрия... Я тебя, Леночка, перебила и ты мне не ответила: как же там в Монастыре?

– Хорошо... Монахини в Монастыре, тётя Паша, очень много трудятся. Вот они настоящие, добрые, смиренные и прекрасные люди. Они отказывают себе во всем, за нас,

грешных, всё молятся, чтобы нам жилось легче, а мы это совершенно не осмысливаем: то ли в силу своего невежества, то ли своей злобности и корысти или всего вместе взятого.

– Наверно, Леночка, плохие мы по всем статьям сразу. Откудова нам хорошими быть, коль забивают нам мозги сплошной бесовщиной?.. И не все ведь стремятся к Богу. Да и куда идти? Церквей ведь нет. А если и есть, то в них не пускают. Злобно над старушками потешаются. Я вот намерена со своей подружкой пошла в Николаевскую Церковь, хотели мы там с ней помолиться, свечи поставить, а там у дверей стоят каких-то два здоровенных мордovorота, я прошу прощения за такое выражение, и говорят нам издевательски: «Куда это вы, божьи одуванчики, парите? Не в Церковь ли? А там без вас не обойдутся? Или Бог вас там очень ждёт?..» Я говорю: «Душа нас туда ведёт, да и Господь всегда в свои палаты своих чад ждёт. А вы вместо того, чтобы тут стоять да быть страшилками бесовскими, сами бы в Церковь зашли да помолитесь бы за спасение своих душ, а то в аду ведь спорите». Тогда один из них как вскипятится и кричит: «Марш откудова, старые крысы, я вам покажу ад. Сейчас отбивные из вас сделаю..» Много ещё нам они разных гадостей наговорили, но так и не пустили нас с Авдотьей в Церковь. Потоптались мы там возле Храма, а вовнутрь его так и не смогли пройти. Вот такие, Елена, дела.. Губят эти коммуняки наши души и находят в этом удовольствие, но придёт время ихнего конца. Бог ведь не допустит долгого глумления над людьми..

Тётя Паша долго ещё возмущалась по поводу коммунистического ига над Церковью, ненавистного отношения власти к ней и бездуховности общества. И Елена подумала: «Тётя Паша малообразованна, всю жизнь проработала на тяжёлой физической работе, на железной дороге шпалы устилала все свои трудовые годы, а мысли её далекоидущие, заставляющие думать».

И вдруг звонок в дверь оборвал ход мысли Елены и прервал речь увлечённо говорящей тёти Паши. Она пошла, чтобы звонящему открыть дверь. То была Даша.

– Ну что, Даша, справку принесла?

– Принесла, Елена Васильевна.

– Тогда идём в суд.

В суде их доброжелательно приняла Майя Ивановна, глядя на Дашу, спросила:

– Это вы ждёте ребёнка от Дмитрия?

– Да...

– Предъявите справку.

Даша дрожащими руками достала из сумки справку и подала судье. Майя Ивановна внимательно её прочитала. Затем сказала:

– Елена Васильевна, есть все основания, чтобы ваш с Дмитрием брак расторгнуть. Можете писать заявление. Одно – в случае вашего отсутствия, чтобы суд рассмотрел без вас, другое – о расторжении брака.

Елена в присутствии Даши написала заявление, поблагодарила Майю Ивановну и вместе с Дарьей вышла из здания суда. На сердце у Елены была тоска, ей всё же было жалко расставаться с Дмитрием. И в то же время она видела возле себя беззащитную женщину, совсем ещё подростка, ожидающего от Дмитрия ребёнка. Не зная от чего, то ли от жалости к самой себе, то ли к Даше, но ей хотелось рыдать. Сдерживая слёзы, обращаясь к Даше, она сказала:

– Ну вот и всё.. Теперь, Даша, Дмитрий с моей стороны свободный.

– Елена Васильевна, а вдруг Дмитрий в суд не придёт и не захочет с вами разводиться?

– Ну ты же сама слышала, что судья сказала, коль есть справка, что ты беременна, и моё заявление о разводе, то практически здесь вопрос решённый.

– А вдруг он скажет, Елена Васильевна, что я беременна не от него?

– Ну ты же ни с кем не имела близких отношений?

– Да что вы, Елена Васильевна, конечно же я не дружила с другими мужчинами. Я даже ни с кем не целовалась, кроме как с Дмитрием. Я одного его очень люблю..

– Ну так чего же боишься?

– Елена Васильевна, я вас умоляю, не уезжайте, пока вас с Дмитрием не разведут. А то, как вы уедете, то он в суд не пойдет, и тогда судья брак не расторгнет. Дмитрий

же может отказаться и от ребёнка, и от меня, он же вас любит, я это чувствую... Прощу вас, помогите, если вы мне не поможете, то я погибла. Я ведь ничего делать не умею... На работу меня на завод, как ни пыталась, не взяли в связи с несовершеннолетием. Устроилась вот уборщицей. Но это же не работа, как я буду жить с малюткой? Ведь суд всего через три дня назначил рассмотрение вашего дела о разводе.

Елена грустно посмотрела на будущую маму и сказала:

– Даша, времени у меня нет... Я должна готовиться к поездке в Москву...

– Елена Васильевна, давайте я вам помогу. Я ведь работаю или рано с утра, когда люди ещё спят, или поздно вечером, когда люди уже с работы поуходят. Поэтому я целый день свободна и могу вам помогать... Очень вас прошу, останьтесь, Елена Васильевна, – расплакавшись, просила Даша.

Не зная, что делать в этой ситуации (у Михайловой действительно, как знает читатель, времени было в обрез), а её изболевшееся сердце, не раз познавшее собственное горе, не могло не откликнуться на боль и терзания Даши, она сказала:

– Ну, хорошо... Я постараюсь присутствовать на суде. А ты иди в суд и скажи, чтобы тебя тоже пригласили в качестве свидетельницы по данному вопросу. И когда конкретно дело к слушанию назначат, то ты сообщишь мне. Поняла?

– Поняла. Спасибо вам, Елена Васильевна.

Обрадованная Даша поспешила к тётке Паше, а Елена решила выполнить своё обещание и пошла к Зинаиде Ивановне. Эта милая женщина, узнав от Анатолия Валентиновича о прибытии Лены, очень её ждала. Ведь Елену Зинаида Ивановна, если не забыл читатель, любила и чтילה как дочь. Зинаида Ивановна помнила, как Лена, когда она заболела и слег муж, днями и ночами ухаживала в больнице за Анатолием Валентиновичем, не щадя себя, спасая его от явной смерти, когда от него все отвернулись. И лишь её вера в Анатолия Валентиновича, её бескорыстная и чистая любовь к своему учителю подня-

ла Анатолия Валентиновича на ноги. А это не забывается... И Зинаида Ивановна, ожидая Елену, истомилась и несказанно была рада, увидев наконец в своём доме Михайлову.

Они долго и душевно говорили: Елена рассказала Зинаиде Ивановне и о Монастыре, и о разводе с Дмитрием, и о своих сомнениях, тревогах в связи с переездом в Москву. Что они не заметили, как прошло время, и не услышали, как муж, явившийся уже с работы, открыл дверь. А Анатолий Валентинович, увидев гостью, сказал:

– О, да у нас Леночка!..

Затем подошёл к ней, обнял и поцеловал её по-отцовски, с душевной радостью и теплотой, говоря:

– А что это, дорогие мои, вы в темноте сидите? И стол ваш пуст. Накрывай, Зиночка, на стол, вечером будем.. И Леночка нам свои думы раскроет, ведь есть, о чём же рассказать, да, Еленушка?

– Ой, Толик, мы так с Леночкой заговорились, что я и забыла на стол накрыть. Сейчас мы всё организуем.. Давай, детка, помоги мне.

И Зинаида Ивановна с Еленой быстро накрыли на стол, и прерванная беседа вновь потекла плавно и душевно. Анатолий Валентинович предложил своим женщинам выпить за встречу, поддержание тонуса и за здоровье, сказав:

– Моя ненаглядная жёнушка и моя дорогая ученица, которая давным-давно переросла своего учителя, я предлагаю выпить за вас... За нашу долгожданную встречу, которой я несказанно рад. Так хочется, Леночка, чтобы Господь укрепил тебя и всех нас здоровьем, чтобы ты, дорогое дитя, преодолела все трудности, и у тебя бы в Москве всё было хорошо... И мы смогли бы с Зиночкой побывать у тебя на новоселье... За это, мои любимые, давайте и выпьем. Да ещё и за то, чтобы нас не покидало радостное и доброе настроение... И за вашу сердечную, бескорыстную любовь, дорогие женщины, ко мне.

И женщины не заставили себя упрашивать, вслед за Анатолием Валентиновичем осушили стопки с коньяком, аппетитно поев, по-родственному продолжали вести беседу, в которой учитель сказал:

– Ты знаешь, Зиночка, а Виктору Павловичу, этому московскому генеральному директору, наша Леночка очень понравилась. Он был несказанно удивлён, когда у меня в институте ознакомился с её материалами по интересующим его вопросам, и всё меня спрашивал: «Почему это вы, Анатолий Валентинович, такое сокровище хранили у себя и не признавались о таких значимых открытиях и о такой знающей и прекрасной женщине?..» А сегодня вновь мне звонил и спрашивал о Леночке. Говорил, что всё уже в Министерстве обороны оформили: и трудоустройство, и ордер Леночке на квартиру уже тоже выписали. Так что, Леночка, тебя уже там ждут. Когда ты думаешь выезжать?

– Хотела послезавтра, да, Анатолий Валентинович, придётся немного поездку отложить.

– Почему это?

– В связи с разводом с Дмитрием.

– Как?.. Почему ты разводишься? Это совершенно неожиданно для меня.

– Это неожиданно, Анатолий Валентинович, и для меня. Да так вот получилось... Дмитрий сожительствует с Дашей, и она от него ждёт ребёнка...

– Вот это да?! Ну ты, Леночка, сразила меня этой новостью.. В связи с этим я и не знаю, что тебе сказать. Но уверен, что в этой ситуации ты примешь сама правильное решение.. А я в этом вопросе тебе, Леночка, плохой советчик...

И чтобы переменить тему разговора, спросил Михайлову:

– Леночка, а как ты Монастырь нашла? Как тебя там приняли?.. Я так за тебя переживал.. Всё, чтобы тебе повезло, тайно о тебе молился.

– Анатолий Валентинович, вот Бог и управил. Мне повезло, я встретила много хороших людей: Любу, что работает в Москве в Художественном историческом музее, она меня в Монастырь отвела. Там познакомила с настоятельницей Монастыря и монашенками. Они все такие добрые и необыкновенно большие труженицы: очень много молятся и занимаются физической работой, строят Монастырский двор или, как они его ещё называ-

ют, Монастырскую гостиницу для паломников. И я им помогала: брёвна пилила, шкурила их, сарай строила, хозяйством занималась... Очень там большая бедность, средств нет. Эту гостиницу они строят уже шестой год, но и половины стены не возвели.

– Леночка! Постой... Постой... Не рассказывай дальше, я сейчас...

И Анатолий Валентинович поднялся из-за стола, достал из шкафчика тысячу рублей и подал их Михайловой, говоря:

– Ты же, детка, ещё пойдешь в Монастырь?

– Пойду...

– Не посчитай за труд, передай эти деньги в Монастырь, на его нужды..

– Спасибо, Анатолий Валентинович, это большие деньги, очень большая будет помощь Монастырю. На них можно нанять работников и достроить Монастырский дом.

– Не благодари, Елена. Нам с Зиной тоже хочется для Бога доброе дело сделать. Если нет возможности ходить в Церковь молиться, то возможность же есть помочь. Так ведь, Зиночка?

– Конечно, Толик, может быть, Господь примет нашу помощь и зачтёт её как доброе дело во спасение наших душ, – и она перекрестилась, прося Бога принять пожертвование.

– Леночка, а можно и мне побывать в том женском Монастыре? Я никогда в Монастырях не была. Так хочется там помолиться...

– А чего же нельзя, Зинаида Ивановна? Вот перееду в Москву, поселюсь, трудоустроюсь, Бог даст, – и приезжайте. Правда, зимой в Монастыре ночевать негде, за один день из Москвы и опять после службы ехать в Москву очень сложно, поскольку Монастырь далеко от Москвы. Но там в семи километрах от Монастыря живёт моя мама Маня – очень хорошая женщина. Она нас пустит переночевать. Я у неё жила, лечила её. У неё был паралич правой части тела. Она ни рукой, ни ногой не могла пошевелить. Лежачая была. И, слава Богу, я её, да и Любочка, её дочка, мне помогала, и мы

оттёрли её – она стала ходить. Так что и зимой есть, где ночевать.

– Нет, Леночка, я бы хотела с Анатолием Валентиновичем весной в Монастыре побыть, когда тепло будет. Толик, поедем?

– А почему бы и нет? Я с удовольствием. Глядишь, подышал бы кислородом, помог бы строить Монастырскую гостиницу. Я в юношеские годы занимался столярным делом..

– Было бы неплохо, Анатолий Валентинович, это всё осуществить.

– Неплохо-то неплохо, но до весны ещё надо дожить. За это время, Леночка, ох как много воды утечёт..

– Ничего, Толик, если Богу угодно, то мы там непременно побываем.

– Побываете, побываете, – обнадеживающе говорила Михайлова.

– Елена, чуть ли не забыл, тебе же деньги, четыреста рублей, причитаются. Ты же при увольнении не все деньги получила, да и Министерство тебе премию ещё выдаю.

И он встал, достал деньги из того же ящика того же шкафа, из которого уже раньше доставал тысячу рублей, и подал их Елене.

– Ох, Анатолий Валентинович, я что-то не помню, что-бы Министерство начислило мне премию.

– Начислило, Леночка, начислило.. Возьми..

Лена не очень поверила, что эти деньги ей с работы выданы. Но спорить не стала, деньги взяла, а про себя подумала: «Эти деньги, может, мне причитаются, а может, и нет.. Но я их возьму и на них куплю облачение схиархимандриту Тимофею и отцу Василию, а то на них они уже такие старенькие. И матушкам куплю подарочки тоже и что-то вкусенькое им для стола приобрету, а то ведь так они плохо питаются. И отвезу всё это к Рождеству Христову, если получится, а нет – то постараюсь приехать к Крещению». А вслух сказала:

– Спасибо, Анатолий Валентинович, вам сердечное, за всё спасибо и низкий поклон. Какой же вы добрейший и милейший человек. Таких людей так мало на свете..

– Леночка, не говори так, а то ещё захвалишь, – благодарно улыбаясь, сказал Анатолий Валентинович.

– Нет, Анатолий Валентинович. Это вам не грозит, – мило улыбаясь, сказала в ответ Елена. – Вот последнее с себя снять и отдать другим – это в вашей стихии.

– Леночка, а ты нам с Зинаидой Ивановной о своём здоровье не рассказала: как ты себя чувствуешь?

– Духовный подъём в себе чувствую. Монастырь, видать, меня вылечил. Мне кажется, Господь ниспослал мне Свою благодать и милость. Чувствую в себе спокойствие, желание жить и хочу быть похожей на вас, дорогой мой учитель, чтобы так же, как вы, творить для людей добро. Правда, расторжение брака с Дмитрием меня немножко обеспокоило. Но и утешение вместе с тем есть... Ведь будто бы разрешается проблема: работу и квартиру дадут, да ещё не где-нибудь, а в самой Москве. И мне, хотя и тайно, но можно и в Монастырь будет ходить. Я думаю, что стукачи меня там не найдут...

Однако я уже здесь засиделась. Пора мне давно уже идти. Новости свои вам все рассказала. Спасибо за всё ещё раз... Перед отъездом к вам ещё забегу или позволю... Давайте я вас, дорогие мои, напоследок поцелую...

ГЛАВА IX

Елена радостная и счастливая вышла из квартиры Анатолия Валентиновича и поехала домой. Зайдя в свою квартиру, она заметила, что Дмитрия в ней уже вторую ночь нет. У Елены на душе стало волнительно, но звонить никуда не стала, а начала заниматься стиркой, чтобы успеть собрать все необходимые вещи и отправить их багажом в Москву. Далеко за полночь Михайлова, выполнив основную работу, легла спать, думая утром уехать в Шахтёрск к Тамаре, встретиться там с сёстрами и обсудить с ними наболевшие вопросы. И с этими мыслями она уснула. Но сон был некрепкий, и Елена услышала, как открывается дверь и кто-то входит. Вошедший включил в коридоре свет. То был Дмитрий. Елене было видно, как он не по-нормальному раздевается. Она подумала: «Дмитрий пьян». Действительно, его качало

из стороны в сторону. Держась за стены, он направлялся к ней в спальню. Елена закрыла глаза, не желая видеть его. А он сорвал с неё одеяло, закричал:

– Вставай, говорить будем...

– Ты, Дмитрий, пьян.. И кроме того, мы с тобой уже всё обговорили. Иди, проспись, а завтра, коль хочешь что-то узнать, то и поговорим..

– Нет! Я сейчас знать хочу.. Так что?.. Ты хочешь меня бросить, да? И уехать в Москву? Никуда ты не поедешь.. Понятно?.. Я быстрее тебя убью, чем отпущу жить в Москву.. Я не позволю покинуть меня.. Слышишь?!.. Я же тебя люблю, Леночка! Как подумаю, что тебя никогда больше не увижу, то и жить не хочу. А ты кого-то там в Москве уже нашла? Скажи, нашла? Возле тебя же мужики, как пчелы возле мёда, кружатся постоянно.. Но ты же моя! Я же тебя в Монастырь не отпускал. А ты уехала, бросила меня на произвол судьбы, а теперь винишь, что я тебе изменил. Но Дашу я совершенно не люблю. Я её пожалел. Слышишь, пожалел!.. А твоё место в сердце никто, моя любимая Ленушка, не занял и не займет. А ты к кому-то, я чувствую, уходишь. Возьми и меня с собой.. А хочешь, я стану твоим вторым мужем, как в гареме, только наоборот? Там хан имеет много жён, а тут ты, моя шахиня, будешь иметь два мужа.. Возьми меня, Леночка, хоть на таких правах..

– Дмитрий, прекрати нести всякую чепуху. Ты пьян, иди спать.

– Никуда я не пойду, я лягу к тебе в постель. Ведь всё равно ты пока ещё моя жена, и я имею право требовать от тебя, чтобы ты исполняла супружеские обязанности.

И он поднялся с колен, нагнулся над лицом Елены, взял руками её голову, стремясь поцеловать в губы. Елена стала отбиваться, оттаскивать его руки, затем схватила за волосы и потянула его голову в сторону. Дмитрий взвыл:

– Ах ты, недотрога! Но я тебе покажу, как мужу не подчиняться! Получай..

И он сжал кулак, целясь ударить им Елену в лицо, но она вмиг рванула голову в сторону – и удар пришёлся в грудь. Видя, что он не достиг цели, Дмитрий вновь пы-

тался ударить Лену в лицо. А она, закрыв его руками, сжалась в комок. Но он не прекращал своё истязание. И ещё неистовее закричал:

– Я тебя сейчас задушу... Или лучше всё же разукрашу твоё лицо синяками, чтобы ты не смогла идти в суд. А я тем временем сам пойду в суд и стану молить судью, чтобы она нас с тобой не развела. И судья нас не разведёт. Ведь мне Дашка про всё рассказала, что ты и она были в суде. Но если ты не придёшь, то суд не состоится.. А может, всё же судья и без тебя разведёт? Тогда лучше сейчас, чтобы ты не мучила меня и никому не досталась, я тебя всё же задушу...

И Дмитрий схватил Лену за шею, начал её душить. Елена, чувствуя, что задыхается, со всей силой ударила Дмитрия ногою в пах. Он закричал от боли, свалился с кровати, согнувшись, распластался на полу. Елена стремглав вскочила с кровати, схватила ремень и им скрутила за спиной Дмитрию руки. Оставив его лежать на полу в таком состоянии, сама ушла в другую комнату. Легла на диван, стремясь заснуть, но так до утра и не заснула.

Дмитрий же так и остался лежать на полу. Вскоре заснул и проснулся уже, когда рассвет стремился снизойти на землю. Руки его отекли и болели. Он пошевелил ими, пытаясь их освободить. Но ремень крепко сжимал руки, держа их в неволе...

Напрягая память, Дмитрий пытался вспомнить, что произошло, что он натворил и почему он лежит на полу со связанными руками. Дмитрий вспомнил, как он, изрядно выпив, вышел из ресторана, пришёл домой. Найдя Елену на кровати, стал к ней приставать. И тут Дмитрий вспомнил, как он бил и душил Елену. Его прошиб холодный пот. И Дмитрий в испуге подумал: «О Боже, что я наделал? Я же Елену мог убить... Задушить... Слава Тебе, Господи, что Ты отвёл беду. Какой же я мерзавец и скотина. Что же мне теперь делать? Теперь к примирению вообще все пути отрезаны. И как же мне освободиться от ремня?.. Сам я его явно не развяжу. Идти к соседям – стыдно... Неужели к Елене обращаться, а если она не развяжет?.. Но подходить к ней всё равно ведь надо. Я

же должен за свои скотские дела извиниться».

И он, встав, с трудом пошёл в комнату, в которой была Елена. В её комнате свет горел, и она, с закрытыми глазами, бледная, лежала на диване. Дмитрий, подойдя ближе к Елене, заметил на её шее следы удушья от его рук, синяки на плече, груди и руках. Он похолодел от ужаса, пав на колени, рыдая, сказал:

– Леночка, прости, ради Бога, меня, идиота... Меня мало убить, но молю тебя, прости... Я вчера такую тяжкую тебе боль причинил. Я очень раскаиваюсь. Сними грех с души, взываю к тебе... Мне нет оправдания, бес злобностью, ревностью и отчаяньем меня окутал. Я словно ослеп, чиня, не ведая что... Прости, Леночка...

Елена молча встала, подошла к Дмитрию, развязала ему руки, не проронив ни слова, ушла в спальню и легла на кровать, изнемогая от боли в руках, шее, плечах и груди.

Дмитрий, видя состояние Елены, не стал досаждать ей больше своими извинениями. А зашёл в ванную, привёл себя в порядок, оделся и вышел на улицу, не зная от стыда, раскаянья и отчаянья, куда себя деть.

А Елена, согрившись под одеялом, незаметно для себя расслабилась и уснула. Но вскоре проснулась, оделась, купила цветы на рынке, чтобы возложить матери на могилку, и поехала на автовокзал, чтобы отправиться в Шахтёрск к своей любимой сестре Тамаре. На вокзале она прождала автобус более часа. Затем, наконец, подошёл проходящий через Шахтёрск автобус, и водитель позволил ей в него сесть.

«Икарус» мчался быстро, без остановок... И вот уже на горизонте показался город Шахтёрск. Автобус проезжал мимо кладбища, где была похоронена Михайлова Александра Петровна. Ты же, читатель, не забыл, что это мама Елены? И Елена попросила водителя остановить автобус возле кладбища. Водитель с неохотой, всё же притормозил свой новенький «Икарус». Михайлова, поблагодарив, вышла из автобуса и пошла к могилке своей матери. На гранитном памятнике очень хорошо был виден портрет Александры Петровны. Елена склонилась к памятнику, поцеловав на портрете мамино лицо, ска-

зала:

– Дорогая моя мамочка, мир твоему дому... Прими беглянку и прости, что долго к тебе не заявлялась. Я же была в женском Благовещенском Монастыре... Всё никак ладу себе не дам.. Всё у меня какие-то проблемы.. Другие живут спокойно и в радости. А я от одной беды не успею уйти, как другая уже наступает. Что у меня за судьба?

И неожиданно для себя расплакалась, глядя на портрете волосы Александры Петровны и шепча:

– Ну почему, мамочка, так вот всё складывается? Я, чтобы окрепнуть, восстановить себя, возродить в себе интерес к жизни, вырвать из себя депрессию, ездила в Монастырь. И кажется, окрепла и уже мечтала зажить с Дмитрием спокойной семейной жизнью, а тут опять меня ждёт горе и разочарование. Мой Дмитрий, который так клялся мне в любви, однако, пока меня не было, сошёлся с семнадцатилетней Дашей, и она ждёт от него ребёнка. И опять душевного спокойствия у меня нет, а гнетёт тоска...

Мама, ведь не могу я эту девчужку одну с ребёнком на руках оставить... Да и Дмитрия, ты же, моя мамуля, всегда знала, что я никогда не любила. Но я как-то с этим уже смирилась, стремилась ни о какой любви не думать, тешила себя мыслью, что я любима и этого достаточно, ведь у нас растёт премилый сын. И можно в спокойствии продолжать совместную с Дмитрием судьбу. А теперь даже этого для меня не осталось. Тот мостик, который давал мне силу и в какой-то степени роднил меня с Дмитрием, рухнул. Я уже не могу видеть Дмитрия, а не то что продолжать с ним дальнейшую совместную жизнь. И вчера мы с ним первый раз подрались. Он меня чуть не задушил. И своими поцелуями он оставил во мне не любовь и жалость к нему, а глубокое омерзение. Мамочка, и в то же время он во мне остался частью прожитого времени, которое заполнило мою сущность, хотя и возлегло дорогой прошедшего, но моей душой, в которой и посредством её светила свеча судьбы, даря, в определенной мере, счастье, радость жизни и моё стремление возрастить Дмитрия, дать ему не только часть своего труда, но и по-

дарить часть своего внутреннего мира. Это же, мамочка, не вырвешь. Это уже посмертно будет жить в душе и давить тоской и разочарованием несовершенной жизни, создания семьи. Вонзаясь, словно ножом, своим острым противоречием в душу...

А во мне, мамочка, и так противоречия столько, что одно другим погоняется. Я как бы являюсь медалью, которая состоит из лицевой стороны и обратной. И если я радуюсь, то тут же где-то в уголках души прячется тоска. И она меня держит, давая своим ощущением о ней помнить, и в то же время, если тоска меня гложет, то рядом с ней улыбается радость. И своим подсознательным процессом стремится нежить тоску утешением. Так же, мама, на одной стороне медали, а точнее души, если делаю добро, то где-то рядом сопутствует и зло. Так же обстоит дело и с разговорчивостью и моей замкнутостью, удовлетворением жизни и её разочарованием. Я рада деньгам, и тут же они меня тяготят. Мама, почему же я такая? Во мне словно сразу живут две силы, и если одна плачет, то другая утешает, или одна толкает меня в пропасть, то другая изо всех сил стремится меня удержать. Что со мной происходит?

О своём состоянии я пыталась сказать в Монастыре схииеримандриту Тимофею и игуменье Анне, они меня, похоже, не поняли и фактически внятно ничего не ответили. А может быть, я такая бестолковая или очень грешная, что ничего, мама, я не поняла. И матушку Ольгу я спросила, она хоть ответить на мой вопрос не ответила, однако сказала, что чётко в себе чувствует или радость, или печаль, или умиление, или негодование. И Ольга ещё в детстве знала чётко о своём намерении, что будет только монахиней. Став монахиней, она счастлива, и у неё нет других помыслов, её не тяготят противоречия, сомнения. Как Ольга мне пояснила, она избрана Богом. А я что, мама, не избрана Богом? И моя дорога судьбы, блуждая в гуще тьмы и света, идёт без промысла Господнего? Мамочка, ты меня прости за такое глупое размышление о том, что некоторые родители в силу своей греховности являются проклятием для своих детей, но я же знаю, ты не могла быть носителем проклятия перед Бо-

гом. Ты в жизни была добрая, чистая, богобоязненная, не блудница, а великая труженица. Ты же одна без мужа сумела своей великой волей и трудом вырвать нас всех семерых из голодной пасти смерти. Следовательно, Владыка ниспослал тебе благодать и Свою милость, а иначе ты не смогла бы всё это пережить и нас вырастить. Значит, через тебя к нам, то есть твоим детям, не пришли дороги противоречий и немилости Господней, в том числе и мне. Но из всех твоих детей я какая-то нетипичная или неудачная... А почему, мама, я такой уродилась? Если можно, ответь мне через сон. Что мне делать? Ведь я в тридцать лет достигла больших результатов в науке, их ценят. Мои открытия внедряют в практику, мне завидуют. Но я глубоко несчастна, поскольку мне достаются только тернии... а цветения и плоды почему-то прямо или косвенно меня обходят. И все мои достижения, добрые дела непременно идут ко мне именно лишь через тернистый путь... Ко мне приходит любовь, но почему-то я должна её выжигать чуть ли не калёным железом..

Почему так всё, мамочка, в моей жизни получается?.. Ты прости меня, пожалуйста, что я с таким потоком вопросов к тебе обращаюсь, но лучше, чем ты, меня никто не понимал и не понимает. Тамара, правда, мне всё стремится помочь всем сердцем и душой. Но мне уже к ней очень стыдно обращаться. Я и так её своими проблемами измучила. Вот и сейчас к ней бегу... Скоро, мамочка, уезжаю в Москву... Не знаю, как же там сложится жизнь. Очень переживаю.. Ещё раз, родная моя, извини меня за беспокойство. Я очень тебя люблю, тебя мне здесь очень не хватает. В Монастыре я часто молилась о тебе и сейчас прошу, чтобы тебе Господь простил грехи вольные и невольные и ниспослал Царствия Небесного, чтобы ты там ощущала Ангельскую нежность и Господний покой. До свидания, родимая..

И Елена ещё несколько раз поцеловала фотографию матери в лицо, прижалась и обняла с нежностью и любовью остов памятника. Постояв несколько минут, затем медленной походкой пошла в дом Тамары.

Дома сестры ещё не было, но Игорь и Олег уже пришли из школы. Игорёк бросился целовать мать, и Оле-

жик последовал его примеру. Елена достала из своей сумки конфет и печенье и ими их угостила. Дети, радостные от встречи и угощения, теснились возле Елены и, щебеча как птички, согревали её измученную душу своим детским теплом. И их, конечно же, очень интересовал вопрос о Москве. Отчего сын не выдержал и спросил:

– Мамуля, так когда же мы едем в Москву?

– Скоро, сыночек.

– Когда это скоро?

– В конце недели я поеду.

– А я?

– Ты приедешь вместе с Олегом, как окончится четверть.

– Ой, мама, я с тобой тоже хочу ехать, а не на каникулах.

– Игорёк. Я не знаю, как тут правильно поступить.

– Правильно, мама, будет, если ты меня сразу возьмешь с собой. Я так по тебе истосковался. И тебя в Москву одну не отпущу, так и знай.. А отца ты что же, будешь в Москву брать?!

– Нет... Я с ним развожусь... Как ты, сын, считаешь, правильно я поступаю?

– Конечно, мамочка, правильно. Он иуда.. он нас предал. Сошёлся с этой Дашкой, а о тебе и забыл. Он поступил как трус и подлец. После этого я не хочу его называть и папой..

– Нельзя, Игорёк, так отца называть. Как бы ни было, а он твой родитель. Его надо уважать и почитать...

– Нет, мама, таких уважать и почитать нельзя. Даже когда я вырасту, то и тогда ему этого не прощу.

– Сынок, нельзя быть жестоким. От ошибок никто не застрахован.

– Это не ошибка, а предательство и распутство, как мне Олечик сказал. Так ведь Олег?

– Так.. Конечно, так.. Моя мама его ругала, говорила ему, чтобы он не распутничал. А он не послушал. Я тоже, когда вырасту, ему руки не подам..

За разговором они и не заметили, как быстро пробежало время и как, придя с работы, в дверь уже позвонила Тамара. Лена с радостью открыла ей дверь. Они рас-

целовались. И Тамара тут же стала засыпать Елену вопросами:

– Ленуся, ну как ты там? В Москву не передумала ехать? Вещи собрала? С Дмитрием говорила? Когда будет суд?..

– Тамара, у тебя этих вопросов короб, что ли? И ты вон для них открыла крышку, а они галопом из него выскочивают, что сбили меня с толку, я не знаю, с какого начинать, – улыбаясь, сказала Елена.

– А ты, Леночка, как в школе учили, отвечай последовательно, – в тон сестре шутила Тамара. – Выдели главный вопрос, а за ним и все остальные раскрой.

– Моя сестрица... Мне и раскрывать особо нечего. Все мои дела как сажа бела. Дмитрий умоляет, чтобы я с ним не разводилась. По этому поводу он даже затеял драку, угрожал убить, но я всё равно на развод подала, вещи собрала. Кстати, Томочка, из Москвы звонил Виктор Павлович, что будто бы мне уже ордер на квартиру выдали.

– Да ты что?! Вот это здорово! Вот этот ответ, Леночка, и главный. С него и надо было начинать, – обнимая Елену, светясь радостью, говорила Тамара.

– Это ещё не всё, Томочка. Уже и на работу оформили. Так что надо уже в Москву ехать.

– Великолепно... Пока складывается всё очень хорошо... Так суд все же когда будет рассматривать твоё дело о разводе?..

– Послезавтра... Поэтому я думаю, Тома, после суда, на следующей день, можно мне и отправляться в Москву...

– Но только, мамочка, со мной. Я, как уже сказал, без тебя здесь не останусь. Тётя Тома, скажите маме, чтобы она меня с собой забрала. А то я сбегу и вслед за мамой поеду в Москву. Один... Учиться я и там буду стараться. Обещаю, мамочка, четверть закончить, в крайнем случае, на «хорошо» и «отлично». А следующую четверть – только на «отлично»... Забери!.. Не оставляй! Я тебя не подведу... – в слезах закончил свои возражения, обещания и просьбы Игорёк.

– Ой, сынок, мне же тяжело будет и на работу устрои-

ваться, и в квартиру переселяться, и тебя в школу оформлять... Я боюсь, что сразу с этими вопросами не справлюсь.

- Справишься, мамочка, справишься. Да и я тебе стану помогать. Ведь я уже не маленький. Мне уже скоро будет двенадцать лет.

- Тамара, что мне с Игорем делать? Как мне поступить разумно? Не знаю.

- А что тут думать. Бери Игорёчка сразу с собой. Вон какой боевой защитник и помощник растёт... Он тебя не подведёт... А хочешь, я на недельку отпуск возьму за свой счёт и тебе помогу?

- Нет, Томочка, ты и так мне столько помогаешь, что я перед тобой в неоплатном долгу, - поцеловав сестру, сказала Елена.

- Ма, так ты берёшь меня? Я с тобой поеду?..

- Поедешь, коль тебе так хочется и ты обещаешь учиться на пятёрки и быть мне хорошим помощником...

- Ура! Я еду. Ты слышишь, Олежик, отправляюсь в Москву с мамой! А ты с дядей Мишей и тётей Томой приедешь на Новый год. Так ведь, мама?

- Так, - глядя сына по голове, с любовью и лаской ответила Елена.

Получив согласие Елены, Игорёк с Олежиком от счастья сияли солнцем, светясь радостью и мечтами детского восприятия предстоящей поездки в Москву, ожидаемыми ими там новыми познаниями и развлечениями. А сёстры, погрузившись в разговор, тоже не замечали, что пошёл уже двадцать третий час суток и всем давно пора спать. И вот, наконец, Тамара, спохватившись, сказала:

- Олежик, Игорёк, быстро ложитесь спать! Вы посмотрите, который уже час?!. Все дети уже спят давным-давно, а вы всё резвитесь...

Дети, не перечая, подготовились ко сну и мигом позасыпали. А Елена долго ещё рассказывала Тамаре о Монастыре, матушках, что живут там, об отце Тимофее, отце Василии, о Марии Ивановне, Любе и о состоянии своей души, и о своей беседе на могилке у мамы, и о давящих чувствах, которые непокоят её. Отчего Тамара, несколько расстроившись, сказала:

– Лена, ты проще смотри на жизнь. Что ты у нас за человек? Меньше философствуй.. Ты у нас и так очень чувствительная.. А ты ещё пытаешься врваться в суть познания Вселенских проблем, противоречий созданного мира. Зачем тебе это? Воспринимай жизнь, какая она есть – без боли и печали.. Радуйся каждому прожитому дню, сиянию солнца и тому, что сын у тебя есть и я, твоя сестрица, – обнимая Елену, говорила Тамара. – Всё обрывается, дай только срок. Вон, слава Богу, в Москву едешь жить, да ещё и станешь трудиться на руководящей работе. Видал, какое счастье тебе привалило.. Откроешь новую страницу своей жизни. Падать духом, моя любимая младшая сестричка, никак нельзя. Помнишь, как мы с тобой в детстве картошку окучивали, в лес за пеньками ездили, траву носили, пухли от голода.. Ведь выдержали всё, а сейчас ты вон у нас учёная стала, тебя уважают, а ты места себе не находишь. Оставь все противоречия, сомнения и не копайся в себе. Живи проще.. И пойдём, моя дорогая Ленусенька, спать – утро вечера мудрее.. Так ведь, сестричка.

– Ты прости меня, Тамара, что я вновь и вновь тебя мучаю своими беседами, сомнениями, болью и тоской. Не раз себе приказывала тебя не тревожить и не рассказывать.. Однако, то ли я тебя очень люблю, то ли мы с тобой вместе росли, и пили, и ели из одной посуды, выполняли вдвоём с тобой крайне тяжкую работу, от которой вместе рыдали не раз, то ли по внутреннему миру ты мне больше всех близка. Ведь у меня, кроме тебя, есть два брата и ещё три сестры, однако я перед ними не раскрываю свой внутренний мир. Не то что я не хочу, я, похоже, просто не могу. Моя душа с ними молчит. И она не распаивается откровенно перед ними так, как перед тобой. Да, похоже, они меня и не могут понять, может, оттого, что с ними я реже говорю, чем с тобой, а может, по характеру и состоянию души..

Вот с мамой я так же любила говорить, не боялась распахнуть ей свою душу всей своею глубиной и не стеснялась осветить ей все свои противоречия.. Вот и сегодня у неё на могилке я говорила с ней обо всём, что волнует мою душу. И мне было горько, тоскливо, но и в то же вре-

мя я чувствовала усладу той проникновенности, что ко мне навевалась от могилки мамы. Я как бы чувствовала её тепло, её ласку, её утешение. Томочка, я за ней очень тоскую, как я её хочу обнять! На могилке я обняла её памятник. Много времени, пока не наговорилась, так и стояла, прислонив своё лицо к её лицу, а с него её глаза, словно живые, смотрели на меня..

И, Томочка, спасибо тебе за всё.. И ты прости меня, родная моя, что я вот такая, не совсем у тебя понятная, не только для других, но и для себя. И всеми своими болями и печальями обливаю тебя сверху донизу. Я очень к тебе прикипела душой и очень, очень тебя люблю, ты, после мамы, моя настоящая защитница, помощница, сестрица и подруга... Как я буду жить без тебя в Москве? – и она, не желая того, вдруг разрыдалась.

– Ленусенька, ну что ты? Ты же сама мне говорила, что мы к тебе на Новый год приедем.. Да и так я к тебе стану часто приезжать. Мне по работе нужно будет в головное предприятие отчёты привозить, а оно уже год как в Москве находится.. Так что, Бог даст, мы часто будем встречаться.. А сейчас вон уже три часа утра, пойдём спать, моя ненаглядная сестричка. Уже скоро, наверное, Михаил придёт, там у них авария на шахте. Последствия аварии они устраняют вон уже вторые сутки.. Слава Богу, что люди не погибли.. Правда, травмы всё же три человека получили.

Произнесённые последние слова Тамары словно оставили поток мыслей, которые беспокоили Елену. Она встала, долго молилась.. В молитвах Михайлова взывала, чтобы Господь и мама простили её за помыслы, её греховные деяния. Но вместе с тем всею глубиной своей души она, обращаясь к Творцу, молила помочь разобраться ей в себе, осмыслить истину и найти пути к её познанию.

Раздумывая над этими вопросами, Елена забылась тревожным сном, в котором чётко увидела свою маму. Та была одета в светло-голубой наряд. Рядом с ней стоял Ангел. Он был облачён в белоснежную, неописуемой красоты одежду. И Елена слышит, как мама говорит Ангелу: «Дочка Елена много раз ко мне обращается и всё про-

сит помочь ей понять себя, свою душу, как ей поступить, как облегчить душу. А также дочь просит понять, почему её душу разъедают противоречия. И почему ей так живётся тяжело».

– Ну коль просит, то необходимо ей пояснить, – задумчиво сказал Ангел и начал: – Пойми, Елена, каждую человеческую душу Бог творит Сам – лично и непосредственно, тогда как тело создаёт посредством двух других организмов, обладающих генетической программой размножения, записанной Творцом на биохимических носителях информации, то есть в генах. Разумная духовная сущность человека, как принято считать, – это душа, которая и является, в первую очередь, носителем образа своего Творца, поэтому люди и имеют полное право называть Бога Отцом, душа соединяется с зародышом ещё в утробе матери. И при сотворении, пойми, Елена, душа получает от Бога основные черты Богоподобия, в том числе и способность, даже стремление к творчеству. Однако человек, не защищённый благодатью Святого Духа, будет непременно подвергаться воздействию демонов в той или иной форме. И чем более талантлив изначально человек, тем больший интерес представляет он для падших ангелов, то есть демонов. Это, Елена, ты запомни. Ведь демон, имеющий потребность самовыражения, непременно пытается найти для реализации своих целей наиболее подходящего человека, подобно тому, как хороший поэт ищет красноречивое и ёмкое слово, зная, что от этого будет зависеть и качество произведения. А ты же, Елена, очень талантливая, однако ты мятущаяся натура, от некрепкой веры ты не очень защищена благодатью Святого Духа, поэтому ты и страдаешь...»

От услышанного у Елены сердце словно остановилось, видение исчезло, но она взмолилась и стала просить, чтобы Ангел продолжил свою речь и ответил бы на все вопросы, которые ему задала мама. И Ангел, светозарно горя в лучах солнца, продолжил: «Ты, Елена, говорила Тамаре и маме на могилке о том, что в Монастыре, где ты была, матушки, отец Тимофей и отец Василий тебя не поняли и не очень чётко пояснили тебе о твоих душевных противоречиях: почему в тебе борются зло и добро, милость и

корысть, лень и трудолюбие, любовь и безразличие и ряд других блуждающих в тебе противоречивых качеств. Они тебе пояснили, но ты не захотела их услышать, поскольку нет в тебе глубины веры. Ты бросаешься из стороны в сторону и, как сама говоришь, ты то к Богу стремишься, а то идёшь к демону. И вот, когда идёшь ты к Господу, то в душе ты чувствуешь радость и умиление, а когда отворачиваешься от Творца, то непременно твою душу пронзают печаль да тоска, то есть тебя жгут противоречия. И это естественно, поскольку в это время Святой Дух не защищает тебя своей благодатью. И ты сразу в это время подвергаешься воздействию демонов в форме тоски, злобы, раздражения, разочарования и даже, помнишь, самоубийства?.. Ведь это мама вымолила у Господа, когда ты стояла у края пропасти и пыталась покончить счёты с жизнью. А к этой пропасти тебя подвели демоны. И если бы ты была крепкой Веры, то этого бы не случилось. Почему матушка Ольга из Монастыря всегда уравновешенная, добрая и она счастливая? Да потому, что она очень сильно защищена благодатью Святого Духа. Она, как ты знаешь, с детства стремилась к Богу, а другое её не интересовало, найдя дорогу к Храму, Ольга не свернула в сторону. Вот почему у неё в душе уют, умиление да спокойствие. А ты чувствуешь в своей душе мытарства. Но в тебя Бог вложил более утончённую сущность человека. Твоя душа является в большей степени носителем образа Господнего творения, и ты более талантлива вообще, а в науке и поэзии, в частности, поэтому в большей степени подвергаешься воздействию демонов. Ты должна это понять. Глубоко и постоянно верить в Бога, иначе ты уйдёшь в ад. Ведь Господь по силе даёт ношу. И ты разве не знаешь Библейскую притчу, что Творец с каждого спросит по талантам?..»

И далее, несколько призадумавшись, Ангел продолжал: «Елена, ты же в Монастыре читала Библию, Святые писания, Жития Святых, и ты же знаешь о том, что наших прародителей, Адама и Еву, демон, приняв облик змея, прельстил тем, что они будут жить, как боги, если познают плод, запрещённый Творцом. И наши предки, не вняв предостережению Господа, вместо обещанного

демоном всемогущества получили жизнь, полную скорбей, а вместо бессмертия – смерть. И ты, Елена, запомни, что демоны тебя будут искушать, как Божью избранницу. И если ты не устоишь перед искусителями, которые будут через различные формы к тебе пытаться войти на вожделенный с тобою контакт, и если ты поддашься – то ты погибла.. И твои помыслы окажутся на пепелище благих надежд и высоких стремлений.. Твои чаяния, твои дела, твоё творчество должны быть чистыми, направленными добротой и любовью к людям и к прославлению Господнего пути. Тебе Творец дал судьбу творческой профессии. Ведь ты, кроме того, что учёный, – ещё и поэт. Спаситель тебя наградил великим талантом, и ты должна написать много произведений духовного содержания, очищая ими себя и помогая людям осмыслить Господнее творение. Ты хотя и стремишься к Богу, но сбиваешься с Его пути. И демоны в этот период порабащают твою волю и разум. И если, Елена, ты отойдёшь от Господа, то демоны будут постоянно тебя курировать и тобою управлять. Поэтому, чтобы ни случилось, больше молись, не ропщи, а трудись душой и своим разумом. Помни, что тебе Богом много дано, но много с тебя и спросится...»

Сказав это, Ангел прекратил говорить, повернулся к Александре Петровне, а мать, улыбаясь, видя стоящую здесь дочь, вымолвила: «Ну что, Леночка, теперь ты всё поняла? Не забывай по жизни то, что тебе Ангел сказал. Выбирай богоподобную свободу, умей противостоять злу, стремись побеждать любые тернистые пути, иди с Божьей молитвой и возлюби Господа Бога всем сердцем своим, всею душою своею и всем своим разумением. Тогда, дочка, никакие демоны тебя не победят. Спасибо тебе, Елена, что ты так горячо обо мне молилась в Монастыре. Передай Тамаре и всей нашей большой семье, что здесь я обо всех вас молюсь и прошу Господа, чтобы Творец не оставил вас. И скажи Алексею, чтобы он не занимался противоборством, не воспевал бы в себе атеизм, а Татьяна чтобы ушла из иеговской секты. И чтобы они покаялись, исповедались и причастились. И вернулись бы в Христову Церковь. Ведь Господняя Церковь является

оплотом спасения души. С помощью благодати Святого Духа, которая подаётся только в теле Церкви и только через её Таинства можно обрести Рай и вечность. А иначе их ждёт ад, нестерпимые муки дьяволов и очень сложно их будет вымолить, чтобы Господь ниспослал им прощение...»

На этих словах видение прекратилось, и Елена проснулась. Она пыталась осмыслить слова Ангела и слова матери. Её поразило то, что во сне фактически Михайлова нашла ответы на все вопросы, которые её интересовали. От таких чётких видений и изречений Ангела и матери стало радостно, но в то же время ею овладел страх. Елена поняла, что она сама виновница всех своих несчастий. И все противоречия, которые заполнили её внутренний мир, родились хотя и без её воли, но однако всё же по её вине. Анализируя услышанное, вновь и вновь вспоминая слова Ангела и матери, в ней стал формироваться мир из ткани картинного выражения, которую она увидела во сне. Затем Елена встала, подошла к иконе, которую привезла из Монастыря, пала на колени и начала молиться. Молилась Елена проникновенно, всей глубиной души, благодарила Господа, Ангела и маму, просила у них прощения за свои греховные действия, молитвенно проникаясь во все слова и явления, увиденные во сне. Она каялась, просила помощи у Творца, чтобы перебороть себя и идти путём чистым, уметь вынести все невзгоды и козни демона и быть верной дороге, которую ниспосылает Бог. Елена при этом читала разные молитвы: и Символ Веры, и Славословие Пресвятой Троице, и Молитву Господу, и Святому Духу, и Господу Иисусу, и Ангельское приветствие Божьей Матери, но Господнюю Молитву «Отче наш» Елена повторяла и повторяла несколько раз.. А потом вдруг она поймала себя на том, что шепчет слова несколько иные, которые ложились рифмованной формой молитвенного прошения к Господу Богу стихом. Ей его словно кто-то нашёптывал. И был он следующего содержания:

***Отче наш! Твой престол
на небесах.***

Вся наша сила в Твоих
руках.
Вечно будет святиться имя
Твоё.
И навеки царство Твоё
одно,
Как на земле, так и в
Небе.
Не откажи, Боже, в насущном
хлебе.
Дай нам, Господи, его каждый
день.
Сохрани нам душу и в тепло
зимы.
И прости, Господь, что не так
живём,
Что всё в долг у Тебя для себя
берём.
Помоги от грехов нам
очиститься.
И с Твоей благодатью
свидеться.
Укрепи Ты нас
в испытаниях.
От чумного избавь Ты
терзания.
Ибо Ты Всемогущ. И во веки
веков
Твоей силе и власти нету
сков.
Слава, Боже, Тебе
Единому –
Миротворцу
Непобедимому.

Прочитав слова, Елена вновь начала нашёптывать эту родившуюся молитву. И она снова слово в слово повторилась в памяти. Михайлова в третий раз прошептала эту молитву, и она вновь повторилась без каких-либо изменений. Елена поразилась происходящему и стала шептать другие молитвы, и слёзно раскаиваться, прося прощения и помощи у Господа. Слёзы крупными каплями текли по её щекам, но она их не замечала и вновь стала шептать молитву, ниспосланную Небом, которую Елена нигде и никогда не читала. А сейчас, обращаясь к Госпо-

ду Иисусу Христу с мольбой и скорбью, она её проговари-
вала наизусть в стихотворной форме:

Господь, от мучений меня
защити,
От злодеяний помоги мне
уйти.
В тот час, когда смерть меня
заберёт,
И дел земных свой итог
подведёт,
И будет на страшном Суде
судить,
Но Ты властен, Бог, Свой Указ
выносить.
Кого помиловать и дверь в Рай
открыть,
А кого в нестерпимый ад
опустить.
Там наши дела обличаться
будут.
И о нашем зле сказать не
забудут.
Сатана, как на блудце, всё
принесёт
И в пекло своё за грехи
заберёт.
Где в огне постоянно станем
гореть,
Палящей боли – душе не
стерпеть.
За злое деяние каюсь
душой,
Сними Ты, Господь, с меня грех
земной.
Помоги, чтоб впредь мне их не
творить,
А только в Твой Дом дорожку
торить.
И чтобы терпение в себе
нести,
Подняться над злом и добром
цвести.
Прими, Господь, покаянья
мои,

**Праведным соком меня
напой.
Милостивый Боже, услышь
меня,
Спасительного в сердце вдожни
огня.
Чтобы в молитвах смогла яркой
верой звенеть,
Песни Отца, Сына и Святого
Духа петь.**

Прочитав эту просительную молитву, Елена вновь слышит в себе слова, которые звучат для неё в императивном порядке: «Елена, ты должна помнить о непреложной Господней истине. Я тебе это ниспосылаю в стихотворной форме. Запоминай:

**Завет Господний непреложный
Никто не сможет изменить!
Законам Божьим путь достойный
В сердца должны мы проложить.**

**По Ним достигнем мы расцвета,
По Ним избавимся от тьмы.
Они несут нам копны света
И просветления в умы.**

**Да мы частенько Их не ценим,
Рожаем множество своих.
И в суть Господню не верим,
Не чтим Заветов мы святых.**

**Родные! Люди! Оглянитесь!
Впитайте Божью благодать.
И зло вершить не торопитесь.
Завет спешите в души взять.**

**Чтоб вы очиститься сумели
И беды сбросили с себя.
Стремленьем к Господу прозрели
И в Храм вошли, Завет любя».**

И далее Елена слышит: «Все стихи, которые сейчас прозвучали и те, которые ещё станут в тебе звучать, а их тебе будет много ниспосылаться, ты должна донести до людей в форме псалмов, поэм, духовно-исторических романов, гимнов, как, например, вот этот:

**Господь – наша сила! Господь – наше счастье!
Господь – наш надёжный оплот!
Он горе с нас снимет и сбросит ненастье,
И в Рай нас Творец вознесёт!**

**Коль мы подчинимся и будем сердечно
Дорожку к Владыке торить,
То с Ним пребывать будем в Небе мы вечно
И сможем там в Храмы ходить!**

**Воспрянем же духом! Падём на колени
И будем прощенья просить!
Помолимся сердцем, восславим без лени,
Чтоб смог нас Всевышний простить!**

**Ведь Бог – наша вечность! Господь – наше счастье!
Для нас Он – могучий оплот!
Бог боли с нас снимет и сбросит ненастье,
И душеньки наши спасёт!**

По окончании гимна Елена не стала слышать в себе голос. Она некоторое время не могла осмыслить, что же с нею происходит. Затем всё же вспомнила, о чём ей говорил Ангел, тогда она быстро поднялась с колен, взяла ручку, тетрадь и начала писать все те стихи, которые только что звучали в её голове и устах. Записала их без сбоев, строки ложились ровно, словно она эти стихи знала наизусть или списывала с книги. Кроме этих стихов, стали литься ещё духовно-поэтические строчки. Их ей вновь словно кто-то диктовал, и Елена стремилась быстро записывать куплет за куплетом, не переделывая ни строчки. Стихи из неё лились сплошным потоком, и все они были духовной направленности, посвящённые восславию Господа, Божьей Матери, Святого Духа. От этих стихов Елена чувствовала неопишуемый восторг, радость, умиление и благостное возбуждение души. Душа словно парила, ощущая усладное прикосновение той материи, которая одновременно даровала запах цветения неопишуемой благодати и плод радостного труда. И в таком состоянии Елена пребывала чуть ли не до рассвета. И вдруг творческая энергия прекратила наполнять её душу и разум! Елена поднялась из-за стола и тут же почувствовала усталость, но на душе было тепло и уютно. Елена легла на кровать, укрывшись пуховым мамии-

ным одеялом, и вскоре забылась в непродолжительном сне.

ГЛАВА X

А за окном погода теснила округу небольшим морозом и первым снегом. Он пушисто одевал голые ветки деревьев. Снег чинно ложился также на крыши домов, празднично преображая их в белый покров. И вся земля, уставшая от грязи и слякоти, тоже нарядилась в белоснежное платье, отчего округа стала казаться роскошнее, просторнее и воззваннее.

Первой изменения в природе заметила Тамара. Подойдя к сыну, она сказала:

– Олeжик, глянь-ка в окно, там мороз в снежки играетя.

– Как играетя? – не поняв смысл сказанного, спросил Олег и поспешил к окну.

– Ма, красотища-то какая!

И подойдя к кровати Игорька, стал его тормошить, чтобы тот скорее проснулся. Но Игорь разнежился и не хотел подниматься.

– Игорь, вставай! На улице белым-бело. Пойдём немало побегаям по снегу и на санках покатаемя.

Игорь пулей вскочил с кровати и вмиг припал лбом к стеклу, говоря:

– Тётя Тома, вы нас отпустите на улицу?

– Отпущу, но только на двадцать минут.

Олег и Игорь с радостными возгласами наперегонки стали одеваться, на ходу застёгивая куртки, и с шумом радости выскочили на улицу. Там несколько минут погонялись друг за другом. Потом начали катать снег в большие круглые шары и лепить из них снеговика. Из белоснежных шаров они вылепили туловище, затем прилепили голову. Олег вихрем сбегал домой, принёс морковь и старую соломенную шляпу. Морковь они примостили снеговикау вместо носа. Затем Олег и Игорь очертили рот, брови. Вместо волос на голову надели соломенную шляпу, а вместо рук приспособили палки, которые забавно зывали прохожих. Смастерив таким образом чудо-снеговика, они, счастливые, бегали вокруг него друг

за другом, бросаясь снежками, пока их Тамара не позвала домой. Раскрасневшиеся, восторженные дети с аппетитом позавтракали и стали собираться в школу. От их шума вскоре проснулась Елена. Она хотя и проспала не более двух часов, но выглядела бодрой, радостной и была в приподнятом настроении. И это не ускользнуло от глаз Тамары, и та спросила:

– Леночка, как спалось? Сон хороший приснился?

– Тамара, сегодня не ночь была, а нечто другое. Мне приснился сон, где я видела Ангела и маму. Ты, Томочка, не поверишь, но мне Ангел и мама осветили то, что меня всегда волновало, а я не могла найти ответ. И от увиденного, сестрица, мне кажется, я прозрела. Во сне от Ангела и мамы я получила просpekt своего жизненного пути. И критику в свой адрес по поводу моего неуравновешенного характера, моих противоречий, отступлений, горестей и болей. Томочка, а ещё мне диктовались Ангелом молитвы в форме стихов, я вначале устно читала, затем записала их в тетрадь. Сейчас времени нет, я в школу спешу, ты же – на работу. Я тебе их, сестрица, непременно должна почитать, поскольку во сне Ангел мне сказал, что мне дан великий талант, и я должна писать молитвы, псалмы, поэмы, духовно-исторические романы. Ангел мне несколько раз напомнил о том, что кому много дано, то с того многое и спросится... Мне, Тома, радостно и в то же время страшно: а вдруг я не справлюсь? Ведь я литературного института не заканчивала...

– Справишься, Лена, непременно справишься. Ты же у нас ещё в детстве стихи писала. И, мне кажется, очень хорошие. А на день рождения ты мне прекрасное стихотворение подарила. Я его прочитала своим близким, коллегам на работе. Оно всем очень понравилось. Они удивились, что это ты так пишешь, думали, что этот стих написал именитый поэт. Поняла?

– Поняла... Они, наверное, Тома, так сказали, чтобы тебе сделать приятное... Я же твоя сестра...

– Вот ещё... Что-то они в мой адрес этого не говорят. Ведь я им тоже свои стишочки дарю. И, кроме того, ты же сказала, что тебе Ангел будет помогать, значит, и

станет, коль есть на то Божий промысел.

– Спасибо, Томочка, за поддержку и твои добрые слова. Я, Бог даст, буду стараться. Только бы мне не потухнуть, а сохранить бы в себе зажжённую сегодня ночью свечу творческого горения. И чтобы свеча эта никогда не гасла во мне, а освещала бы путь своей надеждой, вдохновением и Божьей благодатью. И чтобы ни единого слова, что мне было ниспослано во сне устами Ангела и мамы, я бы не забыла и их требования и пожелания смогла бы выполнить. Тогда бы, Томочка, я была бы самым счастливым человеком на свете...

– Будешь стараться, Елена, не будешь хандрить, то Бог даст тебе силы, и ты сумеешь выполнить всё, что тебе ниспослано Святым Духом. Ведь ты у нас сильная, но, правда, излишне впечатлительная, что у тебя и забирает силы и вводит иной раз в растерянность.

– Тома, после сегодняшней ночи, я обязана всё переосмыслить и стараться выполнить всё то, что мне было сказано во сне. Ведь вдруг, сестрица, этот сон – вещий, а?

– Конечно, вещий. Тут и сомневаться нет никаких оснований. Да ты и сама это прекрасно знаешь. Просто это же самое ты хочешь услышать для подтверждения своих мыслей из моих уст. Так ведь, Леночка?! Признавайся, так?! – ободряюще, светясь лаской, сказала Тамара.

– Так, моя дорогая союзница, сестрица и подружка, – обнимая Тамару, призналась Елена.

– Об этом мы поговорим попозже. А сейчас, Томочка, как я уже тебе сказала, я бегу в школу. Там возьму документы на Игоря о его успехах и поеду в Донецк. Мне необходимо решить ещё некоторые вопросы с Анатолием Валентиновичем и забежать в народный суд к Майе Ивановне, чтобы узнать, никаких там не возникло новых обстоятельств по поводу развода с Дмитрием? И, наверное, сегодня я к вам не приеду, поскольку завтра в девять утра будет слушаться моё дело о расторжении брака. И я боюсь, что вовремя от вас я не смогу добраться тогда в суд. Вон сколько снега напало, но, кажется, что к обеду будет оттепель, тогда к вечеру жди великой гололедицы. И билеты я ещё на Москву не взяла.

– Да, Лена, чтобы не подвергать себя риску и излиш-

нему волнению, ночуй в Донецке, а завтра после суда сразу и приезжай. Ты уезжать в Москву от нас будешь или из Донецка?

– Наверное, Тамара, лучше из Донецка. Там ведь кой-какие вещи находятся, и чтобы с ними не таскаться по автобусам, в пятницу я выеду в Москву с Игорьком из Донецка.

– Мы же всей гурьбой, Елена, поедем тебя провожать: Михаил в пятницу возьмёт отгул, я тоже, а Олежик пропустит один денёк, не велика беда. Он у нас сильный ученик, самостоятельно усвоит пропущенные занятия.

– Хорошо, Тамара, так и сделаем.

И каждая из сестёр, расцеловавшись, поспешила по своим делам. Елена в школе без затруднения, объяснив директору причину прекращения Игорем занятий в этой школе, взяла документы и уехала в Донецк. Приехав в Донецк, она сразу пошла в суд к Майе Ивановне. Судья сказала, что изменений никаких не произошло, обстоятельств новых тоже не возникло, поэтому, как намечено, дело будет слушаться в установленное время.

Затем Елена поехала к Анатолию Валентиновичу. В институте её учитель уже поджидал, подготовил ей ряд пояснительных записок, связанных с её предстоящей работой. Вместе с Анатолием Валентиновичем они разобрали интересующие Елену вопросы. Потом Елена рассказала своему дорогому наставнику, которого любила, словно отца, про свой ночной сон. Анатолий Валентинович очень внимательно слушал свою ученицу и сказал:

– Леночка, это за твои муки и терзания тебе приснился такой сон. И это Господь ниспослал тебе такой дар духовного стихосложения. Эти бы молитвы, Леночка, я хотел иметь дома, чтобы и Зинаида Ивановна их почитала, ты мне их перепиши, пожалуйста.

И Михайлова по памяти записала все ночные молитвы. Прочитав, Анатолий Валентинович был потрясён.

– Леночка, как ты смогла такие глубоководуховные молитвы сочинить?

– Они, Анатолий Валентинович, как-то сами собой сочинялись. Мне их словно кто-то диктовал, а я готовые слова только успевала записывать на бумаге.

– Это точно, тебе писать их Ангел помогал.. Ты, наверное, их выпросила своими молитвами в Монастыре? Ты там подолгу молилась?

– Когда как, Анатолий Валентинович.. Перед особо чтимыми праздниками на всенощном бдении Богослужение, бывало, проходило с вечера и длилось очень долго, чуть ли не до рассвета. А так каждый день служба шла утром и вечером. Матушки и ночью молились. И я с ними вставала и старалась молиться. Вначале очень тяжело было, поскольку днём всё свободное время приходилось заниматься физическим трудом, а затем втянулась... Да и Господь, наверное, силы давать стал больше.

– Похоже, что тебе Господь, кроме силы, ещё и дар ниспослал духовного стихосложения. Я вот всю жизнь прожил, а таких стихов не довелось читать. Они мне очень понравились. Давай, Леночка, договоримся, если у тебя появятся новые стихи, то ты их мне передавать станешь из Москвы поездом. А можно и другим путём, но только не пересылай почтой. Письма ведь, не секрет, вскрывают и читают. И непременно всё содержимое письма духовного стихосложения будет достоянием обкома партии. И тогда тебя и меня за такие церковные стихи затаскают и в тюрьму посадить смогут, а с работы за них-то в один момент уволят. А в тебе, коль этот дар открылся, он непременно будет искать простор и рваться наружу...

– Если вас, Анатолий Валентинович, мои духовные стихи заинтересовали, то я непременно все их буду вам направлять или привозить.

– Вот и добренько. Я буду, Елена, их с нетерпением ждать.

– А вы же приедете на Новый год ко мне?

– Я, Леночка, постараюсь, а там – как получится...

– Вас я очень буду ждать... Однако мне, Анатолий Валентинович, пора уже бежать домой, а то я и так забрала у вас массу времени. Завтра же после суда я вам позвоню или забегу к вам.. До свидания, дорогой мой учитель...

Она поднялась из-за рабочего стола, подошла к Анатолию Валентиновичу, поцеловала его с любовью, по-

христиански, и вышла на улицу.

А на улице снег продолжал украшать город, искрясь на свету хрустальным переливом. И у Елены на душе было не то что грустно, но не совсем радостно. Её тяготил вопрос о расторжении брака с Дмитрием. За эти дни она извелась из-за этого развода. Ей хотелось, чтобы скорее развязался этот узел жизни, чтобы она смогла освободиться от всей этой грязи, которую так нещадно Дмитрий выплеснул на неё.

И вот, наконец, в зале заседания суда слушается дело о расторжении брака её с Дмитрием. Дмитрий выглядел растерянным и подавленным. В зале заседания также находилась и Даша. Но она сидела со смущённым взором не рядом с ним, а поодаль.

Майя Ивановна огласила исковое заявление о разводе и спросила согласие сторон о расторжении брака. Елена особо не мотивировала свои исковые требования, а просто говорила, что с Дмитрием она не сошлась характером, поэтому и просит расторгнуть с ним брак. Когда же очередь дошла до Дмитрия, то он своё согласие не давал и просил суд их брак не расторгать. Судья вынуждена была более глубоко и шире выяснять мотивы просьбы Дмитрия, задавая ему вопросы:

– Поясните суду, почему вы не согласны расторгнуть брак?

– Потому что я очень люблю Елену. А Дашу я встретил случайно, хотя она и беременна. И я не отрицаю, что это мой ребёнок, но я её не люблю. И у нас большая разница в возрасте: ей семнадцать, а мне вот уже через месяц тридцать один исполнится. К тому же Сафонова Дарья меня не любит.

– Как это не люблю? Я тебя, Димочка, ещё с восьмого класса полюбила. И ты мне клялся, и не раз, что ты меня очень любишь и обещал развестись с Еленой Васильевной, как она только приедет, а со мной расписаться. Я боялась, что Елена Васильевна тебе не даст согласия на развод, а тут наоборот, узнав о случившемся, она мне сказала, чтобы я не переживала и не плакала. Она не хочет, чтобы в такой моей ситуации ребёнок, который скоро должен родиться, воспитывался без отца, и поэтому даёт

согласие на развод. А теперь ты, Димочка, слыша, что Елена Васильевна согласна на развод, ты от меня отказываешься? Сам забрал меня от родителей, ведь я с тобой уже живу около пяти месяцев. Как ты так можешь? Я же с ребёнком без тебя пропаду... Димочка, почему ты так поступаешь?! – прервав речь, зарыдала Даша.

Суд ещё много задавал вопросов и внимательно выслушал как Елену, так и Дмитрия, свидетельницу Дашу. И, исходя из сути искового заявления, материала по делу, показаний свидетельницы и внутреннего убеждения, вынес решение о расторжении брака Елены и Дмитрия.

Услышав такое решение, Даша прямо в зале суда бросилась на шею Дмитрию, шепча: «Ты же не бросишь меня, родненький мой, женишься? А то за эти дни я выплакала все глаза. Я ведь у тётки Паши живу. Родители меня выгнали из дома. Пойдём сейчас к тётке Паше, я договорилась, она нам разрешила пожить у неё, пока Елена Васильевна в Москву не уедет». Взяла его под руку и, светясь счастьем, пошла с Дмитрием к тётке Паше. А Елена поехала к Анатолию Валентиновичу, затем на железнодорожный вокзал, купила билеты и позвонила Виктору Павловичу, желая сказать о том, что она прибывает в Москву послезавтра. И поспешила домой. А дома её ждали гости. Из Шахтёрска успели уже приехать Тамара, Игорёк, Олег и Михаил. Они по-хозяйски готовили ужин. Тамара, услышав звонок, побежала открывать дверь. Обняв и поцеловав сестру, первым делом спросила:

– Ну что, с Дмитрием тебя развели?

– Да, Тамара, теперь жизнь, в некотором роде, начинается с чистого листа.

– А билеты, Лена, ты взяла?

– Вот их в сумке несу, только что купила. Переживала, что не успею. Поскольку разбирательство о разводе в суде долго шло, только около тринадцати часов закончилось. Потом забежала к Анатолию Валентиновичу, а там время пробежало очень быстро, спасибо, что он дал машину, и я с его водителем на вокзал съездила и там без очереди быстренько билеты приобрела.

– А какой вагон? Купейный?

– Вагон, Томочка, купейный, десятый, места одиннад-

цатое и двенадцатое.

– Елена, а Игорёк не упадёт с верхней полки?

– Да я сама буду спать на верхней полке.

– Нет уж, мамочка, я там буду спать... Я уже взрослый, – услышав разговор тёти Тамары с матерью, сказал Игорь.

– Ну коль взрослый, значит, будешь спать на второй полке.

– Лена, а когда поезд отправляется из Донецка и прибывает в Москву?

– Отсюда он отправляется в двенадцать сорок, и в Москву, если будем ехать без опозданий, прибудем в одиннадцать двадцать.

– А что, разве этот поезд не скорый?

– Нет, Тамара, не скорый. На него не было билетов ещё три дня тому назад.

– Ну, ничего... Понаслаждайтесь природой подольше из вагона, – улыбаясь, вклинился в разговор Михаил.

– Тётя Лена, а в Москве какая погода?

– Олежик, я спросила Виктора Павловича сегодня, когда звонила, он сказал, что очень много снега намело и засыпаны все дороги. А мороз невеликий...

– А как же вы тогда домой доберётесь?

– Не переживай, Олежик, пока мы приедем в Москву, то там уже порасчистят все стёжки-дорожки. А сейчас, дорогие мои, пойдёмте ужинать. Вон из кухни какой вкусный запах веет.

– Это я такой запах сделал. Правда, папа?

– Правда, Олежик, но и я же тебе помогал. Лук чистил? Чистил! Картошку чистил? Чистил! И резать её тоже резал!

– Но зато, папа, я же её мешал?

– Мешал, но кто мешает, Олежик, то того бьют... – светясь лаской к сыну, ответил Михаил.

– А я зато за хлебом бегал. Купил белого булку и чёрного взять не забыл. Ты же, ма, любишь чёрный хлеб, поэтому я его и взял, чтобы сейчас поесть и в дорогу взять.

– Да, молодец ты у меня, Игорёк, заботливый. И вообще все вы молодцы. Я вас всех очень люблю. Вон как постарались. Я не успела войти в квартиру, а тут уже,

как в сказке, стол полон яств. Спасибо, мои дорогие!!!
Пойдёмте кушать, а то я умираю от голода, – светясь радостью и счастьем, говорила Елена.

Они все дружно уселись за стол, поужинали, за собой прибрали стол, помыли посуду и стали собираться в дорогу. И Тамара, обращаясь к сестре, сказала:

– Ленуся, а я вам в дорожку ещё в Шахтёрске купила конфет, печенье и колбаски двух сортов. Ты, небось, не купила?

– Нет, Тамара, не успела. Спасибо тебе, сестрица, балуешь ты меня с Игорёком. Что я буду делать в Москве без тебя? Небось, пропаду...

– Не пропадёшь, мамочка, ведь я у тебя есть, – помогая матери укладывать вещи в чемодан, сказал Игорёк. – Я уже и картошку умею жарить и суп варить... Правда, тётя Тома?

– Правда-правда, Игорёк. И ещё, сестрица, твой сын и пельмени варить умеет и яичницу жарить может. Так что с голода умереть он тебе не даст...

– Ма, – прерывая Тамару, – спросил Игорь, – а отец плакал, что ты с ним расходишься?

– Нет, сынок не плакал. Но он не очень хотел, чтобы наш с ним брак расторгали.

– Я переживал, что вдруг отец начнёт рыдать, то ты сжалишься и согласишься с ним жить. А я его видеть после этого предательства не могу. Я так рад, что ты с ним разошлась, а то он в последнее время меня дубасил и не раз, когда я ему говорил, что он иуда.

– Игорёк, я тебе об этом уже говорила, что на отца нельзя так говорить. Жизнь – штука сложная. Если тебе не нравится поступок отца, то помни о нём, и сам по жизни не делай глупостей.

– Я то уж, мамочка, никогда не приведу другую тётку в дом. Он же говорил, что меня любит и тебя любит, а сам Дашку привёл и предал нас...

– Сынок, об этом мы тоже ведь говорили. Ну так получилось... Ведь Даша ждёт ребёнка. И давай Игорёк сменим тему. Ты ещё маленький, вырастешь – на многие жизненные зигзаги будешь смотреть по-иному... А сейчас вон носи из шкафа свои рубашки и идите с Олежиком

отдыхать .

Игорёк послушно принёс свои вещи, пошёл к Олежку, и они отправились спать, а Елена, Тамара и Михаил долго ещё беседовали. На душе у всех было тревожно, давила мысль разлучной дороги. Тамара ещё не успела насытиться встречей с Еленой. Она эти семь месяцев, так же как и Игорёк, очень наскучалась за сестрой, а тут Елена вновь уезжает. И эта грусть теснила Тамарино сердце. Но она тешила себя мыслью, что через месяц в Москве вновь они встретятся. Старшая сестра очень беспокоилась за Елену, поскольку Лена выглядела очень уставшей. К тому же Елена очень похудела, в ней появилась снова подавленность, хотя и не в такой степени, как в дни, когда она пыталась по собственной воле покончить счёты с земной жизнью. Однако и жизнерадостной она не была. Тамара надеялась, что в Москве рана развода с Дмитрием скорее заживёт, чем в Шахтёрске. Там он не станет мучить её своими приставаниями и объяснениями в любви. Не видя Дмитрия и беременную Дашу, Елена быстрее переболеет и, может быть, приобретёт былую деловитость и интерес к науке и к смыслу жизни. Посмотрев ещё раз на Елену, Тамара встретила с ней взглядом и поймала себя на мысли, что Лена поняла, о чём думает сестра. И вслух сказала:

– Ленок, Бог даст, всё образуется. Тебе ещё только тридцать лет.

– Тома, уже не за горами тридцать один годок обнимет меня своими крыльями полёта.

– Вот-вот, полёта. Я так, Елена, хочу, чтобы ты поднялась вверх и парила своей красотой и способностями. И чтобы чёрная полоса тебя оставила наконец. И ты обрела спокойствие да любовь.

– Спасибо, Томочка, но что-то любовь у меня какая-то роковая. Мне в любви мужчины объясняются, и кажется, что любят, а в конечном исходе от неё печаль да слёзы. И я останусь у разбитого корыта с большим мешком горя да беды. Томочка, так хочется, чтобы меня миновала чаша снедающей любви. А если уж влюбиться, то чтобы любовь была чистой, свободной, взаимной и беспрепятственной. Чтобы на неё никто не зарился, что-

бы ни у кого она не вызывала зависть и никто от неё не страдал..

– У-у... Леноч.. Такое едва ли бывает.. Большая и взаимная любовь всегда вызывает зависть. Ты же не полюбишь серого, а душу распахнёшь к сильному. А человек волевой природы всегда является любимцем общества. Женщины к такому мужчине липнут, как железки к магниту.

– Я, Тамара, не знаю.. Может быть, ты и права.. Но я бы хотела, чтобы моя душа открылась не к любимцу общества, а к человеку широкой природы, чтобы он меня понимал, был духовным и вёл бы меня за собой.

– Но чтобы тебя вести за собой, то тебе, Леноч, надо такого сильного, что я, признаться, таких и не встретила. Может, в Москве найдёшь?

– Ой, Тамара, шутница ты. Какая я там сильная? Была бы сильная, то не рыдала бы. А жила бы себе припеваючи, а не мытарствовалась бы.

– Ты, сестрица, как ты говоришь, мытарствуешь оттого, что людей любишь, что совесть да жалость имеешь, а не оттого, что у тебя воли нет. Твоей воли на таких, как я, на десятерых хватит. Притом ты у нас красивая, трудолюбивая и очень умная. А таких мужики частенько боятся. Или влюбляются до беспамьятства и мучают да изводят своей любовью, как, например, твой Николай Снегирёв. Кстати, Лена, а Виктор Павлович ведь тоже Снегирёв. Он, случайно, не родственник Николаю Снегирёву?

– Не знаю, Тома.. Возможно, и родственник, а может быть и нет.. Вообще-то, он говорил, что у него брат в Москве живёт. А скорее всего Виктор Павлович и Николай просто напросто однофамильцы.. Мало ли у нас в Советском Союзе людей с одинаковыми фамилиями..

Долго ещё сердечную и доверительную беседу вели сёстры. Михаил и дети уже давно спали. И, наконец, уже глубокой ночью сёстры разошлись и примостились: Тамара к Михаилу, а Лена легла на диван. На тот самый диван, который они когда-то купили для мамы. А мама так мало на нём поспала. «Умерла моя дорогая мамуля. То что мама когда-то на нём спала, от этого он мне так

дорог. Я его оставляю.. Так жаль... Никаких вещей, мебели и квартиры не жаль, а диван оставлять так не хочется. Может быть, мне его с собой взять и отправить багажём? А куда брать? Толком не знаю, что в Москве меня ждёт. Возможно, Виктор Павлович сказал неправду и никакой квартиры мне не выделили? И на счёт работы он, может быть, нафантазировал? Ведь я его не знаю.. А вот срываюсь и еду, да ещё с ребёнком. Что меня ждёт в этой Москве? Неужели опять тернистый путь? Господи, помоги мне его осилить. Не оставь меня, Боже! Благослови, Христос, на то, чтобы там у меня всё ладилось, чтобы я в Москве обрела радость и покой. И чтобы работа давала мне утешение и удовлетворение, а сама Москва не давила меня своей масштабностью. И Игорёк мой не чувствовал бы там неуютность, а обрёл себе друзей. Услышь меня, Всесущий, и помоги мне в моих новых начинаниях и новой жизни».

Елена ещё долго просила Господа, чтобы Творец не оставил её одну в огромнейшем городе на произвол судьбы. И лишь под утро, когда уже в квартирах стал появляться свет и люди спешили на заводы, фабрики и шахты трудиться в первую смену, она забылась в коротком сне.

В квартире Михайловых первым проснулся Михаил. Он тихонько, стараясь не разбудить спящих, вышел на балкон. И закурил папиросу. Дым от неё стал проникать в щель двери. От дыма, возможно, и от беспокойства в душе проснулся и Игорёк. Он растолкал рядом лежащего Олега. И они вдвоём пошли в ванную умываться и приводить себя в порядок от ночного сна. В своих действиях дети старались не шуметь. Однако Тамара и Елена тоже уже проснулись не столько от их шума, а сколько от наступления утра, которое их звало в дорогу..

ГЛАВА XI

И вот сёстры, Игорёк, Олежик и Михаил уже находятся на железнодорожном вокзале.. На первую платформу подошёл поезд, и они направились в свой вагон. Мужчины занесли вещи, а Тамара и Елена ненадолго остались возле вагона. Игорёк, видя, что мамы и тётки Та-

мары нет в купе, беспокоясь, вышел из вагона со словами:

– Ма, тётя Тома, пойдёмте в купе! А то скоро поезд уже будет отправляться. И вы, тётя Тома, не посмотрите наше купе.

– Идём, идём, племянничек, посмотрим, что за купе вас с мамой ждёт.

И Тамара с Еленой направились к двери вагона. Игорь по-джентельменски, зайдя на ступеньки вагона, подал руку взбирающейся тёте Томе, а затем и маме и повёл их в купе. Купе новизной не блистало, сиденье было изношено. Застиранное постельное бельё лежало на верхней полке, издавая запах плесени. Но это никого не огорчало. Олег с Игорем стали забираться на верхние полки, обследуя их расположение. Затем, спустившись, сели за столик и увидели, что им в окошко кто-то машет рукой. И Игорь, обращаясь к Елене, сказал:

– Мама, нам вон возле вагона кто-то рукой машет.

Елена глянула в не совсем чистое окно, заметила, что это были Анатолий Валентинович и Зинаида Ивановна, и быстренько выбежала из вагона, поцеловала своего дорогого учителя и его супругу. А до отправления оставалось три минуты, поэтому Тамара, Олежик и Михаил тоже вышли из вагона. А Игорь остался стоять в дверях вагона, взволнованно крича:

– Поезд уже отправляется! Мама, заходи, а то останешься!

И Елена, спешно познакомив Анатолия Валентиновича и Зинаиду Ивановну с зятем, сестрою и племянником, крепко их расцеловала и поднялась в вагон, когда поезд дал гудок отправления и стал увозить её с сыном в даль от Шахтёрска. Стоящие стали уменьшаться, однако было видно, как Тамара, Олежик и Зинаида Ивановна смахивали с лица набежавшие слёзы. Елена тоже расплакалась, а Игорёк, обняв её, сказал:

– Не плачь, мамочка. Всё будет хорошо, вот увидишь, – и повёл её в купе.

Но слёзы тоски, страха и неопределённости не оставляли Елену. Игорёк, достав свой платок, стал вытирать слёзы, шепча:

– Мамулечка моя, не плачь, не расстраивайся, пожалуйста. Ведь у тебя есть я, твой сын. Я в обиду тебя не дам никому. Смотри, я ростом уже какой большой, скоро буду с тебя, поэтому защитить тебя, родимая, смогу... Не плачь...

От этих слов Елена расплакалась ещё больше, пряча лицо на груди сына. А Игорёк, глядя Елену по голове, тихонечко говорил:

– Я тебя, мамочка, во всём слушаться буду. И работу по дому стану делать, и стараться в учёбе буду. Выживем мы с тобой вдвоём.. Ты за отцом плачешь?

– Нет, сынок... Сама не знаю, но слёзы сдержать не могу.

– Ну поплачь тогда, чтобы легче стало, – и он, как взрослый, словно своего любимого ребёнка, поцеловал мать в макушку и запел её любимую песню:

*А я мечтала в жизни брэнной
Вдохнуть всей грудью бойкость дня,
Вкусить цветъ радуги весенней
И горячее быть огня.*

*И улыбаться счастьем мая,
Найдя в нём дива красоту.
Парить, не зная сердцем края,
Познав Вселенной высоту.*

*Ах, судьба-судьбинушка,
Склонилась ты, как ивушка,
Как будто обнимаешь –
Да горький путь вручаешь.*

*И доля проросла бурьяном
И колет ноженьки стерней,
И поит душеньку обманом,
Даря тернистый путь земной.*

*И не даёт подняться к зорьке,
Прижать к устам её покров,
Разлиться песней доли звонкой,
Впитать усладный её зов.*

*Ах, судьба-судьбинушка,
Склонилась ты, как ивушка,
Как будто обнимаешь –
Да горький путь вручаешь.*

Елена, слушая песню, перестала плакать, обняла Игоря, сказав:

– Спасибо, сыночек, за песню и за то, что ты у меня такой милый, сердечный и ласковый. Да, Игорёчек, я очень мечтала в своём отрочестве, юности быть сильной, достичь многого в судьбе, а судьба вот судьбинушка всё мне горький путь вручает...

– Ты и так, дорогая мамуля, достигла многого уже в своей жизни. И ещё достигнешь!.. Ведь ты у меня ещё очень молодая. И я стану, как и ты, учиться только на отличные оценки, закончу институт или университет и стану тебе в науке помогать. Мы с тобой, мамочка, вместе. Я в это верю. Мы станем с тобой счастливыми, нам судьба ещё улыбнётся...

– Ну, дай Бог, чтобы это сбылось, мой защитник, – обняв и поцеловав сына, сказала Елена.

Видя, что мать успокоилась, Игорёк забрался на вторую полку и стал смотреть в окно, где им навстречу бежали и бежали покрытая снегом земля, дома, деревья. И незаметно для себя он задремал. А Елена задумалась... Её, как червь, точили вопросы: «Как жить?.. Как всё сложится?.. Не пропаду ли бесследно в этом мире? Сумею ли достойно воспитать сына?»

А поезд их мчал и мчал в белоснежную даль, размеренно постукивая по железным путям своими легкими движениями колёс. Подъезжая к станции, поезд затормозил и остановился... К ним в купе зашла симпатичная женщина лет пятидесяти пяти с чудненькой девочкой лет одиннадцати. Женщина, раздев девочку, сняв пальто и с себя, стала знакомиться:

– Меня зовут Наталья Григорьевна, а это моя внучка Светочка. Едем мы с ней в Москву, а сюда мы приезжали к моему брату. Он так любит Светочку, пришлось выполнить его просьбу и взять её с собой. И она вот пропустила целых пять дней занятий в школе, но она у нас сильная ученица, догонит... Так ведь, Светочка?

– Не знаю, может, и догоню, а может и нет... – смущаясь, ответила девочка.

– А вы, Елена Васильевна, тоже до самой Москвы едете?

- Да...

- А вы там работаете?.. Учитесь?

- Думаю только устраиваться на работу.

- А жить же где будете?

- Да будто бы дают квартиру, - неохотно ответила Елена.

Но Наталья Григорьевна (чувствовалось, что от природы она не страдала излишней скованностью) вновь задала Елене вопрос:

- А это на полке лежит ваш сынок?

- Да... Его зовут Игорем.

- Очень на вас он, Елена Васильевна, похожий.. Вот нам повезло. Хорошо, что нет в купе мужчин.

- Как это нет?! А я кто?! Женщина что ли?! - обиженным голосом возмутился Игорёк.

- Извини, молодой человек, - улыбаясь, ответила Наталья Григорьевна. - Ишь ты, какой обидчивый.

- Я не обидчивый, а объективный. И не молодой я человек, а мальчик, и можно называть меня отроком, - поучительно отпарировал Игорь.

- Сдаюсь, Игорь, - продолжая добродушно улыбаться, ответила Наталья Григорьевна. - Чувствуется, с характером растёт, отрок.. Так ведь?.. Игорёк, правильно я тебя назвала?

- Правильно...

- Ты уже, Игорёк, извини меня, что так с тобой обошлась.

- Ничего.. Бывает.., - подражая взрослым, ответил Игорь.

- Так что, мир?

- Мир, Наталья Григорьевна..

- Тогда, Игорёк, вы пообщайтесь со Светочкой, а мы поговорим с Еленой Васильевной.

Светочка, довольно сносный ребёнок (правда, чувствовалось, что вниманием она всё-таки избалована), повела себя стеснительно, но Игорю всё же сказала:

- Ты что такой колючий? Почему ты моей бабушке нагрубил?

- Это я нагрубил?! Это твоя бабушка меня чуть ли бабой не назвала.

- Ну ты же не мужчина?
- Ну и не женщина! Так что не лезь в защиту, коль не разбираешься в существовании вопроса...
- А я буду лезть, так как она моя бабушка.
- Хоть и бабушка, но я не позволю себя оскорблять.
- Ой, какой ты заноза.
- Та сама заноза, чего ко мне привязалась, сиди и молчи. Я с тобой говорить не хочу.
- А я хочу и не буду больше дерзить, извини, - примирительным тоном сказала Светочка. - Ты, Игорёк, в каком классе учишься?
- В шестом...
- А я тоже в шестом. У нас классная, Нина Ивановна, очень хорошая. Записывайся в наш класс.
- Да я же ещё не знаю, где конкретно мы будем жить.
- А мы с мамой, папой и бабушкой живём по улице Маяковского, дом семь, квартира двадцать два. У нас трёхкомнатная квартира, и с нами ещё живёт собака Ника. Она такая добрая и умная. Я с ней очень люблю гулять. А от нас недалеко, через два квартала, строится много домов. Два дома уже вот заселили.. Там возле домов построили качели и вертушки. Мы туда бегаем играть.. Может, и ты там будешь жить?
- Не знаю.. Вряд ли..
- Ну я тебе сказала, где я живу.. Ты придёшь к нам в гости?..
- Не обещаю..
- А ты, Игорёк, пообещай.. Ну хотя бы позвони. Запиши наш телефон: сорок девять, пятьдесят два, семнадцать.. Записал?
- Нет, но я запомнил. У меня хорошая память на цифры. И как мы устроимся, то, Света, я обещаю тебе позвонить.
- Сдружившись, Светочка с Игорем беседовали, затем стали разбирать детские кроссворды. Игорь не кичился своими знаниями и отвечал на вопросы лишь тогда, когда Светочка не могла найти ответ. На что Света отреагировала, выражаясь следующим образом:
- Игорёк, какой ты молодец. Откуда ты всё знаешь? Ты отличник? Ты много читаешь?

– Да, я отличник, а читаю я не очень много, хотя читать очень люблю. Просто у меня хорошая память. Она меня и выручает. Стоит мне два-три раза прочитать один и тот же рассказ или стихотворение, как я уже знаю почти что наизусть.

– А у меня, Игорёк, нет такой памяти. Я долго учу, чтобы стих выучить наизусть. Но я тоже учусь на пятёрки. Не хочу маму огорчать. Она расстраивается, когда я получаю четвёрки или тройки.. Я мечтаю быть врачом, как папа. А ты, Игорёк, как вырастешь, кем ты хочешь работать?

– Я хочу быть учёным, как мама. Она у меня доктор наук. Сделала два больших открытия, – не без удивольствия и гордости ответил Игорь.

– Игорёк, а кто это такой – учёный? Я плохо понимаю.

– Учёный – это когда занимаются наукой, исследуют материалы, делают опыты, а на их результатах делают самолёты, новые машины, строят мосты.. Поняла?

– Теперь поняла. Тогда, Игорь, я тоже буду учёной. Ведь я люблю все новые вещи. Поэтому платье, туфли, кофточки я, как вырасту, буду шить и их стану носить, а это и будут, как ты сказал, новые результаты.. Так же?

Не зная, что сказать, Игорь всё же ответил:

– Наверное, но я всё же стану изобретать новые самолёты, не наряды шить.

– Ну и правильно, Игорь, ведь ты не девочка.

– Однако, мама не мужчина, а открытия сделала, которые, как она мне сказала, используются в самолётостроении.

– Тогда и я, как ты и твоя мама, буду строить самолёты.

– Кто это собирается строить самолёты? – слыша разговор, спросила Наталья Григорьевна.

– Это мы, бабушка, с Игорьком и его мамой создадим новый самолёт. Ведь мама у Игорька – учёная. Она самолёты строит и нас возьмёт к себе. Возьмёте, Елена Васильевна?

– Возьму.. Но только не совсем правильно, я особо самолёты не строю. А только разрабатываю определён-

ные узлы или точнее – части к самолётам. И они используются не только в самолётах, но и в ракетостроении и других направлениях.

– А это, Елена Васильевна, ещё лучше, – не сдавалась Светочка. – Тогда мы с Игорьком станем ракеты строить. Так ведь, Игорь?

– Света, ты мне уже со своими вопросами надоела. Не хочу я тебе больше отвечать. Пристала, как банный лист, со своими расспросами.

– Игорь, разве можно так нехорошо себя вести, быть таким невоспитанным? Света тебя спрашивает, то надо ей отвечать, а не грубить...

Игорь ничего не сказал, а молча забрался на вторую полку и лёг, вглядываясь в белоснежную даль. Видя, что Игорь не желает с ней больше говорить, Светочка, надув недовольно губки, тоже взобралась на свою вторую полку и стала глядеть в окно. А Наталья Григорьевна с Еленой Васильевной продолжали беседовать:

– У вас, Елена Васильевна, есть ещё дети?

– Нет...

– Надо ещё завести, а то вон вы какая молодая... А один ребёнок – это так плохо... В жизни всякое бывает, но счастье всё же в жизни – это когда много детей... Тот детский шум, что заполняет квартиру, ни с чем нельзя сравнить, ничто не заменит и ни от чего и ни от кого нельзя получить большей радости, чем от детей. Я всегда мечтала иметь много детей. Да Господь не дал. Один Владик у меня родился, и детей больше не было, так как мой муж после рождения сына вскоре умер, а точнее погиб. Я очень любила своего мужа, Антона Петровича, а другого так и не сумела полюбить. И муж меня очень любил. И я не могла предать Антона, даже после смерти. Его те трепетные отношения, чистоту чувств и невероятную дивную любовь ко мне и сыну.

– А при каких обстоятельствах погиб ваш муж?

– О, Елена Васильевна, это и для меня большая загадка. Мой Антон Петрович был военнослужащий, тогда они находились на полевых учениях. И его оттуда привезли в гробу. Сказали, что умер от сердечного приступа. Но он никогда не жаловался на боль в области сердца.

Он был спортивный, энергичный, отжиматься мог без счёта. О сердечном недомогании никогда и речи не было, а тут такое заключение дали. Когда мужа привезли, то он, как я уже сказала, лежал в гробу. Одет был во всё военное, я хотела его переодеть в гражданское. Однако приехал сам генерал и попросил Антона не переодевать, поскольку военный гарнизон, как генерал сказал, хочет мужа похоронить со всеми военными почестями. И если муж будет в гражданском одеянии, то это будет не совсем хорошо. Я была убита горем, не стала вдаваться в детали смерти моего дорогого капитана Антона Петровича и поэтому согласилась похоронить в военной одежде. Однако, оставшись наедине с покойником, я осмотрела мужа и обнаружила большую шишку на голове и рану в палец. Она была залита запёкшейся кровью. Затем на груди и на спине увидела синяки и ссадины. Не сдержавшись, позвонив тому же самому генералу, я сказала про рану и синяки. А генерал мне ответил, что якобы Антону Петровичу внезапно стало плохо, он потерял сознание и упал на гвоздь и на колья, которые были приготовлены для установок палаток.

После разговора с генералом на душе, Елена Васильевна, стало ещё больнее. Ведь не поверила я генералу, но сделать ничего не смогла. После звонка вскоре приехал катафалк, музыканты, и моего Антона Петровича повезли попрощаться в часть, а затем и на кладбище... Вот так вот и похоронили моего дорогого мужа, хотя и с военными почестями, но для меня и с несказанной тайной. Я до сих пор мучаюсь в истинности причины смерти.

И Наталья Григорьевна, смахнув набежавшие на глаза слёзы, продолжила:

– Такого, какой был мой Антон Петрович, я в жизни так и не встретила, хотя по жизни встречались мужчины, которые предлагали руку и сердце... А прожили мы с мужем около трёх лет... И ушёл он из жизни в возрасте двадцати шести лет... Его любовь ко мне я храню в душе как святыню. И боюсь её осквернить. Хоть время уже пробежало длиною, более чем в тридцать лет...

Услышав такую речь, Елена Васильевна по-другому взглянула на Наталью Григорьевну. Зная глубину истин-

ной любви, Елена прониклась к ней великим уважением и подумала: «Какая сильная и светлая женщина. И как велика её любовь к мужу и память о нём. И она не хнычет, а просто живёт с чистотою тех отношений, которые для неё горели так много лет назад. Но и сейчас они в ней не погасли, а окрыляют её памятью тех лет, которые проросли в ней негой и очарованием любви, которой она согревается и в настоящее время. Вот это, вероятно, и есть настоящая любовь. А Дмитрий похожей любовью меня никогда не любил. А как клялся в вечной своей любви?.. Да и недели не прошло, как он мне уже и изменил. Наверное, правильно я сделала, что рассталась с ним. Он просто безвольный человек».

И чтобы отвлечься от тех мыслей, которые вдруг вновь стали её теснить, Елена, обращаясь к собеседнице, спросила:

– Вы, Наталья Григорьевна, работаете?

– Да, работаю... Веду уроки в старших классах по русскому языку и литературе. Я очень люблю свою работу. Если бы я не работала, то, наверное бы, извелась от тоски. Мне нравится детям пояснять. Они часто слушают меня, как замороженные... А их доброе отношение ко мне придаёт мне силы и желание быть лучше и рассказывать им интереснее и доступнее. Я прочитала сама очень много отечественной и зарубежной литературы. Очень люблю поэзию. Немного пишу сама стихи. Являюсь членом Союза писателей Союза Советских Социалистических Республик.

– Наталья Григорьевна, а вы бы не могли почитать свои стихотворения?

– Почему же?! Могу!.. Только я на память не очень много помню, где-то десятков пять, не более. А начну я со своего любимого стихотворения, которое называется «Майская ночь»:

Ночь цветущей сладостью парит.

Тишина на землю опустилась.

И луна задумчиво глядит,

Словно в небо майское влюбилась.

Небо звёздный выткало парад.

Нежным взором землю в травах греет.

*И такая в сердце благодать,
Что душа от радости хмелеет.*

*Нету сил из ночи уходить,
Ведь томит неведомым томленьем...
И безмерно хочется любить,
Быть ночи счастливым продолженьем.*

– Чудное стихотворение, Наталья Григорьевна. Почитайте ещё.

– А на какую тему? У меня их, Елена Васильевна, не только о природе, но и лирические имеются, и про войну есть...

– Да я стихи люблю слушать на любые темы...

– Ну тогда, Елена Васильевна, слушайте про грусть полынную:

*Я зорькой раннею к тебе явилася,
Звездой яркою влетела в дом.
А осень жёлтая в лугах кружилася,
И грусть полынная была во всём.*

*И стонет ивушка кустом седеющим,
Ресницы длинные клоня к земле.
И зябнет иволга в саду пустеющем.
И темень раннюю видать в окне.*

*И плачет ласточка слезою горькою.
Ей вторит просека, теряя лист.
Лишь ель зелёная с иглою стойкою
Не слышит осени тревожный свист.*

*Я зорькой ранней к тебе явилася.
Тебе я верная была во всём.
А осень жёлтая в лугах кружилася
И грусть полынную внесла в мой дом...*

– Чудное, Наталья Григорьевна, стихотворение. В нём первозданная чистота любви и грусть распорядившей жизни. Похоже, что этот сюжет вы взяли из своей судьбы. Здесь звучит радость яркой любви вашей к мужу. И горечь его гибели, которая передаётся устами ивушки, иволги и ласточки через полынную горечь набежавшей осени.

– Елена Васильевна, а вы так тонко чувствуете ткань и душу стиха, проникаясь своей глубиной в его содержание... Похоже, что вы сами пишете стихи?

- Ну, если можно их назвать стихами?.. То пишу.
- А вы почитайте мне, пожалуйста, Елена Васильевна...
на...

И Лена, подумав немного, смущённо начала:

*Как будто гром весёлый с небосвода,
Играл оркестр и музыка лилась.
Среди цветов при солнечной погоде
Торжественная песня пронеслась.*

*Она неслась из окон изб усталых
И поднимала в поле ветерок.
С войны встречала воинов бывалых,
Хватив желанной радости глоток.*

*И я бежала рядышком с подружкой,
Неся цветов огромный букет.
Весёлый шум стоял над деревушкой.
И щебетали птицы на весь свет.*

*И вот толпа в объятьях растворилась.
А мой букет никто не замечал.
Во мне надежда страстная роилась,
Но среди живых отец мой не стоял.*

*И я в тоске, в тупом остервенении
Знать не хотела: «... без вести пропал».
И гулко сердца слышалось биенье,
И с детских рук букетик мой упал.*

*Но с новой вестью вновь я оживала
И вновь спешила воинов встречать.
И слышала ночами, как рыдала
В комок подушки горестная мать...*

Закончив читать, Елена вопрошающе посмотрела на Наталью Григорьевну и заметила на глазах учительницы слёзы... Молчала...

- Елена Васильевна, вы своим стихотворением заставили меня плакать. Стих ваш очень проникновенный, он глубоко западает в душу. У вас отца на войне убили?

- Да, Наталья Григорьевна, наш отец с войны не пришёл. Он погиб под Сталинградом* в тысяча девятьсот сорок втором году...

- Елена Васильевна, прочитайте ещё какое-нибудь

* Переименован в Волгоград.

стихотворение про войну, а если есть у вас, то прочитайте стих, который был бы связан с Днём Победы.

– Есть у меня такое стихотворение... И его я посвятила ветеранам войны, тем, которые пришли, и тем, которые не вернулись, тем, которые ждали.

*В весеннем небе вспыхнула ракета,
Сияньем прошивая тьму насквозь.
И слово громогласное – ПОБЕДА! –
Над всей планетой вихрем пронеслось.*

*Картины встали в памяти былые:
Кипящий Днепр, сожжённый Сталинград..
От радости за столько лет впервые
Скупые слёзы утирал солдат.*

*Припомнились горячие дороги,
Дунайские понтонные мосты,
Суровые карпатские отроги,
Зловещий бой у энской высоты.*

*Она пришла – ПОБЕДА – на рассвете.
Ракета осветила небосвод..
А где-то дома и жена, и дети
Солдата ждали уж который год.*

*С надеждой ждали, веря в возвращенье.
И хлеб готова к встрече, и вино.
... Но не для всех окончилось сраженье,
Не всем вернуться было суждено..*

– Елена Васильевна, это очень сильное патриотическое стихотворение. На нём не одно поколение будет воспитываться. Позвольте мне записать ваше первое и второе стихотворение и использовать их на уроках. Вы талантливейший поэт. Вам надо издавать свои стихи. Вы хоть одно стихотворение где-нибудь напечатали?

– Нет, Наталья Григорьевна, не довелось...

– Ну это же не то что нехорошо, а это непростительно нехорошо – таить свой Божий дар и не делиться им с друзьями. Давайте сделаем из ваших стихов подборку. Сколько у вас есть написанных стихотворений?

– Да я не считала их. Вероятно, пятьсот-семьсот стихотворений написано.

– А про любовь, Елена Васильевна, вы пишете?

– Пишу...

– Почитайте.
– Да я как-то, Наталья Григорьевна, на память их не помню.

– Ну хоть одно, Елена Васильевна..
И Михайлова, напрягая память, начала:

*Без вины и в вине
Я сама не своя.
Юность в пылком огне
Прощумела моя.*

*Словно в море цветов
Среди майского дня,
Волновалась любовь,
Разливаясь до дна.*

*Только ты не пришёл,
Обошёл стороной.
Что творилось в душе –
Мне известно одной.*

*Меня чёрные дни
Обливали свинцом.
И убили они
Чувства в сердце моём.*

*Без вины и в вине
Я сама не своя.
Юность в пылком огне
Прощумела моя...*

Дослушав до конца это стихотворение, Наталья Григорьевна поняла сложный внутренний мир своей собеседницы. Её любовь, которая крайне болезненно сказалась на ней и оставила неизгладимый след в её сердце. И учительница, чувствуя свою вину перед Еленой в том, что фактически заставила её распахнуть свою душу этим стихотворением, несколько осеклась, но затем отвлечённо сказала:

– Да... Любовь – очень сложная материя. У кого она поверхностная да счастливая. А у кого любовь яркая и пылкая, горит и не спорает, но счастья не приносит. Видать, у любви, как у человека, своя судьба. Хотя любовь и не живёт вне человека. Однако она имеет свою дорогу: тернистую, крутую и пологую да лёгкую. И с какой любовью радостней идти человеку по жизни – сложно сказать. Вы вот прочитали, Елена Васильевна, стихотворе-

ние о любви, хоть и облекли его в такую мягкую и плавную форму, однако в нём прослеживается трагедия, напряжённая борьба сильной личности, которая сумела убить чувства в своём сердце. Вы в этом стихотворении очень правильно сумели отобразить вину любви без вины в сердце в раскатах нашей непростой жизни. Этим стихотворением вы ещё раз подтвердили своё великое поэтическое дарование. Поэтому, Елена Васильевна, мне бы очень хотелось с вами встретиться и чтобы вы принесли все свои произведения, и мы вместе бы выбрали стихи для сборника. Согласны?

– Я с великим удовольствием, Наталья Григорьевна, но у меня сейчас очень напряжённо будет со временем. Для меня в Москве всё ново, как я вам уже говорила: и работа, и жильё, и ещё есть проблемы.

– А вы, Елена Васильевна, обращайтесь ко мне, приезжайте, звоните... Может, я вам в чём-то смогу быть полезной. Я как-то к вам сразу прониклась. Мы вроде бы с вами родственные души, любим обе поэзию...

– Спасибо вам душевное, Наталья Григорьевна, я непременно, как устроюсь, то с вами созвонюсь. Ведь у меня в Москве фактически, кроме как Любушки и Виктора Павловича, никого нет. Признаться, вы мне тоже очень понравились. Вы такая проникновенная, открытая, поэтическая и мудрая...

– Ну, Елена Васильевна, это вы уже обо мне очень хорошо сказали, мудрости-то у меня ой как не хватает... А поэзию я, действительно, очень люблю. И очень рада, что познакомилась с молодым дарованием... Кажется, и дети наши подружились. Правда, Светочка оскорбилась, что Игорёк не захотел на её последние вопросы отвечать. Но сейчас вон как оба дружно похрапывают...

Наталья Григорьевна и Елена Васильевна ещё долго обо многом говорили. Учительница более подробно рассказала о своей жизни. А Михайлова свою судьбу освещала неохотно и скупо. И чем ближе она подъезжала к Москве, тем сильнее ощущала в сердце тревогу, очень переживала, как же ей добираться, поскольку адреса на предполагаемую квартиру она не знала. А Виктор Павлович сказал лишь вскользь, что придёт на железнодоро-

рожный вокзал встречать её. И Любу Елена попросить постеснялась. Михайлова в волнении поглядывала в окно вагона, где уже замелькали подмосковные дома, а вскоре показался и железнодорожный вокзал.

ГЛАВА XII

Подойдя к заданной платформе, поезд «Донецк-Москва» остановился. Люди спешно стали направляться к выходу. Наталья Григорьевна со Светочкой и Елена с сыном тоже, взяв вещи, направились к двери. На платформе возле вагона Михайлова ни Виктора Павловича, ни Любы не увидела. И Елена не знала, что же ей делать. Наталья Григорьевна, видя растерянность Михайловой, сказала:

– Елена Васильевна, вас не пришли встречать?

– Пока не вижу...

– Давайте мы вас подвезём. Я вон вижу сын бежит... Так что меня встречают. А он с машиной..

– Спасибо, Наталья Григорьевна, я поожидая, мои встречающие, наверное, немножко опаздывают...

– Тогда до свидания, Елена Васильевна. Звоните мне.. Я вас буду очень ждать...

И она поспешила навстречу подходящему сыну... К нему стремглав мчалась Светочка. Отец вытянул руки вперёд и на лету подхватил подбегающую дочку. А Елена с Игорем продолжали стоять. Платформа постепенно стала редеть. И через несколько минут людей на ней почти не осталось. Михайлова же с сыном терпеливо стояли в ожидании уже более часа. Игорь начал мёрзнуть. Видя, что мать очень расстроена, он ни о чём её не спрашивал. Елена же, отчаявшись в том, что их встретят, сказала:

– Ну что, Игорёк, пойдём на вокзал.. Там вначале сдадим вещи, а потом позвоним Любе. И определимся, что нам делать дальше...

Они, взяв вещи, медленно побрели в сторону вокзала. И вдруг Михайлова услышала, что её сзади зывают:

– Елена Васильевна!.. Елена Васильевна!.. Остановитесь!.. Это я, Виктор Павлович!

Лена оглянулась назад и увидела бегущего Виктора Павловича.

– Елена Васильевна, простите меня, пожалуйста, что заставил вас столько ждать, – запыхавшись, взмолился Виктор Павлович.

– Вы, наверное, замёрзли.. Я ждал вас на второй платформе, а поезд подогнали к пятой. Изменения о прибытии поезда, видать, объявляли, да я не расслышал. Я вас там ожидал и думал, что поезд задерживается.. Просто-яв минут сорок, сообразил, что, возможно, изменили платформу. Побежал в справочное – и, действительно, путь прибытия поезда изменили.. Вы уж извините меня за рассеянность, – оправдываясь, сказал Виктор Павлович. – А это кто с вами?

– Это мой сын Игорь.

– А я, Игорь, Виктор Павлович, – протягивая руку для знакомства, улыбаясь, сообщил Снегирёв.

– Супруг же ваш где, Елена Васильевна?

Михайлова замаялась. Она не знала, как сказать. Для неё было совершенно непривычно чувствовать себя незамужней женщиной. К тому же при встрече говорила Виктору Павловичу, что она замужем. И вдруг вот так резко за десять каких-то дней судьба у неё изменилась. И Елена подумала: «Сказать Виктору Павловичу правду – он может не поверить... Ведь за такой срок, уж очень короткий, сложно развестись... У него, вероятно, заронится мысль, что я несерьёзная и врунья. Может быть, мне сейчас сказать, что он позже приедет?.. Но потом вновь надо будет изворачиваться... Нет, уж лучше признаться... И довести ему правдивую информацию». Подняв глаза на Виктора Павловича, набравшись храбрости, она дрогнувшим голосом ответила:

– Мы с ним позавчера развелись...

– Почему? Если это не секрет...

– Нет, не секрет... От него женщина ждёт ребёнка... Узнав об этом, я не захотела с ним продолжать наши семейные отношения, поэтому и потребовала расторжения брака. И суд мою просьбу удовлетворил.

От услышанного Виктор Павлович несколько ступенчался, не зная, как далее себя вести, неожиданно даже

для себя произнес:

– Прекрасно, Елена Васильевна, что вы с ним развелись. Мы здесь и без него не пропадём. Похоже, что мне повезло.

Опомнившись и поняв, что он говорит нелепость, Снегирёв, поправляя себя, сказал:

– Простите, пожалуйста, меня, Елена Васильевна, что я так глупо выразился. Я хотел сказать, чтобы вы не расстраивались, мы вам здесь не дадим пропасть. И всё будет хорошо... Квартиру вам дали, ордер на квартиру и ключи от неё у меня в кармане. Поэтому, куда поедем? В вашу квартиру или пока остановитесь у меня либо в гостинице?

– Если можно, Виктор Павлович, то давайте поедем в выделенную для меня квартиру.

– Но там, Елена Васильевна, абсолютно ничего нет.

– Ничего, были бы стены да крыша над головой, а остальное приобретётся...

– Квартира, Елена Васильевна, на мой взгляд, удачная. Её месторасположение – юго-восточное. Она в двенадцатиэтажном доме находится на четвёртом этаже. И от работы недалеко. Сейчас вы сами всё увидите и узнаете. Пойдёмте...

Он поднял с асфальтной дорожки вещи Михайловой и бойко понёс их к машине, в которой сидел его водитель. Тот, увидев своего шефа, быстро вышел из машины, взял вещи у Снегирёва и погрузил их в багажник. И они поехали к дому, в котором находилась квартира Михайловой.

Разговор в машине у Виктора Павловича с Еленой Васильевной не очень ладился. Снегирёв не знал, что сказать, почему-то был взволнован. И Елена чувствовала себя несколько неуютно. Чтобы как-то снять напряжение, Виктор Павлович обратился к сыну Михайловой:

– Ну, Игорь, красивая Москва?

– Наверное, красивая... Из машины я её плохо рассмотрел. Я первый раз в Москве.

– Москва, Игорь, это очень старинный город. Древнейшие следы человека на территории Москвы относятся к каменному веку. Раскопки, проведённые на терри-

тории Кремля и Зарядья, свидетельствуют о том, что в конце одиннадцатого века Москва представляла собой расположенный у устья реки Неглинной небольшой городок с феодальным центром и ремесленно-торговым предградьем. Москва впервые упоминается в летописи в 1147 году уже как владение Суздальского князя Юрия Долгорукого.

В настоящее время территория Москвы значительно расширилась, только со времени Октябрьской революции 1917 года она увеличилась в пять раз. Москва стала крупнейшим городом в стране и является одним из важнейших в мире политических, научных, промышленных и культурных центров. Москва относится к крупнейшим по численности населения городам мира. В Москве на 1969 год проживает где-то около семи миллионов человек. А теперь вот и вы пополнили количество жителей Москвы.

Тебе, Игорь, хочется жить в Москве?

– Даже очень хочется... Мне так повезло, что я стану жить в столице. Я буду очень стараться во всём, чтобы ни маму, ни вас не подвести.

– А как ты учишься?

– На «пятерки»... Я люблю учиться.

– Какой же твой любимый предмет?

– Читать люблю, и математика меня интересуется.

– Кем же ты мечтаешь стать?

– Ещё толком не знаю. Может быть, как мама, учёным, а может, и писателем стану... Жизнь покажет, – философски ответил Игорёк.

– В каком же классе ты учишься?

– В шестом...

– Кстати, Игорь, школа от вашего дома совсем недалеко находится. Да и институт, Елена Васильевна, как я уже сказал, тоже расположен рядышком. А вот мы и подъехали.

Машина остановилась, и Виктор Павлович ловко вышел из неё, подал руку Елене Васильевне, затем помог выйти и Игорю. А водитель тем временем достал вещи из багажника и понёс их в дом. И вот все поднялись на четвёртый этаж, открыли квартиру под номером пять-

десять семь. В квартире было тепло. В ней ещё стоял запах свежей краски. Игорь спешно разделся и разулся. Тут же возле порога бросил на пол пальто, шапку и поставил свои сапоги. Его примеру последовали Елена и Снегирёв. Он в качестве гида повёл Михайлову и Игоря в комнаты. Вначале они зашли в зал. Он был большой, где-то более тридцати метров, сиял золотистыми обоями и паркетным полом.

– Ну как, Елена Васильевна, нравится?

– О, Виктор Павлович! Это не то слово, зал прямо-таки царский...

– Пойдёмте теперь в спальню...

Зайдя в спальню, Михайлова залюбовалась ею. Стены в ней были тоже оклеены обоями. Но в этой комнате обои были с голубоватым оттенком. Этим придавали ей небесное сияние. Отчего Елена не удержалась и сказала:

– Виктор Павлович, какая прекрасная комната, большая и светлая, а обои какие чудные. О такой квартире я и не мечтала... Неужели она выделена для меня?

– А для кого же? Вот, Елена Васильевна, нате ордер, сами убедитесь в том.

Елена взяла у Виктора Павловича ордер, развернула и увидела, что ордер на квартиру общей площадью в шестьдесят восемь квадратных метров выписан на Михайлову Елену Васильевну. Она ахнула от радости. Переполненная счастьем, Лена обхватила руками Снегирёва, поцеловала его, светясь неопишуемым восторгом благодарности, говоря:

– Виктор Павлович! Какое же счастье мне привалило... Я как бы до сей минуты не очень верила, что я в Москве буду иметь такую великолепную квартиру... Так только в сказке бывает. Да ордер не сказку, а явь раскрывает. Как же вам я признательна?! Теперь, как сказал Игорь, и мне надо очень стараться, чтобы оправдать ваше доверие, ваше внимание и хлопоты. И я обещаю вам, Виктор Павлович, я буду всем сердцем и душой стремиться работать и выполнять те задачи, которые вы передо мной поставите...

– Я тоже, Елена Васильевна, рад тому, что вы довольны и не разочарованы, хотя бы в момент знакомства с

квартирой, – искрясь улыбкой, ответил Снегирёв.

– Ну, идёте теперь ещё посмотрим кухню и туалет, а то, может, они испортят вам настроение? – несколько кокетливо сказал шеф.

И вошли в кухню. Кухня была выложена белоснежной плиткой. А ванная сияла плиткой цвета морской волны.

Игорь не выдержал, открыл краны. Из них, к радости присутствующих, побежала холодная и горячая вода. Сын опробовал и душ. И он не в меньшей степени обрадовал Елену и Игоря.

– От такой увиденной красоты и роскоши у меня, Виктор Павлович, нет слов для благодарности. Неужели я буду жить в такой роскошной квартире?.. Спасибо вам большое, низкий поклон... Я вам очень обязана. Вы меня просто спасли в данной ситуации. Без вас я совершенно не знала бы, что мне делать. Благодаря вам я полна счастья, радости и надежды. Это такой царский подарок в моей судьбе... В своей жизни я никогда ничего подобного не испытывала... Виктор Павлович, благодаря вам вот мне счастье – то какое выпало! Я буду жить в Москве, чуть ли не в центре да ещё в такой великолепной квартире! Это просто сказка... мне во всё это сложно поверить...

– Чтобы были основания в это поверить и счастье чтобы не выветривалось из этой квартиры, то её, Елена Васильевна, нужно обмыть и чем быстрее, тем лучше, – улыбаясь, шутил Снегирёв.

– О, Виктор Павлович! Это я с удовольствием сделаю...

– Тогда, Елена Васильевна, до завтра.

– Завтра квартиру обмывать? Виктор Павлович!..

– А почему бы и нет...

– Да я же, Виктор Павлович, не смогу подготовиться...

– Подготовитесь, Елена Васильевна... Чего здесь особо готовиться? Отметим это событие по-походному... Если можно, то вечерочком, где-то часов в семь... Хорошо?

– Хорошо, – согласительно ответила Михайлова.

– Ну тогда, Елена Васильевна, я пошёл... А вы расплавайтесь в своей новой квартире, почувствуйте себя хо-

зайкой... А я пойду на работу... Итак, до завтра...

Снегирёв протянул Елене руку, пожал её взволнованно и с тёплым чувством, вышел из квартиры. Елена, проводив Виктора Павловича, растерянно стояла, не зная, что делать. Из этого состояния её вывел вопрос сына.

– Ма, чего стоим? Давай пойдём в магазины. Деньги же у нас есть?

– Есть, Тамара денег много дала... Давай подумаем, что нам необходимо в первую очередь купить.

– А что тут думать? Идём сейчас в посудный магазин, потом из мебели что-то возьмём.

– Ты же Игорь запомнил наш новый московский адрес, что мы живём на улице Годуванцева, в доме номер семь, в пятьдесят седьмой квартире? А то вдруг потеряемся мы с тобой и не будем знать, куда идти.

– Не беспокойся, мама, я уже навсегда запомнил наше новое место проживания.

– Вот и отлично... Игорёк, мне почему-то в душе очень волнительно. Ведь ничего мы здесь с тобой не знаем.

– А знать-то здесь, мама, нечего. Выйдем на улицу и всё спросим. Люди подскажут и расскажут... Так ведь ты меня учила?

– Вот именно так, Игорёк... Молодец ты у меня... Помощник и защитник ты мой, – поцеловав сына в макушку, высвободив от вещей сумки, перекрестясь, сказала:

– Господи, благослови жить в этой квартире, не так как я хочу, а как ты, Творец, ниспосылаешь. Слава Тебе, Господи, за такую щедрость, – и она поцеловала привезённую иконочку Спасителя. Затем поставила её на подоконник в зале, перекрестила все углы в комнатах, взяла сумки, и мать с сыном пошли на улицу.

На улице шёл снег. Но было тепло. Термометр показывал всего-навсего три градуса мороза. Елена с сыном, выйдя на улицу, внимательно изучали взором местонахождение дома. Он своей крышей взмывал высоко в небо... Рядом с ним такие же роскошные ещё возвышались дома, придавая округе величественный вид.

– Мама, красотища-то какая! Ты только посмотри! Вон даже железная горка есть, качели, песочницы. Правда, всё загорожено снегом... Но весной всё порастает, и мож-

но будет вволю покататься. Собственно говоря, и сейчас с горки можно съехать.

– Нет, Игорёк, ты что? Во-первых, намокнешь от снега, а во-вторых, ты что забыл, куда мы собрались идти?

– Не забыл, конечно... Но прокатиться, ма, страсть как хочется.

– Тогда вечером, как справимся с заданием, то, возможно, и прокатимся. А сейчас идём в магазин.

И они подошли к рядом гулявшим с детьми женщинам, расспросили их о магазинах. Оказалось, что магазины здесь совсем недалеко. И их расположен целый ряд. Среди них был магазин и продуктовый, и мебельный, и промтоварный, так что им и идти далеко не нужно было.

Елена, поблагодарив женщин за консультацию, пошла с Игорем сразу в промтоварный магазин. Зайдя в отдел «Посуда», Михайлова купила ложки, вилки, ножик, тарелки, чашки, сковородку, три кастрюльки и ещё ряд вещей, которые необходимы в домашнем хозяйстве, сложила всё в сумки. И сразу же сумки, хотя они были и тяжёлые, с радостью понесли с сыном домой. Придя в квартиру, они всё содержимое достали из сумок, выставили на подоконники и снова отправились в магазин, но уже в мебельный.

Мебельный магазин занимал большую площадь. Елена с сыном вначале обошла все отделы. Мебели в отделах было не очень много. Импортной мебели в них совершенно не было. Елена её и не хотела, поскольку она стоила дорого, а Михайлова выбирала мебель фактически самую дешёвую. Из имевшейся мебели Лена купила кухонный и письменный стол, вешалку, две железных кровати, шкаф для одежды и четыре табуретки. Грузчики весь приобретённый товар погрузили на машину, подъехав к дому, вместе с Михайловой и Игорем внесли его в квартиру. Их Елена попросила, чтобы они шкаф, столы и кровати расставили сразу по местам. Грузчики возражать не стали, выполнили просьбу хозяйки. Елена их отблагодарила, дав деньги за излишнюю работу, и они, довольные, покинули квартиру Михайловой.

Установленная по комнатам мебель сразу придала квартире жилой вид. Хотя полного уюта далеко ещё не

было, поскольку кровати и окна стояли нагими, давя тоской неуютности. Отчего Игорёк сказал:

– Ма, крайне не хватает занавесок на окнах и одеял на кроватях... У нас денег уже не осталось?

– Да есть ещё немного...

– Может, тогда пойдём и купим?

– Если, Игорь, идти, то давай поспешим, а то магазины закрываются.

И они спешно пошли вновь в магазин и купили тюль на занавески, два матраца, две маленькие подушки, четыре простыни, два байковых одеяла и два пододеяльника. Сложив все вещи в сумки, счастливые мать с сыном отправились домой. Но сумки были для Игоря неподъёмные. Тогда Елена предложила:

– Игорёк, ты с вещами побудь в магазине. Я до его закрытия постараюсь возвратиться... И Михайлова быстрым шагом направилась домой, неся тяжеленную ношу. Её пронзила мысль: «Ну вот, вновь несу неподъёмную тяжесть, как в детстве. Правда, тогда с поля мы с Тамарой носили огромные вязанки соломы, но они тоже были крайне тяжёлыми.. Тяжелее нас самих. И мы их несли не пять-десять шагов, а три-четыре километра. И так бывало не один день в месяц, а пять-шесть раз в неделю. Да ещё украдкой и по снежному полю, иногда проваливаясь по пояс. Как же было тяжело... Как мы только выжили? Точно, по молитвенной просьбе мамы нас Господь жалел и спас от смерти. Ведь, бывало, шли в буран, что ничего не было видно, а мы шли по полю, неся или везя вязанки по снегу, и не бросали их... И в такую непогоду доходили.. Видать, Ангел нас вёл.. Ведь мы не блукали и в темень буранную выходили точно к своему дому, а другие и без вязанок терялись и замерзали в непогоде... Спасибо Тебе, Господи, что не оставил Ты нас. Не дал нам погибнуть ни от холода, ни от голода».

И вдруг её нечаянно толкнул мужчина, извиняясь перед Еленой, он увидел, что она от тяжести совершенно мокрая. Он, извиняясь, предложил ей:

– Давайте я вам помогу. Ведь вон какой большущий груз. В каком доме вы живёте?

– В седьмом...

- Прекрасно, и я в седьмом и на седьмом этаже... А вы?

- Я на четвёртом..

- Вот и познакомились... Оказывается, мы с вами жильцы одного дома. Меня зовут Иван. А вас как?

- Елена... Вы давно, Иван, уже заселились в этот дом?

- Да нет... Недели три назад. А вы, похоже, только переселяетесь, судя по покупкам.

- Мы сегодня только приехали из другого города... Спать не на чем, вот в спешном порядке и стремимся создать условия для ночлега.

- Почему же вы такой тяжеленный груз несёте?

- Да так, пришлось, - уклончиво ответила Елена.

В разговоре они и не заметили, как уже подошли к дому, вошли в подъезд, лифтом поднялись на четвёртый этаж. Иван вещи донёс до квартиры Елены.

- Спасибо, Иван, вам большое..

- Не стоит, Елена, благодарности. Ведь мы с вами соседи, а вы вон какая хрупкая. И к тому же мы с вами одного возраста. Я холост, живу здесь в однокомнатной квартире под номером восемьдесят девять. Приходите ко мне в гости.

- Спасибо за приглашение, как-нибудь зайду. Но я вас пока не приглашаю, поскольку спешу вновь в магазин, там стоит сын с вещами. И я бегу к нему.

- Давайте и я с вами пойду... Помогу вам нести, мне всё равно делать нечего.

- Вы уже и так мне очень помогли. Там вещей поменьше осталось. Донесу сама, да и Игорёк поможет. Он у меня уже большой, в шестом классе учится.

- Ого... А сколько же вам, Елена лет?

- В апреле уже исполнится тридцать один год...

- Вам тридцать один? А выглядите на двадцать три, ну от силы на двадцать пять... Надо же?... А мне вот полных тридцать два... А муж почему вам не помогает?

- Расстались мы с ним..

- Тогда однозначно я иду с вами к Игорю за вещами, открывайте дверь, ставьте этот тук и идёмте. А то уже темнеет на улице. Я всё же сосед, и мне приятно помочь такой семье в сложный час.

Видя растерянность на лице Елены, Иван сказал:

– Да вы не волнуйтесь, я помогу вам просто по-соседски, не имея никакого иного умысла. В другой раз вы мне в чём-то поможете.

Елена открыла дверь, поставила принесённый тюк вещей недалеко от входа, и они направились к Игорю. А он переживал, поскольку уже объявили о том, чтобы все присутствующие в магазине покупатели его освободили. Поэтому сын с нетерпением поглядывал на дверь, ожидая Елену. И она, запыхавшаяся, вместе с Иваном вошла, когда все люди уже выходили из магазина. Иван взял сумку, сказав:

– Ничего себе, лёгкая. Для ваших рук это хорошая тяжесть. Так ведь, Игорёк? Я знаю, тебя же Игорем зовут?.. Мы с твоей мамой познакомились, и она мне твоё имя сообщила... Понятно? – весело улыбаясь, неся вещи, говорил Иван.

– Да, меня Игорем зовут, – дружелюбно ответил он.

– А я, Игорь, как уже сказал твоей маме, ваш сосед и живу на седьмом этаже в восемьдесят девятой квартире. Так что, молодое поколение, приходи ко мне в гости..

– Приду... А не зайти ли нам в гастроном? Ма, у нас же совершенно ужинать нечего.

– Пойдёмте, Елена, и я заодно куплю хлеба.

– Я не возражаю, если вам, Ваня, не тяжело идти с вещами, то я, как говорится, буду очень рада совершить и «гастрономную» покупку.

И они втроём с вещами зашли в гастроном. Елена купила сетку и в неё сложила купленную картошку, сахар, рис, лук, масло, молоко и хлеб. И вместе с сыном понесли её, взяв за плетёные ручки. В другой руке Елена несла буханку хлеба для Ивана. Настал уже очень глубокий вечер, пока они добрались до квартиры Михайловой.

– Ну вот, Елена, кажется, мы добрались.

– Да, Ваня, наконец-то мы скупилась. Сегодня мы с Игорем несколько раз ходили в магазин. И приобрели мебель и другие покупки. Хотите посмотреть?

– С великим удовольствием.

– Тогда заходите.

Иван, поставив вещи, стал с любопытством рассмат-

ривать квартиру.

– Эге, Елена, какая у вас большая квартира, хотя и двухкомнатная. А у меня маленькая, где-то метров тридцать семь всей общей площади. Ну, для меня одного хватит. Давайте помогу вам распаковать вещи и разместить их по местам... Я вон вижу, как вы устали..

– Ваня, если у вас есть желание, то я буду рада вашей помощи. А тем временем я тогда быстренько приготовлю ужин.

Иван не стал больше вести диалог с Еленой, а, обращаясь к Игорю, сказал:

– Ну что, мужик, давай будем работать.

И он умело развязал принесённые тюки, развернул матрасы, стал их укладывать на кровати. Игорёк тоже принимал участие. Он бойко застилал простыни, а Иван начал одеяла прятать в пододеяльники. От застеленных кроватей спальня сразу преобразилась. Стало уютно, и в ней ощущался дух жилого очага.

– Ну что, Игорь, классно получилось?

– Да... Шик-модерн...

– Игорь, а что это такое значит «шик-модерн»?

– Это значит, что очень хорошо... А скажите, как мне вас называть?

– Да зови меня, Игорь, просто – Иван. Ты вон уже какой большой, чуть ли не с меня ростом.

– Ой, Иван, да мне до вас ещё расти да расти..

– Вырастешь, какие ещё твои годы. Давай посмотрим тюль, как он на окнах при свете будет выглядеть?

Они взяли тюль, развернули его, приложили к окнам.. Игорь, глядя на прозрачные занавески с цветастыми разводами, воскликнул:

– Красиво, правда, Иван? Давай их сейчас повесим?

– Нет, Игорь, их же надо разрезать по ширине окон и подшить. А я в этой части не мастер.

– Зато мама умеет. Может быть, её позвать?

– Тогда, зови..

– Ма, иди-ка сюда..

– Что здесь такое? Ты меня, Игорёк, звал? – улыбаясь, входя в зал спросила Елена.

– Мама, мы хотим с Иваном повесить занавески, да не

умею их сделать. Ты нам поможешь?

– Помогу... Но вначале пойдёмте ужинать.

– С удовольствием, мамочка, а то мы сегодня фактически ничего не ели.

И они дружно пошли помыли руки и сели за новенький кухонный стол, на котором уже стояли тарелки с рисовым супом, паря запахом жареного лука.

– Ой, Елена, какой вкусный суп. Я такого в жизни не ел... Нельзя ли ещё тарелочку?

– Чего же нельзя? Можно... Я рада хоть как-то вас отблагодарить за такую помощь, что вы нам оказали.

– Елена, коль мы соседи, то давайте обращаться друг к другу не на «вы», а на «ты».

– Я, Иван, не возражаю.

– Ну вот и хорошо.

– Иван, а у тебя нет случайно машинки, чтобы подшить занавески?

– Нет, Елена, не имею. Я ведь сюда из Харькова по направлению института приехал. Жил пять лет в общежитии. А в общежитии, сама знаешь, такие вещи, как швейная машинка, одни неудобства несут. Да и шить я не умею и не люблю. А вот повесить вам занавески, то это я сделаю с удовольствием.

– А ножницы у тебя есть?

– Да... Вот ножницы-то я приобрёл. Поэтому пойдёмте сейчас в мою квартиру. Вы её осмотрите, познакомитесь со своим соседом поближе... Не возражаете?

– Нет, не возражаем. Так ведь, мама?

– Не возражаю, Ваня и Игорёк.

И они, закончив ужинать, поднялись в квартиру Ивана. Он радушно показал все «достопримечательности» своей квартиры. Квартирка была уже обставлена и выглядела уютно. Судя по квартире, нельзя было сказать, что здесь живёт холостяк. Поскольку, вопреки холостяцким правилам, в комнате и на кухне было чисто, все вещи аккуратно были размещены на отведённых им местах.

– Ой, Ваня... У тебя так уютненько, чистенько. Ты молодец... Похоже, что в заботливые руки попала эта квартира, – светясь улыбкой, сказала Елена.

– Я, Леночка, очень рад этой квартире, поэтому в та-

ком состоянии её и содержу. И ещё потому, что родители из Харькова на днях должны приехать. Не хочется перед ними упасть в грязь лицом.

— Понятно тогда, Ваня, в чём кроется секрет чистоты твоей квартиры. А ко мне завтра должен шеф прийти как бы на новоселье. Эту квартиру я получила благодаря его старанию. Жили мы с семьёй в Донецке. По результатам моей работы он меня и заметил... И предложил работу и вот эту квартиру.

— А кем, Елена, ты здесь будешь работать?

— Да я и сама толком не знаю. Будто бы стану возглавлять какой-то научно-исследовательский институт. Поэтому, Ваня, обманывать не буду, а как трудоустроюсь, то тебе расскажу. А сейчас давай ножницы, белые нитки и иголку. У меня этого пока ничего нет. Но кой-что идёт багажом из Донецка. Багаж на днях должен прийти.

— Как придёт, то, Лена, зови. Я тебе его помогу привезти.

— Хорошо, спасибо большое, я к тебе непременно за помощью обращусь. А сейчас, если желаешь, то пойдём поможешь вешать мне занавески, которые я должна пошить.

— С удовольствием, Елена.

И он, кроме ниток и иголки, взял молоток, дрель и белую проволоку типа лески, сказав:

— Это, Елена, я беру, чтобы нам суметь чем и на что повесить твои занавески.. Идёмте...

И они, не дожидаясь лифта, спустились на четвёртый этаж в квартиру Михайловой. Лена с помощью Ивана умело измерила окна и тюль и стала ткань резать на желаемые занавески. Затем подшила первую гардину, а Иван стал её вешать. Он мастерски просверлил дрелью стену, вбил в неё деревянный чопик, в него вкрутил крепкий шуруп. Точно так же он проделал эти операции и в другой части стены. Затем вдел в занавеску леску, туго натянул и повесил её, закрепляя на стенке с одной стороны от повешенной гардины. Зал сразу приобрёл праздничный вид. И Иван не выдержал:

— Елена, Игорь, идите сюда!.. Посмотрите, как преобразился зал...

– Мамочки!.. Вот это да, – зайдя в зал, произнёс Игорёк, охваченный восторгом от увиденного. Как красиво!.. Как в сказке!.. Ма, ты только глянь, как розы на гардинах расположились...

Действительно, на тюле розы были выбиты с утончённым вкусом. Они, как живые, взирали с гардины, притягивая к себе своей изысканностью, наполняя зал светлостью и парением в мир прёз счастливого предназначения.

– Очень красиво, прекрасно... Это, наверное, ещё оттого, что умело, Ваня, ты повесил занавеску. Она вон как струна натянута и не провисает. Спасибо, Ваня. С меня причитается.

– Ничего, Елена, сочтёмся по-соседски, – довольный от услышанного, ответил Иван.

И тут же спросил:

– А в спальню гардина уже готова?

– Дошиваю, совсем немного осталось.

– Ну ты тогда, Елена, заканчивай, а я начну стенку сверлить в спальне. Отметь, на какой ширине мне бить стенки под занавеску. Здесь и заодно на кухне.

И они втроём пошли в спальню, так же, как и в зале, по согласию сторон, определили ширину стенки под гардину, и так же точно размер отмерили и на кухне. И затем Елена пошла дошивать занавеску, а Игорёк мыть и размещать посуду по-хозяйски в отведённых в столе местах. Выполнив эту работу, он в зале помыл пол, достал из своего портфеля книги и их аккуратно сложил на письменный стол. Выполнив всю свою работу, Игорь подошёл к Ивану и спросил:

– Иван, вам чем-нибудь помочь?

– Подай, Игорёк, молоток и поддержи стул, чтобы я не свалился, а то на этой стенке мне не за что держаться. Я уже сейчас заканчиваю. Там мама уже подшила гардину?

– Подшила... Вот уже и принесла, – сказала входящая в спальню Елена.

– Чудненько... Давай я продену в неё леску. А ты, Лена, здесь не стой, иди и готовь занавеску в кухню.

– Слушаюсь, товарищ сосед, – несколько игриво отве-

тила Михайлова.

Она взяла ткань и пошла в зал, дав возможность Игорю помыть пол и в кухне. А они в это время заканчивали вешать в спальне гардину. Повесив её, Иван с Игорем решили, во-первых, Елену не отвлекать от работы, чтобы она скорее им подготовила гардину в кухню, а во-вторых, сделать Лене сюрприз, поскольку занавеска также роскошно украшала и спальню, придавая ей негу умили-тельных чувств, от которых на сердце становилось ласковой и светлей. Поэтому Иван с Игорем несколько полюбовались этим произведением искусства. И пошли заниматься каждый своим делом. Игорь стал мыть полы, Иван готовить стенку под гардину.

И вот уже Игорёк вымыл полы и в спальне, и в кухне, и в туалете, одним словом, пол сиял чистотой и свежестью во всей квартире. А Иван тоже закончил свою работу, ожидая, когда же Елена принесёт ему подшитую занавеску. И вот наконец Лена принесла ему ожидаемую гардину. Он и в неё ловко продел двойную леску и закрепил занавеску на стене, украсив окно парящими белыми розами, от которых хотелось чувствовать праздник и уют.

Вновь осмотрев зал, спальню и кухню, Елена радостно сказала:

– На мой взгляд, ничто так не украшает квартиру, как гардины на окнах. Правда, Ваня, Игорь?

– Не знаю, ма, что лучше украшает комнаты, но занавески на окнах мне очень нравятся.

– Мне тоже... Хороший тюль ты, Елена, выбрала... Так что, дорогие соседи, я вас поздравляю с новосельем и приобретением первых покупок в квартире.

– Ваня, до новоселья ещё далеко... Его где-то будем отмечать под Новый год, числа тридцатого или тридцать первого. Тебя я тоже хочу пригласить... Ты первый сосед, с кем я познакомилась в этом доме. Да ещё такой славный и умелец, видать, большой. Придётся?

– Непременно приду. Мне вы тоже понравились. Я рад случаю, что познакомил меня с тобой, Елена. Небось, если не толкнул бы тебя при встрече, как паровоз, то прошёл бы точно мимо своего счастья. А так вот с тобой

встретился. И у тебя, Лена, как я понял, классный сын. Настоящий мужчина растёт. Это сразу чувствуется.

– И вы мне, Иван, тоже понравились, – вклинился в разговор Игорь. – Вы, похоже, не лентяй, как мой папа..

Сказав последние слова, Игорь вдруг осёкся, сожалея о том, что произнёс слово «папа». Уж очень глубоко в нём пророс неприятный осадок, который посеял Дмитрий. Но по-взрослому, взяв себя в руки, Игорь продолжил:

– Ну всякие люди бывают... Зато мама моя – великая труженица. Она ведь у меня доктор технических наук, профессор и два открытия сделала, за это ей громадную премию дали. Но её мама отдавала в пользу детей-сирот. И я считаю, что она правильно сделала. Плохо, когда дети без родителей растут. Им очень тяжело живётся... Так ведь, Иван?

– Конечно, тяжело... Но мне повезло, у меня мать и отец есть. Скоро, как я уже говорил, приедут ко мне, и я познакомлю их с вами, если не возражаете...

– Не возражаем, так ведь, мама? – продолжая диалог с соседом, радостно ответил Игорь.

– А что, Елена, ты и вправду доктор технических наук и профессор, и два открытия сделала?

– Да... Правда...

– Вот это здорово... А я ещё даже и не кандидат... Пишу диссертацию, да я её пишу вот уже скоро пять лет. Но она сырая, над ней ещё работать да работать надо. Лена, а открытия ты в каком направлении сделала?

– Одно – по аэродинамическому сопротивлению крыла, а другое – по индукционной нагревательной установке для сквозного нагрева металлических заготовок перед горячей обработкой давлением.

– Вот это классно, Елена! Какая же у меня, оказывается, соседка знатная. Теперь мне есть к кому за помощью бегать. Не откажешь, соседка, мне в консультации при написании диссертации?

– Конечно же не откажу... С таким же старанием стану помогать, как ты нам сегодня помогал, – светясь гостеприимством, ответила Михайлова.

– Тогда, Елена, понятно, почему тебе такую хорошую

квартиру дали. Оказывается, моя соседка – великий учёный. Но ты же такая молодая? Если бы Игорь не сказал, то я бы в жизни сам и не помыслил, что в таком возрасте ты уже, Елена, при таких авторитетных научных регалиях... Вот так дела... Ну, Игорёк, ты меня сразил своей приятной новостью. С меня для тебя причитается. Прости, что хочешь...

– Я не готов сейчас ответить, дайте мне возможность несколько дней подумать.

– Ну что ж, я согласен ждать... Видал, какой ты, Игорь, осмотрительный, похоже, верно, весь в маму. Однако я, вероятно, уже стал злоупотреблять гостеприимством, ведь первый час уже ночи. Пора мне и честь знать. Но с вашего разрешения я к вам буду забегать.

– Приходи.. Приходи.. Рада буду тебя, Ваня, видеть в нашей квартире.

– Я, Елена, не заставлю себя долго ждать и явлюсь... Но, как я понял, завтра мне к вам приходиться нельзя, поскольку вы ждёте гостей. Так ведь, Елена?

– Так, Ваня...

– Но я, Леночка, парень не обидчивый. Понимаю: дела есть дела...

И он, дружески улыбаясь, пожал руку Елене, обнял Игоря по-родственному, словно он его уже знает много лет, светясь радостью, отправился в свою квартиру. А Елена, обращаясь к сыну, сказала:

– Игорёк, ну вот, слава Богу, самую большую работу в квартире мы сделали. Теперь нам с тобой есть из чего кушать, пить и есть, на чём спать. Но завтра у нас с тобой тоже сложный день. Мы должны отыскать школу, в которой ты должен учиться. Чтобы уже послезавтра смог посещать её, а мне бы тоже нужно уже полностью оформиться на работе. Поэтому завтра нам с тобой, чтобы успеть всё сделать, придётся рано вставать, тем более надо успеть и наготовить, чтобы, хоть и по-скромному, но с добром встретить Виктора Павловича, поэтому, мой дорогой сынок, пошли помолимся и ляжем спать.

Не медля Елена и Игорь, подойдя к иконе Спасителя, с благодарностью помолились. Затем Елена завела, подаренный ей ещё мамой, любимый будильник на шесть

часов, поставив его возле себя на табуретке, легла на кровать. Сын тоже вскоре лёг на свою кровать и они, уставшие от суеты дня, едва успев коснуться подушек, уснули.

Как у Лены, так и у Игорька сон в новой квартире был крепкий, без сновидений. Но к заданному часу Елена проснулась, дыша здоровьем и бодростью. Приняв душ, Михайлова прочитала утренние молитвы, а затем стала готовить завтрак, разбудив Игоря. Он тоже поспешил принять душ, а Елена тем временем уже сумела приготовить завтрак. Покушав, они оделись и пошли искать школу. Искать её долго не пришлось. Эта часть города настолько была в архитектурном плане разумно продумана в интересах жильцов, что заключала в себе не только все социальные услуги, но и компактно размещённый научно-образовательный центр.

ГЛАВА XIII

Елена и Игорь, зайдя в школу номер тридцать семь, поднялись на второй этаж к директору. Директором школы была милостивая женщина лет сорока восьми. Услышав стук в дверь, она сказала: «Входите».

Елена, открыв дверь и пропуская вперёд сына, зашла в кабинет. И вместе с Игорем, не стовариваясь, произнесли негромко: «Здравствуйте...»

– Добрый день, – ответила им директор. – Присаживайтесь. Что вас привело ко мне?

– Вот мой сын, Михайлов Игорь Дмитриевич, хочет учиться в этой школе. А я его мать – Михайлова Елена Васильевна.

– Меня зовут Ирина Романовна. А почему, Елена Васильевна, вы в середине года, да ещё в конце четверти решили к нам поступать учиться?

– Так пришлось, Ирина Романовна. Мы сюда переехали жить, поскольку по улице Годуванцева получили квартиру.

– Дайте ваш ордер на квартиру, паспорт, свидетельство о рождении Игоря и его табеля с первого по последний класс. В каком он классе учился?

– В шестом, – подавая требуемые документы, ответи-

ла Елена.

Ирина Романовна, внимательно просмотрев все документы, уже обращаясь к Игорю, теплее сказала:

– Нам отличники нужны. Ты, Игорь, кроме учёбы, чем еще увлекаешься?

– Шахматами... Месяц тому назад на Донецком областном соревновании по шахматам я занял первое место.

– А документ, удостоверяющий первенство, имеется?

– Да... Имеется...

И он неторопливо достал папку из портфеля, из неё извлёк диплом, в котором было сообщено о его победе на детском шахматном турнире. И подал его Ирине Романовне.

Ирина Романовна, любуясь дипломом, восторженно произнесла:

– Прекрасно, Игорёк... Поздравляю... В нашей школе тоже создан шахматный кружок. И у нас среди юниоров также есть сильные шахматисты. В феврале у нас тоже будет проходить городской турнир по шахматам... Будешь участвовать?

– Буду...

– Ну тогда, Игорь, мы тебя запишем в наш шахматный турнир. Я, кстати, тоже увлекаюсь шахматами. Хочешь, сейчас мы с тобой сразимся?...

– Хочу...

– Ну тогда садись к столу поближе.

И Ирина Романовна достала из ящика коробок с шахматами и стала их расставлять на шахматной доске.

– Игорь, какими ты будешь играть?

– Мне без разницы, Ирина Романовна.

– А я, Игорёк, люблю играть чёрными. Начинай..

И Игорь сделал ход. Ирина Романовна сразу поняла, что Игорь – игрок достойный. Они сражались в течение часа, директор не заметила скрытый ход Игоря, которм он объявил ей мат.

– О, Игорёк, ты играешь, словно профессионал. Я редко кому проигрываю. Участвую в соревнованиях и занимаю достойные места. А тебе вот проиграла. Молодец! Поздравляю тебя. Надеюсь, что мы с тобой ещё не раз сразимся и я всё-таки одержу победу над тобой, а? Как

ты считаешь?

– Может, и одержите, Ирина Романовна, – улыбаясь, ответил ученик.

– Поживём – увидим.. А сейчас я ещё раз тебя поздравляю и рада тому, что в нашей школе будет учиться мой коллега-шахматист, – ласково сказала она.

– Спасибо, Ирина Романовна.

– А сейчас, Игорь, пишите заявление. Тебя я направлю в шестой «В» класс, чтоб ты не расслаблялся, поскольку он самый сильный среди всех шестых классов. А их у нас аж семь. Мне почему-то, Игорёк, хочется, чтобы ты в шестом «В» был первым учеником. Сумеешь?

– Не знаю, Ирина Романовна, но я буду стараться изо всех сил, чтобы вас и маму не огорчать, – доверительно произнёс Игорёк.

И распрощавшись с директором, счастливые Михайловы вышли из её кабинета. Оказавшись на улице, Елена не удержалась и поцеловала Игоря, сказав:

– Ты и вправду у меня молодец, сынок. Я не думала, что ты так силен в шахматах. Ты из каких источников такие знания взял?

– Я имею очень хорошую книгу по шахматам. Мне её дядя Миша подарил. Последнее время я её только и читаю. Там столько интересных шахматных партий приводится. Кстати, эту книгу я привёз в Москву. Коль я стану сражаться с Ириной Романовной, то чтобы не упасть в грязь лицом, я каждый день буду читать этот учебник. Но надо бы с кем-то тренироваться. Только с кем, ма?..

– Не знаю, сынок. Может, Иван умеет.

– А давай с тобой станем играть...

– Игорёк, я слабый для тебя игрок. Не переживай, сынок, Бог даст, найдёшь себе достойного соперника. А сейчас я тебя тоже поздравляю с победой, что ты выиграл у Ирины Романовны, и с тем, что ты вновь стал учеником, да ещё города Москвы. Я рада за тебя, что к тебе так добродушно отнеслась Ирина Романовна. Но только очень тебя прошу, мой сын, чтобы ты в себе не воспитывал высокомерие и амбициозность, а был бы скромным и любвеобильным. Высокомерие и амбициозность – это очень порочные качества, они непременно приносят зло и рас-

тление души.

– Мамочка, не беспокойся. Я буду стараться походить на тебя. Ведь ты же этих качеств не имеешь?

– Наверное, они во мне, Игорёк, всё же есть. Иной раз я ловлю себя на мысли, что я срываюсь и меня гнетёт обострённое самолюбие. Но я всё же, сынок, стремлюсь это изжить из себя.

– И я, мамуля, стану по жизни стараться, как ты говоришь, и изгонять из себя эти пороки..

Елена радостно, с чувством благодарности прижала к себе сына, наполненная материнской лаской, сказала:

– Повезло тебе, Игорёк, школа совсем от дома недалеко, не надо будет ездить транспортом. Ты рад?

– Еще как!.. О таком я, ма, и не мечтал. И квартира у нас с тобой классная, правда?

– Да, Игорёк, нам с тобой пока повезло.. Давай зайдём в гастроном, нам надо же купить кой-какие продукты.. Мы же с тобой сегодня гостя ждём?

– Ма, я не знаю: мне радоваться или огорчаться от этого гостя? Что-то он мне то нравится, а то совсем не нравится.. Я что-то не могу понять.. А тебе он понравился?

– Я как-то, Игорьь, над этим не задумывалась. В любом случае он для нас с тобой сделал великое дело. Вон какую роскошную квартиру выделил, на работу меня берёт. Выручил нас в такую тяжёлую годину. Мы перед ним, Игорёк, неверное, в неоплатном долгу.. Понял?

– Да что же здесь не понять?

– Коль понял, сынок, пойдём в магазин. Нам надо там кой-что купить.

И они по пути зашли в гастроном, но не в тот, где вчера были. Однако и этот магазин радовал обилием продуктов. В нём практически можно было купить всё, что душа желала. Елена, осмотрев витрину, подойдя к продавцу, купила колбаски трёх сортов по двести грамм, немного сыра и икры, небольшой торт, два лимона, кусочек мяса, по бутылке шампанского, коньяка и водки. Аккуратно сложила в сумку все покупки. И они с Игорем поспешили домой, стали дружно готовить ужин, ожидая гостя.

К назначенному времени стол в зале был накрыт. Еле-

на старательно отнеслась к сервировке. Из-за приобретённых продуктов стол выглядел богатым, вызывая празднично и аппетитно насладиться содержимым. И гость себя не заставил ждать. Точно в назначенный час Виктор Павлович позвонил в дверь. Елена, волнуясь, открыла дверь и, мило улыбнувшись, сказала:

– Здравствуйте, Виктор Павлович, проходите, пожалуйста. Мы вас ждём и рады видеть...

– Добрый вечер, Елена Васильевна и Игорёк, крайне приятно слышать и чувствовать ту обстановку, когда тебя ждут. Давненько во мне не было такого праздничного чувства, – довольно улыбаясь, выразился гость.

– Раздевайтесь, Виктор Павлович... Посмотрите наши покупки, которые мы сумели приобрести.

– С удовольствием, Елена Васильевна, – достав из кармана пальто бутылку шампанского, передал её хозяйке со словами: «Это для счастья и удачи».

– Спасибо, – прозвучало вслед. – Давайте, Виктор Павлович, я ваше пальто повешу в шкаф.

– Ничего, ничего, Елена Васильевна, я вот на вешалку его примощу.

Раздевшись, он сказал:

– Ну, хозяйка, показывайте ваши обновки.

Елена повела гостя вначале в кухню. Увидев кухонный стол, красивую гардину на окне, Снегирёв был приятно удивлён.

– Очень уютно и эффектно, Елена Васильевна.

– Это ещё не всё, Виктор Павлович! Пойдёмте в зал и спальню, мы в эти комнаты тоже кое-что купили.

– Идёмте, идёмте, Елена Васильевна, показывайте ваше богатство... Чем вы ещё меня удивите?..

Зайдя в зал и увидев искусно сервированный стол, покрытый белой тканью, Снегирёв без тени притворства искренне удивился.

Гардины на окнах красиво воланами свисали, придавая и без того праздничному столу роскошь и великолепие...

– О, Елена Васильевна и Игорёк, это уж точно вы меня сразили своим умением создавать уют и красоту.

Заглянув в спальню, найдя и её приготовленной к про-

живанию, Снегирёв сказал:

– Чудесно... И здесь гардины на окне висят... Даже и кровати белизной сверкают. Кто же это вам всё сделал, Елена Васильевна?

– Мы с Игорьком, Виктор Павлович, и сосед Иван нам ещё помогал.

– Ну надо же?!. Какие вы, Елена Васильевна, с Игорьком, бойкие да разумные. Своим умением вы меня сразили наповал. Если бы я у вас вчера не был, то не поверил бы, что так можно, при вашем обстоятельстве, быстро преобразить квартиру. Ну чудеса, да и только...

– Ой, Виктор Павлович, вы нам с Игорьком льстите. Однако крайне приятно слышать от вас такую высокую оценку. Спасибо вам большое.

– Чего мне-то спасибо, Елена Васильевна! Это вам с Игорем спасибо, что вы меня встречаете, как короля. За такое короткое время суметь и квартиру преобразить, и наготовить, и стол так красиво накрыть... Я очень восхищён вами, товарищи Михайловы, – светясь улыбкой, несколько игриво сказал Снегирёв.

– Я рада, Виктор Павлович, что вас мы не огорчили с Игорем и вам понравилось наше внимание к вам... И я счастлива пригласить вас к столу. Проходите, пожалуйста, уважаемый гость.

– А почему только меня?.. Игорька к столу почему не приглашаете? Мне будет приятно посидеть вместе с вашим сыном за таким роскошным столом.

– Спасибо, Виктор Павлович, но я уже поужинал. Мама, можно я пойду почитаю?

– Если кушать не хочешь, то иди...

– Какой самостоятельный, Елена Васильевна, у вас сын. И чувствуется, что характер имеет, – со скрываемым оттенком недовольствия сказал Снегирёв.

Однако для проницательной хозяйки это не осталось незамеченным. Но чтобы сгладить ситуацию, Елена с нежностью произнесла:

– Мы ведь с ним сегодня и в школе были, его зачислили в шестой класс. Этот класс считается самым сильным в школе. Он слово директору дал, что её не подведёт и класс не потянет вниз. Поэтому и побежал читать. Вы

уж извините, пожалуйста.

– Ну что вы, Елена Васильевна, какие здесь могут быть извинения. Напротив, я рад, что у вас растёт такой ответственный сын.

– Тогда, Виктор Павлович, прошу к столу.

– С удовольствием, Елена Васильевна, а можно я буду вас называть в домашних условиях на «ты» и по имени? И хотел бы, чтобы и вы так отнеслись ко мне.

– Не возражаю, – несколько смутившись от такого предложения, сказала Михайлова.

– Вот и прекрасно... Здесь на столе целый «букет» спиртного... Что, Леночка, ты будешь пить?

– Я бы хотела коньяк..

– Кстати, я тоже к коньяку отношусь предпочтительней.

Взяв бутылку, Снегирёв умело её открыл, ловко разлил в рюмки и сказал:

– Мне повезло, Леночка, что я встретил тебя. Я, правда, мало тебя знаю. Но, как говорится, не надо съедать целую кастрюлю борща, чтобы понять его вкус. Вот и я глянул на тебя, тогда ещё в поезде, и сразу понял, что передо мной сидит прекрасная женщина и перспективный учёный. И я себе сказал: «Чего бы мне это ни стоило, но она должна работать в моей команде». И вот сегодня моя мечта осуществилась... Перед моими очами находится мой сотрудник, то есть Михайлова Елена Васильевна, которая принята на должность директора научно-исследовательского института моего департамента. Поэтому, Леночка, я хочу первый тост предложить за сказанное, а точнее за мою мечту и за тебя.

– Спасибо, Виктор Павлович..

– Никаких, Леночка, Павловичей, а просто Виктор. Давай соединим звон наших рюмок в единый зов наших желаний и выпьем, как в Донбассе говорят, до дона..

И он залпом выпил рюмку коньяка, а Елена пригубила и хотела поставить рюмку на стол, однако услышала:

– Леночка, мы так не договаривались. Пей до дона. А то нехорошо, я так старался, говорил, а ты меня не поддержала.

Елена не стала больше злоупотреблять вниманием к

себе – выпила рюмку коньяка до дна.

– Ну вот, умница. Давай я за тобой поуважаю, подложу мясного салатика, колбаски...

– Спасибо, спасибо... Достаточно...

– Кушай, кушай, Леночка, вон ты какая худенькая.

Лена, слегка закусив, обращаясь к Снегирёву, спросила:

– Виктор, а в каком я буду работать институте? Где он находится?

– Леночка, ты возглавляешь научно-исследовательский институт, который находится в этом же микрорайоне. От вашего дома он находится, если ехать троллейбусом, то через две остановки. Завтра я тебя представлю твоему коллективу. Я где-то часов в девять заеду за тобой, и мы поедем в твой институт. Так что не беспокойся. И чтобы в радости проходила работа, сопутствовала удача и коллектив любил тебя, следует нам и за это выпить... Так ведь, товарищ директор?

Наполнив свою рюмку и Еленину, он подал ей её, пощегольски приговаривая:

– Елена, мне крайне приятно, что судьба меня свела с тобой и дала возможность вручить в такие милые, надёжные руки и умную головку коллектив, который практически находится без руководителя уже около года. Сейчас этот институт временно возглавляет главный инженер Куланин Иван Фёдорович. Он неплохой человек, но как руководитель – он очень слаб. Ему не хватает смелости, воли и высокой квалификации. Куланин не доктор, а лишь кандидат технических наук. Доктор в коллективе есть, Дегтярёв Андрей Владимирович. Да он, во-первых, в годах, а во-вторых, как организатор – он тоже никакой... Правда, специалист Дегтярёв мыслящий. Видишь, Леночка, я уже тебе и коллектив охарактеризовал, так выпьем за сказанное... Виват, Елена, виват...

И Снегирёв после этих слов вновь выпил весь коньяк, поставил пустую рюмку на стол, сказав:

– Теперь, Леночка, дело за тобой. Меня надо поддержать...

Михайлова чувствовала, что ей не отговориться от несколько назойливого шефа, и она тоже выпила полную

стопку коньяка. После выпитого разговор пошёл ещё бойче. В большей степени весело и порой игриво говорил Виктор Павлович. Но и Елена стала вести себя более уверенней и свободней. Она тоже произнесла тост, насыщая его такими словами:

– Глубокоуважаемый Виктор, я несказанно рада, что встретила тебя. Я прямо-таки не знаю, за какие такие дела Господь мне дал такую благодать, послав тебя в мою судьбу. Ты, как волшебник, разрешил все мои проблемы, из которых я совершенно не имела выхода. Только благодаря тебе я вот теперь живу в Москве, в такой прекрасной квартире и буду иметь работу. Я такая счастливая. И этим счастьем я обязана тебе. То, что ты сделал для меня, это сложно по-настоящему оценить. Дорогой мой начальник, я понимаю всю ответственность, которая ложится на меня, но я стану стараться выполнить все задания и не подводить своим неисполнением, не быть тебе обузой в творческом плане и исполнительском трудовом процессе. Я умею ценить то добро, которое мне даётесь людьми по жизни. Если быть честной и говорить правду, то я и двадцатой части не получала за всю свою жизнь от всех людей того добра, которое ты мне дал один. Я всеми фибрами своей души очень буду стараться, чтобы ты во мне не разочаровался, поскольку ты мой спаситель... А особенно в данной ситуации...

И она, раскрасневшаяся, зовущая своим волнением, благодарностью и молодостью, подошла и в знак уважения и признательности поцеловала Виктора. А он ответно чувственно поцеловал её в губы. Елена не ожидала такого мужского поцелуя и хотя была пьяна – смутилась. И румянец на её щеках засиял ещё ярче. Она поняла, что поцелуй ей не был неприятен. Слегка справившись с собой, подняв на Виктора глаза, она ласково и игриво произнесла:

– Виктор, шалишь... напоил меня, а теперь ещё и расслабил. Так, глядишь, и влюбишь меня в себя, что не стану работать, а за тобой лишь бегать. Нам с тобой этого делать нельзя, поскольку ты – мой начальник, следовательно, я – твоя подчинённая.

– Почему, Леночка, нельзя?... Можно, – и он, обняв её,

поцеловал трепетно и страстно, сказав далее: – Ты мне очень, очень понравилась. Ты такая необыкновенно красивая... И сейчас вон твои щёки цветут, как маки, а глаза – синие, как море, а ротик – как вишня, и вся ты такая чудная... В тебя нельзя не влюбиться... Ты краше любого картинного создания, каких я только встречал..

Елена, прерывая шефа, сказала:

– Виктор. Мы с тобой заходим далеко. Мы с тобой изрядно выпили и позволили такую никому не нужную вольность, в которой завтра будем раскаиваться.

– Нет, Леночка, в этом я раскаиваться никогда не буду. Я тебя полжubil с первого взгляда. При нашей встрече с тобой в купе поезда. И ты с той минуты живёшь в моём сердце.

– Виктор, ты пьян и я пьяна... Не будем больше говорить о наших чувствах... нам надо протрезветь... Игорь сидит в кухне, занимается. Он может сюда зайти. Нехорошо мы с тобой себя ведём... Я пойду на кухню, приготовлю чай, а ты покушай пока, пища тоже помогает протрезветь...

– Леночка, я не от коньяка пьян, а от тебя, моей любовью к тебе. Я охмелел сердцем и душой...

Михайлова не стала больше слушать Виктора, резко встала с табуретки и пошла на кухню готовить чай. Сын сидел и очень внимательно читал книгу про шахматы.

– Игорёк, ты кушать хочешь?

– Нет, я сытно поел. А чайку попью.. Ма, а вы там застолье заканчиваете? А то я уже устал читать.

– Сейчас чайку попьём и, я думаю, будем расходиться, – негромко сказала Елена. Сын, ты хочешь с нами за столом посидеть и там попить чай?

– Нет, ма, я уже здесь сам побуду.. Только вы там не долго.

– Хорошо, Игорёк, я постараюсь. А там как получится... Я же не стану его гнать. Он мой начальник. К тому же, сам знаешь, благодаря ему мы получили квартиру. Ты уже потерпи, пожалуйста.

И Елена налила сыну чая. Затем налила Виктору Павловичу, себе и, взяв оба прибора, пошла в зал.

– Виктор, вот и чай готов. Прощу...

– С удовольствием, Леночка. Давно чаю не пил. Я больше пью кофе. Он больше меня тонизирует, но я и чай люблю.

И он начал пить его размеренно и с наслаждением. Чувствовалось, что Снегирёв знал толк и разбирался в сортах чая.

– А ты, Леночка, что больше любишь? Чай, сок, кофе, сидро, или ещё что другое обожаешь?

– Я, Виктор, всё люблю, но чай как-то мне милее. Однако когда очень устану, а работы много, то я и кофе пью.

– Вся в меня, моя Леночка. Я всегда так делаю. Только если уже поздно выпью, то всю ночь не могу уснуть. Поэтому стараюсь его вечером не пить. А чаёчку ещё чашечку можно?

– С радостью.. Сейчас принесу тебе горяченького и свежесваренного..

И она вновь принесла чай Виктору и себе. От выпитого чая мозг начал чётче воспринимать обстановку. Настроение безоблачности стало исчезать. Но глаза у Виктора всё же блестели радостью и счастьем, и он сказал:

– Леночка, как мы с тобой сидим прекрасно. Так с тобой мне тепло, уютно и доверительно. И мне сейчас, Леночка, очень хочется воспарить с тобой в лазурное будущее.

– Это, Виктор, как понимать?

– Как хочешь, Леночка, так и понимай. На душе у меня трепетно, солнечно и ласково. И это всё ты мне щедро вручаешь своим присутствием и вниманием. И эти все чувства, которые сейчас меня наполняют, мне хочется сохранить навсегда, унося их в наше влекущее будущее..

Сказав эти слова, Снегирёв хотел поцеловать Елену. Однако она отвела от него лицо, прошептав:

– Виктор, не нужно. Мы с тобой не в лазурном будущем, а находимся в комнате, куда может войти сын. И он может всё неправильно понять. И в данной ситуации это несколько аморально. Мне хочется сына воспитать в чистых отношениях. И служить ему примером. А в данный момент я крайне плохой пример являю для подражания. Виктор, прости меня, пожалуйста, если я тебя огорчила.

– Нет, нет, Леночка, не стоит просить прощения. Это я от нахлынувших чувств потерял голову. Обещаю в подобных ситуациях не позволять больше так себя вести. И чтобы я не натворил ещё других глупостей, я хочу, чтобы ты меня проводила до машины. Минут пять–десять погуляем на морозном воздухе и разойдёмся... Хорошо?

– Пожалуй, перед сном прогулка по снежку – то очень желательно. И я с удовольствием воспользуюсь твоим предложением.

И они стали собираться, чтобы пойти на улицу. Виктор Павлович пожал по-мужски руку Игорю, сказав:

– До свидания, молодой человек, и до новых встреч. Желаю, чтобы тебе везло в новой школе. И чтобы тебе сопутствовала удача, и чтобы лидерство по учёбе в своём классе ты возглавлял. И не позволял себя обижать.

– Спасибо, Виктор Павлович... Я постараюсь, а там уж как получится... Ма, а ты куда уходишь?

– Я, Игорёк, провожу Виктора Павловича до машины и скоро вернусь. Не волнуйся...

И, открыв дверь, они пошли в коридор к лифту. Лифт был свободен. Елена с Виктором воспользовались им и вскоре оказались на улице.

А на улице мороз крепчал. Снег скрипел под ногами. Звёзды с тёмного неба взирали рассыпанной белой пудрой, придавая небу весёлый вид.

– Леночка, посмотри, какой красивый вечер... Звёзды кругом, и луна какая полная, как шар. Мне её хочется схватить и подарить тебе.

– Ой, не надо, Виктор. Я её не удержу, ведь она очень тяжёлая. Пусть лучше она побудет на небе и осветит нам оттуда.

– Ох, Леночка, мне так хорошо с тобой. Моё ты солнышко. Мне так много лет никто не нравился. Даже когда я был юношей и встретил свою будущую жену, я не был так влюблён, как сейчас. И с тех пор я никого не встречал, кто бы взволновал мне душу, Елиночка, можно я тебя так буду называть? А встретив тебя, я ощутил в себе свою неудержимую юность, которая двадцать пять лет тому назад взывала меня своей крылатой любовью. Вот и сейчас я вдруг ощутил в себе любовь, но эта любовь

ярче и полноводней. Она отличается от любви юности своей зрелостью, мудростью жизни, высотой чувств и широтой трепетности. Моё сердце в твоём присутствии невообразимо парит, рождая ласку, цветение моего разума. Мой разум тогда, как и сердце, мыслит в плоскости искромётных чувств, торжествуя в истоках первозданных, чистых, праведных решений. Но я слушаю, если не скажу, что центр вселенной в этих отношениях – это ты, моя родная Еленушка. От этих обуянных чувств и движений мыслей о тебе я словно переродился. Я ощущаю в себе весну в разливах цветения чувств, которые переполнены тобой. Такого счастья я никогда не ощущал. Ведь для меня ощущение тебя, твой поцелуй – это нечто, это прикосновение Ангела, от которого я ещё в большей степени ощутил красоту и глубину моей любви к тебе. Елиночка, это признание тебе говорю я и не я. В жизни подобных слов я никому не говорил и, похоже, не скажу. Во мне словно взорвался вулкан и своим жаром обжигает моё сердце чувствами к тебе, моей искромётной любви. Ты мой исток жизненного пульса. Ты моё очарование, смысл жизни, зов и надежда. Ты моя нежность, моё переосмысление, которое рождает неопишемую радость, сотканную из неизрасходованных чувств. Они во мне многоцветием перепоясывают разум, душу и сердце, разливаясь нежностью и желанием обнять и поцеловать тебя...

И Виктор, распалённый теснившими грудь чувствами, обнял Елену и утонул в наслаждающем поцелуе. И этот поцелуй был страстным, заставлявшим женщину почувствовать её природную сущность, в то же время был наполнен дыханием блаженства и потаённой стыдливости. Этот поцелуй тонул в чувственности, лаская теплом, негой, являя значимость и назначение мужчины, растворяясь желанной любовью взаимности назначенной жизни. И в то же время в поцелуе ощущались в определённой степени холодность и скрытое лукавство.

– Виктор, что ты делаешь? Кругом же люди, – оторвавшись от чувственных губ Снегирёва со страхом и растерянностью, сказала Елена.

– Ничего, Леночка, я преступного не делаю. Я люблю

тебя. Это я готов кричать на весь мир.. Ты свободна, и я свободен. Мы ни перед кем не обязаны отчитываться за свои чувства, и их мы ни перед кем не должны скрывать. Здесь нет ничего аморального. Я люблю тебя, Елиночка! Ты моя вселенная, ты мой настоящий и завтрашний день, ты моя вера, радость и счастье.

Сказав эти слова, он вновь привлёк Елену в свои объятия и покрывал её щеки, глаза и губы поцелуями, разливая свои чувства бездонным океаном наигранной любви.

– Виктор, остановись, прекрати.. Мне стыдно.. Целоваться на улице всё-таки аморально..

– Елиночка, скажи, а ты хоть немножко любишь меня?

– Для меня этот вопрос несколько неожиданный. Я, признаться, не знаю, что и ответить. Ты своими чувствами налетел на меня, как ураган. Происходящее в данный момент я не в силах осмыслить и оценить. Прости меня..

– Хорошо, Еленушка, хоть ты меня не отвергла, а дала надежду. Я буду ждать, когда ты сможешь понять свои чувства. Я так хочу, Леночка, чтобы ты поняла меня, и мои чувства дали бы тебе путь к развитию и цветению твоих желаний, которые бы воззвались ко мне любовью.

И Снегирёв вновь не удержался и крепко поцеловал Михайлову в красивые губы, которые взывали его своей трепетностью, раскрывающиеся зовом и прелестью чувственности, прошивающей весь его внутренний мир.

– Елиночка, прости.. Не вырывайся из моих объятий.. Я потерял разум, но я обрёл душу и сердце. Я обрёл любовь. А любовь выше всего. Я люблю тебя так, как никого не любил. Никогда от поцелуев с другими женщинами я не горел так ярко и не пылал таким пронизывающим светом радости, неги и цветением чувств. Я тебя никому не отдам. Ты слышишь, Леночка? Никому. Чего бы мне ни стоило, но ты будешь только моя, всем своим разумом, сердцем и плотью. Будешь, Елиночка?!

– Виктор, отпусти меня домой. Мы давно здесь уже стоим.. Игорь будет волноваться. Впереди у нас с тобой много времени. И я уверена: мы с тобой сумеем разоб-

раться в наших чувствах и отношениях. До свидания, Виктор, не сердись...

И Елена, с силой высвободив себя из объятий Виктора, быстро пошла домой. А дома Игорь действительно уже волновался, поскольку Елены вместо обещанных пяти-десяти минут не было более часа. Он прибрал стол, вымыл посуду, принял душ и уже значительное время ждал, когда же она, наконец, придёт. И несказанно был рад, когда услышал скрип открывающейся входной двери и увидел в ней Елену.

– Ма?! Почему ты так долго отсутствовала?! Я уже хотел тебя идти искать... Что ты как маленькая?! Посмотри уже который час?! Я же очень стал уже переживать за тебя!

– Извини, пожалуйста, Игорёк. Так получилось... Я буду стараться так не поступать больше. Пойдём, сынок, спать.

Игорь ещё несколько недовольным тоном высказал матери слова обеспокоенности, затем пожелал ей спокойной ночи, лёг на свою кровать и быстро уснул. Елена тоже пыталась уснуть, но ей не спалось. В голову шли разные мысли. Для неё было совершенно неожиданно то, что так поведёт себя Виктор Павлович, а тем более, что так откровенно и навязчиво станет объясняться ей в любви. Настроение у неё было подавленное. Елена пыталась разобраться в себе, понять, какое же место в её сердце занял после такого буйного объяснения в любви Снегирёв. Но сколько ни думала, своё сердце она для себя не смогла раскрыть и ответить на волнующий её вопрос. Ведь Елена не особо поверила Виктору Павловичу в том, что он так быстро и горячо в неё влюбился. Она к нему отвращения не чувствовала, но и желания объясняться с ним в любви или видеть, слышать его постоянно, то такого зова тоже не было. А наоборот, в душу запал страх, и она несколько раз задавала себе один и тот же вопрос: «Что мне делать? Как мне быть? Опять судьба берёт меня на излом и шлёт испытание. Не успела приехать в Москву, а здесь вновь разгорается любовный костёр. Хоть дрова и не я подбрасываю, но я уже греюсь возле этого костра. А Виктор Павлович будет моим непосредственным

начальником. И как же всё это скажется на моей работе и наших отношениях? Неужели, если я стану себя с ним безответно вести, то он уволит меня или устроит притеснения? А может, сегодня его коньяк так расслабил, что он потерял контроль над собой, и им управляли градусы, а не настоящие чувства? Возможно, он проспится и будет стесняться своих объяснений или их совсем забудет? А я вот так сейчас переживаю.. Но однако Виктор Павлович хотя и был пьян, но не до такой же степени, чтобы не отдавать себе отчёта или не руководить своими действиями.. Явно он всё будет помнить и о своих объяснениях, и о своих навязчивых поцелуях... А может быть, я так легкомысленно себя вела с ним и давала Снегирёву повод так вести себя со мной? Но он же мой гость?.. Не должна же я была вести себя, как мьмира? Или, ещё хуже, выставить его за дверь?.. А может быть, ничего и не случилось? Виктор Павлович – просто любвеобильный мужчина, да и только? Ведь в его поцелуях явно чувствовался привкус отталкивающего чувства... И он не пропускает ни одной смазливой женщины, которая встретится ему на пути?..»

Елена ещё долго мучила себя различными вопросами, и, отвечая на них, она то оправдывала себя и Снегирёва, то, напротив, бичевала себя за столь опрометчивый, как ей казалось, проступок и её недостойное поведение. Затем поднялась с кровати, тихонечко вышла на кухню и стала молиться. Елена молилась долго с упоением и раскрытою душою и сердцем, читая на память молитвы «Отче наш», «Животворящему Кресту», а также молитвы, посвящённые Пречистой Богородице, Ангелу-Хранителю, Пресвятой Троице. Прочитав все молитвы, которые она знала наизусть, Елена, обращаясь к Господу, открыто, как родной матери, без тени лукавства стала говорить вслух всё, что её мучило в связи с произошедшим сегодня. И вдруг, как по писанному, заговорила в стихотворной форме:

***Терзают, Боже, душу боли,
Плитю давит маета.
Сбрось груз, Владыко, с моей доли –
Утешь покорностью уста.***

*Мой путь давно пророс грехами,
Они мне душеньку теснят,
Не зреют кроткими делами,
Молчать смиреньем не хотят.*

*И все в рутинность погружают,
Пронзают гордостью меня,
Мукой ада покрывают,
Лишают, Боже, Твоего огня.*

*Но я хочу с Тобой остаться
И в Царстве Неба пребывать,
А от пороков избавляться –
Хочу я лучше, Боже, стать.*

*Услышь, Господь, души прошение
И подари ей Неба синь.
Сними, Господь, грехопадение –
Из мук саднящих душу вынь.*

Изложив эти стихотворные строчки, затем ещё и ещё несколько раз, Михайлова, уже в лоне приближающегося утра, разрыдалась ещё больше, обращаясь к Господу, стала шептать:

*Вновь утро. Что, Господь, даруешь?
Судьба, какую тропку вьёшь?
Меня сегодня вновь бичуешь?
Иль благодать Ты мне даёшь?*

*Прошу, мне дай зарёю ясной
Открыться дивностью страниц,
Чтоб не вилась стезёй напрасной,
Стихом открыла дверь светлиц.*

*И в них звенела бы я песней,
Сияла трепетной звездой.
Была и ярче, и прелестней
Всех дней, что выткались за мной.*

*Зачем же мне такая участь –
Рыдать снедающей тоской.
Сними, Господь, слезы болочества,
Воздай – за горький путь большой.*

Михайлова ещё долго молилась, прося у Господа благословения на новую работу, чтобы у неё там всё ладилось, а отношения с Виктором Павловичем не мешали бы ей честно и добросовестно выполнять свои трудовые

обязанности. И чтобы Снегирёв оставил её в покое. И не терзал бы её своим, как ей показалось, двойным вниманием, которое облекалось в не совсем понятную форму: то ли любви, то ли греховного прелюбодеяния. Она ещё полностью не могла отойти от давящего её чувства к Николаю Ивановичу.

Ты ведь, читатель, не забыл, как Елена ещё в первой части книги по слабости духа от великой привязанности к нему наложила на себя руки и чуть не ушла из жизни. И это очень её угнетало и не давало покоя. Лишь в Монастыре Елена почувствовала облегчение, и там, как ей казалось, она излечилась от этого греха полностью. Но вечернее отношение с Виктором Павловичем открыло ей вновь тернистый путь и борьбу в ней между силой духа к Богу и грехопадением. Какой ей путь уготовлен свыше и что победит, мы с тобой, дорогой читатель, узнаем, прочитав вторую часть книги «Свеча судьбы». Поскольку и нам с вами по своей судьбе всецело нужно положиться на волю Всевышнего и терпеливо ждать, потому что только один Господь знает, что и когда нам дать, что нам полезно и что вредно... Прости меня, мой читатель, что я слегка отвлеклась от стези Михайловой и через Господний промысел косвенно коснулась наших собственных судеб. Но ведь и наши судьбы имеют так много общего с жизненными дорогами Елены. И мы пойдём за ней в этой книге в качестве читателя и вместе с тем человека, носителя тела, стараний и духа. Следовательно, нам, как и Михайловой, присущи благодать Господня, которую нам Христос даёт за наши добрые дела, и наше грехопадение, за которое нас настигают горе и испытания. И если мы за грехи проходим испытания, то нас ждёт вечное блаженство. А вот Елена сумеет ли пройти до конца свой тернистый путь? И что Господь ей ниспошлёт, ты, читатель, непременно узнаешь, прочитав до конца эту часть книги, которую освещает свеча жизненного прохождения Еленой дорог любви, труда, скорбей, радостей и падений...

А в данный момент, пока мы с тобой, любезный читатель, размышляли о прочитанном, в чём-то соглашаясь с автором, а в чём-то и нет, за этот отрезок времени глав-

ная героиня, наплакавшись вволю, испрашивая у Господа прощения, в определённой степени успокоилась. Но озабоченность Елену так и не покинула, поскольку вот-вот за ней должен заехать Виктор Павлович. Ведь солнце уже приблизилось к девяти часам. Игорёк уже более часа как ушёл в школу... А Елена всё это время в напряжении ожидала Виктора Павловича. И вот, наконец, она услышала звонок в дверь. Открывая её, Елена увидела стоящего возле неё Снегирёва. И Михайлова сказала:

– Проходите, пожалуйста, Виктор Павлович, я вас уже ожидаю.

– Спасибо... Вы, Елена Васильевна, простите меня за вчерашний вечер. Я вёл себя крайне нехорошо. Я прямо-таки не знаю, что на меня нашло, что я вдруг так распоясался. Обещаю вести себя в рамках дозволенного и из них в одностороннем порядке не выходить. Но всё-таки мне хотелось бы оставить за собой право в неофициальной обстановке называть вас на «ты» и только по имени. И равным образом прошу обращаться так же и ко мне. Это возможно, Леночка?..

– А почему бы и нет. Добрые и искренние отношения всегда приятны сердцу, если они без лукавства и исходят от души искренностью.

– Так ты, Леночка, меня простила?..

– Простила, Виктор... Ведь я и сама была повинна в этом, да и коньяк нам с тобой помог потерять почву под ногами. Я считаю, что я неправильно себя вела, и ты, пожалуйста, извини меня, Виктор. И давай об этом забудем...

– Забыть, Леночка, об этом мне стыд и сердце не дадут. Но я буду стараться вести себя достойно. И не угнетать тебя своим недозволенным вниманием, а в знак примирения позволю поцеловать тебя в щёчку.

От поцелуя Елена почувствовала нежность, которая накатила мягкой волной. В этом поцелуе не было страсти, в нём разлилась теплота и чувство прощения. Поэтому и Елена ответно поцеловала Виктора, но Снегирёв этот поцелуй понял по-своему. И, светясь радостью, он поухаживал за Еленой, помог одеть ей пальто, открыв дверь, пропустил её вперёд, поддерживая на ступеньках, с

подъёмом чувств шагал с нею к машине, которая ожидала их с водителем Снегирёва. Подойдя к машине, обращаясь к Михайловой, он сказал:

– Познакомьтесь, Елена Васильевна, это мой водитель Даниил. А это, Даниил, Елена Васильевна – новый директор научно-исследовательского института. Когда необходимо, то будешь её возить, хотя у института уже ожидается собственный водитель Елены Васильевны.

– Понял, Виктор Павлович. И рад знакомству, – стеснительно сказал Даниил, сядя за руль.

А Снегирёв, открыв дверь новенькой «Волги», пропустил Михайлову на заднее сиденье. И машина тронулась. При подъезде к институту, Снегирёв вновь проявил джентльменство: открыв дверцу автомобиля, подал руку Михайловой и помог ей из него выйти. Зайдя вместе с Михайловой в её кабинет, они разделись, повесили пальто в шкаф, который здесь уместно взывал своей красотой и уютом. Снегирёв вызвал заместителя директора. Тот не заставил себя долго ждать и буквально через три минуты вошёл в кабинет. Обращаясь к присутствующим, Снегирёв чётко произнес:

– Прошу знакомиться... Это Михайлова Елена Васильевна, директор вашего института, а Куланин Иван Фёдорович – ваш заместитель.

– Очень приятно, – протягивая руку, добродушно сказал Иван Фёдорович.

– Взаимно, – пожимая руку несколько смутившемуся Ивану Фёдоровичу, ответила Михайлова.

– А сейчас, Иван Фёдорович, соберите в зале заседания всех работников, я хочу представить коллективу руководителя института.

ГЛАВА XIV

Зал заседаний был рассчитан на двести мест. Был он оформлен в соответствии с современным дизайном. Выглядел великолепно. Потолок взывал белоснежной высотой, стены, покрашенные в светло-голубой цвет, придавали залу, сочетаясь с бело-голубыми портьерами, роскошный вид. Кресла, хоть и обтянутые искусственной

кожей, однако торжественно взирали своим уютом и расположением. Места, особенно в первых рядах, почти все были заняты сотрудниками института, когда в зал вошли Виктор Павлович и Елена Васильевна. Они прошли и сели за стол в президиуме, который деловито располагался на подиуме. Виктор Павлович взял слово и начал:

– Уважаемые товарищи, я хочу вам представить вашего руководителя, доктора технических наук, профессора, автора двух научных открытий – одно по аэродинамическому сопротивлению крыла, а другое по индукционной нагревательной установке для сквозного нагрева металлических заготовок перед горячей обработкой давлением – Михайлову Елену Васильевну... Если есть у вас, товарищи, вопросы к Елене Васильевне, то прошу задавать...

– У меня есть, – подняв руку, сказал начальник первого отдела Лопатин Пётр Николаевич. – Из каких мест вы к нам прибыли? Хотя и не принято у женщин спрашивать, сколько им лет, но в данном случае, Елена Васильевна, вы наш руководитель, а выглядите очень молодо... Какого же вы года рождения? И следующий вопрос: вы ранее руководили коллективом?

Елена, несколько волнуясь, поднялась из-за стола и, подойдя к трибуне, сообщила:

– Я родилась в тысяча девятьсот сорок первом году и скоро, то есть в апреле, мне исполнится тридцать один год. Приехала я из Донбасса, а точнее из города Донецка, который является областным центром. В Донецке в аналогичном институте я проработала более десяти лет на разных должностях, а именно: научным сотрудником, начальником отдела, заместителем директора, а последние два года работала директором института.

Сотрудники института, слушая чёткие ответы тоном серебристого звучания, поняли, что перед ними волевой руководитель и далеко не новичок, а специалист высокой квалификации, владеющий не только теоретическими выкладками, но и глубоко знающий практику, что очень обрадовало коллектив. Удовлетворив любопытство сотрудников института относительно своей автоби-

ографии, трудовой деятельности и перспектив развития института, Михайлова сразу же объявила, чтобы начальники отделов подготовили ей отчёты по текущим научно-исследовательским темам и представили планы на следующий год. Такой подход и такая несколько нестандартная деловая хватка мило удивила Снегирёва. Он понял, что в Михайловой он не ошибся и не зря её так расхваливал Анатолий Валентинович. Елена со знанием дела вела диалог со всеми, кто пытался её экзаменовать, и выглядела так, словно она уже не один год работает в этом коллективе. И Снегирёв почувствовал, что Михайлова завладела присутствующими и расположила их к себе своими знаниями, симпатией, волей и неординарными подходами в разрешении тех проблем и задач, которыми интересовались сотрудники института. По окончании собрания Снегирёв и Михайлова зашли в кабинет, где директор департамента не удержался и сказал:

– Елена Васильевна, ваша презентация прошла на высшем уровне. В вашем лице я действительно приобрёл в высокой степени специалиста и руководителя. Я, признаться, за вас немного переживал, как вы сумеете себя представить и познакомиться с вверенным вам коллективом. Но всё получилось очень здорово. Теперь я не сомневаюсь, что заказ, который поступил от министерства по поводу ракет, будет выполнен. Завтра же вам будут направлены все разработки, которые ведутся нашим департаментом, вы их все проанализируете, подготовите сводный план, определите этапы, сроки выполнения и представите всё это в течение недели мне. Но сейчас мне ещё раз хочется вам выразить свою благодарность, что я в вас не ошибся.

– Ой, Виктор Павлович, не стоит так обо мне хорошо говорить, ведь я пока ничего не сделала.

– Вы, Елена Васильевна, так много уже сделали для военной обороны своими открытиями, а сегодня я понял, что эти открытия – это только начало большого научного пути. Поэтому я усиливаю ваш институт. Увеличиваю штат, финансирование и, естественно, тематику исследования. Ваш институт станет среди других ведущим в департаменте.

– А вдруг я, Виктор Павлович, не справлюсь?
– Вы-то не справитесь?! Справитесь! Я в этом нисколько не сомневаюсь, Елена Васильевна.. И вы себя своими сомнениями не распекайте. Своими выводами можете советоваться с Дегтярёвым Андреем Владимировичем, да и с Куланиным Иваном Фёдоровичем, и Лопатиным Петром Николаевичем. Они могут иной раз и рациональные мысли подсказать, а особенно Дегтярёв Андрей Владимирович, он хоть уже и в годах, но однако эффективные выводы способен ещё выдавать... Ну вот и всё, Елена Васильевна, я вас представил коллективу, озадачил, а теперь позвольте откланяться... Меня не провожайте... С первым вас рабочим днём, – уже идя к двери, поворачиваясь к Михайловой, сказал Снегирёв и вышел из кабинета.

А Михайлова, ознакомившись с папками, которые здесь находились, вызвала секретаря и спросила:

– Ирина, начальники отделов уже собрались?

– Нет ещё, Елена Васильевна.

– Сообщите им, чтобы поспешили... А сейчас пригласите ко мне Дегтярёва Андрея Владимировича...

– Хорошо, Елена Васильевна, я сейчас его приглашу.

Вскоре, постучав в дверь, вошёл Андрей Владимирович.

– Елена Васильевна, вызывали?

– Да, Андрей Владимирович, проходите. Мне хотелось бы с вами поговорить о баллистической ракете. Вы принимали участие в разработке двухступенчатой баллистической ракеты для выведения в космос искусственных спутников Земли?

– Я работал, Елена Васильевна, над этим проектом, также принимал участие в разработке трёхступенчатой баллистической ракеты для выведения в космос автоматических межпланетных станций, космических кораблей, орбитальных станций и других полезных грузов.

– Андрей Владимирович, вы же знаете, что в зависимости от энергетических характеристик и способности выводить на орбиту искусственный спутник полезный груз определённой массы ракетносителя можно разделить на классы: лёгкие, средние, тяжёлые и сверхтяжё-

лые, это свыше ста тысяч тонн. Вот, исходя из этого принципа, нужно подумать, как при наименьших затратах добиться более эффективного использования ракетносителя. Меня интересует полезный груз и стык между второй и третьей ступенью. У вас имеются материалы по этим вопросам?

– Я, Елена Васильевна, как бы стопроцентным исполнителем не был в этой теме, у меня лишь кое-какой материал, а более подробный анализ имеется как в департаменте, так и в Министерстве обороны.

– Принесите мне, Андрей Владимирович, пока то, что у вас имеется.

– У меня совершенно лишь кое-какие скудные крохи. Лучше уже запросить материал от департамента...

– Над чем вы сейчас работаете?

– Меня озадачил наш бывший директор Куланин Иван Фёдорович разработкой механизма отделения космического объекта.

– И в каком состоянии ваша тема?

– Пока, Елена Васильевна, работаю над теоретической частью, а вот новелл, то есть конкретных практических предложений в разработке механизма отделения космического объекта пока не имею. Однако эксперименты показывают и дают кое-какие надежды..

– Как я поняла, вы, Андрей Владимирович, в институте являетесь ведущим учёным. Вы доктор технических наук и профессор, так?

– Да, я имею эту степень и звание.

– А вы знакомы с моим открытием по аэродинамическому сопротивлению крыла? Вам не представляется возможным использовать его, естественно несколько модернизировав, при отделении космического объекта?

– Признаться, Елена Васильевна, я знаком только в самых общих чертах... А вот что вы подсказали это, пожалуй, неплохая идея. Где бы я мог познакомиться с вашими конкретными научными обоснованиями?

– Завтра Виктор Павлович обещал передать весь пакет, что касается ракетных разработок, так и моих конкретных предложений, поскольку весь мой материал месяц тому назад из нашего бывшего Донецкого института

был передан в Министерство обороны и наш департамент. Тогда завтра, как придёт необходимый материал, я вас приглашу.

Андрей Владимирович понял, что с ним разговор закончен, встал, обращаясь к Михайловой, сказал:

- На сегодня я свободен?

- Да, Андрей Владимирович.

Дегтярёв был несколько растерян и ошеломлён. Он не ожидал, что эта девчонка владеет таким большим научным багажом и такой незаурядной памятью. Ведь она ему все расчёты механизма отделения космического объекта по памяти рассказала, как таблицу умножения, а он и десятой части этого не помнит. На душе от этого у него сделалось несколько неуютно. И он, чтобы успокоить и ввести в свою память все подробности, войдя в свой отдел, достал папку на интересующую его тему и стал очень внимательно анализировать высказанные предложения Михайловой.

А Елена Васильевна тем временем пригласила всех начальников отделов. Конкретней с ними познакомилась, с их научными текущими и перспективными планами, сделав и им ряд предложений и пожеланий в представлении аналитических рекомендаций в разрабатываемые темы. Из чего все присутствующие сразу поняли, что в институте сонливая жизнь закончилась и наступил период интенсивной работы. Из разговора с Михайловой чувствовалось, что новый директор ни в дисциплине, ни в трудовых отношениях, ни в деловых и личностных качествах спуску не даст. И с этими мыслями все разошлись в свои отделы, думая о необходимости перестраивания своего рабочего дня и достижения результатов.

А Михайлова, закончив совещание, стала внимательно изучать все научные темы, которые разрабатывал институт, связанные с ракетносителями, в том числе и с ракетным оружием. И она так увлеклась разработками, что и не заметила, как уже давно опустел институт и все работники покинули свои рабочие места. Одна лишь секретарша не знала, что ей делать: идти домой или нет? Сердясь на свою новую начальницу, она думала: «Вот

свалилось на мою голову такое чудо, все уже по домам разошлись, а ей дома словно делать нечего?! И из-за неё я тут тоже должна находиться... А может, мне всё же потихонечку уйти?» Но уйти Ирина всё же не решилась, а, постучав в дверь к Михайловой, спросила:

– Елена Васильевна, можно?

– Заходите... Какой у вас вопрос?

– Елена Васильевна, рабочий день давно закончился.

Мне можно идти домой? Ведь уже восемнадцать часов, а мы работаем до семнадцати..

– А у вас, Ирина, какое семейное положение?

– Я замужем, имею пятилетнюю дочку. Дочка – Наденька – ходит в детский садик и из детского садика её всегда забираю я. А сегодня я вот уже опаздываю, – извиняющимся голосом сказала Ирина Ларина.

– Так идите... А вообще надо продумать, чтобы вам была замена.

– Это, Елена Васильевна, в каком смысле?

– В прямом, Ирина. Нужно график работы проработать таким образом, чтобы на смену вам заступал помощник директора. Где он сейчас?

– Домой, Елена Васильевна, ушёл.

– Завтра же зайдёте ко мне с Иваном Фёдоровичем с согласованным графиком работы, вашим и помощника.

– Хорошо, Елена Васильевна... А сейчас мне можно домой идти?

– Дайте мне ключи, и вы свободны. Кстати, а сколько экземпляров ключей от приёмной и моего кабинета?

– Я не знаю..

– Почему это вы, Ирина, не знаете? Завтра же разберитесь... И чтобы у вас и у меня был экземпляр ключей.. Если вы сейчас уйдёте, то я чем имею возможность закрыть кабинет?

– Нет... Иван Фёдорович от вашего кабинета мне пока ключи не дал..

– Так как же вы собираетесь уходить? Вы что, кабинеты оставляете открытыми? Здесь же очень ценные и секретные разработки.. Тогда подождите, я сейчас оденусь – и мы пойдём вместе. А с завтрашнего дня, чтобы такого беспорядка больше не было... Понятно?

– Понятно, Елена Васильевна.

Одевшись, Михайлова вышла из института. Возле здания её ожидал водитель, она села в машину и поехала домой. А дома её с нетерпением ждал Игорёк. Увидев вошедшую мать, он сказал:

– Мама, ты не представляешь! Ты знаешь, кто со мной вместе в классе учится?

– Кто же?

– Света! Это та девочка, с которой мы вместе ехали в поезде. Меня даже Вера Ивановна посадила с ней. Я, правда, не очень хотел. Но Вера Ивановна настояла, и вот я теперь сижу со Светой на среднем ряду за второй партой.

– А Света захотела с тобой вместе сидеть?

– Да. Она как увидела меня, сама первая ко мне подошла и сказала, чтобы я садился с ней, поскольку она сидела одна. Иван, что сидел с ней, перешёл в другую школу, в тот район, где родители получили квартиру. Света уже целых два месяца сидела сама, вот потому Вера Ивановна меня с ней и посадила.

– А ты доволен, Игорёк?

– Не очень. Света, крутится...То лезет с вопросами. Одним словом, меня она отвлекает. А так ничего... Конфету очень вкусную мне дала. Похоже, что Светка рада, что я с ней теперь сижу.

– Не нужно, сынок, её Светкой называть... У неё же имя не Светка, а Светлана. Вот поэтому и зови её или Света, или Светлана, а Светка звучит несколько оскорбительно... А в целом, Игорёк, в отношении класса, школы, какое впечатление?

– Я ещё не очень разобрался, но мне кажется – нормальное. Сегодня у нас была математика, её ведёт наша классная – Вера Ивановна. Как материал она излагает, то мне нравится. А ты знаешь, мама, в этой школе с изучением материала немного отстают. По алгебре мы сегодня рассматривали задачки, которые в Шахтёрске мы решали неделю тому назад. Я решал их свободно у доски и получил «пятёрку». Меня Вера Ивановна похвалила.

– Молодец, Игорёк... Только сынок, веди себя скромнее.

– А я что, разве хвастун?

– Нет, мой любимый сын, ты совершенно не хвастун. Ты хороший мальчик. Я это тебе сказала, чтобы ты помнил, что хвастовство – это же порок, а пороки, сам знаешь, цепляются, как репьяхи к одежде.. И у меня, Игорёк, тоже прошёл первый день работы неплохо. Я со всеми познакомилась. Коллектив, как мне показалось, там неплохой и здание хорошее. Много в институте разрабатывают научных тем, которые связаны с космосом и другими исследованиями.

– Ма, а ты мне покажешь свой институт?

– Конечно, покажу. Вот только получше сама освоюсь, тогда и тебя приглашу. А ты что-нибудь ел?

– Ел в обед в школе. Там столовая большая, и кормят хорошо. На обед давали суп, котлеты с макаронами, пирожки и компот. Я там наелся досыта. А дома ещё не ужинал – тебя ожидал. Ты иди, ма, раздевайся, мой руки и садись за стол. Я сейчас всё сам подогрею. У нас же с тобой от вчерашнего дня еды осталось! Так что готовить сегодня не надо.

И Игорёк умело разогрел вчерашнее жаркое, нарезал хлеба, поставил чайник, затем заварил чай, и они сели ужинать. Поужинав, обсудили планы на завтрашний день. Елена дала сыну денег, чтобы он купил продуктов. За столом сын с матерью мирно и долго беседовали, делаясь впечатлениями о своём первом московском рабочем дне как в школе, так и в институте. Началом как сын, так и мать остались довольны. Однако Елену не переставало волновать приближение Нового года и то, что её Любаша не отвечает на звонки, а также поездка в Монастырь. От чего она не удержалась и сказала:

– Игорёк, нам с тобой надо уже готовиться к Новому году. И в то же время успеть съездить ещё до Нового года в Монастырь. Завтра ты меня домой рано не жди. Я после работы сразу пойду по магазинам, постараюсь на те деньги, что мне для Монастыря дали Вероника с Тамарой, купить кое-что моим поллюбившимся монашенкам. Игорёк, и на свои премиальные деньги, что мне выдали при расчёте в Донецком институте, я тоже хочу купить что-то для Монастыря. Ты не возражаешь?

– Нет, конечно. А что ты хочешь купить?

– Да я и сама, сын, не знаю. Посмотрю на цены и то, что найду в магазинах. Я видела, что монашенки очень обносились...

– Так, ма, и купи им монашеское одеяние.

– Не продают его сынок. Но я знаю, что там одна монахиня умеет шить! И она вручную при мне шила облачение. Так вот бы найти машинку швейную и подарить её Монастырю, то было бы тогда чудесно. Поэтому я завтра пойду в магазины и стану искать швейную машину. Авось повезёт.

И Михайлова по окончании рабочего дня, получив от секретаря информацию, в каких магазинах могут быть швейные машинки, поехала в центр Москвы. Она посетила множество магазинов, но желанной машинки так и не смогла найти. И случайно забрела уже перед закрытием в малоизвестный магазин. И чудо! В нём она увидела ручную швейную машинку. И Лена с великой радостью купила эту машинку. Ей её аккуратно упаковали, чтобы можно было нести. Михайлова, светясь счастьем, поблагодарив продавца за приобретённую вещь, вышла с желаемой покупкой из магазина, не замечая, что приобретённый товар имел существенный вес, и поехала домой. Игорь, открывая матери дверь, увидев её с покупкой, тут же спросил:

– Мама, что, швейную машинку купила?!

– Да, сынок, мне несказанно повезло..

– Ура! – радуясь вместе с матерью, закричал восторженно Игорь. – Теперь нам есть, с чем ехать в Монастырь. Ма, мы когда поедим? В эту субботу съездим?..

– Хорошо, сынок.. Только я, кроме швейной машинки, ничего другого не купила. Я завтра вновь после работы пойду по магазинам и куплю всё остальное.

– Вот и прекрасно. А сейчас давай я тебя буду кормить. Я супу наварил и картошки пожарил. Давай садись за стол. Устала небось?

– Немного есть. Но я, Игорёк, такая счастливая и так рада, что и усталости не чувствую. Спасибо тебе, что ты у меня растёшь таким добрым, трудолюбивым и внимательным. Что бы я без тебя делала?.. Мой ты помощник, моя ты надежда и опора.. Я очень, Игорёк, тебя люблю,

- поцеловав сына в щёку, ласково сказала мать.

- И я, мамуля, тебя несказанно люблю.. Давай мы с тобой поужинаем, и ты мне ещё раз подробнее расскажешь о Боге. А то мы поедem в Монастырь, а я так мало о Боге знаю. Ты же меня с собой в Монастырь возьмёшь?

- Непременно возьму. Как же я поеду без тебя? Мне же хочется, чтобы ты знал, кто о нас молится, чтобы нам, грешным, жилось лучше. В Монастыре монашенки и святые отцы: схиархимандрит Тимофей и иеромонах Василий - так много трудятся. Живя в Монастыре, я в этом убедилась. Они меня многому научили и во многих вопросах о Боге просветили.

- А ты теперь меня просветишь?.. Ешь, ма, а то суп остывает. Вот и картошечки я тебе подложил.. кушай, мамуля, скорее.

- Спасибо, Игорёк. Я с удовольствием поем.. Мне сегодня не пришлось пообедать. Я ещё не разобралась, где там сотрудники обедают, да и народ в кабинет один за одним шёл..

- Так ты целый день не ела? Разве так, ма, можно? Чтобы это было в последний раз.. Загубишь ведь желудок, - по-взрослому побранил мать сын.

- Постараюсь, Игорёк.. а суп ты приготовил очень вкусный, и картошка на славу у тебя получилась. Спасибо, сыночек, накормил вволю. Давай я тебе помогу посуду помыть.

- Не надо, отдыхай. Я по-быстрому сам всё сделаю, пока ты душ будешь принимать.

И действительно, не успела Елена ещё выйти из ванной, а Игорь уже сидел за чистым столом и поджидал её, желая скорее задать матери вопрос:

- Ма, скажи, что самое главное надо знать о творении Бога? И какое назначение Бог дал человеку? Почему мы знаем о Боге, как это нам стало известно?

- В творении Бога, сынок, главное всё. Ведь весь мир есть творение Божье. Небо, землю, людей - всё-всё, что мы видим, сотворил Господь. Всё в мире рождается, растёт, стареет и умирает, одно сменяется другим. Всем Бог дал своё время, место и назначение. Только человек живёт повсюду на земле и над всем царствует. Бог наделил

его разумом и бессмертной душой. Он дал человеку особое великое назначение: познать Бога, уподобляться Ему, то есть становиться всё лучше и добрее и наследовать жизнь вечную.

И если мы станем правильно жить, то Сам Бог будет с нами. Но чтобы помнить, сынок, что мы принадлежим Богу, быть ближе к Нему и любить Его, то есть исполнить своё назначение на земле и наследовать вечную жизнь, нам нужно больше знать о Боге, знать Его святую волю, то есть Закон Божий.

Учение Божье сначала передавалось устно из рода в род, а потом по внушению Божьему было записано Моисеем и другими пророками в священные книги. Да и Сам Господь Иисус Христос явился на землю и дополнил всё, что нужно знать людям о Боге. Он открыл людям великую тайну, что Бог – один, но троичен в Лицах. Первое Лицо – Бог-Отец, второе Лицо – Бог-Сын, третье Лицо – Бог-Дух Святой. Но это, Игорёк, не три Бога, а один Бог в трёх Лицах, Троица Единосушная и Неразделённая. Все три Лица имеют одинаковое Божеское достоинство, и нет между Ними ни старшего, ни младшего. Как Бог-Отец есть истинный Бог, так и Бог-Сын есть истинный Бог, так и Дух Святой есть истинный Бог. Различаются Они только тем, что Бог-Отец ни от кого не рождён и не исходит. Сын же Божий рождается от Бога-Отца, а Дух Святой исходит от Бога-Отца. Понял, сынок?

– Понял.. А где же, ма, было записано это Святое Писание? В каких книгах?

– Учение Иисуса Христа, Сына Божьего, было записано Его учениками Матфеем, Марком, Лукой и Иоанном в священную книгу, которая называется Евангелием. Слово «Евангелие» значит благая или добрая весть. А все священные книги соединяются вместе, в одну книгу, и называются Библией. Это слово греческое, а по-русски означает «книга».

– Мама, я очень хочу эти книги почитать.

– Бог даст, почитаешь, сынок. В Монастыре у схииеримандрита Тимофея эта книга имеется. Домой он тебе, конечно, её не даст, поскольку она у них, наверное, в единственном экземпляре, а по ней они служат в Монастыре

правят. Но ты можешь там пожить на летних каникулах и прямо в Монастыре её почитать. Я именно там ещё раз прочитала Библию, когда в Монастыре жила. У них, кроме Библии, ещё есть книги, так называемые «Жития Святых».

– А ты меня в Монастырь отпустишь?

– Это же благое дело, сынок, непременно отпущу. Только об этом, Игорёк, прощу никому не говорить. И что я жила в Монастыре не нужно рассказывать. А то за это меня могут уволить с работы. Да и по невежеству над тобой могут насмеяться. Схиархимандрит Тимофей мне говорил, а он прозорливый, что гонение на Бога прекратится в конце восьмидесятих годов. Будут Церкви строить. И людям не станут запрещать в них ходить. А пока, сынок, у нас по этому вопросу культура очень низкая. Богословская литература у нас запрещена...

– Мама, а я хочу, чтобы ты меня научила молитвам. Какая молитва самая главная? И что такое молитва?

– Игорёк, молитва это есть беседа или разговор наш с Богом. Она необходима для нас так же, как воздух и пища. У нас, сынок, всё от Бога и нет ничего своего: жизнь, способности, здоровье, пища и всё даётся нам Богом, как говорит русская пословица: «Без Бога – ни до порога». Поэтому и в радости, и в печали, и когда что нам нужно, мы должны обращаться к Богу с молитвой. А Господь очень добр и милостив к нам. И если от чистого сердца, с верой и усердием будем просить Господа о своих нуждах, то Бог непременно исполнит наше желание и даст всё, в чём мы нуждаемся. При этом, Игорёк, нужно всецело положиться на Его святую волю и терпеливо ждать, потому что только один Господь знает, что и когда нам дать и что нам полезно, а что вредно. Понял, или не очень доходчиво говорю?

– Нет, мама, я всё понял.

– Тогда, Игорёк, пойдём уже спать.

– Да нет, мамуля, ты же мне так и не сказала, какие самые хорошие и самые главные молитвы?

– Молитвы, если они, как я уже сказала, идут от чистого сердца, с верой и усердием до Господа доходят, то они и хорошие. Но вообще принято считать самой глав-

ной молитвой «Молитву Господню», или ещё её называют в народе «Отче наш». Эта Молитва называется Господнею, потому что её дал Сам Господь Иисус Христос Своим ученикам, когда они просили Его научить, как им молиться. Потому эта молитва – самая главная молитва из всех.

– Мама, а ты её наизусть знаешь?

– Знаю.

– Ты мне её напишешь? Я её тоже хочу выучить.

– Хорошо, сынок, подай мне бумагу, ручку, я тебе её сейчас напишу. И мы этой молитвой можем вместе помолиться на сон грядущий.

Елена изложила Игорю Господню молитву на отдельный лист бумаги. Игорь её с большим интересом прочитал, в некоторых местах просил мать разъяснить ему суть молитвы и отдельные слова. Елена со старанием и любовью ему объясняла. Наконец, они, уставшие, но счастливые, разошлись по своим кроватям. А утром встали бодрые, отдохнувшие и с радостью поспешившие: Игорь в школу, а Елена в институт.

В институте её уже ждал начальник первого отдела Дегтярёв Андрей Владимирович, у него к директору была масса вопросов не только по механизму отделения космического объекта, но и по ракетной ступени. Он с жаром в сердце рассказывал об отделяемой части составной ракеты, обеспечивающей благодаря работе своих двигателей разгон ракеты на определённом участке траектории полёта, и предложил, на его взгляд, более эффективный вариант. Елена Васильевна выслушала его, но вывод не поддержала, поясняя Андрею Владимировичу, что его расчёт не совсем точен. И ракетные двигатели несущей силовой конструкции баков с топливом не соответствуют системе подачи топлива. Просмотрев пояснительный расчёт Елены Васильевны, начальник отдела согласился с доводами. Несколько сконфузившись, Андрей Владимирович больше не стал задавать вопросы и высказывать свои предложения по этой теме:

– Да, Елена Васильевна, вы правы. Моё предложение не рационально. Над ним я ещё поработаю, – и вышел из кабинета.

Елена Васильевна, разложив на большом столе представленные из департамента и Министерства обороны чертежи, расчёты, пояснительные записки к ракетам с ядерным зарядом, вызвала к себе начальника третьего отдела Иванова Артёма Даниловича и потребовала сделать расчёт по пусковой установке данного ракетного оружия с позиции нестандартного подхода, указав ему отправные точки научного подхода. Сама же стала по аналогии своих расчётов, которые она применяла при аэродинамическом сопротивлении крыла, исследовать головной обтекатель ракеты. А начальнику второго отдела, Лопатину Петру Николаевичу, поручила изготовить расчёт топлива для четырёхступенчатой баллистической ракеты.

Озадачив всех начальников и их отделы работой с указанием конкретного срока сдачи результатов изучения, Елена Васильевна чётко определила цепочку комплексного исследования. Её интересовал новый вид ракетного оружия. И она перед коллективом поставила цель достичь разрешения той задачи, которую перед ней поставил департамент и Министерство обороны. И институт активизировал свою работу. По его коридорам уже бесцельно не бродили сотрудники – все были заняты работой.

О введённой чёткой и ответственной системе работы в институте стало известно и в департаменте. Виктор Павлович начал на совещаниях ставить работу коллектива института под руководством Михайловой в пример. Самому коллективу института вначале было сложно привыкнуть к жёсткому графику работы. Но, к удивлению, все быстро перестроились и привыкли, поскольку сама Михайлова являла пример трудолюбия, добросовестности и результативности в работе. Она сумела найти чёткий и перспективный путь развития института, ведя коллектив своим умением и большим старанием, а сотрудники ей стали отвечать взаимностью. Елена Васильевна частенько засиживалась над чертежами допоздна. Вот и сегодня сотрудники все давно поуходили, а она заканчивала составлять отчёт о проделанной работе. Тут вдруг раздался телефонный звонок:

- Слушаю...
- Ма, ты думаешь домой идти?.. Ужин давно остыл, а тебя всё нет.. Иди уже домой. Я замучился ждать...
- Игорёчек, извини, сейчас еду, вот только допишу предложение и закончу излагать свою мысль...
- Никаких предложений и мыслей, это же не имеет конца, слышишь, ма!..
- Слышу, сыночек, слышу. Всё, складываю и еду. В магазин мне нужно заходить?
- Нет, не надо. Я всё купил.. Ма, ты на часы посмотри.. Который уже час? Магазины ведь уже закрыты..
- Действительно, Игорёк, время позднее, двадцать первый час... Сейчас уже буду дома...

Елена Васильевна, сложив всё написанное ею в папку, поспешила к сыну. Дома они с Игорьком обсудили поездку в Монастырь. Её наметили на субботу. Михайлова сумела договориться с таксистом, чтобы он в течение всего дня был в её распоряжении. И вот рано утром, погрузив в такси швейную машинку, целый тюк чёрной ткани для пошива монашеского облачения и другие подарки, они поехали в Монастырь.

В Монастыре были приятно удивлены, когда увидели выходящую из машины Елену. Первая к ней подбежала монашенка Ольга.

- Леночка, с приездом.. А это кто с тобой?

- Это мой сын Игорёк. Помогай, Оля, я тут для вас подарки привезла. Неси к настоятельнице швейную машинку. И пусть мне ещё кто-то поможет нести тюк и сумки.

Помощники не заставили себя ждать. К ним подошли ещё две монашенки – Вера и Анастасия. Они взяли тюк за концы и тоже его понесли в келью игуменьи. Лена подхватила сумку, а что полегче взял Игорёк, и они поспешили к настоятельнице Анне, таксисту же сказали, чтобы он их ожидал. Зайдя в келью, Елена с нежностью обняла игуменью:

- Леночка, вот радость-то, что ты к нам приехала. А это, похоже, твой сынок?

- Да, матушка Анна, это Игорёк.

- Большой у тебя сын. На службе побудешь?

– Я бы хотела с сыном на службе побыть, а потом к маме Мане в Златоречье съездить... Почему-то до Любы не могу дозвониться. Она к вам не приезжала?

– Нет, Леночка, Люба давно уже в Монастыре не была.

– Сейчас, матушка Анна, как я понимаю, мы с Игорьком приехали в перерыв между службой, и поэтому, пользуясь ситуацией, я бы хотела раздать подарки, которые привезла. Вот эта швейная машинка, чтобы мнашенка Татьяна смогла пошить для всех матушек облучения. Я думаю, что материала на всех хватит, его целый тюк. А это вот валенки для схиархимандрита Тимофея, его совершенно износились, а отцу Василию Игорёк купил вот фуфаячку. И вот для вас для всех конфеты, печенье. Скоро же Рождество Христово. И мне очень хотелось вручить вам подарочки за ваше такое доброе отношение ко мне и тот кров, что вы дали мне. Спасаете и защищаете нас, грешных, своими неустанными молитвами... Спасибо вам, матушка.

– Елена, да что же ты так много всего привезла? Тебе же самой небось деньги нужны, а ты вон на нас сколь потратила. Спаси тебя, Господи, за всё. А как ты к нам приехала из такого далека? Как тебя с работы отпустили? Ты что, в отпуске?

– Нет, матушка Анна, я не в отпуске. Я ведь теперь живу с Игорьком в Москве. Нам даже дали шикарную двухкомнатную квартиру, и работаю я директором научно-исследовательского института. И это, наверное, по вашим молитвам. И у меня деньги есть. Мне дали подъёмные в связи с переездом в Москву. А при увольнении с Донецкого института мне выдали большую сумму премиальных. Так что, Матушка Анна, Господь управил, и я, слава Богу, с деньгами. И ещё привезла вам денег на строительство Монастырской гостиницы. Тысячу рублей жертвуют мой учитель Анатолий Валентинович со своей женой Зинаидой Ивановной, а эту тысячу жертвуют мои сёстры с мужьями: Вероника с Александром и Тамара с Михаилом.

– Ой, Леночка, да ты привезла целое состояние. За такие деньги мы сможем нанять работников и гостиницу построить летом. Спаси вас всех, Господи, ты напиши

имена всех пожертвовавших, мы молиться в Монастыре за них будем. Чтобы Господь ниспослал им здравие и устелил им путь спасением. Ну, пойдёмте, коль вы желаете, на службу – она с минуты на минуту должна начаться.

Игорь, зайдя в монастырский Храм перекрестился, затем внимательно осмотрелся по сторонам, на стенах увидел много икон. Он хотел к ним подойти, но постеснялся, поскольку все присутствующие в Храме стояли и молились. Тогда он очень внимательно стал слушать, о чём говорил схиархимандрит Тимофей, но мало что понимал. Посмотрел на мать, других присутствующих, а на их лицах он прочитал, что они понимают, о чём говорят в Храме священники и о чём поют на клиросе певчие. Ему стало досадно на себя. И он, обращаясь к матери, тихонько прошептал:

- Ма, на каком языке священники службу ведут?
- На церковно-славянском, сынок.
- Ты его знаешь?
- Знаю.
- А меня научишь?
- Научу. Сынок, в Храме разговаривать нельзя.

Игорь, повинувшись, больше не стал задавать матери вопросы, стоял и слушал, что говорит отец Василий. И вдруг он услышал Господню Молитву, которую знал уже наизусть. Тогда он вместе со священником стал её шептать, отчего в душе разлилась несказанная улада, вслушиваясь внимательнее в слова идущей службы, Игорь стал понимать ряд и других слов, чему он был душой очень рад. Молясь вместе со всеми, он и не заметил, как быстро прошла служба. По окончании службы Елена вместе с сыном подошла к схиархимандриту Тимофею за благословением. Получив благословение, Игорь вдруг сказал:

- Батюшка Тимофей, мне так понравилась ваша служба. Но меня мучает то, что я многого не уразумел. Слова как-то звучали по-другому. Я их понимал и местами не понимал... Вы не могли бы на время дать мне свободные книги, чтобы я их выучил и, как вы, сумел бы говорить.

- А ты давно в Храм ходишь?
- Первый раз, батюшка Тимофей. Но теперь буду чаще

ходить. Так ведь, мама?

– Так это, Леночка, твой сын?

– Да, батюшка, его зовут Игорем.

– Похвально, Игорёк. Конечно же я тебе дам много книг, чтобы ты их почитал. И дам тебе алфавит церковно-славянский, по которому ты непременно научишься читать и всё станешь понимать, – глядя ласково Игоря по голове, сказал схиархимандрит Тимофей.

И они втроём долго общались на духовные темы. Видно было, что схиархимандриту Тимофею понравился любознательный Игорёк, а особенно его интерес к нравственно-духовному осмыслению жизни. И его активность, облекшая детскую непосредственность познания Божьего мира.

Ответив на вопросы Игоря, отец Тимофей пошёл в свою келью и быстро вернулся назад со словами:

– Игорёк, книгу «Духовные посевы» я тебе дарю, а эти вот: Библию, Церковно-славянский словарь и книгу «Почтения Ионна Златоуста» – почитаешь и привезёшь. Хорошо?!

– Спасибо большое, батюшка Тимофей. А сколько дней можно читать и держать их у себя?

– Двух месяцев для тебя достаточно?

– Если можно, батюшка Тимофей, разрешите мне их у себя подержать три месяца. А то я боюсь, что за два месяца я их не одолею. Мне бы хотелось хорошо их изучить и понять содержание.

– Благословляю, Игорёк, тебе их у себя иметь до трёх месяцев.

– Спаси Господи, батюшка Тимофей. Вы так обрадовали меня и Игоря этими книгами. Сын меня давно просил такие книги ему приобрести.

– И мне наконец повезло.. Спасибо, батюшка Тимофей, – прерывая мать, с радостью в голосе сказал Игорёк. – А если я раньше их осилю и всё пойму, то я их привезу до истечения трёх месяцев. Так ведь, мама? Мы сумеем тогда приехать?

– По идее, сумеем, а там – как Бог даст.

– Если, Леночка, Господа просить да стараться, то Бог всегда поможет. Так ведь?

– Так... Да я грешница большая, батюшка Тимофей.
– А кто, Леночка, у нас безгрешный?
– Вы, батюшка Тимофей.
– Да нет, Леночка, и я грешный. Безгрешный у нас только один Господь, а мы все с грехами. Но нужно молиться, каяться в грехах, и Господь простит и поможет, – с ласкою ответил схиархимандрит.

Услышав такие слова батюшки Тимофея, Елена всё же осталась верна себе, и она подумала: «Нет, вы батюшка не такой, как все. Раз вы прозорливый, то значит – святой. Такую благодать Господь грешным не даёт. А так говорите, чтобы нас поддержать. И путь нам указать, который ведёт к благодати и искоренению в себе гордости. Ведь гордость – тяжкий грех. А батюшка совершенно не гордый, а простой, чистый и доступный. Он ко всем идёт с распахнутой душой, молится за нас, грешных, держа своё тело в посте да смирении». А вслух сказала:

– Спаси вас Господи, батюшка Тимофей... И простите нас, грешных. До свидания...

Распровавшись с монахинями и матушкой Анной, Елена с Игорьком сели в ожидаемое их такси и поехали к Марии Ивановне. Романова как раз была дома. От неё они узнали, что Люба лежит в московской больнице с воспалением лёгких.

– Поэтому, мама Маня, я не могла до неё дозвониться. Ведь я теперь живу в Москве, имею квартиру и уже устроилась работать. Работа нравится. Тридцать первого декабря стану отмечать новоселье. И хотела бы, чтобы вы с Любашей приехали.

– Спасибо, Леночка... Я теперь, Слава Богу и спасибо тебе, бегаю... На ноги не жалуясь. Но насчёт Любы не знаю, выпишут ли её к этому времени из больницы? Если выпишут, то приедем, а если нет, то явемся к тебе с Игорьком уже в новом тысяча девятьсот семьдесят втором году. И тогда «обмоем» твою квартиру...

– Договорились, – и она достала из сумки платье и подарила его Марии Ивановне.

– Леночка, ну чего же ты тратилась, такое красивое мне платье купила? Я прямо не знаю, куда его и одеть, – примеряя наряд, искрясь радостью от встречи и подар-

ка, сказала Мария Ивановна.

– Мама Маня, я очень рада, что вам платье подошло и понравилось.

– Ещё бы не понравилось. Оно, наверное, много денег стоит. Уж больно красивое. Позволь-ка я тебя, Леночка, и тебя, Игорёк, за такой славный подарок поцелую. Давно я таких щедрых подарков не получала, – радуясь, как ребёнок, светясь нежностью к гостям, говорила Романова.

Ей никак не хотелось, чтобы Елена и Игорь так скоро уезжали от неё, но на дворе уже начали появляться звёзды, стало темнеть и гости поспешили в Москву.

Домой Елена и Игорь приехали уже около полуночи, уставшие, но очень счастливые. Их эта поездка в Монастырь ещё больше сроднила и дала им единый пульс жизни, вызвавший понять всю глубину радости общения матери и сына на всеобъемлющую духовную тему. Ведь именно эта тема даёт понять смысл жизни, оценить значимость Господнего пути, концентрируя свои дороги на Господнее восславление, а значит, на собственную любовь и спасение. Но они не задумывались над этим, светясь теплотой души, быстро заснули... Однако путь времени для человека, то ли он плохой, то ли он добрый, не проходит бесследно. И мать с сыном на следующий день, уже отдохнувшие, долго обсуждали на одном языке увиденное и услышанное, чему несказанно была рада Елена, а также и Игорь.

После этого дня Елена заметила, что сын очень повзрослел, душой и сердцем являя стержень терпения и возвания Господнего познания. За книгами, что дал ему схииархимандрит Тимофей, Игорь просиживал часами, стремясь насытить себя тем, что его уже давно вызвало. А Елена, приходя с работы, обсуждала с ним интересные их обоих вопросы.

И дни, наполненные духовными познаниями и суетой жизни, бежали очень быстро, неся на своих крыльях наступление Нового года. Этот праздник всегда способствует порождению желаний, даря сознанию стезю грёз и пышнокудрые мечтания. И наши новоявленные москвичи Лена и Игорёк в предновогодний день были напол-

нены желанием суметь встретить гостей и достойно с ними распахнуть дверь в наступающий тысяча девятьсот семьдесят второй год. И они смогли, не считаясь с усталостью, подготовиться к Новому году. Вдоволь накупили разных продуктов, шампанского, приобрели ёлку, украсили её игрушками и готовы были к встрече гостей и Нового года.

ГЛАВА XV

Новый год шагал по Москве, румяный, горя двадцатиградусным морозом. Но было тихо, лишь под ногами поскрипывал снег. Небо было чистое. Блестели звёзды. Но люди их не замечали, они спешили, как никогда, быстрее оставить улицы и войти в дома, чтобы встретиться с родными и друзьями и не опоздать на встречу с наступающим Новым годом, ведь время уже было двадцать три часа пятьдесят минут. А в квартире Михайловых все гости уже были в сборе, они уютно сидели за новогодним столом. Здесь находились и Анатолий Валентинович со своей женой, и Тамара со своим мужем и сыном, Любаша с матерью, Иван и Виктор Павлович. И вот слово взяла Елена:

– Дорогие друзья. Я очень рада, что за этим столом собрались самые желанные для меня люди. И особо хотелось бы мне сказать о глубокоуважаемом моём Учителе Анатолии Валентиновиче, человеке, который столько доброго сделал для меня. Благодаря ему я стала учёным и достигла того, что я имею в настоящее время. Это необыкновенный человек с благороднейшей душой, светлым и чистым сердцем, и под стать ему его милая жена, Зинаида Ивановна. Она, как и Анатолий Валентинович, не раз вытаскивала из водоворота жизни, бросая мне навстречу мост спасения и утешения. И я так рада, что судьба ниспослала мне Виктора Павловича Снегирёва, нашего генерального директора. Благодаря ему мы сегодня собрались в этой квартире и я имею работу, которая мне нравится. И я буду очень стараться, Виктор Павлович, чтобы оправдать ваше доверие и дать тот результат, на который вы рассчитываете. Мне хочется также

сказать о моей дорогой сестре Тамаре и её муже Михаиле. Они очень дороги моему сердцу. Их бескорыстная помощь и глубокая любовь меня не только утешали и утешают, но и всегда дают источник великой любви к ним, к окружающим, надежду на завтрашний день и то умиленное чувство, которое может согреть душу, ветвиться и цвести радостью, являя счастье понимания родства. В тяжёлую минуту моей жизни судьба ниспослала мне также людей, которых моё сердце, за их необыкновенные открытые души, стремящиеся помочь людям, полюбило чувством родственных отношений – это Мария Ивановна и её дочь Любушка. Мне повезло и в отношении соседа. Это он так мастерски с Игорьком развесил занавески, поукреплял кухонные полки и обеспечил вот такой уют в квартире. Спасибо вам всем, дорогие друзья, низкий поклон... И мне всем в канун Нового года хочется пожелать Господней милости и благодати, любви и нежности, благополучия и везения, услады и полётности души, радости и блаженства и всего того, в чём стелется тропа спасения души, распахиваясь вечностью Небесного явления. И в заключении позвольте ещё раз поздравить с наступающим Новым годом и по этому поводу сказать такие поэтические строчки:

*Год уходит, прячась в снегопад,
Днями отшумевшими взирает.
И в душе уж слышится набат
Нового – что сердце ублажает*

*Радостью, парящей высотой,
Счастьем и надеждой светозарной,
Посланной нам каждому судьбой
И мечтой манящей и усладной.*

*Так свершайся милой думы зов!
Пусть желанья с истиной сольются,
Даруя Вам здоровье и любовь,
И пусть счастьем Ваши тропы ткуются.*

– Ура!.. За Новый год! И за нашу Леночку, – восторженно провозгласил Анатолий Валентинович, стремясь чокнуться со всеми присутствующими под звон двенадцатого боя курантов, который звучал в телевизоре, накануне купленном и привезённом Тамарой и Михаилом.

Его поддержали все гости, согретые трепетной речью Елены и желанием, чтобы новый год реализовал сказанные пожелания Михайловой и их собственные, которые они имели в своём душевном кладезе.

Затем слово взял Виктор Павлович. Он был очень удивлён речью Елены. Снегирёв не ожидал, что Елена так умеет красиво говорить. А особенно его поразил в ней дар поэта. Это он сразу понял, Виктор знал толк в стихах, поскольку очень любил поэзию, много знал наизусть, пробовал сам писать, но они не шли из-под его пера. И он посмотрел на Елену несколько по-иному. В нём мелькнула то ли мысль зависти к Михайловой, то ли глубже проросла любовь в душе к Елене, то ли иное чувство... Он в этот момент и сам не понял, но позже мы вместе с ним, уважаемый читатель, поймём, что всё же им руководило в эти минуты. Но в данный момент говорил он неуверенно, в его голосе не чувствовался начальственный тон, а скорее растерянность:

– Не ожидал, Елена Васильевна, что вы не только ведущий учёный, но и талантливейший поэт. Я вами восхищён и поражён. Ваше пожелание было великолепно. Я так сказать никогда не смогу, но хотел бы сказать... И чтобы не портить впечатление от вашего стиха, и в благодарность вам, я предлагаю выпить за хозяйку дома и поблагодарить Елену Васильевну за её гостеприимство и радушие.

И гости поддержали Виктора Павловича, выпив шампанское или более крепкие напитки, шумно беседовали, радуясь наступившему новому тысяча девятьсот семьдесят второму году и согреваясь теплом дружной компании. Устав говорить, стали петь песни под гитару Ивана. И вдруг Иван запел песню сам, поскольку присутствующие просто не знали слов, а сосед пел мягким тенором, душевно распахивая сердца компании следующими словами:

***Раскрыл я в мир своё оконце,
В простор земли моей родной,
В нём вижу радостное солнце
И небо с дивною каймой.***

*И вижу тучки, что наплыли
К моим роскошным берегам,
Они величием пленили,
Даруя свет и радость нам.*

*И вольностью душа взмывает,
Ни в чём не ведая границ,
И неба взор меня ласкает,
Сверкая радугой светлиц.*

*И в нём желанную увидел,
Ту, что мне руку подаёт.
Боясь душой, чтоб не обидел,
Ведь сердцем знаю – она ждёт.*

*И я кольцо уж приготовил,
Ей подарю я в добрый час,
Ведь мостик свадьбы я построил,
Чтоб обвенчал священник нас.*

*Раскрыл я в мир своё оконце,
В простор земли моей родной,
В нём вижу радостное солнце
И свадьбу с милою женой.*

Прослушав песню, гости дружно зааплодировали, говоря комплименты и прося Ивана ещё спеть песни. Иван не стал долго заставлять себя уговаривать и продолжал петь песни, романсы. Все его слушали со вниманием, один Виктор Павлович не очень желал слушать Ивана, особенно после того, как посмотрел на Елену и увидел её сверкающий взор, который восхищался содержанием песни и прекрасным исполнением. И Снегирёв подумал: «Неужели Иван влюблён в Елену? Этой песней он просто объясняется в любви. И уверен в том, что на Елене женится. Вон уже кольцо купил и мостик к свадьбе проложил. А Елена?.. Она что, тоже успела в него влюбиться? А как же я? Я ведь тоже её люблю той любовью, которая может развиваться в моей ситуации. Что же мне делать? Нет, этому парню я её не отдам. А может быть, сейчас мне предложить ей руку и сердце, пока её здесь родственники, да и отпраздновать свадьбу с Еленой? А вдруг она откажет? Ведь Елена не очень ласково со мной обошлась после новоселья. Тогда ночью, после поцелуя, она меня фактически оттолкнула от себя, дав понять, что я не очень

любим ею. А я вместо того, чтобы добиваться её любви и расположения, затаился. И жду лучших времён. Вот и дождался, пока этот Иван уводит Елену от меня. Нет, я этого не допущу, ведь я уже без Михайловой жить не смогу. Сегодня она своими стихами вообще сразила меня. Лена – уникальна как учёный и как женщина. Я давно мечтал встретить такого человека в своей судьбе. И вот нашёл, а коль нашёл, то другому не отдам, чего бы мне это ни стоило... Но сейчас просить её руки все же неуместно и рановато. Лена может отказать, и тогда что – позор? Принародный? Нет, я этой глупости не допущу. Да и как на это посмотрит Дан, с которым я познакомился совсем недавно? Он на меня имеет какие-то виды. Дан – необыкновенный человек, обладающий сверхъестественной силой. Меня, видать, именно эта его сила, словно магия, притягивает. Но и Елену отпускать от себя и отдавать другому совершенно нельзя. Эта женщина тоже является исключением. Она красивая, талантливая и для меня может послужить определённой точкой опоры, которая для моего профессионального роста очень нужна... Ну что же всё-таки мне делать? Какие предпринять шаги? Может, сегодня просто обманно увести её к себе, под предлогом, что много народу в этой квартире и негде спать? Но она не пойдёт... А возможно, под градусами шампанского и согласится?..»

И Виктор Павлович изучающе и очень внимательно посмотрел на Михайлову. Елена с умилением смотрела на Ивана, радовалась его таланту, наслаждаясь течением роскошной новогодней ночи. И выглядела Елена восхитительно. От выпитого шампанского её щёки горели приятным румянцем, белокурые пушистые волосы ниспадали на плечи волнами, придавая её лицу сказочную красоту. И казалось, что её душа отражается словно в морской синеве её глаз, лучась блеском солнечного восхождения. А её стан взывал гармонией изящества точёной фигуры, которая вобрала в себя пышность груди, тонкость талии и точёность воспеваемых поэтами ножек. Пронизывая её изучающим взором, Снегирёв поймал себя на мысли: «Да она красивее, чем я думал. Чем больше на неё смотришь, тем яснее видишь новые грани её

роскошной красоты, которая так притягивающе манит к себе. Сегодня она особо божественно притягательна. Никак в отношении её не скажешь, что Елене скоро исполнится тридцать один год и что она имеет уже такого большого сына. На вид ей не дашь и двадцати пяти лет. Везёт же ей. И красотой её природа не обделила, и умом, и фигуркой. Нет, я буду последним идиотом, коль позволю Елену увести из моих рук, и при такой выгодной ситуации для меня остаться с носом? Ну а всё же, какая выгодная ситуация для меня?.. Лена способная, отлично справляется с работой, её полюбил коллектив. Она свободная ивольна в выборе... Но всё же я её начальник и глупо не воспользоваться этим положением. А как мне показать в данной ситуации свою волю?.. Уйти?.. Сделать вид обиженного? Укрыть её безразличием?.. Нет, безразличие здесь не уместно... Вид обиженного тоже не к лицу, ведь я её начальник. А что если мне попытаться расположить Лену и всех присутствующих своей весёлостью, непосредственностью, открытостью и переплюнуть этого молодого зяблика? Иван, наверное, меня моложе лет на десять-двенадцать. Мне надо сейчас показать в себе молодецкую удаль, чтобы Елена увидела меня с другой стороны, со стороны заливчатского парня. Ведь я когда-то таким и был. Ведь я умею плясать, танцевать, петь частушки...» И Снегирёв самовластно взял на себя роль тамады, неожиданно для всех, не дослушав ромаса Ивана, объявил:

– А сейчас, дорогие друзья, объявляется белый танец... Дамы приглашают кавалеров и кавалеры, как исключение, могут пригласить понравившихся дам.

И быстрой походкой направился к Елене:

– Позвольте, дорогая Елена Васильевна, пригласить вас на танец.

Михайлова не ожидала такого поворота событий, несколько растерянно посмотрела на Снегирёва и молча пошла с ним танцевать. И Виктор Павлович закружился с Еленой в вихре танца. Их примеру последовали и другие гости. Любушка пошла и пригласила Ивана, в танце кружилась также и Тамара с Михаилом. Коридор и часть зала заполнились парами, которые умело валь-

сировали, наслаждаясь музыкой и движениями своих партнёров. Снегирёв, пользуясь случаем, не только стремился плавностью своего движения увлечь Елену, но и разлился к ней вниманием и нежными словами:

– Леночка, вы восхитительны... Вы не танцуете, а плывёте, как лебедушка. Я вами очарован... И сражён твоею красотой, – перейдя на «ты», шептал Снегирёв. – Твоё прикосновение наполняет мою душу жаром огня и нежности. Отчего я парю разливом чувств, которые вздымаются во мне морем любви и великим счастьем. Я пленён тобою, моя долгожданная Леночка. Я тебя полюбил всем своим существом и смыслом жизни, и тебя я никому не отдам. Я вижу, вон как тебя обхаживает твой сосед. Если он не оставит тебя в покое, то я намну ему бока. И ты танцуй только со мной...

– Виктор, что ты? Иван ничего себе не позволяет. Он же ведёт себя скромно. Весь вечер пел, да и только. И пел, согласись, прекрасно. А я ведь свободная и не являюсь чьей-то собственностью. Поэтому, извини, но я стану танцевать, с кем хочу. И не будем давай говорить об этом, а то ещё поругаемся в первые сутки нового года.

– Леночка, но как ты не поймёшь? Ты свободная, и никто с этим не спорит. Но я же тебя очень люблю. А я ревнив. Ревность не позволяет мне смириться, что ты улыбаешься и разговариваешь с Иваном. Когда ты с ним о чём-то говоришь или смотришь на него с нежностью, то ревность так меня душит и гневит, что я готов его убить...

– Виктор, ты что себе позволяешь? Иван же мой сосед. Так что мне уже с ним и не разговаривать?! Ты что мной распоряжаешься, я же тебе не жена?

– Лена, любимая, я хочу, чтобы ты стала мне женой. Давай завтра пойдём и распишемся? Я вот этот месяц после нашей встречи живу как сам не свой. Я без тебя не могу жить, дышать и мыслить. Всё моё существо наполнено тобой. Я держался и не показывал вида, стремился не мешать тебе своей любовью и вниманием в работе. Но сегодня я видел, что Иван может тебя от меня забрать, поэтому я не удержался и всё тебе выложил. Прости меня, счастье моё, радость моя ненаглядная, моё сол-

ньшко...

– Виктор, ну я же не вещь? Как ты себе представляешь, говоря, что Иван может забрать у тебя меня? Ты что, решил, меня можно взять, как гриб, положить в лукошко и нести, куда вздумается или отдать, кому пожелается?

– Я, Леночка, так не думаю. Но я тебя люблю и вижу, как Иван пялит на тебя глаза. Елиночка, осчастливь меня, согласишься быть моею женой...

– Виктор, давай оставим пока этот разговор. Ты же меня не знаешь. И я тебя совершенно не знаю. К чему спешить?.. Я устала от замужества с Дмитрием. И от его выходок, что привели к разводу. Я хочу пожить одна, без зависимости от мужа. Пойдём в зал, а то мы с тобой уже четвёртый танец стоим здесь, в кухне, и не танцуем.

– Не спеши, Елена, постой ещё немного. И дай мне слово, что ты за Ивана замуж не пойдёшь, а выйдешь за меня, тогда я тебя не стану торопить с замужеством. И буду ждать, сколько ты скажешь.

– Я же не знаю, Виктор, что нам грядущий день готовит. Как я могу так сказать? Если бы я была прозорливой, то могла бы предвидеть, а так всё зависит от воли Господа.

– Причём тут воля Бога?! В этом вопросе главное твоё желание. Если ты, Леночка, согласна, то я стану твоим мужем. Скажи, ты хоть чуть меня любишь?

– Я не знаю, что тебе ответить... Виктор, я ещё не разобралась в своих чувствах и в наших отношениях. Но то, что я тебе очень и очень благодарна и признательна, то это однозначно. И твоей заботы и помощи я никогда не забуду. И у меня к тебе чувства, несколько иные, конечно же есть. Но глубокие ли они или поверхностные, не буду лукавить, я не знаю...

– И за это, моя дорогая Леночка, спасибо. Чтобы их проверить, позволь с тобой встречаться... Ты согласна?

– Согласна. Но помни, Виктор, я не совсем свободна. Я несу обязанность перед сыном. Я должна вести себя так, чтобы Игорь не почувствовал свою ущербность. Он мальчик утончённой натуры. Поэтому я не смогу его не ласкать вниманием. Я у него одна, и его я очень люблю.

Прости, но дороже его никого у меня на свете нет...

– Но кто же с этим спорит, Елиночка? Это само собой разумеется. У меня вон сын какой взрослый, уже давно жениться может, однако я забочусь о нём словно как о маленьком и его тоже очень люблю. Поэтому я никогда не позволю обидеть и твоего Игорька. Дети – это святое, и у меня к ним ревности нет, надеюсь, что и не будет. А вот к другим-то – от них я зверею. Здесь я с ревностью уже поделаться ничего не могу...

– Ой, фантазёр ты, Виктор. Пойдём уже к гостям, а то они давно, наверное, уже заметили наше уединение.

– И ничего, моя любимая, пусть Иван глядит и завидует мне, как ты улыбаешься и даришь внимание не ему, а мне, так ведь, Леночка?

– Виктор, ты не исправим...

– Ничего, моя дорогая, я исправлюсь под твоей опекой. Ты только мною руководи. Тебе я полностью себя доверяю, моё ты сказочное создание, радость моей жизни... – и он неожиданно привлёк к себе Ленино лицо и помолодецки поцеловал её в губы, сияя нежностью и блаженством.

– Виктор, что ты делаешь?! Люди войдут... Увидят...

– И пусть идут и видят. Я и не хочу таить свои чувства. Я про них готов кричать на весь мир. Хочешь, я сейчас при гостях скажу, как я тебя крепко люблю?

– Что ты, что ты, Виктор, поостынь, угомонись... Объяснение в любви – это не клоунада, а серьёзные чувства. И они должны быть уделом двоих.

– Не спорю, Леночка, ты у меня как старец, во всём мудрая и прекрасная, как фея. Пойдём, дорогая, к народу, я там буду молчать, – с нежностью улыбаясь, сказал Снегирёв.

Войдя в зал, они увидели, что гости заняты разговорами. Иван любезно беседовал с Лкбашей, а Тамара, Михаил, Зинаида Ивановна и Анатолий Валентинович внимательно слушали Марию Ивановну, здесь же рядышком возле них сидели Игорёк и Олежик. И похоже было, что длительное отсутствие Лены и Виктора особо и не было замечено. Но вместе с тем, увидев вошедших, Тамара сказала:

– Время уже три часа. Погуляли на славу, но надо бы уже и готовиться ко сну. Говори, Елена, где мы будем размещаться?

– Кто где желает, дорогие гости... Правда, немножко тесновато будет.

– Но в тесноте, сестрица, да не в обиде.

– Елена Васильевна, а позвольте мне пригласить к себе Зинаиду Ивановну и Анатолия Валентиновича, у меня там кровать пустая...

– Это, Ваня, как посчитают Зинаида Ивановна и Анатолий Валентинович, что они посчитают для себя целесообразным, то на то я и согласна. Лишь бы мои дорогие гости были довольны.

– Нет, Ванюша, мы у Леночки хотим остаться. Вот ляжем все покотом на полу, в квартире тепло.

– Ой, что вы, Зинаида Ивановна, вы с Анатолием Валентиновичем ляжете спать на кровати. А на другой кровати будут спать Мария Ивановна с Любушкой. Мы же: Тамара, Михаил, дети и я – станем спать на полу.

– Правильно, сестричка, всё ты распределила, так мы и сделаем.

– Виктор Павлович, а вы где думаете ночевать? Коль у Ивана кровать свободная, возможно, вы пойдёте к нему, если же хотите, то оставайтесь здесь... На полу места всем хватит, – не зная, как поступить, смущаясь, сказала Елена.

– Спасибо, Елена Васильевна, я домой поеду. Не могу всех стеснять. К тому же возле подъезда меня машина уже ждёт. Если позволите, то я завтра приеду.

– Приезжайте, Виктор Павлович, буду очень рада, – покрывшись румянцем, ответила Елена, проводив Снегирёва до двери.

Вслед за Снегирёвым отправился в свою квартиру и Иван. Гости пошли отдыхать, а сёстры с Михаилом стали убирать всё со стола. Помыв посуду, они вскоре тоже пошли спать. Примостившись возле детей, уставшие, но счастливые, они забылись сном нового года, возлагая на него свои надежды и упования. И все крепко проспали чуть ли не до одиннадцати часов. Лишь Елена встала всех раньше и тихонечко стала в кухне готовить вновь празд-

ничный стол. Ей так хотелось укрыть вниманием, теплом и заботой своих дорогих гостей. И гости, чувствуя трепетное отношение к ним, расслабились, отдыхали от души, являя собой добродушие и расположенность к хозяйке. И лишь к двенадцати часам сели за стол. К этому времени пришли Виктор Павлович и Иван. Все с удовольствием вначале поели горяченькую лапшу с курицей, которую приготовила Елена. Потом ели, кто что хотел: салаты, жаркое, колбасы, холодец. А Снегирёву особенно понравился холодец с хреном, который он ел с аппетитом и, наслаждаясь, приговаривал:

– Елена Васильевна, поделитесь секретом, как готовить такой необычайно вкусный холодец? Я его вот уже ем вторую порцию и всё мне хочется вашим холодцом насыщаться.

– Кушайте, кушайте, на здоровье, Виктор Павлович. Я рада, что холодец вам по душе пришёлся. А в его приготовлении никакого секрета нет. Я варю холодец на медленном огне, в зависимости от мяса и косточек, в течение шести-семи часов. Затем его разделяю и разливаю по тарелкам, вот и всё.

– Не знаю, Елена Васильевна, и я так готовлю, но у меня такой вкусный он не получается. Возьмёте меня в ученики?

– Возьму, непременно, Виктор Павлович.. А сейчас я предлагаю тост за идущий тысяча девятьсот семьдесят второй год, который вот уже шагает по Москве более двенадцати часов, и за вас, дорогие друзья. Я вас всех очень люблю. И вновь мне хочется всем вам сказать слова благодарности и признательности.

И Елена выпила стопку водки, её примеру последовали и остальные. Постепенно застолье приняло более активный характер, зазвучали анекдоты, распахнулись песни. Но к семнадцати часам стали собираться уезжать Зинаида Ивановна с Анатолием Валентиновичем и Мария Ивановна с Лябушкой. Елена для них вызвала такси. Машина пришла без опоздания.

– Дорогие гости, такси прибыло, а может, я провожу вас на железнодорожный вокзал и зайду с вами в ваши куте?..

– Нет, Леночка, не нужно, у тебя же гости. Мы же не первый раз в Москве, тем более что билеты у нас на руках, такси нас ожидает, благодаря твоему вниманию. Поэтому, Леночка, этого делать совершенно не стоит.

– Правильно говорит Анатолий Валентинович, – поддерживали его Любушка с матерью и Зинаида Ивановна, – мы не маленькие, а время уже позднее наступает, поэтому распрощаемся здесь.

И наступил момент расставания. Анатолий Валентинович первым подошёл к Елене, обнял её и сказал:

– Я рад за тебя, Леночка. Не забывай Донецк. Звони и пиши нам с женою.

– Спасибо вам большое за всё, дорогой вы мой Учитель. Когда будете в Москве, то не поселяйтесь в гостинице, а приезжайте прямо ко мне. Вы же знаете: я вас очень люблю и всегда рада вас видеть. Я за вами и Зинаидой Ивановной очень скучаю.

И Лена, прижавшись к Анатолию Валентиновичу, всей своей нежностью и благодарностью поцеловала его, а затем так же сердечно распрощалась с Зинаидой Ивановной, Любушкой и Марией Ивановной.

А что же касается других гостей, то они явно уходить не спешили. Виктор Павлович продолжал беседовать с Тамарой и Михаилом, а Иван рассказывал забавные анекдоты Олежику и Игорьку, от которых те дружно смеялись. Но всё, как говорится, имеет своё начало и свой конец. И Иван душой почувствовал, поскольку пошёл уже двадцать третий час, что пора и ему уходить, хотя никак этого делать не хотелось. Но он, преодолевая своё нежелание, сказал:

– Пора и нам с вами, Виктор Павлович, честь знать да отпрапляться по домам. А то сестричкам, наверное, хочется вдвоём пообщаться.

– Ну коль пора, то я не возражаю, – несколько недозвольным тоном ответил Снегирёв. И, обращая свои взоры к Михайловой, продолжил:

– Елена Васильевна, спасибо вам за всё. Вы прекрасная хозяйка. Всё было очень мило, и яства были наивкуснейшими. От общения с вами и вашими друзьями я получил массу удовольствия. Я давно так уютно и весело не

отдыхал.

И так же любезно распрощавшись с Тамарой и Михаилом, он вместе с Иваном вышел из квартиры. А Елена не стала их задерживать. Ей действительно очень хотелось поговорить с Тамарой, послушать её отзывы о новых друзьях и поделиться планами о своей работе. Поэтому они быстренько всё прибрали со стола, помыли посуду, дети с Михаилом стали смотреть телевизор, а сёстры уединились в кухне, где Елена первым делом спросила:

– Тамара, ну как тебе мой начальник? Какое у тебя о нём сложилось впечатление?

– Не знаю, Лена. Похоже, что неоднозначное. Начальник твой красивый, высокий, но мне кажется, он амбициозный и не совсем добрый. Что-то в нём есть холодное, эгоистичное и непредсказуемое. Но что в тебя он влюблён, то это видно невооружённым взглядом. Да, как мне показалось, эта любовь какая-то корыстная и носит какой-то лукавый характер...

– Тома, ты знаешь, он вчера, когда мы были с ним на кухне, просил стать ему женой.

– И что ты ему ответила?

– Обтекаемо, поскольку я и сама не знаю, что мне делать. С одной стороны, он мне нравится, а с другой – не очень. Я в нём обнаружила и ощутила те качества, о которых и ты сказала. И кроме того, в нём есть какая-то необузданность пьяного мужика, которая облечена в безпочвенную ревность. Ночью он меня приревновал к Ивану, что от злости, как он мне и сам сказал, хотел отколо-тить соседа. А, по-моему, Иван и повода никакого не давал. Он и вёл себя прилично, песни только пел, да и всё...

– Вёл-то, Лена, он себя прилично, но глазами частенько на тебя поглядывал. Видно, он к тебе тоже не ровно дышит.

– Ой, Тамара, скажешь ещё... Он просто сосед и, кажется, хороший парень, вот и всё. Правда, Ваня частенько к нам бегаёт. Он нашёл общий язык с Игорем. Позавчера принёс ему конструктор, Игорёк был рад подарку. И они вместе конструировали чуть ли не до полуночи, пока я их не разогнала: одного домой, а другого спать. А

вот к Виктору Павловичу Игорёк не очень расположен. Может быть от того, что шеф ведёт себя с ним несколько официально, и нет в нём ребячества. Иван же с Игорем ведёт себя запросто, чуть ли не на равных, бегают с ним в снежки играет. Вместе вон Библию читают... И с любовью о Боге рассуждают. Кстати, Виктора Павловича я как-то спросила, верит ли он в Бога. То он однозначно мне ответил, что не верит...

– Тогда, Лена, непременно душа у него холодная. И ничего радостного он тебе не сулит.

– Да что ты, Тома? Смотри же, квартиру какую мне дал, работу хорошую предоставил. И так без внимания меня не оставляет. Старается мне помочь во всех моих делах.

– Не знаю тогда, Леночка, что тебе и посоветовать... А давай порассуждаем... Ведь квартиру он тебе дал не из своего же кармана, а за счёт государства. Это, во-первых. А во-вторых, ты же у нас не простой человек, а очень одарённый. В тридцать лет ты и доктор, и профессор, и уже два открытия имеешь, да и красавица ты у нас. Поэтому каждый считает за счастье иметь такую жену. А амбициозный человек, в первую очередь, влюбляется не в суть человека, а в его регалии. Мне кажется, твой Виктор Павлович именно и влюбился в твои регалии.

– Тамара, да он сам и доктор, и профессор. К чему ему мои степени и учёные звания?

– Да к тому. Ему сколько? Сорок четыре? А тебе лишь в апреле исполнится тридцать один. Разница в возрасте – тринадцать лет. К тому же он понял, что ты действительно очень способная и тебя он может эксплуатировать в своих интересах, услаждая своё самолюбие... Когда он станет мужем, то он не станет так с тобой любезничать, как это он делал сегодня, а будет тобой помыкать...

– Тома, ты, кажется, уже чересчур его так рисуешь в чёрных тонах.

– Возможно, Лена. Но мой тебе совет: не спеши за него выходить замуж. Осмотрись... Время покажет. И ну его... Расскажи мне лучше про Монастырь. Ты была в нём, как от нас приехала?

– Была, Томочка. Отвезла деньги на строительство

Монастырской гостиницы. Раздала подарки. Монашеники очень были рады. Они внесли в список здравия всю нашу родню и будут за нас молиться. Дали духовные книги и Библию почитать. Я их потихоньку размножу и вам привезу.

— Это очень хорошо бы было. Вероника очень желает почитать Библию... Да и мне хочется... Лена, а Мария Ивановна это и есть мама Маня? О ней ты мне рассказывала и о её дочери Любе? Мне они понравились, особенно Мария Ивановна. Такая милая щобетушка, от неё прямо-таки так и веет деревенской непосредственностью и добродушием. Нас с Михаилом и Олегом к себе на лето приглашала.

— Да, это они и есть. У них, сестричка, раздолье и красоты... Речка, лес, грибов, говорят, очень много. Воздух очень чистый и Монастырь от Златоречья в семи километрах расположен. И сами они прекраснейшие люди.

— Я бы, Елена, хотела побывать и помолиться в Монастыре.

— В чём же дело? Давай съездим.

— А когда? Я бы, Лена, имела возможность посетить Монастырь летом.

— И чудесно, Томочка, тогда и поедем. Там службой правит, как я тебе уже говорила, прозорливый схииеромандрит Тимофей. Если бы ты знала, Тома, какой это необыкновенный человек. От него так и веет благодатью и чем-то необыкновенным. Расставаясь с ним, я всегда чувствую лёгкость в душе, у меня тогда словно вырастают крылья, и мне хочется парить. Душа как-то раскрывается по-особому, не ощущая боли и тоски, а взмывает к людям добром и умилением. И хочется жить и творить...

— Ой, Лена, ты прямо меня так заинтриговала, что мне даже завтра к нему хочется съездить. Да, к сожалению, не могу. Завтра мы едем в Шахтёрск, уже и билеты имеем. Михаил на обратный путь купил их ещё дома.

— Жаль, сестричка, что ты так скоро уезжаешь. Разве вы не смогли накопить хоть несколько отгулов или взять короткий отпуск за свой счёт?

— Не смогли, Леночка... У меня что-то на работе не

ладится. Брак идёт. А с нового года нам план увеличили... На седьмое января меня в Киев вызывают с отчётом.

– Наладится всё, не переживай. Ты же, Тома, опытный директор. Твоя обувная фабрика в городе пока одна. Спрос на обувь имеется среди населения?

– Имеется, Лена, оттого нам и план увеличили, а станки пока не выдали. Поэтому душа и болит. Направила снабженца в Киев, да он ничего не привёз. Буду в Киеве, то сама зайду к поставщику. Да и в министерстве попытаюсь поострее поставить вопрос. А возможно, даже приеду и в Министерство лёгкой промышленности, если в республиканском не удастся решить.

– Было бы хорошо, если бы ты, Томочка, приехала. Теперь же тебе командировка будет в Москве не так уютительна, не надо искать гостиницу, а будешь жить у нас. Я тебе, моя дорогая Томочка, всегда очень рада. Ведь я тебя безмерно люблю. Я тебе подарочек купила. Мне здесь в Москве подъёмные выдали, аж семьсот рублей, так я теперь богатенькая.

И Лена быстро встала из-за стола, достала из шкафа подарки, стала их дарить: Олегу и Игорю подарила по кедам и футбольному мячу, Михаилу – белую сорочку, а Тамаре преподнесла шифоновое голубое платье.

– Это мне?! Какая красотища! Пойду-ка я, Леночка, приоденусь в новое платьице.

Тамара пошла в спальню, надела подаренное платье и через пару минут вышла из неё, блистая цветом небесного сияния.

– Ну как?.. Красиво?..

– Ты в нём, Томочка, неотразима, – сказал Михаил, любуясь женой.

– То-то, муженёк, – целуя его и Елену, кокетничала Тамара.

– А у нас тоже классная вещь. Правда, Игорёк? – слегка буцаю мяч новыми кедами, радостно сказал Олежик.

– Да, Олежик, мне подарок по сердцу пришёлся...

– Вижу, подарки всем понравились, в том числе и мне. Тогда, уважаемая хозяйка, надо их «обмыть», – светясь улыбкой, возвестил Михаил.

- Не возражаю. Прошу всех к столу.
- Ма, я не хочу кушать.
- Я тоже, тётя Лена, не стану.
- Михаил, Тома, садитесь за стол.

И они втроём разместились в кухне за новеньким столиком. «Обмыв» подарки, приятно беседуя, стали наслаждаться краснодарским чаем... И, вдоволь наговорившись, пошли отдыхать... Ведь утром Елену ожидал рабочий день, а гостей – отъезд домой.

В шесть часов, словно по команде, все встали, позавтракали. Елена пошла провожать родных на железнодорожный вокзал. Поезд уже стоял. Они вошли в свой вагон. Елена зашла с ними, поцеловала Олега, Михаила и Тамару, с грустью вышла из вагона и поспешила на работу.

ГЛАВА XVI

В институте в отношениях работников ещё чувствовались последствия празднования Нового года. Сотрудники, войдя в свои кабинеты, непременно поздравляли присутствующих с наступившим тысяча девятьсот семьдесят вторым годом. Затем одни тайно от начальства выпивали по рюмке или более, а другие готовили себе чай и им наслаждались, подымая себе рабочее настроение, третьи просто делились своими впечатлениями от проведённого Нового года.

Елена Васильевна тоже не могла настроиться на рабочий лад. Она хотя и раскрыла и разложила перед собой чертежи ракетной двигательной установки, стремясь в них вникнуть, но мысли были далеки от летательного аппарата. Директор думала о том, как доехали Анатолий Валентинович с Зинаидой Ивановной. Не в силах больше бороться с этой мыслью, она позвонила своему учителю, но Анатолий Валентинович не отвечал. Еще больше обеспокоившись, Михайлова позвонила Зинаиде Ивановне. И услышала в телефонной трубке желанный голос:

- Слушаю вас...
- Зинаида Ивановна, это я, Лена. Как вы доехали? А

то душа что-то тревожится...

– Леночка, мы доехали хорошо, слава Богу. Не переживай. Всё в порядке. И спасибо тебе большое за подарки. Ты их так ловко передала, что я и не поняла, что это подарки, а дома Анатолий дал мне сумку, я его спрашиваю: «Что это?». Он говорит: «Не знаю... Лена что-то передала». Так я достала содержимое из сумки, развернула, и оказалось, это халат для меня. Он мне впрямую и очень пригож, я вот сейчас в нём сижу. И Анатолий был рад подаренной тобой рубашке. Балуеть ты нас, Леночка...

– Я рада, Зинаида Ивановна, что вам подарки подошли. Мне так хотелось для вас сделать что-то доброе и приятное. Я вас с Анатолием Валентиновичем очень люблю. И так благодарна вам за то, что вы у меня есть, и за то, что вы приехали проведать меня. Спасибо вам большое, приезжайте ещё, не забывайте меня.

– Приедем, Леночка, непременно приедем. Нам с Анатолием у тебя всё понравилось... Хорошая и гостеприимная ты хозяйка, умеешь накрыть на стол и гостей угощать... Мы у тебя словно у дочери побыли... И квартира у тебя хорошая. Я рада за тебя, Леночка. И гости нам твои понравились. Особенно сестра твоя Тамара. Она такая славная. Сразу догадаешься, что она твоя сестра, уж очень Тамара похожа на тебя, такая же красивая и располагающая.

– Спасибо, Зинаида Ивановна, за тёплые слова, обнимаю и целую вас, передавайте поклон Анатолию Валентиновичу. До свидания...

– До свидания, Леночка...

После разговора с Зинаидой Ивановной на сердце разлившаяся тоска постепенно стала удаляться. Но работу разум всё равно не вызвал. В голове стали бродить мысли относительно сделанного Виктором Павловичем предложения, а также выводы сестры и её собственные по поводу её замужества. Думая об этом, Елена сама себе задавала вопросы: «А люблю я Виктора Павловича? А он действительно любит меня? Или он, как сказала сестра, хочет приобрести меня для себя как ценную вещь? И почему он так спешит жениться на мне? Ведь мы друг друга

так мало знаем... Тамара права, не стоит так спешить с замужеством. У меня есть ради кого жить... Да и у него есть сын. Он тоже, похоже, его любит. Каждый из нас уже продолжил жизнь в детях, проложил тропу в завтрашний день. Поэтому надо жить не спеша. Я и так уже наделала по жизни много ошибок. Не совершить бы мне очередную, такую же роковую ошибку, какую я уже однажды допустила...»

Вдруг ход её мысли прервал телефонный звонок. Михайлова сняла трубку и в ней услышала голос Виктора Павловича:

– Елена Васильевна, добрый день.

– Здравствуйте, Виктор Павлович.

– Как вам там, Елена Васильевна, работается в новом году?

– Если честно, Виктор Павлович, то чувствуется ещё течение расслабленности от Новогоднего праздника. Мысли бегут вразнобой. Не могу сосредоточиться на ракетной двигательной установке. Хотя есть определённые соображения, которые я уже перед Новым годом изложила в пояснительной записке. Вот хочу её передать вам.

– Я хотел бы, чтобы вы плотнее занялись параллельно и ракетным топливом.

– Виктор Павлович, мною уже даны распоряжения Лопатину Петру Николаевичу, чтобы его отдел занялся исследованием удельного импульса нехимического ракетного топлива... И у меня по этому поводу уже есть кой-какие соображения...

– А какие у вас соображения, Елена Васильевна, по поводу того, чтобы явиться ко мне в гости? Ведь у меня сегодня день рождения.

– Я вас поздравляю, Виктор Павлович, и желаю...

– Нет, Елена Васильевна, по телефону я от вас поздравления не хочу принимать. Жду вас в семнадцать часов у себя дома. Так что приходите. Приглашённых немного. Запишите мой адрес: улица Демёхина, дом тридцать два, квартира сорок один, – сказав это, Виктор Павлович повесил трубку.

Михайлова же, растерявшись от неожиданного приглашения Виктора Павловича, не знала как поступить.

Просидев в таком состоянии несколько минут, Елена всё же собралась с мыслями и решила сейчас же поехать и купить Снегирёву подарок, уже по пути соображая, что же ему подарить.

Зайдя в первый попавшийся магазин, осматривая, на её взгляд, подходящие товары, выбора не сделала, а поехала в следующий. В этом магазине ей приглянулся мужской косметический набор для лица. Постояв несколько минут возле набора, Михайлова всё же решила его купить, считая такой подарок достойным для Виктора Павловича. А после поехала домой. Сын, увидев вошедшую Елену, спросил:

– Ма, ты почему так рано пришла?

– У Виктора Павловича сегодня, оказывается, день рождения, так он меня пригласил... И я заехала домой, чтобы переодеться.

– Так ты к нему едешь?

– Еду, сынок, нехорошо же не поехать и не поздравить его, коль пригласил. Может, и ты со мной поедешь?

– А разве он меня приглашал?

– Да нет. Относительно тебя он ничего не сказал...

– Тогда как же я поеду? Нет, я не поеду. Я дома побуду и почитаю Библию. А можно я Ивана приглашу, и мы с ним вместе почитаем?

– Можно... Но, Игорёк, какой же он тебе Иван?! Он же старше тебя более чем на двадцать лет. Сосед же даже старше меня больше, чем на год... Называй его Иван Петрович.

– Хорошо, не возражаю, стану его называть Иваном Петровичем. А ты там у Снегирёва не засиживайся.

– Постараюсь, Игорёк.

– А в случае чего ты, ма, звони.

– Не переживай, сынок, я буду стремиться явиться домой к двадцати двум–двадцати трём часам.

– Ого... Нет, чтобы в десять вечера, ма, ты была дома.

– Ух... Какой ты у меня, Игорёк, строгий. Не всё же будет зависеть от меня. Не буду же я вставать в позу, если обстоятельства сложатся не в мою пользу.

– Мама, обстоятельства всегда, если конечно захотеть, можно повернуть в нужном направлении.

– Ой, Игорёчек, какой же ты у меня мудрый...

И она с лаской обняла и поцеловала его. Затем подала сыну кушать, а сама пошла переодеваться. Одев праздничный наряд, слегка припудрив лицо, она стала выглядеть великолепно. Зайдя в кухню, покрутившись перед сыном, спросила:

– Игорёк, как на мне платье сидит? Идёт оно мне?

– Очень это платье тебе к лицу. А что ты обуешь?

– Сапоги, зима же на дворе.

– Но сапоги, ма, к этому платью никак не подходят.

– Так что, сын, мне туфли с собой взять, а там у них переобуться?..

– А почему бы и нет?

И Михайлова, послушав сына, взяла свои модельные любимые туфельки, положила их в сумку и спешно поехала к Виктору Павловичу. Поднявшись на третий этаж, Елена, волнуясь, позвонила в дверь, которую открыл Снегирёв.

– О, Елена Васильевна, проходите, пожалуйста. Раздевайтесь... Давайте, я вам помогу. Вы выглядите превосходно, восхитительно... Все гости уже в сборе... Ждём вас... Пойдёмте, я вас сейчас представлю моим друзьям. Познакомьтесь, это мой двоюродный брат – Снегирёв Николай Иванович.

Увидев Николая Ивановича, Елена словно остолбенела. Пробыв в замешательстве несколько секунд, что не укрылось от пронизательных глаз Виктора Павловича, она протянула Николаю Ивановичу руку, сказав:

– Елена Васильевна...

– Николай Иванович, – вторя ей, протягивая руку, ответил Снегирёв.

– Так что, Елена Васильевна, вы с моим братом уже знакомы?

– Знакомы, брат... Мы с Еленой Васильевной познакомились в Киеве на конференции, – несколько лукавая, ответил Николай.

От такого сюрприза по лицу Виктора Павловича пробежала волна недовольства, но он, сдерживая себя, стал представлять Елену остальным гостям. Михайлова механически знакомилась с присутствующими, горя ру-

мянцем и растерянностью. Чтобы как-то выйти из такого состояния, Елена вместе со всеми выпила за здоровье Виктора Павловича. После этого слегка расслабилась, взяв себя в руки, пошла танцевать с Виктором Павловичем. Одев на лицо маску веселья и беспечности, легко кружила в вальсе с Виктором.

– Леночка, ты обворожительно хороша... А сегодня ты особенно сияешь разноцветием красоты. Я тебя очень люблю. Ты слышишь, счастье моё? – шептал Виктор Павлович, целуя её на виду у танцующих.

– Виктор, прервати... А то я сейчас уйду домой.

– Никуда ты не уйдёшь... Я тебя не отпущу, ты моя и только моя, поняла? Я тебя никому не отдам...

В этот момент к ним подошла пара, разбивая их в танце. Елену забрал Николай, а Виктора Павловича, смеясь, повела его сотрудница Екатерина, положив свою руку на его спину, и лихо закружилась с ним в танце. А Николай с Еленой танцевали медленно, совсем не в такт мелодии. Глядя в глаза Михайловой, Николай сказал:

– Я тебя, Леночка, очень искал. Я переехал жить в Москву только из-за тебя. Я же знал, что ты где-то здесь. Я просил Тамару, чтобы она сказала твой адрес, где ты находишься. Но она мне, как и в первый раз, не сообщила. Я обращался и к твоему сыну, и к Анатолию Валентиновичу, но никто не раскрыл места твоего пребывания. Поселившись в Москве, особенно первое время, куда я только не звонил. Живя у Виктора, я вначале, как ты уехала, взял отпуск, звонил по всем предприятиям, думал, а вдруг где-то ты трудоустроилась, но тщетно. Искал тебя по всем монастырям Московской области, но мне везде отвечали «нет, нет и нет». Я уже отчаялся и перестал тебя искать... И вдруг ты явилась сама, да ещё туда, где я тебя увидеть совсем не ожидал. Это какая-то мистика... А может быть, это чудо, ниспосланное Небом? Леночка, скажи, пожалуйста, а ты что, в Москве живёшь?

– Да...

– И здесь работаешь?

– Да...

– А кем и где ты, Леночка, работаешь?

– Николай, я не хочу тебе этого говорить.

– Почему, Леночка? Ну, можно же остаться просто друзьями. Я здесь работаю директором функционирующего с недавнего времени машиностроительного завода. Он пока не очень большой, типа Луганского машиностроительного завода, но будет наращивать мощь. Леночка, но не об этом мне хочется с тобой поговорить... Позвони мне, умоляю тебя, давай встретимся...

– Нет, Николай, оставь меня в покое. Мы с тобой всё уже давным-давно переговорили... Кстати, и танец закончился...

И Елена, оставив Николая, подошла к Виктору. А он, танцуя с Екатериной, постоянно держал в поле зрения Елену с Николаем. И это заметила Михайлова, поэтому, зная необузданную ревность своего шефа, Елена его пригласила на следующий танец.

– Леночка, скажи, откуда ты знаешь моего брата Николая?

– Виктор, это длинная история, не хочу я о ней говорить, а тем более сейчас.

– Это не тебя ли, Леночка, он разыскивал? Всю Москву и область обзвонил и оббегал?

– Не знаю, Виктор... Давай закроем эту тему.

– Ничего подобного... Эту тему, Елена Васильевна, мы, пока не выясним всю, до конца, не закроем. Вон, посмотри, мой братец с тебя глаз не сводит. Да что это за напасть? Лена?! У тебя дома твой сосед, Иван, покоя не даёт. В собственной квартире двоюродный братец, того то и гляди, тебя уведёт. Когда же этому будет конец, Елена, скажи?! – раздражительно, без тени шутки, выговаривал Виктор Михайловой.

Елена, видя, что Виктор изрядно выпил, и боясь, чтобы не произошла глупость, от которой всем будет на следующий день стыдно, решила уйти по-английски. И, обращаясь к Виктору, сказала:

– Позволь мне пойти помыть руки. А ты тем временем сам можешь подойти к Николаю Ивановичу и пообщаться с ним. А вообще лучше, если ты с Николаем Ивановичем поговоришь, когда твои друзья разойдутся.

– Так значит у тебя с моим братцем что-то было?

- Было, не было – не в этом главный вопрос.
- А в чём же, Леночка?
- В самой жизни, Виктор, её предназначении для каждого из нас.
- Тогда скажи, Елена мудрая, в чём моё и твоё конкретное предназначение?
- Не сейчас, Виктор строптивый... Не совсем удобное место и время. Если хочешь, то мы с тобой об этом завтра, послезавтра или ещё когда в добрую годину поговорим. А сейчас, прошу тебя, отпусти меня.
- Иди, но недолго...
- И Михайлова быстро вышла в коридор, взяла в руки сапоги, пальто и уже на лестничной площадке оделась и переобулась. А когда её хватились, то она спокойно уже ехала в метро. Отворив дверь в собственную квартиру, она услышала от идущего навстречу Игоря вопрос:
- Мама, а ты почему так рано? Тебе что, там не понравилось? Или ты пришла до срока по другой причине? И почему без настроения?
- Понравилось, сынок... Всё нормально...
- А почему тогда звонил Виктор Павлович и спрашивал, пришла ли ты домой?
- Что ты ему ответил?
- Я сказал, как есть. Что тебя дома нет. Ма, а я не один, у нас Иван Петрович. Мы с ним читали Библию, а сейчас «Духовные посевы».
- А меня возьмёте в компанию?
- Возьмём, Иван Петрович?
- С удовольствием, Леночка... Проходи и почувствуй себя в собственном доме, как в своей квартире, – пошутил Иван. – Леночка, а какой наряд на тебе красивый... Ты в нём прямо как королева.
- Тебе, Иван, нравится?
- Очень... Так бы и смотрел, не отрываясь, на тебя всё время, Леночка...
- Тогда, чтобы тебя не смущать и чтобы вы не отвлеклись от чтения, я пойду переоденусь, – пытаясь шутить, ответила Михайлова.
- И вскоре пришла к ним в зал из спальни в спортивном костюме.

– А теперь ты, Леночка, похожа на спортсменку-лыжницу, только ещё шапочки не хватает. Хочешь, мы тебе сейчас с Игорьком её из газеты сделаем?

– Да нет, Ванюша, не стоит тратить усилия. Давайте лучше книгу, и я стану читать вслух.

– Пожалуйста, Елена Васильевна, окажите нам с Игорьком честь.

И он подал Михайловой книгу. А она начала читать, но не прошло и десяти минут, как зазвонил телефон:

– Ма, это небось Виктор Павлович? Иди сама бери трубку.

– Повинуюсь, мой сынуля.

Михайлова сняла телефонную трубку и услышала:

– Елена Васильевна, это вы?

– Я, Виктор Павлович.

– Почему это вы обманным путём ушли? Я сейчас приеду к вам.

– Нет, Виктор Павлович, я вас прошу: не приезжайте. У меня разболелась голова. И я хотела бы отдохнуть. Завтра мы с вами поговорим.

– Никаких завтра. Я остался с братом один на один. Все гости уже поразъехались. Он на мои вопросы не отвечает. Так я сейчас его привезу к тебе. Пусть он всё и расскажет в твоём присутствии. У вас с ним что-то было? Ты его любишь?..

– Виктор Павлович, утро вечера мудренее... Да уже и очень поздно... Так что прошу прощения, но сегодня я с вами больше говорить не хочу. А если приедете, то я не открою вам дверь. До свидания, – и она положила трубку на рычажок телефона.

– Во... Какой невоспитанный этот Виктор Павлович...

– Игорёк, ты меня извини, пожалуйста. Но это разговор взрослых. И нехорошо тебе быть для него судьёй. Виктор Павлович выпил, расслабился, в этот день ему позволительно, хоть не в полной мере, но всё же... Ведь у него сегодня день рождения... Пока со всеми гостями попригублял, то и больше дозы получилось. Так что, мои дорогие друзья, его осуждать не станем, а давайте я буду продолжать читать.

После этого звонка их больше никто не беспокоил, они

читали поочерёдно «Духовные посевы» до одиннадцати ночи. Затем Иван ушёл домой, а Елена с Игорьком прекратили читать и также стали готовиться ко сну. А утром вновь Игорёк побежал в школу, а Елена поехала на работу. Но едва успела она зайти в свой кабинет и снять пальто, как вошёл Виктор Павлович.

– Доброе утро, Елена Васильевна... Вы извините меня за вчерашний вечер. Я вёл себя очень нехорошо. Перебрал немножко... Каюсь... Мне крайне перед вами стыдно. Но увы, что случилось, то случилось... Вот пришёл виниться... Простите, пожалуйста...

– Виктор Павлович, вам нечего передо мной извиняться, всё было нормально. Хотите чаю?

– Очень, Леночка, хочу. Ведь от вчерашнего пиршества голова трещит и стыд мучает. А с тобой за чашкой чая посижу, возможно, полегчает...

– Непременно легче станет, Виктор Павлович. Вам какого чаю заварить: цейлонского или краснодарского?

– Если можно, Леночка, то цейлонского.

Михайлова заварила чай. Налила его ему и себе. И поставила на стол красивые чашки, наполненные ароматным и бодрящим напитком.

Виктор Павлович взял чашку и маленькими глоточками начал попивать чай, приговаривая:

– Чудесный, царский чаёк... Не только тело греет, но и душу лечит. А особенно мою. Она у меня, Леночка, очень болит, и я не знаю, как мне быть. Признаться мне тебе или нет?... Но, наверное, сказать правду тебе всё же надо. Всё равно днём позже, днём раньше, но ты её узнаешь. Так я лучше сам тебе расскажу... Ведь вчера, как ты ушла, настроение у меня испортилось, гости это заметили, и они вскоре стали расходиться. Остались мы с братом вдвоём... Тогда я у него стал спрашивать, откуда он тебя знает. А он ни в какую не признаётся. Да ещё грубо ответил, чтобы я за тобой не улепётывал, всё равно, дескать, «она тебе не достанется, Елена моя...» После этих слов я не удержался и ударил Николая, а он в ответ меня... Одним словом, мы подрались и я его выпнул... Сегодня я ему звонил, извиниться хотел, но брат извинения не принял. Хоть ты, Елена, скажи мне, ты давно его

знаешь?

– Давно, Виктор Павлович, где-то уже более пятнадцати лет.

– А где же это ты, Леночка, с ним познакомилась?

– На заводе. Он был моим наставником, учил меня токарному делу.

– Тогда всё понятно. Это тебя, Елена, он летом разыскивал. А я, дурак, ему ещё помогал... Но ведь у него трое детей. Правда, сын уже женат и ребёнка имеет, старшая дочь тоже взрослая, в институте учится, но у него есть ещё и маленькая дочь, и, кажется, он очень её любит... И Ирина у него неплохая жена. А он что, тебя любит?

– Не знаю, Виктор Павлович, кто кого любит... Давайте оставим этот разговор...

– Нет уж, Елена Васильевна, извольте ответить: вы его любите? Ведь это вы вчера из-за него ушли? Не смогли справиться с чувствами и оттого скрылись с глаз долой?

– Виктор Павлович, я уже вам всё сказала, что хотела, не пытайте меня, я вам не подследственная, а вы не следователь.

– Зато я тебя люблю. И так, Леночка, тебя люблю, как никогда никого не любил. А ты своим равнодушием теснишь и ставишь меня в унижительное положение. Я не привык, чтобы ко мне женщины относились с таким безразличием, это меня выводит из себя. Ты можешь это понять?.. Я никому тебя не отдам, в том числе и брату. Я без тебя не смогу жить... Ты это способна осмыслить? Я не знаю почему, но это чувство во мне меня не радует – оно меня гнетёт, мучает. Я ни перед кем так не унижался, а у тебя выпрашиваю любви чуть ли не на коленях. А ты меня не хочешь понять. Неужели ты такая бесчувственная, что позволяешь так меня унижать, оскорблять своей хладностью?! Ответь! Ты меня хоть чуть любишь?..

– Виктор, ну что ты разошёлся?.. Я действительно ещё не разобралась в наших с тобой отношениях. И поэтому не могу сказать, люблю тебя или нет. Ведь мы с тобой так мало общались, встречались...

– А ты что хочешь, чтобы мы с тобой встречались, как с братом вы встречаетесь пятнадцать лет? И тогда

лишь ты мне ответишь, любишь меня или нет? Я тебе не брат и ждать твоих признаний пятнадцать лет не буду!

И Виктор Павлович разгневанно вскочил из-за стола, оделся и вышел, стукнув дверь. Елена от такого исхода разговора растерялась. Анализируя происходящее, она подумала: «Что это за навождение любовное мне от этих братьев Снегирёвых? Не могу отойти ещё до конца от одного, как другой покоя не даёт. А действительно, я кого из них люблю? Николай настойчивый, но он не до такой степени меня допекал. Нет... Наверное, я здесь себе лукавлю, ведь Николай тоже своим натиском воздействовал на меня, от которого я потеряла голову. И от которого, похоже, и до настоящего дня отойти не смогла. Но, кажется, я смогу всё же спокойно сейчас выдержать его присутствие. Вчера, надо признаться себе, увидев Николая, я разволновалась, а той щемящей остроты, пронизывающей моё сознание и душу, я не ощутила. Однако его близость и радость встречи я всё же почувствовала... И хорошо, что я ему ни номера телефона, ни места работы, ни адреса не сказала. Глядишь, он меня не станет разыскивать. Свыкнется с мыслью о том, что я живу в Москве. Охладеет и будут его удерживать отношения, которые сложились между мной и его братом. К тому же Виктор не скрыл своих ревностных чувств... И шеф, чувствует, что меня в покое не оставит. А может быть, надоест безумствовать и он станет относиться ко мне равнодушно. Устанет унижаться... Он же амбициозный и эгоист... И ещё, к сожалению, злобный... Вон от недовольства как дверь стукнул, что стены аж задрожали. Я такого вряд ли полюблю...»

Услышав стук в дверь, который нарушил ход её мысли, Михайлова сказала:

– Входите.

То был Куланин Иван Фёдорович.

– Елена Васильевна, позвольте мне вам доложить по поводу механизма отделения космического объекта. Я вот тут кой-что изменил и дополнил, и у меня получилось более мягкое и плавное отделение космического объекта при меньшей затрате ракетного топлива. Но хотел, чтобы вы посмотрели мой расчёт. Возможно, я до-

пустил ошибку.

– Хорошо, Иван Фёдорович, давайте ваш расчёт.

И Михайлова внимательно пересмотрела его предложение. Мысли постепенно перестроились на рабочий лад. В рекомендациях Ивана Фёдоровича она усмотрела рациональное предложение для использования космической ракеты. Достав папку с данными по космической ракете, изучив пояснительную записку, Михайлова усмотрела целесообразным использовать расчёт Куланина именно на стартовой позиции транспортно-установочного агрегата подъёма ракеты в вертикальное положение и опускания аппарата на пусковую систему. Однако при этом Елена Васильевна определила неточность в расчёте пусковой системы, обеспечивающей приём, вертикализацию и удержание ракеты. Пересмотрев всю систему, Елена лишь к концу рабочего дня сумела выявить конкретную ошибку и вывести новую формулу.

На следующий день, вновь всё перепроверив, Михайлова вызвала к себе Ивана Фёдоровича. Показала ему свои выводы. Куланин, просмотрев эти расчёты, не удержался от восхищённого возгласа:

– Елена Васильевна, как вы сумели всё точно определить? Мы над этим бились всем институтом целый год. Это у нас генеральная тема. Департамент и Министерство обороны за эту разработку нас теребят и хотят видеть наши предложения. И вот вы вдруг так неожиданно нашли совсем простое решение. Недаром говорят, что гениальность является в простых предложениях.

– Иван Фёдорович, это вам спасибо, ведь я только использовала ваш подход в этой теме. Так что начало положили вы, а я только нашла ошибку и довела ваш расчёт до логического завершения.

– Да нет, Елена Васильевна, без вашего, как вы сказали, логического завершения моё предложение лежало бы под сукном. Но я всё равно польщён вашей похвалой и тем, что в этом рациональном выводе есть частичка и моего труда. Надо срочно о новом подходе сообщить в министерство, чтобы на космодроме провести испытание.

– Почему, Иван Фёдорович, нужно сообщать в мини-

стерство, наш же непосредственный вышестоящий орган – это департамент? Поэтому готовьте материал в трёх экземплярах. И в первую очередь, подготовьте документацию на имя директора департамента Снегирёва Виктора Павловича.

– Сейчас, я мигом, Елена Васильевна, со своим отделом займусь этим вопросом, а вы тогда позвоните Виктору Павловичу, вы же знаете, и они работают над этой проблемой.

Михайловой не очень хотелось общаться с директором департамента, уж очень он вчера ей портил нервы, но она понимала: «Личные отношения – это одно, а работа требует деловых подходов. И свои нервы надо сажать под замок или уходить на другую работу, которая бы не определяла мою подотчётность Снегирёву Виктору Павловичу». Но выполняемая работа Михайловой очень нравилась, и вверенный ей коллектив был неплохой. Она почувствовала, что её коллектив воспринял как лидера и ей доверяет, с каждым днём всё теплее к ней относится. И поэтому директор, собрав свои нервы в комок, спрятала их подальше от людских глаз, в том числе и от Снегирёва, набрала номер и позвонила ему:

– Добрый день, Виктор Павлович. Мы вот с коллективом подготовили новое предложение по пусковой системе, обеспечивающей приём, вертикализацию и удержание ракеты. В этом предложении, на мой взгляд, есть рациональное зерно. А именно: усиливается гарантия всей пусковой системы ракеты. И есть эффективность в использовании ракетного топлива. Для вас и для Министерства обороны мы сейчас готовим полный отчёт с подробной пояснительной запиской. Часов в пятнадцать-шестнадцать я смогу вам все эти данные подвезти. Возможно, пусть привезёт эти материалы вам Иван Фёдорович?..

– Нет, Елена Васильевна, привезите все ваши новые предложения вы лично. Я буду ждать, а в Министерство обороны пока не направляйте.

– Хорошо, Виктор Павлович...

Елена положила телефонную трубку на рычажок и стала просматривать остальные папки со стартовым комплексом космодрома. Продолжая изучать материа-

лы, вникая в суть проблемы, Михайлова не заметила, как часы уже пробили три часа дня, а вслед за этим, постучав, открывая дверь, вошёл заместитель:

– Пожалуйста, Иван Фёдорович, проходите к столу. Присаживайтесь... Подготовили материал?

– Да, Елена Васильевна, но пока в одном экземпляре. А весь черновой материал в отделе есть.

– Иван Фёдорович, как я уже говорила, ещё один экземпляр готовьте для министерства, а другой – в институте должен быть. У меня появились кой-какие идеи относительно стартового комплекса космодрома. Правда, они нуждаются ещё в анализе и перепроверке. Сегодня я уже не имею возможности, поскольку с этими материалами еду в департамент. А завтра мы с вами займёмся космодромом. По этой теме работали вы или Артём Данилович?

– Наш отдел, но практически и другие отделы проводили исследования. Институт в целом занимался комплексом сооружений, земельных участков, оборудования и предназначенного для приёма, сборки, подготовки к пуску и пуском космических ракет.

– Я сейчас поеду в департамент, а вы пригласите к себе Петра Николаевича, Артёма Даниловича и Андрея Владимировича, обсудите вопрос по космодрому, пусть каждый начальник отдела по своему участку работы подготовит по имеющемуся материалу, а, возможно, и новым выводам, свои предложения. Часов в девять по этим вопросам проведём завтра совещание. А на сегодня, до свидания.

И Михайлова взяла папку с научно-исследовательскими материалами, поехала в департамент. Виктор Павлович уже поджидал её. И когда она зашла к нему в кабинет, он несколько волновался. Пытаясь подавить в себе чувство стыда за недавнее, не совсем тактичное поведение, сказал:

– Показывайте, Елена Васильевна, свою новую концепцию.

Развернув чертежи, пояснительные записки, Михайлова конкретно указала на свои новые предложения. Снегирёв полностью был согласен с новыми предложениями.

ми института и был рад этим выводам.

– Не ошибся я в вас, Елена Васильевна, когда приглашал вас на работу... Вы прямо-таки у нас являетесь прогрессом цивилизации не только института, а всего департамента... С этими выводами я завтра пойду в Министерство обороны. Возможно, мне надо тогда будет уехать на Байконур, исходя из новых расчётов, посмотреть оборудование космодрома.

– Виктор Павлович, я тоже знакомилась с комплексным материалом по космодрому. Исходя из новой концепции, у меня появились по подземным путям, обеспечивающим приём, хранение и сборку ракетоносителя, кой-какие соображения. Я обязала сегодня начальников отделов глубже изучить эти вопросы и подготовить аналитические справки. Изучив их, если мои предположения оправдаются, я вам их изложу.

– А сколько, Елена Васильевна, это займёт у вас времени?

– Я думаю, дня два-три.

– Тогда мне, наверное, Елена Васильевна, целесообразно с этими выводами в министерство завтра не ходить? А дожидаться уже комплексного исследования и по этим вопросам?

– Конечно, Виктор Павлович, поскольку все эти вопросы взаимосвязаны... Изменение одного предложения повлечёт за собой, в определённой степени, пересмотр научной концепции.

– Елена Васильевна, и откуда у вас столько здравого смысла?... И такого аналитического мышления?... С вашим приходом в институте, да и у нас в департаменте, стали появляться новые исследовательские темы, выводы, предложения. Жизнь у сотрудников приобрела живой характер. Вы обладаете великим даром учёного, руководителя и имеете такое огромное женское обаяние, что мужчины теряют с вами голову. Вот и я, видя вас, не то что теряю голову, а у меня почва из-под ног уходит, а особенно, когда вижу, если к вам кто-то пытается приблизиться, как, например, на днях мой брат. Я тогда срываюсь и не контролирую себя и творю совершенно непристойные действия... За которые мне потом, когда отой-

ду, очень стыдно бывает... Прости, Леночка, за те глупости, которые я тебе наговорил у тебя в кабинете и по телефону. Это всё от большой любви к тебе, ревности и своей беспомощности. Я понимаю, Леночка, ты необыкновенный и неординарный человек, сильная, волевая, умная и очень красивая. Ты можешь держать себя в руках, а я нет. Помоги мне, научи меня владеть собою... Я понимаю, что доходит до смешного, я веду себя, как ненормальный. За свою слабость и такое дикое отношение к тебе... Я, когда остаюсь сам с собой, очень раскаиваюсь, стыжу себя и думаю, что больше такого себе не позволю. Но вот при последней встрече с тобой понял, что, наверное, я себя не перевоспитаю... Поэтому и прошу, Леночка, помоги мне...

– Виктор, ну как я могу помочь? Чем?

– Как чем?... Своим отношением ко мне. Я же, Леночка, чувствую: ты меня не любишь. Так ведь это, Леночка?..

– Виктор, любовь ведь проявляется в каждом человеке по-разному. Один человек влюбляется с первого взгляда, другой – при определённых обстоятельствах, а третий – постепенно. Я, наверное, отношусь к третьей категории людей. Ты извини меня. Но я до сих пор не могу в себе разобраться. Я прошу тебя, не понуждай меня помимо моей воли делать то, что душа не желает, а сердце молчит.

– Так что, Леночка, твоё сердце ко мне молчит?..

– Я этого, Виктор, тебе не сказала... Напротив, я ощущаю к тебе чувства, но что это за чувства, понять всё никак не могу. Ты мужчина видный, внимательный, привлекательный, я думаю, у тебя от женщин отбоя нет.

– Меня другие женщины, Елена, запомни, не интересуют, – раздражаясь, сказал Снегирёв.

– Ой, Виктор Павлович... Вот ты уже и сердисься. Как же мне с тобой говорить?

– С любовью, дорогой мой человек, и уважением...

– Но я и так отношусь к тебе, об этом я уже неоднократно говорила, с большим уважением... И очень признательна тебе за те добрые дела, которые ты совершил в отношении меня. О них я никогда не забуду.

- Леночка, о них ты забудь... А лучше раскройся ко мне своей любовью. Ведь я ощущаю, что ты носишь в себе великое множество чувств. И я понял, в тебе они не растрacены. Откройся мне своими желаниями и зовом неги, которые переполняют твой внутренний мир.

- Виктор, ты же не волшебник. Поэтому и не можешь знать, что делается в моём сердце.

- А чтобы узнать, я пойду к экстрасенсам. Их в Москве в последнее время много развелось...

- Не ходи... Ты что, Виктор, задумал душу дьяволу продать? Это очень нехорошо... Выброси эту мысль из головы, а то и не заметишь, как попадёшь в руки дьявола. Лучше сходи в Божий Храм.

- Вот ещё... Я в Бога не верю, так что мне нечего в Церкви делать. Я был, есть и останусь атеистом.

- И это очень плохо для души, да и для дела. Ты бы, Виктор, пересмотрел своё отношение к Господу.

- Чего, чего, а в этой части я стою, и в загробную жизнь я не верю. Считаю, что всё люди сами себе попридумывали, чтобы легче им умирать было. Нет никакой вечности, а тем более вечности наших душ в ином мире. Всё тленно... Поэтому я прошу тебя, Леночка, не прячь себя от меня, а то, как Есенин писал: «Всё пройдёт, как с белых яблонь дым, увяданья золотом окрашенный, я не буду больше молодым...» Кстати, ты любишь Есенина?

- Да...

- Вот видишь, Леночка, Есенина ты любишь, а меня нет...

- Я люблю не Есенина, а его стихи... Позвольте, Виктор Павлович, мне откланяться... Мы с вами всё уже проанализировали в научном плане, даже дошли и до Есенина, - улыбаясь, подавая руку, сказала Михайлова. - До свидания...

- Леночка, я хочу тебя проводить до машины.

- Не стоит, Виктор Павлович, привлекать внимание своих подчинённых.

- Уже привлекать некого. Все домой поуходили...

И он вдруг привлёк Михайлову в объятия. И стал упорительно целовать её в лоб, щёки, шею, губы. От этих поцелуев Елена словно захмелела, тело напоила истома, а

пылкость Виктора простиралась и дальше, разливаясь зовом неги в груди, удерживая его подле себя. Но всё же Елена, совладав со своими чувствами, отринула от Виктора и быстро вышла. Щёки её пылали, сердце учащённо билось. Она почувствовала угрызение совести, но оно выразалось не в такой яркой степени, как это было при первом поцелуе. И она подумала: «Что это со мной происходит? Что я творю? Это же гнусно. Ведь я его не люблю... Во мне разыгрались чувства, пробуждённые его поцелуями, и только, а любви нет... Но в момент поцелуя Виктор же не был мне противен... Боже, помоги мне. Спаси меня, укроти во мне возгорающую женскую страсть. Я не хочу быть блудницей. За такой грех я уже чуть не сошла в могилу. Укрепи меня, Господи, не дай пасть в искушение... Укрой меня, Всевышний, от безумного шага, прости, сохрани и помилуй...»

И с этими мыслями Михайлова подошла к машине. Увидев свою шефиню, водитель приткно вышел из машины, открыл дверцу, и Елена села на переднее сидение.

– Елена Васильевна, куда едем?

– Домой, Степан.

Елена, поднявшись на свой этаж, не стала звонить, а достала ключ, отомкнула замок, затем отворила дверь. Игорь, услышав скрип открывающейся двери, сорвался со своего стула и вихрем помчался к Елене со словами:

– Мама, а ты знаешь, я же сегодня на олимпиаде в шахматы играл. Без подготовки... Я не должен был выступать, а играть должен был Вадим, но он заболел, и поэтому вместо него я выступал. Меня прямо с уроков взяли и быстренько на машине отвезли... Представляешь?..

– Как же ты сыграл?!

– Мамуля, выиграл! Я чемпион среди юниоров Московской области. Теперь меня выставили на республиканские игры, представляешь? Директор школы была очень рада. Она сказала, что я – гордость школы. И Света меня поздравила, а затем расплакалась, говоря, что я загоржусь и её брошу. Ну ты же знаешь, мамочка, я не загоржусь. И Свету не брошу. Ведь я знаю, что гордость – порок. И поэтому я с ним буду бороться. Так что Свету я успокоил. Ма, а она мне маленькую, но целую плитку

шоколада дала. И я взял. Хорошо я сделал или плохо?

– Во-первых, Игорёк, и я рада тебя поздравить с победой. Ты молодец, – кружа его, с восторгом сказала Елена. – Во-вторых, ты правильно рассуждаешь, что гордость есть порок и с ним надо бороться, поскольку гордость совращает и лишает правильного пути. А что же касается получения подарков от Светы, то тут надо помнить, что долг платежом красен. Если она тебя угощает, то и ты не должен жадничать, а отвечать взаимностью.

– А я и не жадничаю... Ты дала мне денег на обед. Я позавчера себе и Свете купил пироженое. И она съела и сказала мне «спасибо». И, верно, сегодня, в ответ на пироженое, мне подарила шоколадку. Так, ма? Света – хорошая девочка, но немножко плакуша. Я, бывает, на неё только чуть-чуть крикну, а она сразу плачет. Представляешь, а если на меня кто нападает, то она в драку лезет, бывает, её и отмутузят, а она и плачет. Но я в её защиту тут же вступаюсь. За то, что Виталик Свету обидел, я ему таких тумачков надавал, что классная меня поругала. Ма, я правильно поступил?

– Правильно, наверное, Игорёк, что ты Свету защищал. Но всё же драться не совсем хорошо. И в то же время, сынок, нельзя допускать, чтобы без оснований тебя обижали. За себя надо уметь постоять. А иначе жизнь согнёт и не даст подняться во весь рост. Но только, сынок, всегда надо помнить, что во всём должна быть мера дозволенного, в том числе и в драке. Понял, сыночек?..

– Понял, что в жизни надо драться, когда допекут, но не обижать слабых и беззащитных. Так, ма?..

– Почти что так.

И мать с ласкою обняла сына, поцеловала его и ещё спросила:

– А Ивану ты сообщил о своей победе?

– Я ему позвонил, как только домой пришёл, и конечно же всё рассказал. Он тоже рад был и меня похвалил, сказал, что подарок за ним... Я сразу же и тебе позвонил, а ты трубку не снимала. Где ты была?

– Я в департамент ездила. Там надо было рассмотреть предложения по космодрому.

– Опять ты встречалась с Виктором Павловичем?

– Он же мой начальник. Я же не могу его послушать... Виктор Павлович меня сам вызвал с этими выводами, чтобы дать пояснения по поводу новых разработок, касающихся космодрома и ракетносителя. Ему этот материал нужен, чтобы срочно провести на Байконуре испытания. Поэтому завтра на работе я могу задержаться, поскольку пока не выполню задание, то домой не приду. А как будут идти дела на работе, я тебе позвоню. Возможно, творческая мысль богатая посетит и скоро расставит всё по местам.

И действительно, творческая мысль широким планом осветила рассматриваемые проблемы. И Елена Васильевна со своим коллективом весь материал по пусковой системе, обеспечивающей приём, вертикализацию и удержание ракеты в комплексе подъездных путей, обеспечивающих приём, хранение и сборку ракетносителя, сумела подготовить в установленный срок.

Получив весь материал, Виктор Павлович незамедлительно поехал в Министерство обороны. Обсудив все предложения, выводы и расчёты в министерстве решили направить Виктора Павловича в длительную командировку на Байконур для проведения испытаний. И срочно стали готовить образцы.

Снегирёву ехать в командировку, тем более длительную, не очень хотелось. Он переживал, как в дальнейшем сложатся отношения с Михайловой. Ведь материалы она сама не привезла, а, сославшись на внезапную болезнь, направила заместителя – Куланина Ивана Фёдоровича. Виктор Павлович, конечно же, понимал, что болезнь – это лишь отговорка, чтобы не встретиться с ним. И он подумал: «Неужели Михайлова боится встречи со мной? Значит, Елена меня любит?.. И страх не устоять передо мной её пугает, поэтому она меня избегает?.. Но возможно придёт меня проводить в командировку. Она же знает, что я буду уезжать на длительный срок. А что если мне ей позвонить и пригласить? Да нет, пусть идёт, как идёт... Не стану я её напрягать своими приглашениями, а немножко поведу себя с ней построже. Не буду ей объясняться в любви, дам ей пищу для размышления,

авось это её заставит распахнуть ко мне душу...»

Поэтому Снегирёв стал реже звонить Михайловой. Старался вести себя с Еленой на директорской дистанции. И Елена понапрасну его не беспокоила, стремилась общаться только по вопросам, которые в обязательном порядке должны были согласовываться с ним. И так дни бежали быстро, один за одним, предвещая скорую поездку Виктора Павловича на Байконур, поскольку опытные экземпляры уже были готовы для испытаний. И Снегирёва вызвали на Байконур. Он не выдержал и позвонил Елене, сказав, что послезавтра улетает на полигон для испытаний, надеясь, что она придёт его проводить. И вот Виктор Павлович уже с чемоданом стоит в аэропорту. Но его провожать Елена не пришла. Напрасно он всматривался в толпу идущих людей, среди них Михайловой не было. И Снегирёв с грустью поднялся в самолёт и полетел на Байконур.

ГЛАВА XVII

Елена конечно же поняла желание Виктора Павловича, но ей не хотелось со своим непосредственным начальником развивать личные отношения, и она стремилась их глушить в своём сердце. И была рада, что Снегирёв улетел в длительную командировку. «Тем самым, – подумала она, – у него и у меня будет возможность разобраться в своих чувствах». И, утешаясь этим своим умозаключением, Елена Васильевна с большой ответственностью отдалась работе. Её институт Министерство обороны обязало исследовать тему, связанную с дальнейшей разработкой и изучением стартового комплекса и многоступенчатой баллистической ракеты для выведения в космос искусственных спутников земли, автоматических межпланетных станций, космических кораблей, орбитальных станций. И Михайлова долго засиживалась за рабочим столом, анализируя выводы, предложения, давая своё заключение. Вот и сегодня Елена, изучая материал, представленный Дегтярёвым Андреем Владимировичем, не заметила, как пробежало время, давно уже закончился рабочий день. И вдруг, постучавшись в дверь,

зашёл Снегирёв Николай Иванович:

– Это вы? Что вас сюда привело?

– Позвольте, Елена Васильевна, пройти...

– Проходите... Присаживайтесь... Я слушаю вас...

– Елена Васильевна, что же это вы так официально меня встречаете? Я безумно рад, что разыскал вас. Брат ни в какую не давал ни ваш телефон, ни место работы. И вот наконец сегодня я узнал, где вы работаете и сразу примчался к вам... А вы, похоже, не рады нашей встрече?

– А чему радоваться, Николай Иванович? Однако в целом у меня всё хорошо. Работа – нравится, квартира – имеется, сын – растёт...

– Мне брат говорил, что вы с Дмитрием разошлись...

– Да.

– Где он живёт?

– В Донецке остался...

– Елена Васильевна, скажите, простите меня за бестактный вопрос, а как вы относитесь к моему брату Виктору?

– Нормально...

– Вы его любите?

– Николай Иванович, это действительно некорректный вопрос, и у меня нет желания с вами вести на эту тему разговор.

– Простите, Елена Васильевна. Я понимаю, что очень вам надоел. Но, видите, сама судьба так распорядится, чтобы мы с вами могли встречаться, поскольку вы уехали в Москву и меня доля определила жить в Москве.

– Если бы вы меня, Николай Иванович, не разыскивали, то мы бы и не встречались... Вы же, действительно, не даёте мне спокойно жить.

– Леночка, это всё от того, что ты очень дорога моему сердцу. Я тебя ещё крепче, кажется, сейчас люблю. Во всяком случае моё сердце всё время разыскивало тебя. И сейчас я безумно рад и счастлив, что сижу вот возле тебя. И могу тебя видеть и ощущать твоё дыхание. А ты, Леночка, ещё лучше стала, какая ты красивая... И красота в тебе всё цветёт и цветёт. Пойдём в ресторан, отметим нашу встречу?

– Нет, Николай, никуда я с тобой не пойду. Расскажи лучше, как поживаешь ты и твоя семья?

– Потихоньку. Сын женился, как я тебе уже и говорил, когда был на дне рождения у брата, есть внук. Дочка в институте учится. Моя любимица, Елена, тоже растёт, в первый класс пошла. Жена не работает. Голова у неё очень часто болит, с нервами у неё не всё в порядке. Работой я тоже, как и ты, довольный. В коллектив влился, нахожу с ним общий язык. Вот только с тобой, Еленушка, никак не могу найти общий язык. Если в ресторан не хочешь идти, пойдём в кинотеатр сходим или просто по Москве погуляем... Ведь я, дорогая моя Леночка, беспредельно тебя люблю...

– Николай, я уже сказала, что с тобой я никуда не пойду. Мои чувства к тебе угасли. Я тебя не люблю... Во всяком случае ты сам видишь, перед тобой я сижу абсолютно спокойная. А когда-то из-за тебя хотела наложить на себя руки и уйти из жизни... Да, слава Богу, тобою я переболела, конечно, не стану лукавить, рана в сердце есть, но она уже по ночам меня не беспокоит.

– Так ты, значит, любишь Виктора? Так, Леночка?

– Николай. Я тебе же уже сказала: некорректно меня об этом расспрашивать...

– Но ты хоть намекни, я пойму и не стану мешать твоему счастью. Я так уже столько много причинил тебе боли и горя, ты прости меня, Леночка. Но и я ведь, радость моя, тоже очень несчастный. Извёлся весь, вся душа за тобою изболелась. Но коль ты полюбила Виктора, то я не стану тебе поперёк дороги, ты только скажи...

– Николай, я в своих чувствах не разобралась, поэтому ничего конкретного сказать не могу.

– Леночка, ну ты хоть позволишь к тебе иногда приходиться, без всяких надежд на развитие наших личных отношений, а просто, как к другу? Хотя бы не станешь отворачиваться от меня при встречах и дашь мне возможность тебе звонить? Я не буду тебе надоедать... Прошу, скажи, моя незабудочка, моя весняночка, мой цветочек любви, радости и вдохновения... Леночка, если бы ты знала, сколько много я написал и посвятил тебе стихов. Хочешь, я тебе их почитаю? Многие я знаю напамять...

- Нет, Николай, как-нибудь в другой раз.
- Так ты, Леночка, даёшь надежду на встречу...
- Всё может быть. Ведь ты же, Николай, знаешь, что пути Господни не исповедимы.
- Так-то оно так... Но в данном случае, Леночка, всё зависит от тебя. Давай сходим на следующей неделе в Большой театр, посмотрим спектакль.
- Не знаю, как сложатся обстоятельства, поэтому, Николай, не обещаю.
- Ой, Елена Прекрасная, любите вы мне абстрактно отвечать. Но хоть не отказали, и то, слава Богу, кой-какая, а надежда всё же есть. Вы домой собираетесь идти?
- Сейчас поеду...
- Можно, весняночка моя, я тебя до дома провожу?
- Нет, Николай... Ты иди, а я сейчас доделаю свою работу и тоже буду отправляться до дома, до хаты, - переводя разговор в шутовское русло, ответила Михайлова.

Николай неохотно встал, сказал «до свидания» и вышел. А несколько позже и Елена уехала домой. Когда она легла спать, то вся встреча с Николаем неожиданно для неё от начала и до конца проплыла в памяти. Елена в глубине души была рада встрече с Николаем. И особенно она была рада тому, что Снегирёв вёл себя скромно, хоть и объяснялся в любви, но это объяснение носило спокойный характер и не выходило за рамки приличия. Ведь Елена, как ей казалось, разлюбила его. Во всяком случае встреча с Николаем не вызывала в ней страха, нервного перенапряжения, а легла в спокойное русло. Ей подумалось, что к нему, как к мужчине, она потеряла интерес. С этими мыслями Елена уснула.

И снится ей сон. Будто бы она идёт по роскошному полю, где цветут васильки, ромашки. И там же растут пышные деревья. Они ровными рядами уходят вдаль, открывая картину неопишуемой красоты. И здесь же она видит: играют дети. Их много, они одеты в праздничные наряды. И неподалёку от них, на поляне, сидят взрослые. И они красиво одеты. Елена пытается к ним присоединиться, но эта компания её не принимает. Она идёт дальше. Видит вдали других людей, пытается к ним подойти, но и эта группа людей её гонит. В растерянности

Елена бежит в рошу, а там она видит, что ей навстречу бежит Игорёк и ещё целая группа мальчиков и девочек. Игорь бросается ей на шею, крича: «Не ходи туда, стой здесь, а то погибнешь, видишь, мчится поезд, он давит всех на своём пути. Смотри, вон он задавил мужчину». Елена выскальзывает из рук Игоря и спешит к тому мужчине и вдруг видит, что это Снегирёв Николай Иванович. Она пытается вытащить его из-под поезда и никак не может. А поезд надвигается на девочку и вот-вот её задавит. Елена с большим усилием, но всё же выбивает девочку из-под колёс. И это оказывается дочка Николая Ивановича – Леночка. Она прижимается к Михайловой, а поезд всё набирает и набирает скорость, в вагонах люди испуганно кричат, взывают на помощь, но их никто не спасает. И вдруг в вагоне она видит Виктора Павловича, он молит его спасти. Елена протягивает ему руку, он пытается её схватить. Он ловит руку Елены и втягивает её в вагон, а поезд не останавливается и с бешеной скоростью мчится уже с горы в пропасть. Елена в диком страхе пытается спасти её, и вдруг уже перед самой пропастью схирхимандрит Тимофей с трудом выбрасывает её из вагона, а Виктор и весь состав с людьми падает в пропасть, откуда доносятся вопли и стоны... А Елена в ужасе и страхе кричит, мечется возле пропасти, простирая руку Виктору Павловичу, но тщетно: он уходит вместе с остальными с головой в бездну огненной пучины... И то ли от собственного крика, а то ли от зова Игоря Елена проснулась. Слышит слова сына:

– Мама, мама, что случилось? Ты почему кричишь? Не плачь... Я же с тобой...

– Ой, Игорёк... Я увидела очень страшный сон...

– Я понял... Ведь во сне ты так кричала, что от этого крика я проснулся, подбежал к тебе и стал вот будить. Ты мне его расскажешь?

– Расскажу, только не сегодня. Я сейчас хочу помолиться.

– Мама, и я с тобой стану молиться.

– Хорошо.

Мать и сын встали на колени и начали читать Господню Молитву, прочитали хвалебную молитву Господу

Богу, Ангельскую песню Пресвятой Троицы, Славословие Пресвятой Троицы, молитву Животворящему Кресту, Ангельское приветствие Божьей Матери, пятидесятый псалом, Символ веры, акафисты, посвящённые Иисусу Христу, Пресвятой Богородице. Затем легли каждый на свою кровать, пытаясь заснуть. Но Елене никак не спалось, она ворочалась с бока на бок. Тревожное состояние матери передалось и сыну. Он тоже не мог уснуть и сказал:

– Мама, всё равно мы не спим. А я вот читал историю про многострадального Иова, но не очень понял. Ты мне расскажи её подробно. Почему Иова – благочестивый человек, а так много страдал?

– Да, Игорёк, Иова был справедливый и добрый человек. Он всегда старался во всей своей жизни угодить Богу. Господь, как ты знаешь, сынок, наградил его за благочестие большими благами. Он имел много крупного и мелкого скота. Окружала его большая и дружная семья: у него было семь сыновей и три дочери.

– Ма, и поэтому дьявол позавидовал Иову?

– Да, сынок, зависть толкает людей на великие грехи. Порочные люди по зависти частенько клеветают друг на друга. И дьявол позавидовал благочестивому Иову. И стал клеветать на праведного, говоря, обращаясь к Богу: «Разве даром Иова богобоязнен к тебе, Господи? Ты отними от него всё, что у него есть, тогда будет ли он Тебя любить? Он за богатство тебя любит, боясь его потерять».

– Поэтому Бог и испытывает Иову? Так, мама?..

– Да, Игорёк. Господь, чтобы показать всем, насколько верен Ему Иова и чтобы научить людей терпению в их страданиях, разрешил дьяволу отнять у Иова всё, что тот имел. И вот в один день разбойники угнали у Иова весь его скот, слуг перебили, а страшный вихрь из пустыни разрушил дом, в котором собрались его дети, и все они погибли. Но Иова на свою судьбу всё равно не роптал, а только сказал: «Господь дал, Господь и взял: да будет благословенно имя Господне».

– Так Иова не обиделся на Господа?

– Нет, Игорёк, Иова не роптал, поскольку он был очень благочестивый и праведный. Он всем сердцем и душой

любил Господа и полагался лишь на Него.

Тогда посрамлённый дьявол, желая всё-таки вновь опорочить Иову и стремясь всё же заставить Иова отойти от Бога, стал клеветать на него, говоря: «Иова за жизнь свою отдал всё, что у него есть, но Ты порази его болезнью, тогда увидишь, будет ли он после этого Тебя, Господь, любить». Бог разрешил дьяволу лишить Иова ещё и здоровья. И вот заболел Иова самой страшной болезнью – проказой.

– И он, мама, не отказался от Господа?

– Не отказался, Игорёк, и не роптал на Господа. Даже тогда, когда жена стала уговаривать его, чтобы он сказал слово ропота против Бога. И когда его друзья вместо утешения только расстраивали невинного старца своими несправедливыми подозрениями, Иова остался твёрд, не потерял надежды на милосердие Божье и только просил Господа засвидетельствовать, что он терпит всё невинно.

– Мамуля, поэтому в беседе с друзьями Иова пророчествовал об Искупителе и об очищении своего тела и будущем своём воскресении? Скажи, ма, точнее, как всё же Иова говорил своим друзьям?

– Примерно, Игорёк, такими словами: «Я знаю, Искупитель мой жив. И Господь в последний день восстановит из праха распадающегося сию кожу мою. И я во плоти моей увижу Бога. Я узрею Господа сам. Мои глаза, а не глаза другого увидят Бога».

– И больше Господь не испытывал Иову?

– Нет, поскольку дьяволу уже не на что было клеветать Господу на праведного Иову. Он своим терпением показал всем пример верности Богу. И Господь наградил Иова, вернул ему здоровье. У него снова семь сыновей и три дочери, а скота стало вдвое больше прежнего, и жил Иова ещё сто сорок лет в почёте, благочестиво и счастливо.

– Ма, так чему же учит нас многострадальная история Иова?

– Она учит нас, сынок, что несчастья Бог посылает не только за грехи, но иногда Господь посылает несчастья и праведникам для ещё большего утверждения их в добре,

для посрамления дьявола и для прославления правды Божьей. Ещё, Игорёк, история жизни Иова раскрывает нам, что не всегда земное счастье соответствует добродетельной жизни человека, и учит нас также быть сострадательными к несчастным.

– Я бы, мама, наверное, никогда столько мук не вытерпел, как этот благочестивый Иова.

– По силе, Игорёчек, Господь и ношу даёт.

– Откуда, мама, ты всё это знаешь?

– Я же, Игорёк, в Монастыре около шести месяцев была, там всё и познала.

– И я хочу знать. Ты мне, мама, почаще рассказывай. Завтра расскажешь мне про Иоанна Крестителя? Мне так нравится слушать, когда ты говоришь о жизни Иисуса Христа и о Его учениках, и о Библии. После твоих объяснений в голове становится светло и ясно.

– Хорошо, сынок. А сейчас давай ещё немного поспим, а то тяжело тебе будет на уроках слушать новый материал.

– Ничего, мамуля, выдержу. Вон Иова, какие пытки и муки выдерживал, а сидеть и слушать на уроках – так это проще простого.

– Всё же, сынок, спи. Я тоже хочу немного отключиться и отдохнуть.

И мать с сыном, больше не говоря друг другу ни единого слова, забылись во сне и спали, пока их не разбудил будильник. А утром они в обычном распорядке начавшегося трудового дня занялись каждый своими обязанностями: как обычно, Игорёк лёгкой походкой поспешил в школу, а Елена Васильевна поехала в институт. Как догадывается читатель, у неё сегодня тяжёлый трудовой день. Она проводит совещание на предмет соблюдения сотрудниками трудовой дисциплины. С самого утра Елена Васильевна потребовала у начальника отдела кадров данные о прогулах, опозданиях и уходах раньше графика в нарушение режима рабочего времени работниками института. И была удивлена тем, что многие работники опаздывают, среди них фигурируют и начальники отделов. А три сотрудника в течение месяца отсутствовали без уважительных причин дважды. Елена Васильевна не

знала, как же ей поступить с прогульщиками. Вызвала Иванова Артёма Даниловича, именно в его отделе работал старший научный сотрудник Полещук Николай Фёдорович, который дважды совершил прогулы:

– Артём Данилович, почему работник вашего отдела позавчера не был на работе? Вы выясняли?

– Как-то, Елена Васильевна, не успел.

– Что же это вы, Артём Данилович? Это же ваша прямая обязанность. Вы же начальник отдела, в вашем отделе работники не приходят на работу, а вас это словно не касается.. Кстати, Артём Данилович, а что это вы позволяете себе приходить на работу с опозданием? Полнобуйтесь на докладную, вы за один только месяц сделали пять опозданий. Конечно, какое вы имеете моральное право требовать выполнения соблюдения трудовой дисциплины у других работников, когда вы сами систематически её нарушаете?

– Виноват, Елена Васильевна, так у меня сложились обстоятельства: то жена болела, то дочку в школу водил, то проспал, стыдно сказать, но это так.. Но я обещаю исправиться и больше не допускать опозданий. Разрешите идти?

– Подготовьте, Артём Данилович, мне письменное объяснение по поводу ваших опозданий. И изложите мне в пояснительной записке конкретные научно-исследовательские темы этого года и их процент выполнения.. Вы свободны..

И Елена Васильевна вызвала Полещука Николая Фёдоровича. Постучав в дверь, он спросил:

– Можно?..

– Проходите.. Николай Фёдорович, вы почему совершили прогул?

– Я, Елена Васильевна, болел.

– Где ваш больничный лист?

– Я его не взял.

– Почему? Вы, Николай Фёдорович, разве не знаете, если человек отсутствует, не приходит на работу, то он должен предоставить оправдательный документ на предмет своего отсутствия? Ранее ведь вы тоже совершали прогулы? Поэтому завтра же мне предоставьте, если вы

болели, больничный лист. И подготовьте письменное объяснение, почему своевременно вы не предъявили удостоверяющий документ вашего отсутствия на работе. Если вы мне не предоставите эти материалы, то я вас в течение месяца со дня совершения прогулов уволю. Вы в этом месяце допустили два прогула, первый – три недели назад. Следовательно, через неделю, если у вас не будет оправдательного документа, то вы будете уволены.

– Елена Васильевна, это простое стечение обстоятельств. Я за всю свою трудовую деятельность, кроме этих прогулов, больше иных нарушений никогда не допускал. Не увольняйте меня, прошу вас. Я обманул вас... Я не болел, а ездил в деревню, там тяжело заболела моя мать. И я ей возил лекарства, продукты. У неё я один, позаботиться о ней больше никому. В субботу вновь к ней поеду, хочу её забрать к себе. Позвольте мне в понедельник отсутствовать, а то я в два дня не управлюсь.

Елена Васильевна внимательно посмотрела в глаза Николаю Фёдоровичу, и у неё сложилось впечатление, что Полещук её не обманывает. Она подписала ему на понедельник освобождение. Однако при этом сказала:

– Николай Фёдорович, у нас у всех бывают проблемы личного характера, все мы живые люди. Заботиться о родителях – это святая обязанность детей, но вы могли подойти ко мне и отпроситься, а не мудрствовать лукаво... Ведь истинный коллектив, в том числе и руководитель, должен жить проблемами каждого члена этого коллектива, помогать и подставлять плечо дружбы, внимательности и сострадания... И в то же время сотрудники коллектива должны быть откровенными, добропорядочными. И помнить, что коллектив для каждого – это его семья. И поэтому сотрудник тоже должен заботиться о чести и достоинстве своей семьи и не быть иждивенцем этой семьи, а любить её, способствуя внесённым своим трудовым вкладом её развитию. Исходя из этой философии, я вас, Николай Фёдорович, прощаю и не буду к вам применять никаких мер дисциплинарных взысканий. Но если вы вновь совершите дисциплинарный проступок, то, предупреждаю, больше с вами философствовать не буду, а уволю.. Понятно, Николай Фёдорович?

– Ещё как понятно, Елена Васильевна, земной вам поклон и сердечное спасибо... Я рад и счастлив, что нашим институтом руководит такой утончённой души директор. То, что я отсутствовал на работе, то я, Елена Васильевна, непременно отработаю в последующие выходные дни.

И Полещук вышел из кабинета, горя виной, стыдом, и в то же время тепло взаимопонимания грело его грудь, которое конечно же не позволит в дальнейшем Николаю Фёдоровичу перед трудовым коллективом изворачиваться и лукавить, а тем более перед Еленой Васильевной.

А Михайлова, продолжая воспитательный процесс лиц, которые совершили нарушения трудовой дисциплины, приглашала в свой кабинет, стремясь достучаться до души каждого без унижения стержневого человеческого качества. Вместе с тем давала понять, что сотрудники должны приходить на работу, чтобы трудиться честно и добросовестно, а не являть своё присутствие, поскольку именно эта работа даёт средства для существования каждому работнику.

Затем Елена Васильевна пригласила всех начальников отделов и с ними провела совещание по вопросу соблюдения сотрудниками трудовой дисциплины, указав в строгой и деловой форме на упущение в работе в части обеспечения трудовой дисциплины, обязав этот вопрос проработать в отделах и в течение недельного срока, предоставить ей данные о проделанной работе. Потом Михайлова перешла ко второму вопросу, который фактически вытекал из первого. Она предлагала ввести материальную заинтересованность сотрудников института. А именно: работникам, вносящим существенный вклад в развитие научно-исследовательского института, который проявляется в форме рационализаторских предложений, эффективных результатов, выплачивать надбавку. Эта идея понравилась начальникам отделов. И для того чтобы придать гласность данному предложению, решили его рассмотреть на общем собрании трудового коллектива. И этот вопрос не стали откладывать в долгий ящик, а рассмотрели на следующей неделе. Коллектив поддержал предложение о прогрессивной оплате труда. И Елена Васильевна на имя вышестоящей организации,

то есть директора научно-исследовательского департамента, Снегирёва Виктора Павловича, подготовила служебную записку, в которой просила рассмотреть пожелание трудового коллектива о выплате надбавок результативным сотрудникам.

Но, как помнит внимательный читатель, Виктор Павлович уехал для проведения испытаний на Байконур. А там он уже находится около трёх месяцев. Испытания проходят успешно, и Министерство обороны довольно полученными результатами. По этому поводу Виктор Павлович несколько раз звонил Елене и, кроме того, прямо по телефону давал указания по поводу совершенствования рассматриваемых проблем, которые возникали в ходе испытаний. Вот и сейчас институт работает над механизмом подготовки к пуску и пуском космических ракет. Работа в институте ладится, сотрудники старательно относятся к выполнению своих обязанностей. Дисциплина в коллективе значительно улучшилась, поскольку, как прозвали Михайлову, «железная женщина» спуска в работе никому не давала. И что особо сотрудникам института нравилось в Елене Васильевне, так это то, что она никогда не держала в душе ни к кому ни зла, ни мщения, ни обиды. А ко всем относилась одинаково, с любовью и уважением, но если работник в чём-то оступался, то она могла и бранить и воспитывать, и в то же время поддержать умела. За что её особо любил коллектив института. И ещё её коллектив уважал за то, что она не приветствовала доносы, подкожные игры, а стремилась в институте вселить атмосферу добра в отношении друг к другу, уважения, открытости и взаимопомощи. И ей это удалось. С тех пор как Михайлова начала руководить институтом, работники в нём стали добросовестней, трудолюбивей, чище, лучше и ответственней. И за эти качества Елена Васильевна любила свой коллектив и стремилась всегда, словно мать, подставить своё плечо в случае обрушившейся беды на её работников. Это уже поняли и в научно-исследовательском департаменте, и в Министерстве обороны. И, как правило, беспричинно не наказывали сотрудников её института, так как понимали, что в противном случае она сумеет доказать их невинов-

ность на любых уровнях.

Сейчас Елена Васильевна сидит грустная, с выражением глубокой скорби в глазах, слушая речь Николая Ивановича. А он говорил дрожащим голосом:

- Леночка, у меня великая беда случилась. Приехал с Севера сын с женой и ребёнком. Взяв ещё мою старшую дочь, они поехали к его другу на день рождения... И на перекрёстке в них врезался грузовик. И все мои дети и внук на месте аварии погибли. Теперь нет у меня ни сына, ни дочери, ни внука, ни невестки. Все они лежат в земле...

И он беспомощно и горько зарыдал. Слёзы крупными каплями бежали по его небритому лицу и падали на косяком и траурную рубашку.

- Леночка, как мне теперь жить? И для чего жить?

- Николай, конечно же, случилась очень большая беда. Лишиться детей – это крайне тяжкое горе. Но, Николай, что же теперь поделаешь? Уже исправить ничего нельзя. Господь послал им такой уж короткий путь жизни на земле. Помяни, и ниспошли им, Боже, Царствие Небесное, прости им грехи вольные и невольные... Видать, Господь их призвал на Небо, чтобы они там выполняли Его волю. Богу ведь тоже нужны чистые души, какие были у твоих детей. А ты, Николай, уж не убивайся так, потерпи... Боль постепенно пройдёт...

- Лена, как же мне не убиваться?.. Ведь у меня и жена сошла с ума. От горя она помешалась... Кричит, стала очень агрессивная. Её поместили в сумасшедший дом. Я не могу этого видеть... У меня нет сил..

- Николай, соберись... Ты должен жить и работать, ведь у тебя есть Леночка. Она же такая у тебя ещё кроха.

- Вот именно кроха!.. И ей нужна мать... А она, безумная, бьётся о железные рамы окон сумасшедшего дома, рычит на всех, как тигрица, бросается, пытаясь всех разорвать... Сегодня с утра у неё был. Ирина меня не узнаёт, бросилась на меня и стала рвать зубами на мне одежду...

- Может, Николай, она излечится от этого недуга?

- Нет... Врачи надежду не дают. Сказали, что, может, агрессивность убавится, но она не излечится, поскольку у неё до этого были психические расстройства...

- А кто же за Леной присматривает?
- Я сам.. Взял отпуск..
- Разве тебе больше некому доверить уход за дочкой? У тебя же родители есть, почему ты их не пригласишь?
- Нет, Елена, у меня и родителей. Они ещё в прошлом году умерли.. Теперь у меня, кроме дочки Леночки, никого нет. Что же мне делать, Елена Васильевна?..
- Продолжать, Николай, жить.. Вселить в себя терпение, смириться с бедой. Ведь исправить уже ничего нельзя. Детей, сам знаешь, не воскресить.. А Леночку, чтобы тебе и ей было лучше, отдай в продлённую группу. Но в любом случае с ней старайся быть как можно больше. Она знает о гибели брата и сестры, о болезни матери?
- Нет, не знает. Я ей пока не говорил. На время похорон её к себе взяла моя помощница, а точнее мой секретарь, Дарья Петровна. Лена и сейчас пока у неё..
- Тяжело тебе, Николай.. Я понимаю, что любые слова утешения не залечат боль твоей души. И не вырвут печаль из сердца. Но всё же, Николай, я тебе искренне сочувствую. Прими мои соболезнования.. Может, чем могу тебе помочь?.. Скажи, я постараюсь..
- А в чём, Леночка, ты мне поможешь? Ты же сама сказала, что мёртвых не воскресить..
- Не убивайся так, Николай Иванович.. Всё ещё, может быть, наладится..
- Лена, у тебя есть что-нибудь выпить? Я не могу терпеть боль, а как выпью, то мне легче становится..
- Есть коньяк, вино..
- Налей мне коньяка.
- Николай, мне не жалко, но прошу не снимай боль спиртным. Ещё пристрастишься..
- Не пристращусь, не бойся. Налей..
- И Елена помимо своей воли налила ему в рюмку коньяка. Снегирёв выпил, закусил конфетой, потом попросил ещё.
- Елена, наполни ещё рюмку коньяком..
- Николай, достаточно..
- Не достаточно, я ещё хочу, душа разрывается от горя.. Так я его залью коньяком, смою с себя это горе, - хмелея, говорил Николай.

– Прошу, Николай, не нужно этого делать... Выпивка до добра не доведёт..

– В данном случае, Елена, я сам знаю, что мне нужно, а что нельзя..

И он взял бутылку с коньяком со стола, наполнил им до краёв стопку и залпом выпил. Елена с тревогой посмотрела на Николая, но больше ничего не стала говорить. И Снегирёв молчал, затем вновь налил себе в рюмку коньяка. Выпив, встал из-за стола, сказал «до свидания» и ушёл.

Придя домой, Елена рассказала Игорю о случившемся горе у Снегирёва Николая Ивановича. Они долго ломали голову, как помочь Снегирёву, но ничего не смогли придумать. И Елена решила позвонить его брату Виктору Павловичу.

– Виктор Павлович, вы знаете о том, что погибли в автомобильной катастрофе сын, дочь, внук и невестка Николая Ивановича? А жена его сошла с ума?

– Нет, не знал.. Николай мне об этом не сообщил. А вы откуда, Елена Васильевна, узнали?

– Николай Иванович сегодня был у меня и про это всё рассказал. Надо бы ему, Виктор Павлович, как-то помочь. А то ваш брат в очень расстроенных чувствах, болезненно реагирует на всё. И стремится своё горе утопить в спиртном. Как бы он не научился пить.. И не стал алкоголиком...

– Ничего с ним, Елена Васильевна, не случится.. Он мужик крепкий, так что не переживай. А я через две недели, а может быть и раньше, прилечу. Испытания у нас проходят хорошо, так что научные результаты вашего коллектива на практике подтверждаются. А как у вас идут дела по окислителям?

– Проводим, Виктор Павлович, лабораторные исследования. Но пока конкретного заключения дать не могу. Нет единого результата, поэтому полученные данные нуждаются в проведении неоднократных опытов.

– Елена Васильевна, надеюсь, к моему прибытию вы завершите исследование по этому вопросу?

– Будем стараться, Виктор Павлович.. До свидания. И Михайлова повесила трубку, огорчённая его отно-

шением к горю брата. И подумала: «Видно, что Виктор – эгоист и чёрствый человек. Узнав о таком горе, которое случилось у Николая, он даже не посочувствовал ему, а братом ещё является...»

От грустных дум Елену отвлек телефонный звонок. Игорёк снял трубку и пригласил её к телефону.

- Я вас слушаю..
- Добрый вечер, Елена, это я, Иван.
- Узнала, Ванюша, здравствуй..
- Леночка, можно я сейчас приду к вам?
- Приходи, почему же нельзя?

И буквально через пять минут Иван позвонил в дверь. Открыв её, Елена увидела празднично одетого Ивана с большим букетом роз и подарком.

- Иван, это по какому же случаю ты такой нарядный да ещё с цветами?

- Это, Леночка, по случаю, что наш Игорёк стал чемпионом среди юниоров по шахматам Российской Социалистической Федеративной Советской Республики..

- Правда, Игорь?..

- Совершенная правда, мамуля!

- А почему же ты мне ничего не сказал?

- Потому что мы с Иваном Петровичем тебе готовили сюрприз. И хотели тебя удивить.

- У вас это получилось... Я поздравляю тебя, дорогой сыночек, с победой! И желаю тебе Господней благодати, везения, чтобы и в дальнейшем сопутствовала тебе удача и ещё:

***Желаю счастья и здоровья,
Вдохновенного труда!
И чтоб святая милость Божья
Согревала бы всегда!***

И Елена, схватив сына в охапку, приподняв, закружила его в радостном восторге, крича:

- Да здравствует чемпион РСФСР – Михайлов Игорь Дмитриевич! Ура!..

- Мама, уронишь!

- Ничего, сынок, не уроню, – накружившись сама и закружив его, счастливая, наконец она опустила Игоря на пол. И запыхавшись, сказала: «Прошу вас, Игорь

Дмитриевич и Иван Петрович к столу, откусать чаю...»

– А у меня, Елена Васильевна, по этому поводу даже оказался торт. Прошу его принять и украсить чемпиону стол цветами, – торжественно-шутливо в тон Елене сказал Иван.

– С удовольствием..

Елена, приняв цветы, погрузила их стебельками на одну треть воды в вазе. И поставила этот роскошный букет в хрустальной вазе на стол. Расставила чайные приборы, порезала торт. Иван помог заварить чай и разлил его по чашкам, а Игорёк довольно улыбался, с лаской поглядывая то на мать, то на соседа. И вот всё уже готово, они дружно разместились за столом и стали отмечать победу чемпиона.

– Игорёк, скажи, ты волновался?

– Было такое дело. И особенно я стал волноваться в конце, когда победа вот-вот уже была в руках. Я боялся просмотреть свою ошибку, но, слава Богу, мама, всё обошлось. И здесь я должен сказать большое спасибо Ивану Петровичу, это он меня так натренировал, если бы он меня не учил, то я ни за что бы не победил. Так что, Иван Петрович, победу нужно делить на двоих...

– Игорёчек, ты преувеличиваешь. Здесь моей заслуги совсем нет. Это ты у нас молодец. Я очень рад за тебя, что ты победил и вот дал нам с твоей мамой возможность посидеть с чемпионом за одним столом, – радуясь и светясь счастьем, говорил Иван Петрович.

– Да, Игорёчек, ты у нас умница... Порадовал своим достижением. Вот ещё твоему учителю надо бы тоже поусердствовать и добиться победы..

– В шахматах, Леночка?

– Не в шахматах, а в написании диссертации.. Пора, Иван Петрович, тебе её уже представить к защите..

– Ой, Елена Васильевна, вы опять меня журите. Она у меня несколько не получается. Мои диссертационные предложения не совсем убедительные и кое-где не совсем увязываются между собой, поэтому нужно над ней ещё поработать...

– Иван, кроме шуток, завтра принесяшь ко мне свою диссертацию, я её почитаю, отредактирую, внесу допол-

нения, и выставим тебя в наш специализированный совет на защиту. Если хочешь, то я согласна быть твоим оппонентом...

– Правда, Леночка?! Конечно же я согласен, чтобы ты была моим оппонентом. И очень рад этому.

– А сколько, Иван, у тебя опубликованных статей?

– Семь, Леночка...

– Рационализаторские предложения имеешь?

– Аж пять, Елена Васильевна.

– Тогда в чём же дело? Пора, Иван, твою диссертацию обсуждать и выставлять тебя на защиту через месяц.

И Елена Васильевна слово своё сдержала. На следующий день, после работы, она засела за диссертацию Ивана. Нашла в ней много неточностей, ошибок. Под своим руководством заставила Ивана устранить все замечания. Помогла ему написать автореферат. И его диссертацию вместе с авторефератом приняла к защите на май месяц.

Иван от радости не чувствовал земли под ногами, усердно шлифовал свою диссертацию, автореферат и готовился к защите. Наконец-то нашёлся человек, который сумел его заставить трудиться в полную силу. Иван обладал очень хорошими качествами: он был не ленивый, а, напротив, трудолюбивый и добрый. И не очень видел в защите диссертации и приобретении учёной степени кандидата технических наук смысл жизни. Но перед Еленой ему не хотелось выглядеть неудачником и неумёхой, тем более, что сама Михайлова взяла руководство над его диссертацией. И у него появился повод на научной основе к ней приходить, а он её полюбил. Но какой любовью Иван к ней распахнулся?.. Об этом мы с тобой, дорогой читатель, узнаем, когда шаг за шагом пойдём по дорогам романа, который постоянно освещается свечой судьбы. На этот раз она нам осветила сцену прихода Николая Ивановича Снегирёва к Елене на работу.

ГЛАВА XVIII

День выдался солнечный, было тепло, уже май стремился вырваться в свои права, и людям, казалось, дышалось радостней, но, вероятно, счастье обладало, да

совсем не всех. Такое заключение, мой милый читатель, я делаю на основе увиденного Николая Ивановича в беседе с Михайловой.

– Николай Иванович, ну что же ты так опустил?.. До чего же ты дошёл?.. Почему ты так позволяешь себя унижать?..

– Во всём, что случилось, виновата только ты, Елена Васильевна. Это ты меня довела до этого.

– Каким же образом?

– А таким. Я тебя любил, ты же меня никогда не любила. Ты всегда от меня ускользала. Вспомни, Леночка, то время, когда мы с тобой работали вместе токарями на заводе, ты была свободна, не замужем.. Мне казалось, ты меня любила.. А я тебя с первой минуты безумно полюбил и предложил тебе быть моей женой.

– Николай, но как я за тебя могла выйти замуж? Ведь ты был женат, имел двух детей. Я не могла лишиться твоих детей отца. Признаюсь, я в то время тебя очень любила, и мне стоило неимоверных усилий уйти от тебя и выйти замуж за Дмитрия. Ты же не забыл те обстоятельства и то время, которые меня вынудили выйти замуж за Дмитрия?..

– Конечно, нет. Но почему, Елена, ты отказалась выйти за меня замуж, когда мы с тобой вновь встретились через несколько лет? В то время сын и дочь уже почти выросли, и я фактически был с женой в разводе. Я ведь видел: ты меня же любила...

– По той же причине.. Николай, ты разве забыл, что у тебя появился третий ребёнок? Сын и дочь повзрослели, а младшей твоей Елене было пять лет. И ты сам же мне неоднократно говорил, как сильно тебя любит младшая дочь. Да и жена тебя любила. И я чуть ли не ценой своей жизни стремилась забыть тебя. Ведь я тебя любила больше жизни. Я была между тобой и твоей семьёй. Я не могла расстаться с тобой и забыть тебя.. И в то же время моя совесть не позволяла оставить твою Леночку без отца, которую ты в честь меня назвал моим именем. Я между двумя этими чувствами, любить тебя и быть без тебя, отдавая тебя твоей семье, боролась, находясь в постоянном противоречии. Не сумев найти выхода, я, по

слабости духа, наложила на себя руки. И только по милости Господней мои намерения до конца не осуществились. В момент нанесения удара в сердце раздался крик моего сына, рука моя дрогнула – и нож угодил в руку. Я хотя и не умерла, но впала в депрессию, потеряла смысл жизни, словно не видела, что со мною живёт мой спаситель, сынок, который сам нуждается в материнской ласке. Его любовь ко мне способствовала моему прозрению. Я стала изо всех сил стараться забыть тебя, а вернее, разлюбить... Но не могла... Собрав в себе всю волю, я стала стремиться искать Господней поддержки. Хотя мне в тот период не очень хотелось идти в Церковь. Но я через силу тайно всё же раз сходила в Донецке в Церковь. Там почувствовала некоторое облегчение в душе. Тогда я поняла, что полностью могу избавиться от снедающей боли и тоски, живя и находясь хоть какое-то время в Монастыре. Поэтому я спешно, с Божьей помощью, уехала в Монастырь. И в том Монастыре я пробыла около шести месяцев. И, слава Богу, я излечилась. Душа у меня не болит...

– Леночка, так ты меня совершенно не любишь?

– Николай, за что же тебя любить? Ты так опустился... Пьёшь... С работы тебя везде повыгоняли. Извини меня, пожалуйста, но ты из того поэтического, интересного мужчины превратился в жалкого пьяницу.

– Леночка, но я изменюсь... Я вылечусь, ты поверь в меня... Поверь, Леночек, в последний раз... Я завтра же лягу в больницу и начну лечиться... Дай мне немного денег, а то моя дочка голодная дома меня ждёт...

– Возьми, но только, умоляю, не вздумай пить, – и Елена отдала ему все деньги, что были в кошельке. – А с кем же дочка станет жить, пока ты будешь лечиться?

– Не знаю... Одна, наверное...

– Как одна? Она же ещё очень маленькая...

– Но у меня нет в Москве, кроме брата, никого. А Виктор видеть меня не хочет, не то чтобы помочь мне... Я вчера у него был, и он меня выгнал...

– Тогда веди дочку ко мне, пусть она, пока ты лечишься, поживёт у меня.

– Правда, Леночка? Так я сейчас поеду домой и к тво-

ему приходу, часам к шести вечера, привезу её к вам.

И Николай, светясь радостью, встал, поцеловал Еленину руку и пошёл, сторбившись, несколько неуклюже к выходу... Елена посмотрела ему вслед, сердце её сжалось, и она подумала: «Что делает водка и горе с людьми, а был же какой орёл... Во что бы то ни стало, но его надо вытянуть из беды. Возможно, он излечится от алкоголизма. Ведь сам согласился лечиться. Его надо поддерживать и хотя бы ради его дочки поставить на ноги».

На работе Елена не стала задерживаться, помня, что она дала слово Снегирёву принять его с дочкой. Поэтому после окончания рабочего дня Михайлова поспешила домой. И ей недолго пришлось ждать Николая с его дочкой. Вскоре в квартире раздался звонок. Елена, открыв дверь и увидев худенькую, неухоженную девочку и смутившегося Николая, сказала:

– Проходите... Проходите, пожалуйста, – протягивая руки к девочке и обнимая её, говорила Елена. – Так это и есть моя тёзка? Так, Леночка? Ведь меня тоже так же зовут. И чтобы нам не путаться, ты, Леночка, зови меня просто тётя Лена. Договорились?..

– Да...

– А это, Леночка, мой сын Игорь.

Игорёк ласково ей улыбнулся, сказав:

– Пойдём, Леночка, я покажу тебе свой конструктор. Ты любишь строить домики?

– Люблю, но я не очень умею.

– Я тебя научу.. Вот смотри: эта часть нам станет служить крышей, а эти детали – стенами дома...

– А это, Игорёк, дверью, да?

– Правильно, Леночка, дверью. Ты смекалистая девочка. Ты в школу ходишь?

– Я учусь в первом классе.

– Какие оценки получаешь?

– Мне, как и всем, вначале не ставили никаких оценок, а теперь ставят. Были двойки, я плакала, стали лучше оценки, но пятёрок у меня нет.

– Не переживай, Леночка, ты же у нас будешь жить, я тебе стану помогать. И получишь ты желанные свои оценки и...

- Правда, Игорёк?
- А ты что, сомневаешься?.. Хочешь сейчас пойдём с тобой твои уроки делать?
- Хочу...
- Тогда носи свой портфель.

Елена Васильевна с Николаем Ивановичем, невольно слыша разговор детей, поняли, что Игорёк и Леночка нашли друг с другом общий язык и, кажется, друг другу понравились... И Снегирёв не стал стремиться задерживаться в квартире Михайловых, а, готовясь к уходу, сказал:

- Я, Елена Васильевна, буду лежать в пятой больнице... Доченька, иди к папе, а то я собираюсь уходить. Ты слушайся Игорька и тетю Лёну... Ты, пока я лечусь и лежу в больнице, здесь поживёшь... Ты согласна?!

- Согласна, папа. Ты только вылечись. И не пей больше...

- Я постараюсь доченька... - он обнял и поцеловал свою малютку, затем подал руку Игорю, Елене и вышел из квартиры Михайловых.

Николай вышел на улицу. Его душу ласковое вечернее солнце не грело, поскольку тело его ломило, руки дрожали, голова от невыносимой боли раскалывалась, как ему казалось, на части. И он вместо того чтобы идти домой, направился в магазин. Купил бутылку водки на деньги, что ему дала Елена Васильевна, и в нарушение обета, который он дал дочке и Михайловой, выпил залпом полбутылки, сказав в пространство: «Ну, теперь жить можно... Боль усмирилась... Поживу-ка я последний день перед лечением, как король...»

И Николай Иванович пьяной походкой побрёл к дереву. Дойдя до него, сел на сую и холодную землю... Затем достал из кармана брюк недопитую бутылку, выпил ещё несколько глотков водки, поднялся и, спотыкаясь, побрёл к трамваю.

Трамваи, как челноки, сновали по рельсам, развозя пассажиров в желаемые ими места. Вот и Николай, взбываясь в уже отправляющийся трамвай, схватился за дверцу, висая с обратной стороны вагона. Но руки его от боли и водки ослабли, и Николай, не в силах больше дер-

жаться, рухнул под трамвай. И угодил прямо на рельсы. Массивные колёса напрочь отсекли Снегирёву ноги выше колен, а идущий вслед следующий трамвай не пощадил и правой руки Николая, которая была откинута на рельсы.

Перепуганные люди, увидевшие эту страшную картину, кинулись к Николаю, желая ему помочь. Он был ещё жив. Они вызвали скорую помощь, которая незамедлительно прибыла на место происшествия. Николая Ивановича забрали и повезли в больницу, рядом с ним положили его ноги и руку. Врачи непрестанно боролись за жизнь Снегирёва. Они первоначально хотели пришить ампутированные ноги и руку, но, осмотрев места срезов, не решились...

Снегирёв бредил, был без памяти, и всё время повторял: «Лена, Леночка, Елена Васильевна, доченька, где вы, я хочу вас видеть...»

Врачи, закончив операцию, забинтовали культяшки ног и обрезанную руку, положили Николая Снегирёва на кровать. Затем вызвали милицию. Лейтенант милиции осмотрел вещи Снегирёва, нашёл в кармане пиджака его паспорт, узнав место проживания, незамедлительно позвонил. Однако телефонную трубку никто не снимал. Тогда милиционер поехал по указанному в паспорте адресу, но дверь в квартире ему никто не открыл – напрасно он звонил несколько раз. Зато, услышав звонки, вышла соседка, сказав:

– Николай Иванович с дочкой часов в семнадцать куда-то поехали. Я как раз в это время гуляла с собачкой возле дома.

– А с ним ещё в квартире кто-то проживает?

– Нет... Жена его лежит в психиатрической больнице. Она как узнала про смерть дочки, сына, внука и невестки, то нервы, видать, у неё не выдержали.. Ирина сошла с ума...

– А родственников вы его случайно никаких не знаете?

– Знаю.. У него брат есть, Снегирёв Виктор Павлович, он работает директором научно-исследовательского департамента при Министерстве обороны.

– Позвольте мне от вас позвонить?

– Пожалуйста, заходите и звоните..

Лейтенант, связавшись с отделением, узнал номер домашнего телефона брата Снегирёва и тут же ему позвонил:

– Виктор Павлович, вас беспокоит лейтенант милиции Кармазин Григорий Захарович.

– Слушаю, Григорий Захарович..

– С вашим братом случилась беда.. Он попал под трамвай..

– Он жив? Где он находится?

– Ваш брат находится в больнице. Состояние его здоровья очень тяжёлое.

– А к нему можно?

– Да.. Он находится в семнадцатой больнице.

– Я еду туда.

И Виктор Павлович повесил трубку. Не прошло и часа, как он уже был в больнице и осведомлялся у врачей о состоянии здоровья Николая. Врачи ничего утешительного сообщить не могли. Больной потерял много крови, состояние было критическим. По-прежнему находясь без сознания, Николай то молчал, а то вновь взывал:

– Доченька, Елена Васильевна, я вас люблю, придите ко мне, не бросайте меня, простите меня..

Сидя возле кровати брата, Виктор Павлович понял, о ком говорит Николай и как сильно он страдает. Ему стало жаль брата. Его начала мучить совесть, которая заговорила в нём укором: «А ты ведь мог не допустить этого. Брат к тебе за помощью обращался, но ты отказал. Ты его ревновал к Елене Васильевне и за это ел его поедом, провоцируя на выпивки. И ты же мог его поддержать и не допустить, чтобы его уволили с должности директора завода, а ты фактически содействовал этому сам.. Какой же ты негодяй, Виктор Павлович. Теперь вот сиди и лжуйся на плоды своего творения. Перед тобой теперь лежит не человек, а обрубок..»

Виктор Павлович не выдержал больше бичевания совести и зарыдал. Взяв в свои руки единственную уцелевшую левую руку брата, глядя её, зашептал:

– Прости меня, Николай.. Я виноват перед тобой. Ты

ко мне обратился за помощью, а я тебе отказал. А в детстве ты мне всегда помогал, делился со мною последним куском хлеба. Ты меня фактически и выучил, посылая чуть ли не каждый месяц мне деньги на проживание, добывая их своим токарным трудом. А я оказался таким неблагодарным. Прости меня, Николай.

Прекратив плакать и говорить слова раскаянья, он вновь задумался, мысли унесли его в далёкое детство, когда они вместе с Николаем пасли коров... Ходили вместе в лес и там собирали летом ягоды, а осенью грибы. Как они радовались, когда находили целые поляны белых грибов, наполняя ими свои кошелки, и, счастливые, шли домой... Мечтали о будущем... «И неужели вот сейчас, – подумал Виктор, – в расцвете сил, он должен умереть?..» Но вдруг он увидел: Николай открыл глаза и слабым голосом спросил:

– Виктор?... А где я?

– В больнице, братец.

– Почему, что со мной случилось?..

– Ах, Николай, не спрашивай... Я и сам ничего толком не знаю...

– У меня почему-то ноги, Виктор, очень болят и правая рука...

– Терпи, братец... Заживает...

Николай пошевелил ногами и рукой: ему показалось, что их у него нет.

– Виктор, а где мои ноги?... Рука?..

– Крепись, Николай, их, похоже, нет...

– Как нет?!.

– Ты попал под трамвай, и тебе их ампутировали.

– Ампутировали?... Я без ног?..

И Николай вновь потерял сознание... Очнувшись, стал звать о помощи. Виктор срочно позвал врачей. Мгновенно в палату зашли врач и медсестра. Виктор рассказал врачу о случившемся. Тот приказал медсестре сделать обезболивающий укол. Затем, послушав у Николая сердцебиение, сказал:

– Больной будет жить... Кризис миновал... Но в эти сложные для него, хотя бы первые, дни нужно, чтобы кто-то возле него постоянно был. И желательно из близ-

ких ему людей.

– Я могу это обеспечить...

– Одному сложно, Виктор Павлович, это сделать.

– Но у него, кроме меня, никого нет. У него в этом году беда большая случилась: его дети погибли в автомобильной катастрофе, жена от этого помешалась разумом.. Так что кроме меня за ним ухаживать некому. Поэтому я возьму отпуск и буду о нём заботиться.

Он всю ночь просидел возле брата. А утром написал заявление о предоставлении ему отпуска. Но отпуск взять ему не разрешили. И Николай Иванович остался лежать один. Однако на следующий день Виктор упросил соседку брата, Полину Сергеевну, ту самую женщину, которая давала сведения о Николае милиционеру. Полина Сергеевна находилась на пенсии, по характеру была спокойная и сердобольная. И вот она уже целую неделю как ухаживает за Николаем Ивановичем. Снегирёв то приходил в сознание, то вновь его терял.. Видя такое состояние здоровья брата Виктор Павлович не знал, как ему поступить: сказать или не говорить Елене и его дочке о том, что Николай находится в больнице без ног и руки. И эту проблему, когда он сидел возле Николая, больной сам разрешил, сказав:

– Виктор, пригласи дочку и Елену Васильевну, я их хочу перед смертью увидеть. Только прошу тебя, ты их подготовь...

– Какая смерть, Николай?.. О чём ты говоришь?.. Врачи говорят, что ты поправишься...

– Виктор, прошу тебя, не откажи в просьбе.. Ты пригласи их на завтра.

– Приглашу, ты, Николай, только не волнуйся...

И он действительно пошёл к Михайловой, желая рассказать о случившемся. Было около двадцати часов, когда он зашёл в квартиру к Елене. Лена не ожидала своего начальника видеть у себя, поэтому слегка растерялась и вместо «здравствуйте» сказала: «Проходите, дорогой гость, к столу, мы как раз ужинать собираемся».

– Спасибо, не откажусь...

Он прошёл, разделся, помыл руки и сел за стол. И видя, как Елена заботливо хлопочет за столом, неожиданно

для себя отметил: «А как у неё уютно и по-домашнему тепло. Игорь да и Леночка любят её. Девочка светилась радостью, ласкается возле Елены Васильевны, как возле матери...» А Михайлова то и дело всё говорила: «Дети, добавочки ещё дать?.. Леночка, моя ты хорошая.. Тебе вот ещё молочка необходимо попить. А то ты вот у нас какая худенькая. Надо тебе поправиться...»

– Я и так уже поправилась. Скоро Игоря перегоню. Мы с ним боролись, и я чуть его не победила.

– Ты ещё, Леночка, каши мало съела и молока мало выпила, чтобы меня победить. Слушайся и выполняй, что тебе мама говорит. Пей молоко..

– Тётя Лена, почему он на меня кричит? И он так тебя называет мамой, а я – тётей Леной. Я тоже тебя хочу называть мамой.

И внезапно девочка горько расплакалась. Елена Васильевна взяла девочку на руки, обняла её, поцеловала в макушку. Леночка тоже прильнула к ней, говоря сквозь слёзы:

– Так мне можно тебя называть мамой?

– Леночка, я здесь не знаю, как и быть...

– Чего же тут не знать? Хочет Лена тебя называть мамой, пусть и зовёт так..

– Правильно, Игорёк, ты настоящий друг.. Я за тебя за это посуду помою, – перестав плакать, сказала девочка.

– Коль тебе так хочется, девочка моя, то зови. Я не возражаю, – ещё раз поцеловав Леночку, ответила Михайлова.

– Ура!.. Игорь! Мы теперь с тобой на равных. Я теперь тоже тётю Лену, как и ты, буду называть мамой. Понял?.. Так что не хвастайся, я тебя теперь вместе с мамой победю. Правда, ма?

– Правда, Леночка, но молочко допей.

Счастливая Леночка быстро допила молоко, поцеловала Елену Васильевну, скатилась с её колен, подошла к Игорю, поцеловала и его, сказав, словно взрослая:

– Спасибо тебе, ты и вправду настоящий друг.. А сказочку ты мне считаешь?

– Ох и хитрая же ты, Ленусенька..

– Нет, Игорёк, я не хитрая. Я просто очень люблю сказки, а читаю очень плохо. Как научусь, то тебе стану тоже хорошо читать.

– Тогда так поступим, Леночка, я тебе читаю три сказки, а ты мне читаешь после этого одну. Пойдёт так?..

– Пойдёт, только я выберу, Игорёчек, маленькую сказочку, когда буду тебе читать, а ты большие..

– Хорошо, пойдём, почитаю тебе сказки, – улыбаясь, сказал Игорёк и, усевшись на диван, начал читать.

Наблюдая эту картину, Виктор Павлович, глядя на Елену Васильевну, то ли с завистью, то ли с иным чувством произнёс:

– Мило вы живёте. Девочка, похоже, любит тебя, вон даже мамой просится называть.

– Да, Леночка – хорошая девочка.. С Игорёчком дружат, слушается она его. Он ей уроки помогает делать, в школу её провожает и из школы забирает. Мне, признаться, очень нравится, как сын заботится о Леночке. И девочка ему подражает. Она тоже его и меня без внимания не оставляет. Несмотря на то, что ещё такая маленькая, Леночка очень нежная, добрая, доверчивая и ко мне она очень тянется. Однако чувствую, что девочка за отцом скучает. На днях меня спрашивала: когда же мы пойдём к папе? А я не знаю, что и ответить. Он обещал позвонить, но до сих пор так о себе знать и не даёт. Ты, Виктор, случайно не знаешь, где Николай?

А Виктор, хотя и шёл к Елене Васильевне сообщить о том, что постигло Николая и что он зовёт её, но Михайловой правду не сказал. Виктор испугался, что девочка привязалась к Елене, как к матери, и та отвечает ей взаимностью. И поэтому безногому брату легко будет уговорить добрую и отзывчивую Елену выйти за него замуж. А ему она откажет. Но такого поворота в своей судьбе он не хотел, поэтому и слукавил, сказав: «Нет, Леночка, я не знаю, где Николай.. Но я займусь этим вопросом, ты не беспокойся, как узнаю, то тебе сообщу».

– Спасибо, Виктор, а то у меня о нём душа что-то очень болит.

– Не переживай, Леночка, всё будет в порядке..

И, чувствуя в душе дискомфорт от этого разговора и

своего лукавства, он, попросившись, уехал домой.

Елена же ещё несколько дней поожидала вестей от Виктора о Николае, затем не выдержала и стала сама разыскивать Николая. Обзвонила все больницы, побывала ещё раз в пятой, о которой Николай говорил, что будет в ней лечиться, но там его не оказалось. Тогда Елена поехала к нему на квартиру. Несколько раз позвонила, а потом постучала в дверь, за дверью было тихо, ей никто не открывал. Тогда она подошла к соседней квартире и спросила у соседей о Снегирёве Николае Ивановиче:

– Простите, пожалуйста, вы не знаете, где ваш сосед? Я вот звоню, звоню, а мне он не открывает...

– Знаю... Николай Иванович лежит в больнице. Он попал в аварию. Ему ампутировали ноги и правую руку. Моя мама, кстати, за ним ухаживает. Её о том попросил его брат, Виктор Павлович.

Услышав такую жуткую весть, которая, словно током, пронзила сердце Елены Васильевны, она чуть не упала. Соседка вовремя успела её подхватить:

– Вам плохо? Давайте войдём в квартиру, я вам водички дам...

– Нет, спасибо, я поеду к нему.

Заботливая соседка, видя состояние Елены, ещё раз повторила Михайловой номер палаты, больницы и как добраться до неё, проводила до лифта. Убитая горем, Елена села на скамейку возле дома, боясь потерять сознание. Ласковый майский ветер, нежно касаясь её лица, придавал Елене силы. Ей стало легче. Посидев ещё несколько минут, она поднялась и поехала в больницу. Зайдя в палату, Михайлова увидела очень бледного, исхудавшего Николая Ивановича, возле которого сидела Полина Сергеевна. Она поднялась навстречу идущей Елене, говоря:

– Николай Иванович в бессознательном состоянии вот уже пятый час... У него жар. Я вас узнала: вы – Елена Васильевна... Николай Иванович о вас мне очень много рассказывал, показывал ваши фотографии... Радовался жизни... А сейчас, вот горе-то на него какое обрушилось... А где его дочка, вы не знаете?

– Леночка у меня...

– Он всё в бреду вас и дочку часто взывает... Вы присаживайтесь на стул, а я пойду в магазин схожу.

И Полина Сергеевна вышла из палаты, а Лена, разместившись возле Николая Ивановича, скорбно зарыдала. Ей было беспредельно жаль Снегирёва. Она видела, что жизнь Николая обрывается, ей хотелось ценой собственной жизни помочь ему, лишь бы он не умирал... И она, глядя его лоб, волосы, зашептала:

– Коленька, что же ты наделал? Прости меня... Это я виновата, что ты сейчас угасаешь... Зачем только я дала тебе деньги?..

– Леночка, это ты?.. Виноват я сам, не казни себя... Ты деньги дала, чтобы я купил поесть дочке, а я их пропил... Прости меня, – слабешким голосом просил Николай. – Я, наверное, скоро умру...

– Что ты, Коленька! Не умирай...

– Леночка, сил у меня совсем мало, не перебивай меня, дай возможность тебе сказать, кажется, в последний раз. Я очень люблю и любил тебя, с первой нашей встречи. Я сопротивлялся, не хотел, чтоб мои чувства к тебе росли. Но ничего не смог сделать, и они помимо моей воли всё множились. От моей любви к тебе шли одни несчастья да беды. Это я довёл тебя до шокового состояния, что ты еле выжила. Ты прости меня, Леночка... Если можешь, ты помолись за меня Господу, когда умру... И поставь в Церкви свечи за упокой моей души... Ведь я очень грешный, я так виноват перед тобой. Извёл всю твою жизнь. Ты в меня поверила, а я подвёл тебя. За это, видать, Господь и наказал меня. Я мало того, что извёл тебя, я и обездолил собственную дочь... Я вот умираю, мать её стала сумасшедшая... И моя кровинка остаётся одна-одинёшенька в этом мире. Леночка, я её так же люблю, как и тебя... Я назвал её твоим именем, она чем-то и похожа на тебя. Леночка, я умоляю тебя, ты кровинку мою удочери... Не оставь её сироткою, пожалей её, прости меня, опустившегося алкоголика.

Я по жизни оказался очень слабым по сравнению с тобой. Ты боролась за жизнь свою и сына, пошла в Монастырь, отдав себя в руки Господа, денно и ночью там мо-

лясь. И ты сумела победить то лихо, которым я тебя постоянно укрывал. А я вместо того, чтобы последовать твоему примеру, начал впадать в руки дьявола, стал пьяницей и лишился Господней защиты, я с каждым днём всё глубже и глубже погружался в рутинность дьявольского греха. Ведь я понимал это, но по слабости духа не мог остановиться... Выпивая водку, я расслаблялся, зная, что это временно, после пробуждения настанет более тягостный день, но всё же пил, наслаждая дьявола и убивая себя. Леночка, и убил я свою душу, теперь я попаду в ад, если ты меня не вымолишь у Господа... Это я понял так чётко только лишь на смертном одре. Ты помолись за меня, Леночка. Я знаю: не достоин я этой помощи. Ты меня взывала бросить пить, а я тебя не слушал. Мне даже хотелось на зло тебе напиться, помучить тебя, я видел, что ты переживаешь, но пил. Прости ты меня за это, Леночка. Во всех своих и твоих несчастьях и бедах виноват только я, прости ты меня, грешного, молю тебя умирающим сердцем...

Если можешь, поцелуй меня в знак прощения, живо-го, в последний раз – я умираю. Ведь я, как входил в память, то всё время просил Господа, Богородицу о том, чтобы они сжалились надо мною и допустили тебя ко мне, чтобы я дожил до этого часа. Я просил брата, а он, похоже, тебе не сказал. Но Господь, верно, услышал мои искренние раскаявания и горячую мою мольбу. Ведь ты сидишь передо мною и слушаешь то, что я по жизни боялся тебе по своей гордости и своему грехопадению говорить. Леночка, но я прозрел, если бы с такой душой и таким понятием я тебя встретил, то не было бы такого горя, которое я причинил тебе и себе. А я его столько причинил, да ещё самым мне дорогим людям: тебе, Леночка, и моей доченьке. Простите, на коленях умоляю. И ещё прошу: похороните меня по-христиански.

И Николай замолчал, не сказав после этого ни единого слова, лишь посмотрел на Елену глазами скорби и печали, из которых катились слёзы раскаянья. Елена поцеловала его в губы, щёки, прошептала:

– Не плачь, Коленка... Я сама тоже во многом виновата. И в том, что не сумела тебя повести за собой к Гос-

поду. Ты прости меня... Я выполню все твои прошения. Я непременно удочерю Леночку и буду молиться за тебя... Коленька, ты слышишь?

Он еле улыбнулся ей утасаящим, но просветлённым взором, а в ночь Николай умер. Елена среди ночи уехала на такси в Монастырь за отцом Василием. А тем временем Иван Петрович с Любушкой привезли усопшее тело Николая в его квартиру, омыли, одели во всё новое и положили в гроб. Затем отец Василий на лоб Николая возложил привезённый венец с изображением Христа, Богоматери и Иоанна Предтечи с надписью «Святой Боже» и начал читать псалмы.

Елена поехала домой, не зная, как поступить перед девочкой: сказать о смерти отца или нет? И решила тайно от Елены поделиться с сыном:

– Игорёк, скажи, как ты думаешь, мне о смерти отца Леночке говорить или нет?

– Конечно же, мама, надо сказать. Она раз переболеет, но зато не будет его ждать, не станет думать, что её отец бросил. Знаешь, мама, как мне было тяжело, когда мой так называемый отец меня бросил, а сам ушёл к Дашке? Мне было очень обидно от того, что он тебя и меня променял на какую-то девку. Ты в Монастыре была, а я ночами был один в квартире, всё его поджидал. Я от отчаянья возненавидел его. Спасибо тётке Тамаре, она меня выручила, забрала к себе. А тебя я беспокоить не хотел, я знал, что тебе очень тяжело. Я терпел, поскольку я знал правду. Так и Леночка перетерпит, узнав правду... Ты же меня сама всегда учишь говорить хоть горькую, но правду. Поэтому давай мы ей тоже скажем правду... Ма, а там Виктор Павлович будет?

– Он будет только перед самым выносом, а мы с вами побудем на панихиде, которую прямо в квартире тайно отслужит отец Василий. Николай Иванович просил перед смертью, чтобы его похоронили по-христиански, а Виктор Павлович против таких похорон. Вот я и решила это сделать тайно от него.

– Правильно, ма, ты и решила. Волю усопших надо выполнять.

– Игорёк, Николай Иванович передо мной словно ис-

поведовался, и он очень раскаивался за совершённые свои проступки, в том числе и за то, что любил меня...

– Я знаю, мама, что от той любви ты столько настрадалась. Наверное, все твои беды от этой любви. А может, это тебе Господь ниспослал, как Иову, чтобы испытать твою веру?

– Ой, Игорёк, нашёл с кем меня сравнить. Ведь Иова был праведным, а я грешница.

– Все мы, мама, грешные... Нам всем есть в чём каяться, – совершенно по-взрослому сказал Игорёк.

– Игорёк, ты у меня стал уже таким взрослым.. И рассуждаешь, как старец. Спасибо тебе, что ты меня слушаешь и слышишь. И вон какие мудрые советы даёшь. Но я тебе не сказала главного... Перед смертью Николай Иванович просил удочерить Леночку... Как ты на это смотришь?

– Положительно... Не сдавать же её в детский дом? Она там пропадёт или зачахнет, как майский цветочек. Леночка очень слабенькая, да и ко мне она привязалась, и тебя любит. Словно чувствуя беду, вон всё упрашивала при живой матери тебя мамой называть. Поэтому нельзя ей отказывать, в том числе и в удочерении.

– Пойдём тогда, мой славный мудрец, к Леночке и скажем ей правду.

И Елена Васильевна вместе с Игорьком подошла к Леночке. Она сидела за столом, рисуя домик. Не зная, как сказать о смерти отца, Елена, собрав все свои силы, начала:

– Леночка, у нас горе большое.. Очень тяжело заболел папа, не знаем, что и делать.

– Как не знаете? Лечить надо.. Поехали к нему. Где он?

– Дома, деточка, лежит..

– Так поехали к нему, в больницу его свезём..

– Он, Леночка, уже там лежал, его оттуда выписали.. Но надежду на выздоровление врачи не дали..

– Мама, так он может умереть?

– Все мы, Леночка, смертные в этом мире. И кто-то раньше умрёт, а кто-то позже.. Когда, Леночка, я была у него в больнице, он меня просил, чтобы я тебя удочерила

в случае смерти.. Ты не против?..

– Нет, я давно, мамочка, хотела, чтобы ты меня удочерила, поэтому и стала тебя звать мамой.

– Ой, детка моя, – вдруг расплакалась Елена Васильевна.

– Мамочка, чего ты плачешь? Не плачь... Я тебя буду слушаться и любить. Ты же не станешь меня обижать?

– Леночка, я тебя буду любить, как Игоря. У меня теперь будет дочка и сын. Я одинаково буду к вам относиться. Но ты же видишь, если Игорь, бывает, провинится, то я его ругаю, если и ты нашкодничаешь, то и тебя я стану журить... Согласна?

– Конечно, согласна. Я, мамочка, буду стараться хорошо себя вести, помогать тебе во всём, как Игорёк. Только ты не плачь, мамочка...

А Елена Васильевна, склонив голову к Леночке, продолжала плакать. Её слёзы, словно редкий дождь, падали на грудь девочки. И Леночка, не выдержав, обхватила ручонками Елену Васильевну, тоже расплакалась.

Игорёк подошёл к плачущим сзади, обнял их обеих и тихо с ласкою сказал:

– Не плачьте, мои дорогие, очень жаль, что умер Николай Иванович, но у вас есть я. Все вместе мы выдержим горе. Мужайтесь, не плачьте, мои любимые Елены, я совсем скоро вырасту и не дам вас никому в обиду, вы только потерпите немного... Ведь мне уже тринадцатый год, я уже почти взрослый. Собирайтесь, поехали на панихиду Николая Ивановича. А то нас уже там давно ждут...

И Лены, наплакавшись вдоволь, пошли умыться, затем стали собираться. И все втроём поехали на квартиру, где лежал усопший Николай Иванович.

Войдя в квартиру, Елена Васильевна взяла на руки Леночку. Девочка обхватила Михайлову за шею и тихо прошептала: «Мама, ты не плачь, а то и я расплачусь. Дай мне тоже свечку такую же, как у Игорька. И опусти меня на пол, я постую...»

Елена Васильевна, выполнив волю Леночки, дала ей свечку, зажгла её, затем взяла также и себе свечку, встала возле детей. Здесь же рядом стояли Иван Петрович,

Любушка и отец Василий с горящими свечами. Закончив читать псалмы, отец Василий стал совершать панихиду и молиться о прощении грехов и упокоении в Царстве Небесном усопшего раба Николая. При чтении молитв все крестились, Леночка тоже стремилась и старалась правильно креститься, с грустью глядя на умершего папу, лежащего в гробу посреди комнаты.

В небольшой комнате было светло. Лучи майского солнца пробивались сквозь гардины и словно хотели посмотреть на лицо Николая Ивановича, спокойно лежавшего в гробу, наполовину накрытого белым покрывом. На его руки был положен крест, привезённый из Монастыря отцом Василием, в знак веры умершего. В конце панихиды отец Василий и стоящие с ним Елена с детьми с зажжёнными свечами потушили их в знак того, что земные жизни наши, горящие, как свечи, должны потухнуть, чаще всего, дорогой читатель, не догорев до предполагаемого нами конца...

Елене Васильевне очень хотелось до погребения тело Николая Ивановича для отпевания отправить в Храм. Однако Виктор Павлович строго-настрого запретил это делать. Увидев в квартире священника, он недовольно нахмурил брови, подошёл к Михайловой и тихо спросил:

– Когда это безобразия закончатся?

– Виктор Павлович, не кощунствуйте... Побойтесь Бога...

– Елена Васильевна, скажите своему попу, чтобы он прекращал свою службу. Иначе я его выгоню. Ведь колья узнают, что здесь был поп и служил панихиду, а мы с вами на ней присутствовали, то нас уволят за это с работы. И ты же знаешь: я ненавижу Бога... Меня от него всего коробит...

– Не бойтесь, Виктор Павлович, никто не узнает... А отец Василий панихиду служить уже заканчивает... Потерпите, пожалуйста, в память о Николае Ивановиче... Он очень просил похоронить его по-христиански... И прошу тебя: перекрестись. Помолись в память об усопшем твоём брате...

Виктор Павлович не стал больше слушать Михайлову, а развернулся и ушёл на кухню. И там сидел за сто-

лом, пока не закончилась панихида, которую по всем канонам церковной службы совершал отец Василий.

По окончании службы отец Василий с Еленой и детьми поехали к ней. Дома Михайлова попросила отца Василия освятить квартиру. Священник внял просьбе Елены Васильевны и освятил квартиру в присутствии детей, чему особенно была рада Елена, поскольку ей давно хотелось это сделать, а совершить освящение у неё всё никак не получалось. И наконец сегодня Божья благодать посетила её жильё да ещё в присутствии всей семьи: Игорёчка и посланной Всевышним ей дочери Леночки. Они во время освящения с радостью молились и крестились, держа в своих руках свечи, освещая ими пути для Господней милости, чтобы здесь пребывала радость, счастье и мир. И чтобы не смог дьявол соблазнить живущих в квартире на совершение порочных дел. И чтобы Господь избавлял от самого дьявола, который всегда готов погубить человеческую душу.

Закончив освящение квартиры, отец Василий поехал в Монастырь. Елена Васильевна попросила его помолиться в Монастыре за усопшего Николая и отслужить сорокоустное поминовение.

Как только отец Василий уехал, Игорь тут же задал Елене Васильевне вопрос:

– Мама, а что это значит – сорокоустное поминовение?

– Это, Игорёк, означает, что поминовение усопшего Николая будет совершаться ежедневно в течение всех сорока дней со служением заупокойной Литургии и панихиды. И это поминовение называется сорокоуством..

– Ма, а почему усопших поминают в третий, девятый и сороковой дни после их смерти?

– Сынок, Православная Церковь не оставляет своих умерших чад без молитв, в особенности в первые дни после их смерти, то есть третий, девятый и сороковой дни, потому что Церковь, вспоминая трёхдневное воскресение Иисуса Христа, молит Господа воскресить умершего для блаженной будущей жизни. В девятый день, Игорёк, Церковь молит Господа, чтобы Иисус Христос сопричислил умершего к лику угодников Божьих, разделяемых,

как и Ангелов на девять чинов. А что касается сорокового дня, то в этот день совершается молитва, чтобы Иисус Христос, вознёсшийся на Небо, вознёс в небесные обители и умершего.

– Мама, а мы будем за папу в эти дни молиться?

– Станем, Леночка.

– А где?

– Если получится, Леночка, то поедем в Монастырь, а если обстоятельства не позволят, то помолимся и помянем твоего папу дома.

– Мама, а почему папа умер? От водки?..

– Нет, Леночка, произошёл несчастный случай.. Он сорвался с трамвая и попал под его колёса...

– А когда мы будем его хоронить?

– Завтра, Игорёк...

День во время похорон выдался тёплым, солнечным.. Но проводить Николая Ивановича в последний путь народу пришло мало.. И вот гроб с телом Николая опустили в могилу лицом на восток. И работники кладбища начали лопатами засыпать гроб землёй. Елена Васильевна, Виктор Павлович тоже бросили несколько горстей земли в могилку, их примеру последовали дети, Любушка и Иван.

Похоронив Николая, все они поехали к Елене Васильевне и у неё помянули усопшего. Затем Виктор Павлович и Иван разошлись по домам, а Любушка осталась у Михайловой, ей очень хотелось поговорить с Еленой на предмет возникших у неё проблем. Но видя очень измученное лицо Елены, предложила ей отдохнуть на диване, а сама помыла всю посуду после поминального обеда. Потом подошла к Игорьку и Леночке и стала им читать сказки, пытаясь отвлечь их от горьких дум, навеянных смертью и похоронами Николая Ивановича.. Ведь, как не грустно, но жизнь живущих продолжается, и все должны следовать намеченному пути..

ГЛАВА XIX

За окном день уже клонился к закату, когда у Елены Васильевны с Любой состоялся разговор:

- Любушка, а который час?
- Уже скоро будет шестнадцать.
- Так это я более часа проспала. Что же ты, Любушка, меня не будила?
- Я рада, Леночка, что ты хоть чуток заснула, а то на тебе лица нет. Ведь ты, считай, три ночи подряд не спала. А сейчас как ты себя чувствуешь?
- Ничего будто бы.. Но душа болит.. Тяжело терять человека, которого очень любила.. И всё вдруг кончено. Не шагает больше с нами по жизни Николай..
- Завтра на работу, Елена, идёшь?
- Непременно. За эти дни дел насобиралось немало.. А ты, Любушка, завтра что делаешь?
- Ничего, Елена.. Меня с работы сократили.. Я уже четыре дня как не работаю.
- И чем же, Любушка, ты думаешь заняться?
- Не знаю.. Сложно мне будет, Елена, по моей специальности найти работу.
- Люба, а хочешь в наш институт идти работать?
- Кем?
- А начальником отдела кадров. У нас сейчас эта должность вакантная.
- Я же, Леночка, не справлюсь с такой работой.
- Справишься.. Я тебе сама поначалу помогать буду. Работа начальника отдела кадров не сложная.
- А в чём она заключается?
- Надо уметь писать проекты приказов, распоряжений, а также знать законодательство в большей степени по трудовому праву, что касается вопросов трудоустройства, переводов, наложения дисциплинарных взысканий, увольнений и ряда других вопросов, связанных с трудовой деятельностью научных работников. Кстати, у меня есть и учебник по трудовому праву, и сборник нормативных актов, регулирующих трудовые правоотношения работников, в том числе и научных сотрудников.
- Леночка, а мне можно эти книги взять?
- Возьми, но на время, пока не приобретёшь свои, поскольку директор тоже должен иметь под рукой эти книги и подчитывать их, чтобы разрешать вопросы, которые возникают в процессе трудовой деятельности, в со-

ответствии с нормами действующего законодательства.

– Поняла, Елена Васильевна... Так вот откуда ты знаешь законы и меня с Иваном им учишь, – улыбаясь, сказала Романова. И далее, продолжая разговор, спросила: – Лена, извини за не совсем скромный вопрос: а какой оклад у начальника отдела кадров?

– Сто восемьдесят рублей. А тебе, Любушка, в музее сколько платили?

– Девяносто семь рублей.

– Так ты, Любушка, теперь у нас миллионером становишься?

– Это точно... Чуть ли не в два раза больше буду получать, если вот эти книги одолею. Тогда я, Леночка, на эти деньги куплю маме зимнее пальто, а то оно у неё совсем износилось, потом маме крышу починю, когда денежек подсобираю.. Спасибо, Леночка, что ты не оставила меня в беде и берёшь к себе на работу. Я буду очень стараться постичь все эти премудрости законов процесса труда работников, чтобы в полной мере выполнять свои обязанности в должности начальника отдела кадров. Мне очень хочется, чтобы я не разочаровала тебя. И мама обрадуется, узнав, что в твоём институте я устраюсь работать. А то она за меня очень переживает. Ведь мама знает, что меня из музея уволили. Но не даром говорят: что Бог творит, то всё к лучшему.

И Люба, наполненная мечтами, стала с усердием постигать азы трудового законодательства, изучая их чуть ли не до рассвета. А утром они собрались и вместе уехали на работу. В институте Елена Васильевна пригласила к себе Семёна Григорьевича Маслова, временно исполняющего обязанности начальника отдела кадров. Попросила, чтобы он помог разобраться в имеющихся у него делах и передал их для дальнейшего ведения Романовой Любови Андреевне.

Семён Григорьевич Маслов был очень рад, что принимается на эту должность работник, а он вновь сможет в полном объёме заниматься только научно-исследовательской деятельностью. И, передавая все папки Любушке, он сказал:

– Любовь Андреевна, урок написания заявлений нач-

нём с вас.

– В каком смысле, Семён Григорьевич? – смушаясь, спросила Романова.

– В прямом.. Сейчас мы с вами на вас подготовим заявление вот такого содержания. Берите ручку и пишите в правой стороне листа с заглавной буквы: «Директору научно-исследовательского института, профессору Михайловой Елене Васильевне», – а на следующей строчке пишите свою фамилию, имя и отчество. Посредине чётко выводите «заявление». И далее пишите: «Прошу принять меня на должность начальника отдела кадров с двадцать пятого мая тысяча девятьсот семьдесят второго года с окладом в сто восемьдесят рублей».

На основании этого заявления мы должны подготовить проект приказа вот такого плана: «Согласно штатного расписания приказываю назначить на должность начальника отдела кадров Романову Любовь Андреевну». Пиши с той же даты и с тем же окладом, что указано в твоём заявлении. Далее с новой строчки пишешь: «Основание: заявление Романовой Л.А. и штатное расписание. И посредине строчек на семь ниже, чтобы обязательно было написано с левой стороны – директор института, а с правой – профессор Е.В. Михайлова».

Давайте, Любовь Андреевна, я почитаю ваше творчество. Кажется, с первым уроком мы с вами справились. Теперь пойдёмте этот проект приказа подпишем у Елены Васильевны, и станет он приказом.

– Вы извините меня, Семён Григорьевич, но я почему-то не поняла: а чем отличается проект приказа от приказа?

– Проект, Любовь Андреевна, это когда приказ не подписан, а как его директор подпишет, то из проекта он уже превращается в приказ. Вот и всё..

– Спасибо, Семён Григорьевич, за помощь, консультации и ваше доброе отношение ко мне.

– Не стоит, Любовь Андреевна, я выполняю распоряжение директора, да и к тому же мне очень приятно поделиться своим скромным опытом с такой хорошенькой барышней. К тому же ещё и незамужней. Я, кстати, тоже не женат, мне тридцать четыре года. Имею пятилетнюю

дочку, Валечку, а жена меня бросила три года назад. Вот такая моя автобиография. И ещё забыл сказать вам одну деталь из личной жизни: живу в общежитии. Теперь, кажется, всё вам рассказал, – несколько шутя, несколько кокетничая, сказал Семён Григорьевич.

– А вы давно работаете в этом институте?

– С первого дня моей трудовой деятельности. Меня после окончания вуза сюда направили. В этом институте я работаю, Любовь Андреевна, в должности старшего научного сотрудника вот уже десять лет. Но институт год тому назад как реорганизовали и подчинили Министерству обороны. Вначале я работал младшим, затем просто научным, а сейчас, как защитил кандидатскую диссертацию, то уже работаю старшим научным сотрудником. Я защитился совсем недавно, три недели тому назад. Елена Васильевна у меня выступала оппонентом, и за это я ей очень благодарен.. Очень знающий специалист. Мы её трудолюбию поражаемся. Елена Васильевна обладает высочайшим интеллектом, всем старается помочь. И мне она помогла в написании диссертации. После того, как она почитала мою работу, сделала на ряд моих заключений замечания, а я их устранил, согласно её предписаниям, то моя диссертация заиграла. И в то же время Елена Васильевна хотя и добрая, однако мы её все побаиваемся, поскольку она требует добросовестного исполнения работниками своих трудовых обязанностей, ко всем работникам она относится одинаково. Нет у неё любимчиков. Поэтому вы смотрите, Любовь Андреевна, если хотите здесь работать, то не вздумайте нарушать трудовую дисциплину. За это она вызывает к себе в кабинет и воспитывает так, что уходить раньше времени с работы больше не захочешь. Но если надо куда уйти, попросишься у неё, то она всегда отпустит. Коллектив её очень полюбил. Она фактически повысила в форме надбавок зарплату всем работникам, которые имеют учёные степени, а также тем сотрудникам, что имеют изобретения и продолжают результативно работать. Эту надбавку в этом институте никогда никому не платили, а Елена Васильевна сумела в департаменте и в Министерстве обороны доказать и решила этот вопрос. Теперь у нас в

институте сотрудники очень стараются работать, многие стали заниматься написанием диссертаций и внедрением своих рационализаторских предложений и изобретений. Будете здесь работать, сами в том убедитесь, поскольку этот процесс проходит через приказы, вы же их и станете готовить...

– Семён Григорьевич, а по их написанию мне к вам можно будет в дальнейшем обращаться?

– Чем смогу – тем помогу. Однако чувствую я, Любовь Андреевна, что вы в течение месяца сами во всём разберётесь и не захотите ко мне обращаться.

– Сомневаюсь я в этом, Семён Григорьевич.

– Когда человек в себе сомневается, то, Любовь Андреевна, это очень хорошо, поскольку, на мой взгляд, в сомнении кроется процесс познания. Коль вы будете сомневаться, то, следовательно, станете искать материал, который развеет или, напротив, углубит ваши сомнения и заставит детальной изучать рассматриваемую проблему. А тому человеку, который не сомневается, скорее всего забежит ошибка. Я лично, если сомневаюсь в чём-то, всегда стараюсь свои сомнения устранить путём познавательного процесса, в частности, слушать людские доводы, но и в то же время изучать конкретные материалы, а на базе этого слушать внутренне сложившееся своё убеждение.

– Вы, Семён Григорьевич, рассуждаете прямо как судья. Судьи все при вынесении приговоров, решений опираются на внутренние убеждения.

– А вы, Любовь Андреевна, откуда это знаете?

– У меня подружка была, судьёй в Москве работала, всё мне про внутреннее убеждение говорила. Сейчас она вышла замуж и живёт в Казани.

– Далековато уехала... К ней, Любовь Андреевна, как я понял, за консультациями не наездитесь, поэтому самим придётся в книги заглядывать. Однако мы с вами заговорились, пойдёмте отнесём Елене Васильевне ваше заявление, проект приказа и вот эти два проекта приказов: на выделение премии Дегтярёву Андрею Фёдоровичу, начальнику первого отдела, и Степаненко Нине Ивановне за достижение ими высоких показателей в работе.

И вот Семён Григорьевич и Любовь Андреевна, поднявшись на второй этаж, зашли в приёмную кабинета директора. Постучав в дверь, вошли к Михайловой.

– Елена Васильевна, мы подготовили с Любовью Андреевной проекты приказов: на Дегтярёва, Степаненко и Романову.

– Присаживайтесь, Любовь Андреевна, Семён Григорьевич, и показывайте ваши проекты.

Любушка, увидев Елену Васильевну впервые в качестве директора, а себя ощутив работником института, несколько смутилась. Михайлова заметила это, но не подала вида, взяла поданные Семёном Григорьевичем бумаги и, прочитав их, подписала. Возвращая подписанные приказы Маслову, Елена Васильевна сказала:

– Поздравляю вас, Любовь Андреевна, с назначением на должность начальника отдела кадров и первым днём работы в этом качестве, желаю вам удачи, здоровья, творческих успехов. Чтобы вам эта работа приносила радость, удовлетворение и уважение сотрудников института, а не разочарование и утомлённость.

– Спасибо, Елена Васильевна, за добрые слова, я буду стараться в работе оправдать ваше доверие и следовать вашим пожеланиям, чтобы сотрудники института нашли во мне доброго и ответственного работника...

Любовь Андреевна вместе с Семёном Григорьевичем вышли из кабинета директора и пошли вновь в кабинет начальника отдела кадров. Семён Григорьевич, вдохновлённый поступком Елены Васильевны, не удержался и тоже, подав руку Романовой и пожимая красивую руку Любы, сказал:

– Любовь Андреевна, позвольте и мне поздравить вас, как сказала директор, с назначением на должность начальника отдела кадров и пожелать терпения, поскольку сотрудники у нас разные имеются. Иные непременно придут и на что-нибудь будут вам жаловаться, поэтому я вам желаю ещё также здоровья и крепкой нашей дружбы. И давайте этот первый ваш рабочий день в этом качестве пойдём и отметим в кафе...

– Семён Григорьевич, за поздравление спасибо, но сегодня идти в кафе я не готова. Давайте этот вопрос отло-

жим на другой день. Это мероприятие от нас не уйдёт, я вам обещаю.

– Раз вы обещаете, то я, Любовь Андреевна, согласен перенести наш праздник по поводу первого совместного дня работы в этом институте на другой... Однако я буду настойчив и на следующей неделе прошу осуществить реализацию нашего мероприятия, – улыбаясь, сказал Семён Григорьевич.

Любушка, слушая слова Семёна, светилась радостью, видать, ей Маслов пришёлся по душе, и в ответ она отпарировала:

– В четверг, на следующей неделе, идёт, Семён Григорьевич?

– Идёт, Любовь Андреевна, но с условием: кафе выберу я сам..

– Не возражаю. А сейчас давайте, Семён Григорьевич, объясняйте содержимое следующих папок и что мне с ними делать.

– Ничего особенного. Вы просто помните, в какие папки текущие документы необходимо подшивать. Трудовые книжки вы должны хранить в сейфе, их сотрудникам на руки не отдавать, поскольку вы за их сохранность несёте ответственность. В трудовые книжки вы не должны записывать дисциплинарные взыскания на работников, а вот поощрения всех видов, как нашего института, так и департамента, Министерства обороны вы обязаны вносить. Понятно, Любовь Андреевна?

– Да... Но только, Семён Григорьевич, мне не понятно, как быть с трудовыми книжками, если работник увольняется? Когда их работнику выдавать?

– Их, Любовь Андреевна, и заработную плату сотрудникам вы обязаны выдать в день увольнения, то есть в последний день их работы. В противном случае институт должен платить среднюю заработную плату сотрудникам за каждый день задержки расчёта или трудовой книжки.

– А если работник не придёт за трудовой книжкой, что тогда делать?

– Вышлите на его адрес уведомление о получении трудовой книжки или начислении расчёта...

Семён Григорьевич со старанием продолжал и по иным вопросам консультировать Любовь Андреевну, а она очень внимательно слушала и записывала всё в тетрадь, которую ей подарил Маслов. В работе они и не заметили, что уже окончился рабочий день и в основном работники института уже ушли домой. Закончив уроки по ведению дел, и Семён Григорьевич тоже поехал в своё общежитие, а Любушка поднялась к Елене Васильевне. Зайдя к ней в кабинет, она поцеловала Михайлову, сказав:

– Леночка, спасибо тебе большое, я всем сердцем тебе признательна за то, что ты меня взяла на эту должность. Эта работа мне очень понравилась. Семён Григорьевич так мне классно всё пояснил. Я поеду в свою квартиру и буду изучать книги, что ты мне дала. Она у меня пустует: студенты поустроились в общежития. Теперь я её сдавать не буду. У меня же теперь такой большой оклад, Леночка! За что мне Господь такую милость послал?

– Наверное, за то, Любаша, что ты меня в Монастырь привела, оказала мне помощь, молишься и благодаришь Всевышнего. Вот Господь к тебе и проявил благосклонность, – целуя Любушку и радуясь вместе с ней, говорила Елена.

– Давай, Любушка, иди уже, и я поеду домой, а то дети, наверное, меня заждались. Леночка ведь всё понимает, она так переживает по поводу смерти отца. И я, Любаша, волнуюсь за неё и за то, как я осуществлю её удочерение.

На следующий день, взяв все соответствующие документы, Михайлова поехала в учреждение, чтобы произвести официально удочерение Леночки. Но ей там отказали, сославшись на то, что она не замужем. Огорчённая Михайлова ломала голову над вопросом: как же ей разрешить эту проблему? Ничего не придумав, Елена помолвилась Господу, положила на Его волю и пошла готовить ужин. И вдруг через несколько минут раздался телефонный звонок. Елена сняла трубку и услышала в ней голос Виктора Павловича:

– Леночка, ты почему мне не звонишь? И ты же должна была приехать в департамент, почему не явилась?

– Я, Виктор Павлович, планировала завтра с утра к

вам приехать .

– Нам же, Елена Васильевна, необходимо Леночку в детский дом определить . Я сегодня уже занимался этим вопросом .

– Что вы, Виктор Павлович?! . Леночку я не отдам в детский дом . Я же ей и Николаю Ивановичу перед смертью обещала удочерить .

– Зачем вам, Елена Васильевна, лишние проблемы и заботы? Девочке и в детдоме будет неплохо, мы её там станем проводить, навещать, справляться о её здоровье...

– Нет, Виктор Павлович, я категорически против . Леночку в детдом я не отдам.. Я её удочерю . Это моё последнее слово .

И Михайлова повесила трубку . А весь этот разговор слышали Игорёк и Леночка . Как только Елена положила телефонную трубку на рычаг аппарата, Леночка в слезах подбежала к Михайловой со словами :

– Мамочка, не отдавай меня в детский дом, я там пропаду, сойду с ума, как мама Ирина.. Умоляю тебя, не покидай меня . Я стану очень, очень тебя слушаться, ты только не отправляй меня в детский дом . Всю работу по дому возьму на себя, ведь мне уже через два месяца восемь лет . Мамочка, я же твоя тёзка, папа в честь тебя назвал меня так.. Пожалей, не покидай меня, ведь, кроме тебя с Игорьком, у меня на целом свете нет никого.. Богом прошу, мамочка..

– Леночка, дочка моя, никуда я тебя не отдам.. Ты будешь жить с нами, не плачь, моя ты помощница . Не плачь, радость ты моя, я не дам тебя в обиду никому, чего бы мне это ни стоило . Пойдём умоемся, моя дорогая тёзка, – утирая слёзы горечи Леночки и свои, целуя девочку, говорила Елена Васильевна .

– Ты, правда, мамочка, не отдашь меня?

– Не отдам, доченька, никогда..

– Леночка, не плачь . Раз мама сказала, что не отдаст, то, значит, не отдаст.. Пойдём, сестричка ты моя, я сам тебя умою . Я же говорил уже, что я большой и мы справимся с нашим несчастьем . Я же буду тоже во всём вам помогать . Успокойтесь обе, мои дорогие Леночки . Я тебя,

младшая Леночка, тоже полюбил и, как мама, не дам тебя в обиду. Пошли, я умою тебя, – целуя то Леночку, то мать, волнительно говорил Игорь. Затем, взяв Леночку за руку, повёл её в ванную.

– Игорёк, я тоже полюбила тебя и твою маму и боюсь, чтобы вы от меня не отказались и не отвезли бы меня в детдом...

– Леночка, не мою маму, а нашу мамочку. Она у нас сильная, умная и добрая, нас с тобой в обиду не даст, – вытирая девочке слёзы, говорил Игорёк.

– Давай, Леночка, нагибай голову над ванной, я твоё личико холодненькой водичкой омою и ручки давай, их мы с тобой в водичке покупаем, чтобы они глазоньки твои не тёрли и не заставляли их плакать.

– Игорёк, ты делаешь это всё, как моя сестра Наташа, которая погибла вместе с братом в автомобильной катастрофе. Я её очень любила, – и она вновь залилась слезами.

– Ленусенька, ну что ты опять рыдаешь? Не плачь... Конечно, очень печально, что они погибли, ну что делать? Их же не вернёшь... Крепись... Зато я у тебя появился. Тебе на помощь Господь меня послал... Давай я тебя полотенечком вытру, и мы с тобой к нашей маме пойдём. И не расстраивай её, не плачь и верь ей, она сумеет тебя удочерить, и ты станешь по закону моей сестрой. Поняла, Ленусенька?

– Поняла... Игорёк, а мне очень нравится, когда ты меня называешь Ленусенька.

– Если тебе нравится, то я так и буду тебя звать: Ленусенька, – поцеловав её в макушку, как часто мать его целует, затем взяв за ручку, вывел из ванной, и они подошли к Елене.

Она сидела на стуле, не плакала, но взор был очень грустный. Игорёк, и ему последовала Ленусенька, обнял Елену и запел ей её любимую песню. Елена ответно обхватила своих детей и вспомнила картину детства, когда они, больше всего с Тamarой, так же вот трепетно прижимались к своей матери и, чтобы утешить её, пели песню, которую сейчас поёт Игорёк, а ему пытается подпеть Ленусенька. И острая боль и грусть из сердца Елены по-

степенно стали уходить, и она подумала: «Наверное, и мама в нас, в нашем внимании, которое было светлым, открытым и дышало любовью, согревая её, и мама в этом обретала силу, веру и стремление жить. А иначе, чем можно объяснить, как она одна сумела воспитать и прокормить всех нас, семерых? Когда государство, фактически убив отца на войне, бросило маму со всеми её проблемами один на один, не оказывало ей никакой помощи. А напротив, стремилось разорять наше подворье и жилой очаг.. Мамочка, какая же ты у нас была сильная.. И сколько же ты трудилась, чтобы выкормить нас и не дать разориться подворью.. Господи, помани усопшую маму мою, рабу Александру, прости ей грехи вольные и невольные, даруй ей Царство Небесное...»

– Мамочка, не плачь.. Почему у тебя опять слёзки бегут? Поверь нам: мы с Игорьком будем очень стараться, чтобы тебе не причинять боли. Или ты за меня плачешь?.. Не знаешь, как со мной поступить?.. Оставить меня здесь или отвезти, как сказал дядя Витя, в детдом?

– Нет, Леночка! Не будем же больше по этому вопросу говорить! Мы же решили с вами все вместе: ты будешь жить с нами и только с нами. Зачем же нам разрушать семью, в которой друг друга очень любят?.. А расплакалась я потому, что детство своё тяжёлое вспомнила, наше село, дом..

– Мамуля, а мы поедem в твоё село, где ты родилась?

– Не знаю, сынок.. Ехать туда особо не к кому. Родных там почти никого не осталось..

– А куда же они подевались?

– Одни, Игорёк, разъехались от каторжной работы в колхозе, когда появилась возможность, в города, а другие – умерли..

– Не переживай, мамочка, может, ещё всё образуется и Бог даст возможность каким-то иным образом повидаться с тем, что тебе дорого, – словно взрослый, философски сказал сын.

– Да, Игорёк, у Бога всего много, – в тон сыну ответила мать и продолжила: – И так, любимые мои дети, мы с вами всё обсудили и всё решили, а теперь пора спать..

Утомлённые, но счастливые, окрылённые надеждой,

Игорёк и Леночка, не стали возражать, пожелав спокойной ночи и поцеловав Елену, отправились спать, каждый в свою кровать, получив ответный поцелуй от Елены Васильевны и доброе пожелание. Однако Михайловой не спалось, она всё думала, как же ей уговорить Виктора Павловича, чтобы он помог удочерить Леночку. И она решила, что поедет сама к Снегирёву.

И какое же было её удивление, когда она, приехав к Виктору Павловичу и начав вести разговор об удочерении Леночки, услышала от Снегирёва:

– Елена Васильевна, я совершенно не возражаю против удочерения вами Леночки, если вам этого хочется. Мы спокойно разрешим эту проблему. Мы с вами просто поженимся, вот и всё... Леночка тебя уже называет мамой, и я не стану возражать, когда она меня выберет в качестве папы. Так что всё зависит от тебя, я готов хоть завтра приступить к решению этого вопроса.

– Виктор, так всё неожиданно... Я не знаю, что и ответить тебе... Дай возможность, чтобы все мы немного свыклись с этой мыслью, а особенно дети... Я бы очень тебя просила, чтобы мы постепенно это сделали. Чтобы наши дети пообвыклись, то нам надо как-то всем вместе куда-то сходить...

– Нет проблем, дорогая Леночка, давайте завтра все вместе пойдём в цирк.

– С удовольствием, я давно не была в цирке... Думаю, и дети будут довольны.

И Елена Васильевна сообщила Игорьку о том, что они вчетвером идут завтра в цирк. Игорь с радостью принял эту информацию. И вот они, счастливые, разместились в пятом ряду, против сцены и стали смотреть развлекательные номера клоуна, собачек, львов и других животных, которые выступали изумительно.

По окончании представления все вместе приехали к Елене Васильевне. Виктор Павлович был очень внимателен. Он, пока Елена накрывала на стол, сходил в магазин, купил разных вкусностей, от которых дети были в восторге. А Виктор Павлович, довольный происходящим, то и дело выражал знаки внимания то Игорьку, то Елене Васильевне, то Леночке. Они все с благодарностью

принимали от Снегирёва разные угощения и знаки внимания. И вот богатое застолье закончилось, Виктор Павлович всех поцеловал и, направляясь к выходу, сказал:

– Леночка, проводи меня, – а на улице её спросил: – Тебе понравилось, как я себя вёл?

– Очень понравилось. Дети от твоего внимания без ума...

– А ты как?

– Твоё поведение и мне очень понравилось...

– А как я сам тебе подхожу?

– Ты, Виктор, великолепен. Ты же сам знаешь, что ты красивый и умный, правда, как и все мы, не лишён недостатков.

– Каких же?

– Виктор, не будем об этом, поскольку людей совершенных нет. Все мы грешные, один только Бог совершенен.

– А ты себя к какой категории относишь: к святым или грешным?

– К грешным, конечно же.

– И в чём же ты грешна, Елена, признавайся мне?

– Да хотя бы в том, что стою с тобой на улице, где народ ходит, и кокетничаю перед тобой.

– Чтобы не чинить грех, поехали ко мне. Я один в квартире, поскольку сына нет, Фёдор уехал отдыхать на море. И приедет где-то недели через три.

– Нет, Виктор, сегодня не получится. Поскольку в квартире после такого великолепного застолья надо убрать. И дети же меня ждут, хотят поделиться впечатлениями. При тебе они не стали обсуждать, поскольку я заметила, как Игорёк, так и Ленусенька, как она просила её называть, ещё стесняются...

– Хорошо, тогда завтра ты ко мне, Ленусенька, придёшь?

– Виктор, это же имя маленькой Леночки, а не моё.

– А тебе оно нравится? Тебя ласково мама как называла?

– По-разному: Лена, Леночка, Ленуся, Ленусенька, Елиночка...

– О!.. Я тебя буду называть Елиночка... Не возража-

ешь?

- Не возражаю..

- Тогда, дорогая Елиночка, позволь вновь задать тебе вопрос: завтра ты после работы ко мне приедешь?

- Приеду..

- Вот и чудесно, милая моя Елиночка! До завтра и до свидания, - он смело поцеловал её в уста и счастливой походкой пошёл к машине, чтобы уехать домой.

Михайлова тоже поспешила в свою квартиру, где её дети со старанием выполняли каждый свою работу: в частности, Игорь - мыл полы, а Ленусенька на кухне чистила посуду. Елена, зайдя в квартиру, сразу стала помогать девочке.

- Ленусенька, давай я с тобой тоже буду мыть посуду?

- Мамочка, а откуда ты узнала, что мне нравится, когда меня называют Ленусенька? Игорёк сказал, да?

- Нет, я сама услышала, как ты ему в ванной об этом говорила.

- Правда?

- Совершенную, Ленусенька, правду я тебе говорю.

- Мамочка, а я хорошо поступила, что Игорёчку сказала, чтобы он меня так называл?

- А что здесь плохого? В этом, моя доченька, ничего зазорного нет. Нравится тебе имя Ленусенька, так мы тебя и станем называть. Имя же твоё?.. Однако имени надо стараться соответствовать. А вообще, моя тёзка, хочу я тебе сказать: у каждого человека есть строго определённое имя, фамилия и отчество, что отражается в свидетельстве о рождении. И они обязательно должны применяться при заполнении официальных бумаг. А при простом обращении друг к другу люди называют имя в зависимости от зова души к этому человеку, расположения и ситуации. И если обращающийся к человеку называет его ласково, значит, он к этому человеку проявляет симпатию, любовь или как-то стремится его выделить, в хорошем смысле. А может быть, просто у обращающегося в этот момент очень хорошее настроение, и он, распахнутый необычным своим состоянием, паря в радости, делится ею с тем, к кому он обращается, называя этого человека ласково.

– Так меня Игорёк любит, что назвал Ленусенькой, или нет? Или, как ты, мама, сказала, в зависимости от ситуации? А я тогда плакала, так он просто жалел меня, поэтому так и назвал?..

– Нет Ленусенька, мы тебя любим. Конечно, когда ты плачешь, то я и Игорёк тебя жалеем. Но жалеем мы тебя ведь тоже по любви. Когда, Ленусенька, человека не любят, то его, как правило, и при жалости ласково редко называют. Правда, и по доброте люди могут жалеть, называя бедолагу ласково. Но это, Ленусенька, совершенно не то. Поняла?

– Поняла, мамочка, поэтому ты и Игорёк называйте меня так, как вы считаете нужным. А то я вынудила вас называть меня Ленусенькой.

– Это что же вы, мои Ленусеньки, до сих пор в кухне не прибрали, а? Я уже все полы помыл, вот уже до кухни дошёл, а здесь ещё и посуда не вся перемыта, – светясь улыбкой, говорил сын.

– Игорёчек, мы с мамой общаемся.. Не сердись.. Сейчас всё перемоем.. Правда, мама?

– Хитренькие какие? Я тоже хочу пообщаться.. Про цирк впечатлением поделиться и вас послушать.

– Хорошо, Игорёчек.. Я сама здесь всё доделаю, а ты бери Ленусеньку и идите в зал, а позже мы с вами обо всем поговорим.

– Пойдём, Игорёчек, ты у меня арифметику проверишь и объяснишь мне, а то я не поняла, когда Таисия Николаевна поясняла про эти сложения.

– Идём, моя сестричка..

– Игорёчек, а потом в шахматы меня немного поучишь?

– Поучу, если быстро с арифметикой справимся.

Елена Васильевна, слыша весь этот разговор детей, радовалась. На душе у неё было легко, давящая сердце тяжесть ушла, и грудь наполняла умирительная услада. И в то же время где-то в уголках души таилась снедающая тоска, которая то резко, а то еле ощутимо омывала горизонты её состояния. Но сейчас её внутреннее содержание души всё же было в большей степени приподнято, и Виктор её сегодня не угнетал, а пробуждал в ней зов

познания и любопытство к нему, к его закрытому миру и интересу жизни.

И она с ласкою его встретила, когда он после работы на следующий день зашёл в её кабинет. Закрыв за собой дверь, Виктор Павлович восторженно схватил её в крепкие объятия, целуя, сказал:

– Я еле, Леночка, дождался, когда же, наконец, закончится этот рабочий день и я смогу к тебе примчаться, обнять тебя, увидеть твои выразительные и необыкновенно красивые глаза. Они у тебя, как море, переливаются и горят то цветом лазури, то цветом далёкой сини. В них вся гамма радуги души, разливающейся широтой твоего сердца. Я люблю тебя, Леночка...

– Виктор, не следует этого делать в кабинете. Не забывай, мы же руководители...

– А что, Елиночка, разве руководители не способны любить? Разве они не обладают теми качествами, из которых состоит всё человечество? Всем и всё, моя дорогая, не чуждо...

– Однако, Виктор, цивилизованные, интеллигентные люди должны вести себя всегда согласно своему статусу... И постоянно помнить об этом. В противном случае они должны стоять на лестнице, которая не может служить им основой для воспитания других, то есть руководители не должны совершать аморальных проступков.

– Леночка, ну какой же мы с тобой совершили аморальный проступок? Только поцеловались и всё.

– Представь себе, Виктор, если на рабочих местах все будут целоваться, то что будет с работой и с людьми? А тем более, если позволяют так вести себя руководители, от которых много зависит как в организации работы, заработной платы работников, так и в формировании морали, сохранении чистых устоев, в которых бы не разлилась грязь, плескаемая вседозволенностью руководителей. А если мы это допустим, тогда не будет стержневых устоев, из которых человек черпает надежду, веру, крепость силы духа и стабильность радостного завтрашнего дня. Нрав, мораль никому не дозволено топтать, их надо всем свято сохранять, невзирая ни на чины, ни на звания. А напротив, чем выше руководитель, тем он более строже

должен подходить к себе и помнить: плохих работников не бывает, а бывает плохой руководитель.

– Милая моя Леночка, ты мне прямо-таки целую лекцию о нравственности руководителя прочитала, сдаюсь... Я с тобой согласен и буду вести себя на работе, в том числе и в твоём кабинете, в соответствии с твоей философией... А теперь собирайся, поехали в парк и там вволю с тобой погуляем... День сегодня отличный... Не возражаешь, Еленушка?..

– С этим, мой начальник, я согласна. Мне хочется погулять, слиться душой с природой. Почувствовать нежность, кротость и смирение сегодняшнего дня.

И они пошли в парк, где было много народу, где щебетали птицы, где ласковый вечер, касаясь своею негою лиц людей, даря им радость жизни и ощущение своего величия в этом необозримом жизненном пространстве. И Снегирёв с Еленой были счастливы, они впитывали эту широту жизни сладостью ощущения, чувствуя подъём и распаханность души к зовущему вечеру, который гармонично возлегал в их сердцах.

– Виктор, ты только посмотри, какой же вдохновенный вечер, какое умиление раскрывается во всём его содержании, как наполнена этим благоуханием, возвышенностью состояния душа. Мне хочется взмыть в небо и парить, касаясь крыла Вселенной, её шири, размаха её высоты и необъятности.

– Леночка, остановись, а то ты способна взмывать в небо, а я нет. Ты улетишь, что же я без тебя стану делать на этой грешной земле? – светясь лаской, шутил Снегирёв.

– Ты знаешь, Леночка, ты очень утончённо чувствуешь и необыкновенно богатым обладаешь мироощущением. Я слушаю тебя, с тобой соглашусь, а не слышу и не вижу той красоты, но благодаря твоему восприятию, которым ты делишься со мной, и мой мир становится радостней и богаче. Я не знал, что ты обладаешь таким необыкновенным качеством. Спасибо тебе, моё ты парение и моя ты вселенная. Я очень счастлив и, как когда-то, по-юношески сегодня почувствовал природу душой и с ней, как и с тобой, соединился, отчего у меня на сердце

светло, радостно и трепетно, что и не хочется уходить.

– Но уходить, Виктор, надо, а то дети уже, наверное, заждались. И я им даже не позвонила и не предупредила их, что задержусь...

– Леночка, а ты же обещала заглянуть ко мне, посмотреть, как я живу... А сама опять отнекиваешься... Нехорошо так поступать...

– Прости, Виктор, но сегодня уже не получится. Я завтра, после работы, сразу к тебе приеду. Не возражаешь?

– Что же с тобой, Ленусенька, делать? Придётся согласиться. Ведь я тебя, Леночка, очень люблю. Я уже тебе говорил, что влюбился в тебя, как мальчишка, с первого взгляда ещё тогда, когда увидел тебя в поезде, ты помнишь?

– Помню, ты так мне вдохновенно говорил. Заинтриговал меня. Я поначалу не совсем тебе поверила, думала, что ты, мягко выражаясь, фантазируешь. Лишь когда на вокзале увидела встречающего тебя Анатолия Валентиновича, то тогда поверила.

– Ишь ты какая, Фома неверующая, – целуя руку Елены, сказал Снегирёв.

– А теперь ты мне, Елиночка, веришь?

– Верю, Виктор... Однако пошли, проводишь меня до метро, пора мне домой, а то душа о детях стала болеть...

– Вон стоит моя машина, я довезу тебя сам домой.

Подъехав к дому, Снегирёв поднялся вместе с Еленой в квартиру. Дети радостно их встретили. Леночка, увидев вошедших, поцеловала Елену Васильевну, затем Виктора Павловича, щебеча:

– Mamочka, дядя Витя, где же это вы так долго были? Мы с Игорьком вас заждались...

– Это точно, уважаемые взрослые, мы с Леночкой вас ждали, ждали, а вас всё нет и нет, что мы стали волноваться очень...

– Извините нас, мы с мамой гуляли в парке, там было так красиво, и мы залюбовались прелестями парка, поэтому и не заметили, как время пробежало.

– Дядя Витечка, а что же это вы нас с собой не взяли? Мне тоже с Игорьком очень хочется в нём погулять, – ласкательно-кокетливо, прижимаясь к Снегирёву, гово-

рила Леночка.

– Если вам хочется, то завтра и пойдём в детский парк, и покатаемся на каруселях, и сходим там в летний кино-театр, посмотрим кино, покатаемся на колесе обозрения.

– Здорово, спасибо, дядя Витечка, – вновь целуя Снегирёва, забираясь к нему на руки, возгласила Ленусяка.

Растопленный непосредственной детской открытостью, радостью, Снегирёв раскрылся им взаимностью, держа на одной руке Ленусеньку, а другой по-отечески взъерошивая волосы на головке Игоря, говорил:

– Завтра мы с вами на качелях будем взвиваться до облаков. Не побойтесь?

– Я – нет...

– А я побоясь... Поэтому я лучше на лошадке прокачусь... Так ведь, мама?

– Мы с тобой, Ленусенька, покатаемся с горки.

– Мама, взрослые с горки не катаются.

– Тогда, Леночка, прокатись без меня, а я постояю рядышком. Сейчас же идёте ужинать. Или вы, дети, кушали?

– Нет, ма, не ели, всё ждали...

– Тогда всем мыть руки и садиться за стол.

И Елена Васильевна незамедлительно подала второе, подрезала колбаски, сыра. Затем для себя и Виктора поставила приборы для чая, а детям налила компот. И семья дружно, с аппетитом наслаждалась всеми яствами, что были на столе. Насытившись вдоволь, все стали подниматься из-за стола, и Игорёк, обращаясь к Снегирёву, сказал:

– Виктор Павлович, а не сыграть ли нам после такого вкусного ужина в шахматы?

– А почему бы и нет? Пойдём, сыграем.

Игорёк достал со шкафа шахматы, расставил фигуры на шахматной доске – игра началась. А возле них примостилась и Ленусенька, говоря:

– За кого же мне болеть?... За тебя, Игорёк?... Или за тебя, дядя Витечка? Не знаю я, за кого же мне болеть, поскольку и Игорька я люблю, и дядю Витечку обожаю, поэтому буду болеть за обоих... Так ведь, Игорёк?..

– Так, но только ты, Леночка, мне не мешай.

– Не буду, я, Игорёк, стану сидеть смирно...

И Леночка слово сдерживала, сидела, больше не разговаривала, лишь внимательно наблюдала за Игорьком и Виктором Павловичем, какие они выбирают шахматные ходы. А Елена Васильевна, всё прибрав после ужина, взяла книгу и стала читать. На душе у неё было празднично и ласково. Ей очень понравилось, что Виктор Павлович внимательно относится к детям, старается сделать приятное, и, отвлекаясь от текста, она подумала: «Напрасно я с холодом и недоверием отношусь к Виктору, вон как он доброжелательно расположен к детям. Видно, он к ним душой привязался. А может, просто хочет понравиться и, как актёр, играет роль?.. Всё же, похоже, Виктор не однозначен. Крепкий он орешек, и раскусить его не просто... Он ведь то ругал меня за Леночку, что я её хочу удочерить, а теперь сам меня об этом просит. А может быть, Виктор это делает, чтобы лишь жениться на мне, или у него ещё что-то на уме? А любит ли Виктор меня? Я тоже и в этой части понять его не могу... Он то звонит на дню по пять-десять раз, а то уходит в подполье, молчит и ждёт, пока я ему сама не позвоню. И вновь потом загорается горячим вниманием... Что это у него: тактика такая, или умысел какой-то он разработал коварный?.. Не могу никак я всё его понять... Господи, помоги мне сделать правильный поступок, чтобы понять его... Да и в себе я разобраться всё никак не могу... Я ведь тоже всё никак однозначно себе не отвечу: люблю я его или нет? Когда Виктор к детям, вон как сегодня, хорошо относится, то душа моя, словно на крыльях, летит и хочет быть рядом, а когда он груб, как был во время похорон Николая, то хочется от него спрятаться, забиться в уголок, чтобы его не видеть и молчать... Но сегодня мне было очень трепетно, уютно и прекрасно с ним, когда мы гуляли в парке. Виктор был любезен, откровенен, всеобъемлющий в своих чувствах, которые меня окрыляли, вдохновляли. И я от любви хотела парить, не ощущая почвы под ногами, мне было хорошо с ним и проникновенно».

И вдруг ход её размышлений прервал возглас Леночки:

– Мамоchка, Игорёк выиграл партию! Молодец!

Елена Васильевна посмотрела на Виктора и заметила, что он рассержен и не доволен исходом игры. Ему явно не понравилось, что он проиграл. И чтобы как-то разрядить обстановку, Михайлова сказала:

– Да Виктор Павлович поддался Игорьку, поэтому тот и выиграл...

– Ничего подобного, мамочка, Игорёк выиграл по-настоящему! Я внимательно следила за игрой. Дядя Витя даже иной раз переигрывал свои ходы, а это правилами строго запрещается, и всё равно Игорёк выиграл.

– Ленусенька, ну значит ему повезло.

– Не повезло, а Игорёк просто умеет хорошо играть, вот и всё. Ведь недаром он у нас чемпион. Правда, Игорёк?!

– Может, и так, – смущённо сказал Игорь.

Виктор же Павлович не стал поддерживать разговор, а попрощался и вышел из квартиры.

Видимо, из-за того, что Игорь выиграл, а Леночка так откровенно за него радовалась, Виктор Павлович изменил своё решение и не поехал с ними в детский парк. А когда Елена Васильевна позвонила в конце рабочего дня, сообщив ему о том, что сейчас подойдут дети и они заедут за ним, чтобы ехать в парк, Виктор ответил:

– Нет, Елена Васильевна, я сегодня в парк идти не могу. Ты же желала быть у меня, так вот и приходи..

– Виктор Павлович, ну вы же сами вчера детям пообещали в парк съездить. У них по этому поводу столько надежд, а мы не пойдём.. Они очень огорчатся, так ведь нельзя.. Обещанное надо выполнять..

– Обещать обещал, но у меня сегодня не получается. Нет на это у меня настроения.

– Но ты хоть детям позвони и поясни, чтобы им не было так горько...

– Вы, Елена Васильевна, разбаловали их, они у вас творят, что хотят. И не умеют себя вести со старшими.

– Да кого же они обидели, Виктор Павлович?

– Да хотя бы меня..

– Вас?.. Когда?.. Каким же образом?..

– А вы подумайте, Елена Васильевна, и найдите ответ

во вчерашних отношениях...

– В отношениях?..

– Вот именно... Дети себя со взрослыми, да ещё с теми, кто хочет удочерить и делает им благо, так не ведут. И поэтому я сам не пойду с ними в парк и вам запрещаю, чтобы сбить с них спесь...

– Виктор Павлович, ну что вы? Ничего, на мой взгляд, обидного они не сделали. Подумаешь, Игорь выиграл, а Леночка порадовалась за него...

– Елена Васильевна, я слово своё сказал. Детям нельзя позволять неуважительно относиться к тем, кто их кормит. А то от такого воспитания одно горе вырастет... Я сейчас буду у вас, и мы поедem ко мне.

– Нет, Виктор Павлович, я к вам не поеду, я вместе с детьми пойду в парк. Раз обещали, то слово надо сдерживать, а то они не будут верить нам. А как же им жить без веры ко взрослым? И к тому же в ответ они сами научатся обманывать, поэтому вы меня извините, пожалуйста, я вас слушаюсь...

– Делайте, Елена Васильевна, как знаете...

И Снегирёв в раздражении положил трубку. Услышав вместо голоса лишь гудки в телефоне, Михайлова в огорчении повесила трубку и подумала: «Какой же ты, Виктор Павлович, тщеславный и самолюбивый человек... Видишь ли, ребёнок над тобой взял верх. Но что в этом плохого? Если Господь дал ему способность, потому он и выиграл. Ему что, надо было тебе проиграть? Тогда бы ты был доволен? Однако это игра, спортивный азарт, воля, самообладание, смекалка и вера в себя. И эти качества способствуют правильному развитию ребёнка. И тебе бы, Виктор Павлович, это надо понять, а также понять и то, что дети, когда к ним относятся объективно, с любовью и держат перед ними своё обещание, своё слово, правильно воспитываются. А сердиться на них, что ты проиграл, – это просто глупо и недопустимо для мужчины». И вдруг её мысль, словно током, пронзила: «А не болен ли он? Или в другом кроется причина? Но в чём?.. А может, я не права?.. И я, действительно, неправильно воспитываю детей?.. А Снегирёв прав? Не знаю.. Что же мне делать? Может, мне всё-таки с детьми в парк не хо-

дить? Ну как я им посмотрю в глаза? Чем оправдаюсь? Мне же придётся лгать? Нет... Зачем мне изворачиваться?.. А сказать правду, что Виктор Павлович не хочет ехать в парк оттого, что Игорёк у него выиграл партию, это не разумно. Дети на него после этого будут смотреть, если не как на ребёнка, то как на человека не совсем адекватного...»

Пока Михайлова размышляла над этой ситуацией, в кабинет зашла Любушка:

– Елена Васильевна, у меня проект приказа не получается, помогите, пожалуйста. Семён Григорьевич пытался помочь, но и он, по-моему, незаконное предлагает решение.

Михайлова внимательно прочитала написанное, подкорректировала и сказала:

– Это содержание, Любушка, будет соответствовать нормам трудового права. Так что иди, печатай.. А почему ты домой не идёшь? Рабочий день у тебя уже закончился.

– Вижу, что вы здесь, решила и я пока поработать.. А вы, Елена Васильевна, почему домой не отправляетесь?

– Сейчас, Любовь Андреевна, поеду. Мы сегодня всей гурьбой едем в детский парк.

– Можно и мы с Семёном поедем? А то я за детьми соскучилась.

– Почему бы и нет? Если есть желание, то присоединяйтесь. Мы идём в тот, что от нас недалеко. Ты знаешь этот парк.

– Знаю, мы с Масловым часто в нём гуляем. Иногда втроём. Семён берёт из детсадика дочку Валюшу, и мы там втроём отдыхаем. А можно, Елена Васильевна, мы и Валюшу возьмём? Она познакомится с Игорьком и Леночкой.

– Конечно можно. Им весело втроём будет там время проводить. Я с Игорьком и Леночкой буду в парке в двенадцатом часу...

– К этому времени и мы подойдём. Мы там вас, Леночка, найдём. Может быть, мы немного опоздаем, но мы непременно придём.

И радостная Любаша побежала в кабинет к Семёну

Григорьевичу, рассказала о своих намерениях. Маслов с удовольствием их одобрил.

ГЛАВА XX

Не прошло и двух часов, как все уже были в детском парке. Игорёк и Леночка познакомились с Валюшей. С ней они быстро нашли общий язык. Леночка с Валюшей весело катались с горки, а Игорёк вместе с Семёном Григорьевичем счастливо летали на крутых качелях, на самолётах и на быстро мчавшихся детских машинах. А Елена Васильевна с Любашей в это время вели разговор, наблюдая за детьми. Они тоже чувствовали здесь себя уютно, и им было радостно. Любаша светилась необходимостью поделиться с Еленой своими новостями, вызревшими у неё в последнее время. И она, искрясь улыбкой, улучив момент, начала:

– Леночка, а ты знаешь, Семён мне сделал предложение. А я не знаю, как поступить: выходить за него замуж или нет?

– Так ты, Любушка, не у меня это спрашивай, а спроси у своего сердца. Что оно тебе подсказывает, то и делай.

– Да сердечко-то, похоже, не возражает. Однако я побаиваюсь. Так всё неожиданно произошло. Семён мне объяснился, и фактически я ему ответила согласием.

– А что же, Любушка, тогда переживать? Значит, скоро на свадьбе повеселимся. Семён – неплохой парень, зазорный, весёлый, открытый, мне кажется, даже очень хороший. Многие мечтают, чтобы такого мужа иметь. Он не пьёт, не курит...

– Но зато, Леночка, он ребёнка имеет. Любит его и Валюша, к нему тянется. А её мать к ней относится с прохладой. Девочка, в основном, живёт у бабушки. Вот и опять она оставила Валюшу у своей матери, а сама уехала в Сочи с новым любовником отдыхать... Семён договорился с бывшей тёщей и забирает Валюшу из детсадышка, и дочка вместе с ним ночует у меня.

– А как к тебе, Люба, Валюша относится?

– Кажется, неплохо. Бежит ко мне, когда меня увидит, с радостью на руки идёт. На днях я ей платьице ку-

пила (кстати, она сейчас в нём), так Валечка такая радая была, аж поцеловала меня. А мне от этого, ты знаешь, Леночка, на душе как-то стало тепло и мило. И я подумала: вот бы удочерить её или свою родить. Так почему-то хочется ребёнка иметь.

– Так в чём же дело? Удочерить, конечно, Валюшу вам с Семёном при живой матери, не разрешат. Однако любить её никто вам не сможет запретить. Тем более вон у вас есть возможность с ней быть вместе. И если тебе нравится Семён, то нечего тянуть со свадьбой – женитесь. И родите себе девочку или мальчика. Жить же вам есть где, так ведь?

– Есть... Моя квартирка хотя и однокомнатная, но уютная, Семёну она нравится. Он мне уже над кухней очень хорошую полку сделал, покрасил её. Туда я все лишние вещи сложила. Здорово получилось... Вообще, я гляжу, Семён – мастеровой парень, семьянин хороший и, кажется, любит меня. Я так, Леночка, тебе благодарна, что его встретила. Спасибо тебе: не возьми ты меня на работу, то ясно, я бы его не встретила, и прошла бы судьба мимо меня стороною...

– Это тебе, Любочка, спасибо... Если бы ты не проявила тогда в музее ко мне внимания и не взяла бы меня к себе, то вряд ли бы я была здесь с тобой и радовалась московским просторам. Так что, сестричка, один два в твою пользу. И ты знаешь, Любаша, я в Москве чувствую себя с тобой уютно, ты мне действительно как сестра. И маму Маню я очень полюбила. Вы так меня здорово выручили с похоронами Николая. Он просил его похоронить похристиански, а Виктор заупрямился и не хотел этого делать ни в какую. А я не могла не исполнить его просьбу, во-первых, потому что ему на смертном одре обещала, и во-вторых, я ведь его, Любушка, любила. Правда, на тот период, когда я его встретила в Москве, то я им переболела. И вместо любви остались в душе разлитая горечь и тоска. И жалость к нему, к себе, что так вот всё произошло. Ведь любви свободной, которая бы светилась во мне возванной чистотой, радостью и зовом ликующего зарева, не было. Любовь стремилась цвести, но в самом бутоне она стала вянуть. И лишь кое-какие лепестки выр-

вались и отсоединились от бутонов, но и они не сумели достичь своего апогея. Любушка, между нами глубинного, познавательного единства тела и души за всю дружбу и за все встречи с Николаем так и не произошло.. Так что Виктор Павлович напрасно меня ревновал к нему.

– Леночка, а какие у вас отношения с Виктором Павловичем? Почему ты мне об этом ничего не говоришь?

– Да рассказывать, Люба, особо нечего. Он ко мне то горит, пламенея костром, а то становится каким-то странным. Не могу я его понять. И в то же время хочет, чтобы я согласилась быть ему женой. Но странности, Любушка, меня в нём очень пугают. Виктор до безумия ревнив. Он не может терпеть, если кто-то из мужчин со мной общается, а особенно если молодой парень, то он готов его убить. А так ко мне относится будто бы нормально. И я, наверное, Люба, за него замуж выйду, поскольку мне одной не разрешают удочерить Леночку. Говорят, чтобы я имела мужа. А тем более, когда узнали, что у меня уже есть сын, то и вообще слушать об удочерении Леночки не хотят. Ленуся же плачет, всё упрощивает меня, чтобы я её в детдом не отдавала. И я ей и Николаю перед смертью пообещала, что удочерю. Виктор вначале не хотел удочерять племянницу, но в последнее время согласился. Так что вот такие, Любушка, дела.

– Лена, так ты Виктора любишь или нет?

– Не знаю, я же тебе сказала, что мне то хорошо с ним, и душа, кажется, зовёт его. А то сердце сожмётся в комок и забьётся страхом и волнением..

– Леночка, а тебе не кажется, что Иван тебя любит?

– Что ты, Люба, мы дружим просто по-соседски. Нужна разве я ему с двумя детьми? Нет, конечно..

– А мне всё кажется, Лена, что он тебя любит и даже очень...

– Ой, Любушка, шутница ты.. Пойдём к детям, а то мы с тобой заговорились...

– Они без нас обходятся. Вон посмотри, как твоя Ленусенька за Валюшей ухаживает. Отряхивает её от песка, что в кофточку ей насыпался.. Лена, Лена, посмотри, как Семён с Игорьком на самолёте взмывают в небо. И как только твой сын не боится?

– Мужчина, Любушка, растёт. Молодец он у меня. Ему только тринадцатый год пошёл, а он все повадки взрослого человека в себе воспитал. Сын очень опекает Ленусеньку. Когда меня нет, и накормит её, и в школу проводит, и встретит, и уроки все проверит. И она Игорька очень слушается. Живут дружно. Мне с ними хлопот почти и нет. Когда я с детьми, то душа отдыхает, в ней разливается уют, покой и умиленность. И мне с ними как-то по-домашнему очень хорошо... Люба, а мы с ними частенько на ночь и молимся. Леночка вначале не умела молиться, а сейчас её Игорёк многим молитвам научил. А твой Семён в Бога верит?

– Верит. У него родители очень верующие, они в селе живут. Его прадед был настоятелем Храма в этом селе. У Семёна есть ещё два брата и сестра. И они верующие... Но Церкви в селе нет. Её закрыли.. А прадеда ещё в девятнадцатом году сослали в Сибирь. И он оттуда не вернулся, наверное, расстреляли..

– Да, сложное время наши пращурьы из-за этой кровавой революции познали. В нашем роду, Любушка, из-за неё погибло девять человек. Они были середняками. Их пораскулачивали, сослали с семьями тоже в Сибирь. И они часть по дороге, а часть в Сибири, не пережив и месяца, поумирали...

Видя, что к ним идёт Семён с Игорьком, Валею и Леной, они прервали разговор, и Елена спросила:

– Что, дорогие дети и уважаемый Семён Григорьевич, накатались вдоволь? Может быть, сходим в кино?... Или пойдём поедем мороженого?

– Я хочу мороженое, – сказала Ленусенька, её поддержали Валюша и Игорёк.

На этом и порешили. Зашли в кафе, заказали по порции пломбира, не спеша покушали, потом купили ещё по пирожному и соку, насытились вдоволь и, счастливые, весёлые и восторженные, разошлись по домам.

Приехав домой, Ленусенька покупалась и легла спать, а Игорёк сел за учебник – его утром в школе ожидал экзамен. И он решил повторить пройденный материал. Елена Васильевна тоже села возле сына и стала готовить отзыв на диссертацию Ивана Петровича Гурьянова, по-

скольку совсем скоро должна была состояться его защита, и Елена за соседа почему-то волновалась. Она ещё раз прочитала автореферат Гурьянова, им Михайлова осталась довольна, но, вместе с тем, в нём всё же были спорные выводы, которые Елена Васильевна и отразила в своём отзыве.

А на следующий вечер Михайлова уже отпечатанный на пишущей машинке и заверенный печатью отзыв принесла домой. Набрав номер телефона, она пригласила Ивана, чтобы вручить ему желанный отзыв. Сосед не заставил себя ждать и быстро явился со словами:

– Елена Васильевна, а я вчера получил отзыв и от второго оппонента и вот его принёс, мне хочется вам его показать.

– Ты что-то, Иван, уже и дома стал меня на вы называть?..

– Да волнуюсь, Елена Васильевна..

– Не стоит, Иван Петрович, волноваться, диссертация отличная, исследования сделаны глубокие, поставленная цель в диссертации достигнута. Так что будем надеяться, что всё будет в порядке, только надо хорошо подготовиться к защите.. Показывай, что за отзыв дал второй оппонент.

– Он, Леночка, тоже положительный.. Вот, посмотрите..

Елена Васильевна бегло прочитала отзыв на диссертацию Гурьева Ивана Петровича, выданный кандидатом технических наук Кузнецовым Александром Михайловичем, и осталась довольна. Отзыв Кузнецов подготовил объективный, развёрнутый, который и соответствовал требованиям высшей аттестационной комиссии. И, возвращая отзыв Гурьянову, Елена сказала:

– Теперь, Иван, ты имеешь оба отзыва, и они положительные. Это прекрасно.. А сколько ты имеешь отзывов на автореферат?

– Три отзыва, Елена Васильевна..

– Этого, Иван Петрович, не достаточно. Ещё необходимо иметь хотя бы два-три отзыва. Я завтра позвоню учёным из нашего департамента, а также в некоторые высшие учебные заведения и попрошу, чтобы они выс-

казали своё мнение на твои выводы, изложенные в автореферате.

– Спасибо, Леночка...

– Надо было, Иван, раньше об этом говорить, чтобы не создавать ненужную никому нервозность.

– Я стеснялся к тебе с этим вопросом обращаться, думал сам справлюсь. Но немножко не получилось...

– А доклад ты подготовил?

– В черновом варианте, Елена Васильевна, изложил, но там ещё надо с ним работать.

– Доклад ты с собой взял?

– Нет...

– Завтра, Иван, принесёшь мне его. Я помогу тебе его отшлифовать. А твой руководитель собирается приехать на защиту?

– Скорее всего Дмитрий Алексеевич не приедет. Он очень болен. Вот уже как пять месяцев профессор фактически прикован к постели.

– Тогда негласно, Иван, я возьму на себя все функции по защите твоей диссертации.

– Спасибо, Леночка.

– Иван, ты помнишь: я тебе обещала помогать, когда ты мне гардины развешивал и багеты прибавал?

– Помню, конечно...

– Так вот я теперь и отрабатываю своё обещание, – шутя, говорила Елена Васильевна.

– Если бы я знал – я бы усерднее трудился, – также шутя, ответил Иван и продолжил: – Ты, Леночка, давно уже отработала, как я уже говорил не раз, если бы не твоё влияние и не твоя помощь в завершении написания диссертации, то я её бы ещё много лет писал. А с твоей помощью она уже готова... Вот осталось её, правда, ещё защитить.

– Поэтому, Иван, и не расслабляйся... У тебя сейчас очень ответственная пора. Иди домой, а завтра, нет, лучше послезавтра, я тебя вновь жду: отшлифуем твоё выступление. А если придут дополнительные отзывы на автореферат, то и подготовим на них ответы и ответы на отзывы оппонентов.

– Хорошо, Леночка! Спасибо большое... Спокойной

ночи.

– Взаимно, Иван.

Счастливым Иван побежал домой. И усердно работал над устранением замечаний, которые были отмечены Еленой Васильевной. А Михайлова в свою очередь способствовала разрешению тех проблем, что возникли в предзащитный период. На её просьбы учёные откликнулись и подготовили отзывы на автореферат Гурьянова. Так что формальные требования к защите диссертации были выполнены, и они соответствовали нормам действующего законодательства.

И вот идёт уже сама процедура защиты диссертации Гурьянова Ивана Петровича. Председательствующий специализированного совета Ревин Михаил Протасович предоставил слово Ивану Петровичу. Видно было, что Иван волнуется, но пытается держаться достойно, согласно статуса молодого учёного, отстаивающего свои выводы и предложения. И ему это к концу выступления стало удаваться. А особенно, когда ему вновь дали слово для ответа, после первого оппонента – Михайловой Елены Васильевны. В своём отзыве она сумела отразить многогранные достоинства Ивана Петровича и сказала о том, что новеллы диссертанта, несомненно, внесут существенный вклад в развитие самолётостроения, отражая при этом ряд уже внедрённых предложений диссертанта и вдохновляя Гурьянова своим ярким докладом поверить в себя и в свои вносимые предложения, выводы и результаты диссертационного исследования. И Иван, словно устыдившись своей растерянности, собрался и стал на заданные вопросы из зала и от оппонентов отвечать уверенней, с развёрнутой аргументацией. Присутствующим в зале заседания явно нравилось, как докладывал и отвечал диссертант. И когда объявили после защиты результаты голосования, то ни у кого не вызвала сомнение объективность оценки. Они были все в пользу Ивана Петровича. Все члены специализированного совета проголосовали с предложением, чтобы Гурьянову Ивану Петровичу присвоить учёное звание кандидата технических наук.

После оглашения результатов голосования друзья, в

том числе Любушка, Семён, поздравляли Ивана с успешной защитой диссертации. Его с радостью поздравила и Елена, вручая ему букет цветов. От поздравления со стороны Михайловой Гурьянов был в неописуемом восторге:

– Елена Васильевна, то что я стал кандидатом, это ваша заслуга, если бы вы ко мне не проявили внимание и не помогали бы мне разобраться в проблемах, которые возникали в ходе диссертационного исследования, и так, как сегодня на защите, не говорили бы добрых слов в мою поддержку, то я никогда бы не защитился. Спасибо вам.. Я очень вам признателен.. Как учёный я очень буду стараться оправдать ваше доверие. Низайший вам мой поклон, уважаемая Елена Васильевна... В знак несказанной к вам признательности, любви и моей радости позвольте вручить вам вот этот букет.

И Иван Петрович вручил большущий букет ярко-красных роз, поцеловал Елену:

– Ещё раз большое вам спасибо, – и затем низко поклонился ей и ещё раз пригласил, как водится в этом случае, на банкет.

На банкете были почти все члены специализированного совета. Они поздравляли новоявленного кандидата технических наук, Гурьянова Ивана Петровича, с успешной защитой. А Елены Васильевны в зале не было. Почти в самом начале банкета к ней подошла секретарь, и она ушла, поскольку позвонил Игорёк и сказал, что у Леночки высокая температура. И поэтому Михайлова не медля поехала домой. Померив температуру, которая достигала сорока градусов, Михайлова очень перепугалась. Она попросила знакомого терапевта приехать и осмотреть больную. Врач, осмотрев Леночку, нашёл, что она заболела ангиной. Выписав лекарства, доктор уехал. А Елена Васильевна всю ночь не сомкнула глаз. Она то делала Леночке примочки, то давала лекарства, то заставляла её полоскать горло. И к утру у Ленусеньки температура стала падать, и она заснула. Михайлова, чуть успокоившись, прилегла на диван и тоже задремала, но где-то через час проснулась и подошла вновь к больной, приложила свою ладонь к лобу Леночки. Ей показалось,

что температура хотя несколько и спала, но всё же ещё держится.

Утром Елена Васильевна вызвала уже участкового детского врача. Детский врач, Терёхина Нина Александровна, осмотрев больную, подтвердила диагноз, сказав, что у Леночки действительно не что иное, как ангина. Больная стала чувствовать себя лучше, температура упала до тридцати восьми градусов. Однако Михайлова на работу не пошла, а стала ухаживать за больной, о чём и сообщила секретарю.

Встревоженная болезнью Леночки, Елена Васильевна, накипятив молока, положив туда мёду и сливочного масла, стала поить едва проснувшуюся больную, приговаривая:

– Давай, моя деточка, молочка попьём и эту негодную ангину прогоним.

– Мама, я не могу, у меня горло болит.

– А ты, доченька, потерпи. Ты же у меня сильная. А горлышко твоё от молочка с мёдиком и маслицем быстренько заживёт.. Так ведь, Ленусенька?

– Я не знаю.. И молоко совершенно не вкусное, оно горькое и какое-то не такое, как всегда..

– Ленусенька, это почему ты капризничаешь и маму не слушаешь? А ну-ка пей! А то я сам уеду в деревню, в Златоречье, к бабе Мане, а ты тут останешься одна.. Поняла?..

– Понять-то я поняла, а пить не могу..

– Какая же ты, Ленусенька, превредненькая и прекапризниченькая и к тому же не волевая. Я вот не больной, а могу пить это молоко. В данном случае молоко же для тебя не является молоком, а служит лекарством, а ты вредничаешь..

– Не вредничаю я, Игорёк, а просто не могу..

– Можешь... На... Вот чтобы полчашки выпила и баста...

– Ой, какой же ты, Игорёк, липучка! Пристал ко мне, как банный лист, и всё тут...

– Игорька, Леночка, надо слушать, а не грубить ему, он же твой старший брат. И Игорёк желает тебе добра, чтобы ты скорее выздоровела. Он правильно тебе гово-

рит, что в себе надо растить волю и помогать своему организму бороться с болезнью. Давай я тебя буду с ложечки поить? И вот если ты маму любишь, то выпьешь десять ложечек, а если ещё и Игорёчка, старшего своего братика, любишь, то выпьешь пятнадцать ложечек.

– Какая, мама, ты хитренькая, за это я, конечно, не могу не пить. Давай, за вас я выпью целую чашку...

– Вот и молодец, моя Ленусенька.

И Ленусенька, собрав свою волю, села, зажав носик, сморщив лобик, и глоток за глотком одолела всю чашку молока.

– Мама, я победила и выпила всё молоко.

– Умница ты моя. Теперь ложись, я тебя укутаю, ты немножечко попотеешь, а я тебе сказочки почитаю. Какие сказочки ты хочешь, чтобы я тебе почитала?

– Почитай мне, мама, твою поэму, которую ты написала.

– Я их, Леночка, много написала, какую конкретно ты хочешь?

– Тогда почитай мне поэму о собаке Джине и легенду о змее-Деве.

И Елена Васильевна, взяв свою толстенную тетрадь, стала читать Ленусеньке поэму о собаке Джине. А когда закончила читать, то увидела, что из глаз Леночки текут слёзы...

– Ленусенька, ты чего плачешь?

– Мне очень собачку жаль. Какой Костя плохой, а ещё другом называется. Сам же взял её приручил, она его полюбила, а он бросил собаку в аэропорту, а она его там ждёт и ждёт, уже умирает с голода, всё думая, что Костя за ней придёт. И ни к кому не идёт. А Костя всё никак не является за ней, какой же он бездушный. Я бы никогда так не сделала... Мама, а вы с Игорьком меня, как собачку Джину, не бросите?

– Что ты, Ленусенька, нет конечно...

– Не бросай меня, мама, я тебя полюбила очень-очень, как та собака Джина... Я без тебя и Игорёчка умру. Собака Джина умерла в аэропорту, ожидая предателя Костю, а я тогда умру на папиной могилке, если вы меня выгоните.

– Ленусенька, ну что ты такое говоришь? Доченька ты моя. Я же тебе говорила уже и не раз. Никогда я тебя не брошу. Я же удочерю тебя.

– А что же ты, мама, так долго меня удочеряешь?

– Уже, Ленусенька, я документы все подготовила. Ещё немного потерпи, есть одни обстоятельства, но я думаю их скоро решу. Спи, моё золотце, – целуя Ленусеньку, приговаривала Елена Васильевна.

И Леночка, успокоившись, забылась во сне, а Елена Васильевна, пригласив Игорька на кухню, сказала:

– Игорёк, я хочу с тобой посоветоваться. Ты наш с Леночкой разговор слышал?

– Слышал. И я не против, чтобы удочерить Леночку. Мы же об этом говорили. И ты ещё тогда согласилась. А сейчас, мама, ты что, передумала?

– Нет, Игорёк, что ты.. Просто обстоятельства новые открылись. Мне, чтобы удочерить Леночку, нужно замуж выходить.

– Так выходи, я не возражаю.. А за кого ты думаешь замуж выходить?

– Виктор Павлович предлагает, чтобы мы поженились.

– А тебе он нравится?

– Не знаю, сынок.. Я его понять никак не могу..

– Да, мама, он человек сам себе на уме. Порой играет роль простака, однако он далеко не простак. Но если плохо будешь с ним жить, то ты же можешь с ним развестись?

– Могу..

– А Леночку тогда у нас отберут?

– Нет. Леночку не отберут, если мы поженимся и удочерим её. Ой, Игорёк, что это мы с тобой о плохом говорим? Я ещё и замуж не вышла, а уже развожусь. Нехорошо мы с тобой подумали. Может, мы ещё будем жить дружно и весело. Так выходить за Виктора Павловича мне замуж?..

– Не знаю, мамочка. Здесь ты сама должна всё взвесить и решить. И какое бы ты не приняла решение, я с ним согласен.. Однако к нам, кажется, звонят? Я пойду открою дверь...

Открыв дверь, Игорёк увидел входящего Виктора Павловича.

– Здравствуй, Игорёк, а мама дома?

– Да. Она на кухне.

Но Елена, услышав голос Виктора Павловича, встала и пошла ему навстречу.

– Почему, Елена, тебя сегодня не было на работе?

– Леночка заболела...

– А что с ней? Врача вызывали?

– Ничего вроде опасного нет. Она, верно, напилась холодной воды и заболела ангиной. Сейчас она спит. Ей стало полегче. Я думаю, денька через три-четыре выздоровеет. Сейчас надо следить, чтобы она на сквозняки не попадала, больше пила жидкости, полоскала горлышко, а то болезнь может дать осложнение на сердце.

– Так ты завтра на работу не выйдешь?

– Конечно нет... За Леночкой же нужен уход...

– А Игорёк за ней не присмотрит?

– Нет, Виктор Павлович, я боюсь её на сына оставлять. Леночка очень пока слабая. Как только у неё нормализуется температура, то тогда я выйду на работу.

– Вот некстати Леночка заболела: надо срочно сделать отчёт и анализ о проделанной работе.

– Так Иван Фёдорович Куланин с этой работой может справиться. В крайнем случае я часа на два-три могу отлучиться из дома, организовать там работу по этому вопросу. А дома вечером имеющиеся материалы я смогу проанализировать и всё проверить. Когда нужен этот отчёт?

– Через три дня.

– Хорошо. Я постараюсь всё подготовить...

– Вот и отлично, а то я уже запаниковал. А сейчас позволь, я пойду посмотрю на спящую Леночку?

– Иди, Виктор, но осторожно – не разбуди её.

– Не переживай, не разбужу...

И он осторожно зашёл в спальню, где, посапывая, спала Леночка. Затем также осторожно вышел и сказал:

– Я вот, Елена, вам принёс разных вкусностей.

– Проходи, Виктор, я сейчас накрою на стол...

– Нет, Леночка, не могу. Вы здесь барствуете без меня.

А я пойду в гостиницу. Приехал мой одногруппник Филлипов Артём Константинович. Мы с ним когда учились, то очень дружили. Он сейчас работает директором крупного карагандинского завода, а сюда приехал на два дня в командировку. Так что, дорогая моя Еленушка, я пошёл, а завтра забегу. Не скучай..

И он, поцеловав Елену, вышел. А Михайлова пошла на кухню готовить для Леночки раствор, чтобы после сна она смогла им пополоскать горло.

Старательный уход Михайловой и Игорька быстро поставили на ноги Ленусеньку. Она уже полностью выздоровела. И они с Игорьком собрались ехать в деревню, в Златоречье, к бабушке Мане. Их туда вызвалась отвезти Любушка, поскольку ей не терпелось познакомиться Семёна с матерью и обвенчаться тайно в Монастыре.

Марии Ивановне зять понравился. Он с первого дня занялся работой и не чурался никакого деревенского труда. За короткое время умело отремонтировал повалившийся забор, починил крышу, почистил колодец, а ему во всём помогал Игорёк. Леночка же больше всего любила помогать тёте Любе и бабушке Мане.

Лена, проводив детей к Романовым, скоро стала за ними скучать. Виктор Павлович пытался не давать возможности Елене быть самой. Каждый день они ходили то в кинотеатр, то гуляли в парке, а сегодня они были в Московском драматическом театре на Малой Бронной и смотрели спектакль Шекспира «Ромео и Джульетта».

Спектакль им очень понравился, артисты играли роли великолепно. Приподнятое, волнующее настроение от спектакля долго не покидало Елену и Виктора. Уже придя домой, Виктор, обнимая Михайлову, спросил:

– А ты меня, Еленушка, будешь так любить, как Джульетта полюбила Ромео?

– Виктор, у них любовь печальная.. А я хочу, чтобы мы с тобой были счастливые.

– Мы будем, радость моя, счастливыми, поскольку я тебя люблю искромётной любовью.

– Виктор, а что это за любовь такая?

– Это такая любовь, которая польхает во мне искромётным заревом, освещая все уголки моей души, ища

пути взаимности.

– Нашёл?..

– Чего?..

– Да пути взаимности..

– Это же, моя дорогая, зависит от тебя. Но я так хочу достучаться до твоего сердца, открыть в него врата верности, благоденствия и неиссякаемой любви. Той любви, которая бы нас согревала лаской, усладой и нежностью.

– Виктор, ты так красиво говоришь. Так хочется верить в то, о чём ты говоришь, но почему же ты такой неоднозначный?

– Какой это, неоднозначный? Как это понимать, зоренька моя?

– Очень просто.. Вот сейчас ты так ярко и пленительно объясняешься мне в любви, что вводишь меня своей речью в волнение, и мне хочется тебя любить, утонув в твоих чувствах, и дарить тебе усладу. Но я не уверена, что через час твоё настроение резко не изменится. И ты хлопнешь дверью и уйдёшь или, как ребёнок, надуешь свои губки и замолчишь. Вспомни хотя бы случай, когда вы играли с Игорьком в шахматы и ты проиграл. То ты, как ребёнок, обиделся, не звонил мне.. И забыл, что это твоё поражение в шахматах никакого отношения не имеет к нашим чувствам. Такая ситуация очень тревожит меня. Я теряюсь в догадках и не знаю, как поступить.. И очень меня пугает то обстоятельство, что ты беспочвенно ревнив.. Помнишь, как ты меня безосновательно приревновал к Николаю, что даже затеял драку?..

– Елинушка, каюсь. Я действительно ревнив и ничего не могу с собою поделать. Но я обещаю, милая моя, больше этого не повторится. Я люблю тебя любовью Ромео и готов умереть за тебя, моё польхающее солнышко. Соглашайся быть мне женой и следовать за мной, как нитка за иголкой. А я буду тебе послушен во всём. Ты такая красивая, необыкновенно обаятельная, ты сводишь меня с ума. Я люблю тебя, Елинушка, будь моею.. Молю тебя, моё созвездие чувств. Ты согласна, Елинушка, быть мне женою? Не уходи от ответа, а скажи мне, цветочек мой...

– Трудно устоять, Виктор, перед тобой, когда ты говоришь такие искромётные, любвеобильные слова признания, тем более, когда я к тебе испытываю не только благодарность, но, кажется, ты постоянным красноречием в объяснении в любви взрастил во мне любовь.

– Так ты, Елинушка моя, любишь меня?

– Кажется, люблю..

– Так любишь, или кажется?

– Кажется, без кажется..

– Согласна быть мне женою?

– Согласна..

– Когда же тогда, лебёдушка ты моя, мы с тобой распишемся?

– Хоть завтра, мой дорогой лебедь..

Охваченный счастьем любви, Виктор целовал свою воззванную, а Елинушка, растворяясь в чувствах цветущего желания, нежности и благоухания, отвечала ему взаимностью. И квартира, напоенная светом радости, величия чистых и светлых чувств, благоухала, укрывая Елену и Виктора покровом ночи, согревая их лучезарную нежность теплом простора волнующихся сердец.

А наутро, никому не сказав ни слова, Елена и Виктор поехали в загс и расписались. И, как водится, мой любезный читатель, в этих случаях, Виктор повёз свою жену в лучший ресторан города Москвы. Осыпая её своим вниманием, он сказал:

– Ненаглядная моя, Елинушка, моя несказанно любимая жена, я безмерно счастлив, что наконец я могу лицезреть тебя и днём и ночью, ощущать твоё дыхание на ложе любви. И знать то, что со мною не просто красивая и необыкновенная женщина, а эта женщина – моя жена. И только моя. И больше никто не в праве обладать ею. Елинушка, жёнушка моя, я безмерно счастлив и предлагаю выпить за тебя. И сказать тебе сердечное «спасибо», что ты согласилась стать моею женою. Ты прости меня за мои нехорошие выходки.. Я безмерно люблю тебя, моя несравненная жёнушка. И предлагаю этот тост провозгласить за тебя.

И Виктор, прижавшись к Елене, нежно поцеловал её, а затем до дна осушил шампанское. Вновь налил, гово-

ря:

- Дорогая моя жёнушка, я очень хочу, чтобы ты сказала что-нибудь в честь нашего праздника.

- Виктор, спасибо тебе за такие прекрасные слова. Мне очень радостно было их слушать, от них сердце наполняется счастьем. Хочется жить и чувствовать, что ты нужна человеку, который любит. И моя душа тоже просится любить, сердце распаивается зовом той нежности, которая дана женщине природой. И так хочется, Виктор, не ошибиться в своих чувствах к мужчине, которому фактически вручается судьба. Поэтому я предлагаю этот тост за тебя и вольно и невольно за меня, поскольку, как я уже сказала, моя судьба соединилась с твоей. Она у нас стала единой. И одна судьба, пока мы будем вместе, определяется единой дорогой. Мне очень хочется, чтобы мы с тобой по этой дороге шли, охваченные единым желанием, едиными помыслами, единым величием жизненного пути, на котором, если и встретятся невзгоды, то чтобы мы их преодолевали взаимным зовом любви, веры и надежды. Без этих качеств единая дорога жизни никогда не сможет цвести счастьем, умилением и благодатью от соединения двух сердец. А мы с тобой, Виктор, соединили свои судьбы и зажгли единую свечу, которая станет нам освещать стезю наших дней, стезю, на которой непременно встретится немало разных людей, которые к нам будут относиться по-разному: одни - с более распахнутым сердцем, другие - с неприязнью, третьи - с равнодушием, четвёртые - с нескрываемым обожанием или, точнее сказать, уважением. И ко всем, Виктор, как я полагаю, мы обязаны относиться доброжелательно. Я во всяком случае тебе это обещаю. И тебя, дорогой мой муж, прошу: не ревнуй меня. Я буду тебе верна на нашем общем супружеском пути. Помни об этом и не ревнуй меня беспочвенно, а будь со мною откровенным, постоянным и люби настоящей любовью, не виртуальной. И за всё сказанное предлагаю, дорогой мой муж, выпить.

- С удовольствием, мой великий оратор и моя милая жена. Я буду, Елинушка, следовать твоим словам и не ревновать тебя. Однако, моё солнышко, ты во всяком случае не должна давать повода к вспышке моей ревнос-

ти, поскольку я люблю тебя очень и не позволю тебя от меня кому-нибудь отбивать и оставаться у разбитого корыта. Поэтому, если ты мне изменишь, то я могу убить тебя или твоего искуителя.

– Виктор, мне кажется, своими словами я до твоего сердца не достучалась... Жаль... Жизнь покажет. Возможно, ты сам ещё будешь рад от меня отказаться. Любовь – чувство, к сожалению, не всегда постоянное. Она может накрениться, отцвести и осыпаться, и вновь зацвести, как роза весной, но уже чувствами к другому человеку. Но я бы этого очень и очень не хотела. Мы с тобой, дорогой мой муженёк, сегодня надели кольца верности, и мне бы хотелось, чтобы мы оба носили их до последних наших дней. А тем более у нас же с тобой будет узаконенная дочка. И перед ней мы должны нести весь комплекс родительских прав и обязанностей, дарить ей любовь и воспитывать в ней взаимные чувства. Нам, кажется, Виктор, это удастся, поскольку Леночка – хорошая девочка. В ней природные качества заложены добротные. А когда мы её удочерим?

– В этой части ты, Елинушка, у меня начальник, поэтому когда скажешь, тогда и приступим к этому процессу удочерения.

– Тогда, Виктор, начнём с завтрашнего дня. Леночка очень хочет, чтобы мы её удочерили. Я практически уже все документы на неё собрала. Завтра мы представим свидетельство о нашем браке, и хождение по мукам, наконец, закончится. Дорогой мой, давай мы Леночке и всем остальным сделаем сюрприз. Никто ведь не знает, что мы с тобой расписались. Поэтому удочерим Леночку и в субботу отправимся в Златоречье. Там сейчас находятся наши дети и Любушка с Семёном. И отпразднуем там ещё, среди дорогих нам людей, нашу свадьбу. Кстати, там недалеко от села находится Монастырь. Давай мы в нём обвенчаемся?..

– Ты что, Елинушка?.. Какое может быть венчание?.. Я категорически против. А что касается, чтобы мы поехали в Златоречье и там отметили наше событие, нашу с тобой, дорогая моя жёнушка, свадьбу, то я совершенно не против.

Михайловой не понравилось, что Виктор отказался обвенчаться в Монастыре. Она сникла... И её радостное настроение сменилось грустью, отчего Снегирёв не удержался и сказал:

– Елинушка, ну для чего мы должны венчаться в Церкви? Это же ересь... Оно же для нас хорошего ничего не даст, а напротив – принесёт одни неприятности. Ты же знаешь, что я Бога не признаю. Всё это предрассудки, ты же изучала «Основы научного атеизма», а сама такое говоришь... Ещё в тысяча девятьсот семнадцатом году всю науку и веру в Бога отвергли, а сейчас, когда идёт период развитого социализма, то ты вдруг говоришь о Боге. Ты вспомни, что Центральный Комитет Коммунистической партии Союза Советских Социалистических республик ещё в тысяча девятьсот шестьдесят четвёртом году создал специальный институт научного атеизма, чтобы бороться вот с такими заблудившимися, как ты, Елинушка. А мы живём уже в тысяча девятьсот семьдесят втором году, когда современный этап коммунистического строительства в СССР выдвинул новые задачи перед атеистическим воспитанием. И ты, руководитель института, зовёшь меня венчаться. Да это же немислимо! Я же директор и поэтому тоже, как и ты, должен заниматься атеистическим воспитанием своих работников, а вместо этого мы делаем вызов обществу и идём венчаться. Да если об этом узнают в министерстве или ещё где, то нас выгонят с работы. И к тому же, Елинушка, объясни мне, если вдруг мы пойдём венчаться, то что хорошего оно нам принесёт?

– Виктор, венчание – это же очень важное Господнее деяние, которое ниспосылается нам как благо при браке. Ведь, во-первых, при венчании совершается таинство, при котором благословляется супружеский союз в образ духовного союза Христа с Церковью и испрашивается, и подаётся благодать Божья для взаимной помощи и единодушия, и для благословенного рождения и христианского воспитания детей.

Во-вторых, Виктор, тебе бы не мешало знать, что венчание установлено Самим Богом ещё в Раю. По сотворении Адама и Евы их благословил Господь, сказав, что им

позволено размножаться на земле и обладать ею. Ещё с тех времён брак признаётся на Небе, если он благословлён Церковью, если же вот как мы с тобой расписались в загсе, то такой брак на небе не признаётся. И мы попросту с тобой тогда являемся как блудники, а я не хочу жить в грехе. Я желаю, чтобы наш с тобой брак был освящён, чтобы Господь ниспослал нам с тобой взаимную любовь и уважение, а также взаимную преданность и верность. Так что же в этом плохого? А ты отказываешься от этих благ, что нам даруются Богом. Неужели ты думаешь, что наши предки были глупее нас с тобой, поскольку они свой брак освящали? И тем самым на земле между супругами больше было верности, так как в процессе венчания стороны давали перед Богом обещание жить в чистых супружеских отношениях, а не вершить блудного грехопадения, как вот сейчас в обществе этот ужасный порок цветёт и набирает всё большую силу. Это очень большой порок, поскольку он несёт разгул блудодействия, обездоливания детей и разложения нашей морали, которая служит основой нашего доброго и чистого бытия. И запрещение венчания браков в Церкви государством лишает не только блага, которое ниспосылается Господом, но и полностью рушит устои жизни человека на земле. С таким подходом, Виктор, поверь, наше общество в последующем погрязнет так в своём разложении, что люди потеряют чистоту отношений. И не распространение добра будет у людей на первом плане, а совершение зла, корысти, предательства и в конце концов уничтожение самого человека и жизни на земле...

– Да нет, Елинушка, уж очень в чёрные краски ты всё это облекла. И в то, что ты сказала, извини, но я не верю. Венчаться я с тобой не пойду.

– Плохо, Виктор, что наша семейная жизнь началась в определённой степени с распрей, а не согласия.. Если ты боишься огласки нашего венчания, то мы это сделаем тайно. Я могу попросить отца Василия, и он нас повенчает в моей квартире, когда мы будем только с тобой вдвоём.

– Нет, Елена, я уже тебе сказал, что я в Бога не верю. И тебе пора выбросить эту ересь из головы. А то она тебя к

хорошему не приведёт. И о Боге говорить больше не станем. Я скорее поверю экстрасенсам, колдунам, чародеям, сатанистам. Кстати, я был у одного колдуна, он мне показывал много разных фокусов, сказал, если пожелаю, то он и меня им научит.

– Виктор, ты что? Разве можно дружить с колдунами? Я тебя умоляю: прекрати и не ходи ты больше к ним, а то пропадёшь...

– Елинушка, я к ним не буду ходить лишь с одним условием, если ты сама не станешь посещать Монастырь и молиться Богу. А в противном случае к экстрасенсам, колдунам и сатанистам я буду обращаться, ведь в Москве существует клуб сатанистов. И в нём я бывал не раз. Руководитель клуба приглашает меня вступить в этот сатанинский клуб.

– А ты согласился?... Виктор?..

– Нет, Елинушка, пока я никакого согласия им не дал, – лукавая, ответил Снегирёв. – Вот помещение им выбить помогал. Правда, этот клуб они называли «Комсомольский вожак». И в нём под эгидой проведения комсомольских собраний проводят сатанинские сборы...

Услышав из уст Виктора такое признание, она поняла, что Снегирёв посещает этот сатанинский клуб, отчего Елена очень расстроилась. Она осознала, что спорить со Снегирёвым на эту тему бесполезно. И ей сделалось страшно. Михайлова осмыслила всю опасность своего положения. Сожалела, что дала согласие Виктору на то, чтоб стать его женой, но подумала: «Что сделано – то сделано». А вслух сказала:

– Виктор, мы уже очень много часов находимся в этом ресторане, я бы хотела побыть на воздухе.

– Нет, Елинушка, проблем.. Всё в наших руках.. Идём подышим кислородом.

И они вышли на улицу. Вечер уже сумел чёрным покрывалом укрыть землю. Однако возвышающиеся дома яркими огоньками светящихся окон наполняли округу, уходя в небо, которое было украшено россыпью звёзд, охраняемых полноправным месяцем. И было тихо и тепло, но Елене гулять не хотелось, и они вскоре поехали на квартиру к Михайловой. Снегирёв толком не понял, по-

чему у Елены так резко изменилось настроение, стремился овладеть ситуацией и вновь в их отношениях возродить праздник веселья, торжества и любви. Но ему это плохо удавалось. Тогда он, взяв из буфета бутылку коньяка, стопки, коробку конфет, поставил на стол, принёс из кухни нарезанный ломтиками лимон, затем в стопки налил коньяка и произнёс:

– Дорогая моя Елинушка, я очень люблю тебя. И я очень рад, что ты стала моей женой. Я об этом сегодня тебе говорил. Поэтому, чтобы тебе не надоедать своими признаниями, я выпью и тебя приглашаю сделать это же. Сегодня же наша первая брачная ночь, ночь любви и единения, счастья и страсти. Я так долго ждал всецелого постижения тебя, твоего внутреннего мира, чтобы подарить тебе до основания себя. И осыпать мою любимую жёнушку поцелуями чувств, приобретённых в недрах рождающейся первозданности моих природных воззваний, разливающихся негой, и омыть ею всю тебя от кончиков пальчиков твоих прекрасных ножек до твоих пышных белокурых волос.

И он привлёк Елену в свои крепкие объятия, шепча ей слова ласки, пересыпая их чувствами распахнувшейся души и пылкого сердца...

Но всё проходит... Прошла и их первая брачная ночь... А утром Елена и Виктор отправились в соответствующее учреждение, узаконили удочерение Леночки и, счастливые, вернулись к Михайловой.

А за обедом, обнимая Елену, Виктор спросил:

– Елинушка, а что мы будем делать с квартирой Николая?

– Ничего... В домовый же книжке значится Леночка. Так пусть же эта квартира и будет принадлежать ей.

– Да нет, Елинушка... Давай мы там пропишем моего сына. А то он хочет жениться. Вот квартира ему и под стать будет. Я не хочу, чтобы Павел со своей женой жил у меня... Ведь всё равно трёхкомнатная квартира брата пустует, так пусть лучше он её позэксплуатирует и квартплату осуществляет.

– Я не знаю, Виктор, как в данном случае поступить. Ведь это всё, что у Леночки от отца осталось... Да и Ири-

на, возможно, излечится, а ей тогда где жить?

– Не беспокойся, Елинушка. Если из психбольницы выпишут Ирину, то Павел тогда квартиру освободит.

– А может быть, Виктор, мы обменяемся и с детьми будем жить в трёхкомнатной, а твой сын с женой в этой?..

– К чему, Елена, хлопоты.. Пусть идёт как идёт.. И к тому же в моей квартире я хочу прописать родителей и забрать их к себе. Они у меня уже старенькие. Правда, мама с отцом не очень хотят в Москву переезжать. Они не желают, чтобы их беспокоили дети. Но я надеюсь нам здесь места всем хватит?

– Конечно хватит.. Виктор, как говорится в старой поговорке: «В тесноте, да не в обиде..»

– Но я, Елинушка, из своей квартиры всё же выписываться не стану.. А то всякое может быть, – многозначительно ответил Снегирёв.

– Виктор, как ты считаешь необходимым решить вопрос, так мы и поступим.. Я не возражаю..

– Вот и прекрасно, а то я думал, что ты не согласишься сына прописать в Николаеву квартиру.

– Ну не буду же я судиться с собственным мужем, – полусерьёзно сказала Елена. А сама в душе подумала: «Неужели Виктор женился на мне из-за квартиры?.. Неужели он такой низкий и двуличный?.. А какие красивые слова говорил... Неужели это всё притворство?.. А я же ему поверила, мне показалось, что он меня любит. Неужели он такой замечательный артист?.. Но жизнь всё расставит по своим местам, и правда всегда проявится, и ложь, как не прячь, она тоже всегда вскроется..» И внезапно прервав ход своих мыслей, Михайлова, обращаясь к Снегирёву, сказала:

– Виктор, так мы едем с тобой в субботу в Златоречье?

– Не знаю, Елинушка, позвонили из министерства, сказали, чтобы я срочно явился, будто бы меня вновь хотят направить в командировку.

– Да ты же в отпуске?

– Отозвать хотят.. Я тебе, Леночка, завтра всё расскажу. Всё выясню и сразу тебе позвоню. Тебе же завтра надо быть на работе. Мне срочно нужно, чтобы ты поработала над ракетной ступенью, что касается третьего и

четвёртого стыка. И конкретно для меня, Елинушка, поработай над пусковой установкой. А то когда я был на полигоне, у нас пусковая установка несколько не соответствовала установленной цели, и ракета слегка не отвечала заданным параметрам точки поражения. Так вот надо тебе рассчитать полёт ракеты и цель поражения в совершеннейшем соответствии. А то мне самому это сделать всё времени не хватает.. Так ты меня выручишь?

– Выручу... А что мне за это будет, дорогой мой муженёк?

– Спасибо. И ещё, Елинушка, крепкий поцелуй, – ласкаясь, ответил Снегирёв.

– И этого всего мне маловато, Виктор.

– Тогда, моя милая жёнушка, я схожу в магазин, куплю продуктов и приготовлю кушать. Идёт?

– Идёт.. Но не жди тогда рано меня с работы.

– Договорились... Однако ты там, жёнушка, не засиживайся, а приходи домой и здесь доработаете.

– Видал, какой эксплуататор?!

– Нет, Елинушка, я не эксплуататор, а просто этот результат исследования крайне необходим. И я тебя очень прошу, как специалиста и как любящую жёнушку, мне помочь, чтобы ко мне в министерстве не было лишних вопросов. Мы с этой проблемой бьёмся уже около года, но так и не достигли цели. А у тебя светлая головушка, возможно, тебя и осенит необходимая мысль и ты найдёшь ключ к разрешению этой задачи.

– Виктор, если это действительно так необходимо, почему же ты передо мной не ставил этот вопрос?

– Стыдно было, Елинушка, поскольку это задание мне было определено как сугубо личное. И если получится, то я его оформлю, как своё изобретение, поняла?

– Ты что-то, дорогой мой Виктор Павлович, темнишь. Но делать нечего – выручать тебя всё же надо.

Елена сказала это будто бы в шуточной форме. Однако не успела ещё радость от совершенного брачно-узного отношения поселиться в её душе, как уже заглянула туда же печаль. Елена поняла, что Виктор совершенно не тот человек, за которого пытался во встречах с ней себя выдать. А на самом деле он очень корыстный и недобрый.

И эти качества заметили у него и Тома, и Игорёк и ей говорили об этом. Но Елене не хотелось в это верить, хотя где-то в подсознании и у неё после нескольких с ним встреч закралась мысль о недоброжелательности Виктора, которая выражалась в дикой ревности и в каком-то неадекватном к ней отношении. А сейчас, когда он стал мужем, добившись квартиры, её, которую теперь можно запрячь в телегу, чтобы везти его груз, он раскрылся, не тая перед Еленой свой эгоистический и лицемерный внутренний мир. От этого Михайлова очень расстроилась. Однако одно обстоятельство согревало её душу – это Ленусенька. Теперь она на законных основаниях является ей дочерью. Елена Васильевна выполнила своё обещание, данное Николаю Ивановичу, удочерила Леночку. Но если бы она и не давала ему обещания, то Елена всё равно бы Ленусеньку удочерила, поскольку очень прониклась к этой бедной девочке, которая сама её выбрала в мамы. Ведь Михайлова поллюбила Ленусеньку всем своим сердцем и чувствами матери. И ласки, желание и любовь девочки к ней согревали Михайловой душу счастьем востребованного понимания.

ГЛАВА XXI

Как и предполагала Елена, на следующий день Виктор позвонил на работу и сказал:

– Елинушка, я не поеду в Златоречье с тобой в субботу. А что касается научного исследования, то договор остаётся в силе. Как у тебя в этой части идёт работа?.. Что-нибудь проясняется?

– Есть определённая мысль, и я над нею работаю. Однако сейчас, Виктор Павлович, сказать что-то конкретное я не могу.

– Ты постарайся, Елена Васильевна, а то этот материал мне нужен как воздух. Я на днях лечу на Байконур, а без него мне там делать нечего. Так что тебе, дорогая моя жёнушка, желаю успехов... И пока... До вечера... Возможно, я сегодня задержусь... Целую... – и Снегирёв повесил трубку.

Услышав такую тональность в голосе и такой пред-

мет разговора, Михайлова не то что оскорбилась, а скорее всего уже начала свькаться со своей ролью, хотя такая речь Виктора подействовала на её душу, как напиток полыни на вкусовые органы. Однако Елена продолжила проводить исследования, теща себя мыслью, что Снегирёв уедет в командировку, а она поедет в Златоречье к детям, и они, хотя и тайно, но сумеют сходить в Монастырь, где она сумеет помолиться и вновь повстречаться с полюбившимися ей милыми монашенками, схиархимандритом Тимофеем и отцом Василием.

И это желание придавало ей силы, старания и умения в достижении поставленной цели. Она сумела выполнить задание Снегирёва и получить результаты, которые в себе носили новый подход в разрешении проблемы многоступенчатой баллистической ракеты, чему очень был рад Снегирёв. И он в порыве чувств, обнимая Елену, сказал:

– Елинушка, я несказанно рад твоему исследованию и достигнутому результату. Этот результат граничит с открытием и изобретательским предложением. Над ним я бился, но у меня не хватило смекалки сделать вычисление по формуле, которую ты вдруг вывела и доказала её жизнеспособность. Глядя на тебя, ни за что не скажешь, что в такой хорошенькой женщине прячется такое уникальное и нестандартное мышление. Ты феномен, дорогая моя жена! Ты же подаришь мне свои результаты? Тебе же авторство по этому достижению ни к чему... Ведь ты, как автор, в исследовательском материале не числишься... Оно тебе ни к чему... Ты и так два открытия имеешь. Думаю, пора теперь помогать мне. А то, как я уже сказал, этот вопрос я лично закрепил за собой, и вдруг ставить автором тебя – это же, дорогая моя, для меня крайне нехорошо. Меня учёные засмеют. Ты же подаришь эти выводы мне?.. Позволишь под ними поставить мою фамилию?..

– Подарю, Виктор, мне просто некуда деваться. Ведь сегодня на совещании в министерстве ты докладывал эти результаты от своего имени, и в них ты указал своё авторство. И ты не единым словом не обмолвился, что это мой научный вывод.

– Елинушка, ну я же тебе объяснил причину, почему я

не ссылся на тебя. Так что не сердись на меня и не будь такой жадной. Твоя головка ведь как кладёз самых необыкновенных новелл. Когда о твоих способностях мне говорил твой учитель Анатолий Валентинович, то я думал, что он их преувеличивал, а теперь полагаю, что он ещё тебя и недооценил.. Ты куда талантливей, чем он говорил, поэтому, моя жёнушка, поделись со мною своим даром учёного. А как я приеду с Байконура, то мы с тобой ещё поработаем над одной проблемой, которая меня очень интересует, но я её не могу осилить.

– Виктор, ты прям готов впрячь меня в плуг и не давать мне отдыха ни днём ни ночью..

– Дорогая моя, ну что за такое грубое выражение, такая проза. Я же люблю тебя, а любимому человеку и не грешно помочь. Я же твой муж. Мы с тобой одно целое.. Твои успехи это есть мои успехи, а мои достижения – это и твой авторитет.. Не так ли? Кроме того, я же непосредственный твой начальник. А распоряжение начальства надо выполнять.. Согласна, Елинушка?

– Хотя и не со всеми твоими высказываниями согласна, но требования начальства выполнять, наверное, необходимо..

– Вот и чудесно, дорогая моя.. А сейчас по-быстрому давай собирай мне чемодан, а то скоро уже мне надо быть в аэропорту.

– На сколько дней ты летишь на Байконур?

– Если всё сложится хорошо, то, Леночка, дней через десять вернусь. Однако ты же и сама знаешь, что обстоятельства могут измениться.. Но я тебе буду звонить. И ты мне почаще звони.. А то я за тобой буду скучать. Веди без мужа себя скромно, на других мужчин не засматривайся..

– Виктор, ну что ты такое говоришь?.. Разве я позволю вести себя непристойно?

– Сегодня, Елинушка, не позволяешь, а там кто вас, этих женщин, поймёт, чем вы там дышите?..

И он, подойдя к Елене, поцеловал её, взяв свою дорожную сумку, отправился в аэропорт. А Михайлова наконец получила возможность уехать к детям в Златоречье. Она накупила подарков, сладостей, поскольку не видела

Ленусеньку с Игорьком уже около двух месяцев, и поехала к ним. Навестить мать к ней присоединилась и Любушка. Несмотря на то, что около месяца она вместе с Семёном там отдыхала. Она всю дорогу рассказывала Елене новости Златоречья, про их с Семёном отношения, и конечно же о том, как там ведут себя Игорёк с Леночкой:

– Ты знаешь, Елена, четыре недели в Златоречье пробежали как один день. Но мы там так много потрудились, а особенно Семён с Игорьком. Игорёк вставал и работал на пару с Семёном целый день, не уступая ему ни в чём, что мама, да и односельчане (от них же ничего не скроешь) поражались трудолюбию Игорька. Они там дров маме наготовили на целую зиму, починили забор, перекрыли крышу дома, накосили целый стог сена, одним словом, у мамани во всём сделали сказочный переворот. Даже тротуар к дому сделали. Наносили камни из реки и ими вымостили весь двор. Теперь в дождь у мамани во дворе нет грязи. На их произведение искусства чуть ли не все селяне приходили посмотреть.

– А чем же, Любушка, занимается там Ленусенька?

– Она помогает больше маме, всё на огороде с ней трудится, полет то морковь, то лук, то помидоры рыхлит. Любит поливать и за Валей присматривает. Ленусенька с Валечкой подружились и хорошо там себя ведут.

– А к тебе и к маме Мане как же Валечка относится? И как она вас называет?

– Маманю они все называют и Игорёк, и Ленусенька, и Валечка – бабушкой. А меня – тётей Любой. Валечка вначале очень стеснялась, потом скоро освоилась и никак из деревни не хотела уезжать. И я её, Елена, очень полюбила. Она такая славная, хорошенькая и послушная. Всё Семёна просит, чтобы он её ночевать к нам брал. Валюша с радостью к нам приходит. Я ей на днях подарила кофточку и куклу. Так она ни с кофтой, ни с куклой не расстаётся. Семён доволен, как отношения сложились между нами. И я, Еленушка, такая счастливая. Я очень люблю Семёна... Он такой добрый, трудолюбивый... Мне кажется, он тоже меня любит... Мне с ним так уютно, трепетно и сладостно... Леночка, я не думала, что можно

быть такой счастливой. И мама, глядя на нас всех, от теплоты, которую мы к ней проявляем, прямо-таки расплывалась. Помолодела, похорошела и не ходит, а словно летает. На ноги совершенно не жалуется, тебя всё благодарит. Леночка, я уже тебе столько наговорила, а ты о себе ничего не говоришь, как же ты живёшь? Какие отношения сложились у тебя с Виктором?

– Не знаю, Любушка, что тебе и сказать...

– Ты, Леночка, правду говори. Я наблюдаю за тобой и вижу, что у вас с Виктором не так уж всё радостно. Тебя вижу – ты целыми днями всё трудишься. Прихожу с утра, спрашиваю у секретаря, хочу к тебе в кабинет пройти, а она говорит, что ты очень занята, выполняешь какую-то очень срочную работу. Иду к тебе после работы, а мне отвечают в приёмной то же самое и к тебе не пропускают. Леночка, но разве можно столько трудиться? Что это за безобразие? Ты почему не бережешь себя? Я пожалуйсь на тебя Виктору Павловичу, что ты наплевательски относишься к себе, к своему здоровью..

– Любушка, я действительно была очень занята. И я как раз выполняла срочную работу по заданию Виктора. Для него необходимо было сделать расчёт и аналитическую справку. Затем по научному эксперименту подготовить предложения. Одним словом, Любушка, завалил меня Виктор работой в своих интересах. И просит на него работать в том же духе.

– А ты не делай. Леночка, ты выполняй просто свои обязанности, да и только.

– Легко сказать, Люба, – не делай.. Но он же здесь поступает не как муж, а как начальник, стремясь привлечь для себя из меня пользу. Он заставил меня провести исследование, однако результаты и предложения документально оформил под своим авторством.

– Так это же, Елена, преступление. За это можно привлечь его к ответственности. Ведь у тебя такие связи, ты сможешь это всё через суд доказать.

– Люба, о чём ты говоришь? Это совершенно неразумно. Посуди сама, что подумают сотрудники в министерстве, когда узнают, что я на мужа в суд подаю и прошу признать автором себя, а не Виктора. Меня же призна-

ют сумасшедшей и быстренько уволят с работы. Виктор оказался настолько коварным, корыстным и лицемерным, что его обличить в данной ситуации совершенно невозможно. Он мне напоминает Ягодкина Тараса Михайловича, который украл у меня два открытия – одно по аэродинамическому сопротивлению крыла, а другое по индуктивной нагревательной установке для сквозного нагрева металлических заготовок перед горячей обработкой давлением. И чтобы скрыть следы своего коварства, которые стали помимо его воли открываться, он решил меня убить. Но, верно, мне было не суждено погибнуть, поскольку в момент, когда он фактически уже наезжал на меня на своей машине, в долю секунды меня неожиданно оттолкнул поравнявшийся со мной спортсмен, и в большей степени он принял удар от машины на себя.

– Леночка, а он выжил, этот спортсмен?

– Около года этот парень выкарабкивался из ложа смерти. У него было множество переломов, сотрясение очень тяжкое. Мне тоже досталось. От силы толчка и падения я свезла кожу на боку, ногах... И было средней тяжести сотрясение головного мозга. В больнице я пролежала больше месяца. Но, слава Богу, всё обошлось.

– Сейчас же где этот Ягодкин?

– Где и подобает быть преступникам, Люба. Он в местах лишения свободы находится. А как я тебе уже сказала, Виктор Павлович мне напоминает Ягодкина. И кажется, Снегирёв ещё коварнее и опаснее, чем Тарас Михайлович Ягодкин. Поэтому мне ничего не остаётся другого, как выполнять задания Виктора Павловича и молчать, если я не хочу вновь пережить подобную ситуацию, которую уже имела. Мне сейчас рисковать собой, Любушка, никак нельзя, поскольку, сама знаешь, на моём иждивении находятся двое детей. И страшно ещё то, Люба, что Снегирёв сатанист...

– Кто, кто?..

– Сатанист, Любушка, сатанист...

– Лена, а что это обозначает?

– Это обозначает то, что он свою душу продал дьяволу. И для него уже святого ничего нет. Ему прямая доро-

та в ад.

– Откуда, Елена, ты узнала, что Виктор сатанист?

– Он, Люба, сам мне рассказал. И по вечерам после работы он спешит не домой, а на сборище сатанистов. А для непросвещённых они назвали своё сборище клубом «Комсомольский вожак». Виктор даже сам, как он выразился, выбил для этого клуба помещение.

– Ой, Леночка, горе-то какое!.. Как же теперь тебе быть?.. А ты с ним на эту тему говорила?.. Ты к Богу его звала?..

– Много я ему о нашем Спасителе рассказывала, но результат плачевный. Он мне по этому поводу сказал, что я – тёмная личность, что в Бога он не верит, а клуб сатанистов возбуждает его мозг.. И ему там интересно и весело...

– С виду я бы никогда не подумала, что Виктор Павлович такой коварный. Леночка, что же ты собираешься делать?

– Пока не знаю.. Надо осмотреться.. Время покажет.. Главное для меня, Любушка, не впасть в панику, больше молиться. Выполнять на работе его распоряжения и готовить для него изобретения. Он человек тщеславный – за изобретения он мне многое простит.

– Так что получается? Ты, Лена, будешь трудиться над изобретениями, а их автором будешь писать Виктора Павловича?

– А что другое ты, Любушка, можешь предложить?

– Ты с ним, Лена, разведись..

– Во-первых, он не разведётся, ему нужна моя голова. И во-вторых, если я буду очень настаивать на разводе, не имея никаких обоснованных доказательств, то он меня просто уволит с работы. А как же мне с детьми тогда без средств к существованию жить? Однако, Любушка, давай сменим тему разговора, Снегирёв не стоит того, чтобы мы о нём столько говорили. Ведь, в целом, для постороннего взгляда у нас с ним отношения выглядят нормально. Я со своей стороны не допускаю к Виктору непослушания и оскорбительных жестов. И он ведёт себя со мною вежливо, мне не грубит и даже по-своему, мне кажется, меня любит. Поэтому, Люба, не будем грус-

тить. К тому же Ленусеньку я удочерила, решила для себя сложный вопрос. Моя дочка теперь с полным основанием может называть меня мамой и не бояться, что её от меня заберут в детдом. А остальное всё наладится, ведь, как во сне мне Ангел сказал, Господь мне шлёт испытания по моим силам. После того, как я плакала у мамы на могилке и роптала на свои тяготы и свою нелёгкую судьбу. Так это, Любушка, я хорошо запомнила и теперь не ропщу на свою долю. Видать, в том есть воля и промысел Божий.

– Может быть, Елена, тебе Господь, как многострадальному Иову, посылает несчастья не за грехи, а их направляет тебе, как праведной, для ещё большего утверждения в добре, для посрамления дьявола и для прославления правды Божьей?

– Ой, Любушка, до праведной мне очень далеко. Но после разговора во сне с Ангелом я многое переосмыслила. Прозрела и вижу теперь многое совершенно под другим углом. И то, что случилось в моей судьбе в связи с замужеством со Снегирёвым, требует от меня смирения и терпения, вот и всё. Вероятно, этих качеств во мне имеется в недостаточной степени и их мне необходимо развивать. Поэтому мне Господь и послал такое испытание. И если выдержу, то Творец укроет меня своей благодатью и спасением. Ты с этим, Люба, согласна?

– Не знаю, что тебе, Леночка, и ответить... Ты же у нас сильная, мудрая, тебе Ангел приснился и с тобою речь держал. А я что? Я же не имею этих достоинств, следовательно, поступай так, как ты считаешь. Леночка, а ты про свой сон с Ангелом ведь мне не рассказывала раньше...

– Но зато сейчас кое-что о нём тебе сообщила.

– Вот именно, кое-что. Я прошу тебя, Леночка, расскажи о нём более подробно. Мне так хочется послушать...

– Любушка, я поняла, что сон, о котором ты просишь меня рассказать, был вещий... Я над ним часто задумываюсь... И его помню до мелочей... Мне его сейчас не хочется тебе раскрывать оттого, что ты в данной ситуации можешь его не понять, он тебя как бы может смутить и

ты можешь наделать ошибок, а я этого бы не хотела. Но обещаю, что раскрою его тебе, когда посчитаю, что это для нас обеих станет целесообразным. Так что, подрута, извини.. Да уже и рассказывать времени нет, смотри вон уже показались и поля Златоречья.

И действительно, по обе стороны дороги расстились роскошные поля: с левой стороны взывала созревшая рожь, а с правой – стеною встали роскошные подсолнухи, предвещающие хороший урожай. Глядя на золотистое поле ржи, которая от тяжести зерна, скрывающего в усатых колосьях, клонилась к земле, Елена не выдержала и спросила:

– Любушка, а рожь почему не убирают, она ведь уже созрела?

– Да нет, Елена, убирают... Это, похоже, уже последнее поле, просто до него очередь ещё не дошла. Ещё дней десять тому назад, когда я была у мамы, то тогда уже приступили к уборке зерновых. В этом году хороший собирают урожай, но мама всё равно ничего не получит, у неё трудодней практически нет. Мне она говорила, что собирается снова идти на ферму, а я её отговариваю, поскольку там сквозняки и очень тяжёлая работа. Ноги, спасибо тебе, Леночка, ты маме вылечила, но я за мамино здоровье всё равно переживаю. И поэтому прошу маму ходить работать в колхоз на общие работы, туда, где полегче. Теперь же я, благодаря тебе, хорошо получаю и маме могу помогать, в том числе и купить зерна. Так что, слава Богу, в этой части у нас неплохо обстоят дела..

Леночка, но мне кажется, что ты меня не слушаешь. А мне хочется поделиться с тобой новостью..

– Какой, Любушка, новостью?

– Хорошей, Елена Васильевна... Я позавчера была у гинеколога, и он мне сказал, что я беременна..

– Это прекрасно... Семёну ты сказала об этом?

– Конечно, в первую очередь. Он так обрадовался, что чуть ли от радости меня не задушил. Весь вечер всё меня то кружил, то целовал, то обнимал, одним словом, еле утомился. И я, Любочка, очень счастлива. Я так долго мечтала иметь ребёнка, и вот, наконец, моя мечта осуществляется. Вот и еду, чтобы маму обрадовать, а то она

тоже очень всё Бога просила, чтобы я смогла забеременеть. И Господь молитвы услышал.. Ведь мне уже тридцать лет.. Пора давно уже иметь ребёнка..

– Ой, Любушка, я очень рада за тебя, позволь мне тебя поздравить с этой прекрасной новостью. И пожелать тебе, чтобы роды были успешными, и ты бы явила на свет здорового ребёнка.

– Спасибо, Леночка.

– Любушка, а ты кого хочешь иметь, девочку или мальчика?

– Без разницы, моя милая сестричка, лишь бы было дитя здоровенькое.. Но мы, кажется, Елена Васильевна, уже приехали.. Двигаемся к выходу. Давай мне сумку, я понесу.

– Да нет, Любушка, теперь тебя надо беречь, поэтому сумки понесу я сама..

Взяв сумки, Лена и Люба проворно подошли к дверям автобуса. Водитель по их просьбе остановил автобус, они вышли и быстрым шагом направились к дому Романовых. Мама Маня их с великой радостью встретила, а Елена Васильевна, не увидев детей, спросила:

– Мама Маня, а где Игорёк и Ленусенька?

– Они, детка, в Монастыре живут, как только Люба с Семёном уехали, то Игорёк сразу запросился в Монастырь, приговаривая: «Мама мне в нём разрешила жить». Его я отпустила, а Ленусенька без него никак не захотела оставаться. И поэтому они вот уже как три недели находятся там. Я частенько туда бегаю, кстати, и сегодня я была в Монастыре на утренней службе, проведала и их, они ко мне пока не захотели идти. Игорёк там трудится во всю, Ленусенька тоже всё стремится помогать. А ты, Елена Васильевна, посмотри-ка, какую работищу мне сделали Семён с Игорьком.. Двор ты узнаёшь? Посмотри.. Как же хорошо они мне его камнями вымостили, прямо-таки одно загляденье.. А забор, полюбуйся, каким теперь стойким частоколом закреплён, словно кремлёвская стена. И главное, посмотри, Леночка, крыша-то какая богатырская! Теперь мне не страшен самый сильный дождь. И всё это – представляешь, Леночка! – сделали Игорёк с Семёном. Твой Игорь меня просто поразил,

он чуть ли не на равных с зятем работу выполнял. И так хорошо, словно его обучали этому и ему не тринадцатый год, а все восемнадцать. Чудесный у тебя, Леночка, сын. Настоящий хозяин растёт. Да и думает он, детка, как-то уже по-взрослому. Игорёк у тебя как старичок – на любую тему с ним можно поговорить. Я прямо-таки поражаюсь: таких башковитых и трудолюбивых детей я ещё в своей жизни не встречала.

– Ой, Мария Ивановна, захвалили вы моего сына, заблеет он ещё от похвал.

– К таким детям, Леночка, как Игорёк, это не пристанет... Он у тебя словно Ангелочек. Я так рада за тебя, Леночка... Ниспошли ему, Господь, здоровья и везения.

– А как вы себя чувствуете, мама Маня?

– Слава Богу, хорошо... В колхоз бегаю работать. Сейчас у нас горячая пора идёт, и бригадир попросил меня помочь. И я то на токах в кучах, а то в амбарах зерно ворошу, чтобы оно не сгорело и не пропало.

– А врачи разрешили тебе работать в колхозе?

– Третью группу инвалидности пока не сняли, но ходить и потихоньку помогать в колхозе не запретили. Они, Леночка, очень удивляются от того, что я то как пласт лежала и не могла стоять, а то вдруг вон, слава Богу, бегаю. Всё допытываются у кого же я лечилась. Я им правду говорю, что это ты меня вылечила, но они не верят. Вот такие вот, Леночка, у нас дела..

– Хорошие, Мария Ивановна, у вас дела. А я, учитывая, что время ещё не позднее, побегу в Монастырь. За детьми очень соскучилась.

И Михайлова поспешила в Монастырь. И где-то уже чуть более чем через час она уже была на вечерней службе в Монастыре. А после службы беседовала с Игорьком и Ленусенькой, монашенками, с отцом Василием и со схииархимандритом Тимофеем. Ей хотелось рассказать отцу Тимофею о том, что она вышла замуж и что её муж посещает клуб сатанистов, но обстоятельства так сложились, что ей не предоставилась такая возможность, поскольку схииархимандрит приболел. И Михайлова не решилась его беспокоить своими проблемами. И как раз для него были кстати привезённые Еленой к чаю конфеты, кото-

рые она отдала в трапезную, а всем монашенкам и отцу Василию она подарила ещё и тапочки. В сумке остались лежать только неподаренные тапочки для схиархимандрита Тимофея. И Елена с огорчением подумала: «Как же мне быть? Всем подарки раздала, а своему любимому духовному отцу не могу подарить, а так хочется его увидеть и с ним поговорить». И с такими горькими мыслями она пошла к настоятельнице. А тут ей навстречу спешит отец Василий и говорит:

– Елена, тебя к себе приглашает батюшка Тимофей.

Обрадованная Михайлова поспешила к схиархимандриту Тимофею. Войдя к нему в келью, она попросила:

– Благословите, батюшка Тимофей.. Я вот вам тапочки принесла...

– Бог благословит... Проходи, Леночка, посиди со мной и расскажи, что тебя беспокоит?

– Батюшка Тимофей, я замуж вышла... И, верно, сделала ошибку, поскольку, как оказалось, муж ходит в сатанинский клуб, а мне запрещает молиться и в Бога верить.

– Большое испытание, Леночка, тебе Господь послал. Трудно тебе будет. Но запомни, детка: в каком бы состоянии ты ни была – от Бога не отрекайся. Тебя ждут очень тяжкие дни. Я за тебя стану молиться и помогу тебе, если ты не отступишь от Бога. Помни про сон, в котором ты с мамой и Ангелом говорила. И помни, что тебе Ангел сказал: «По силе ноша даётся». Поэтому крепись и побольше, несмотря ни на что молись. И всегда старайся хоть мысленно на своего мужа наложить крест перед разговором, во время разговора, после разговора. Сатана очень боится креста, и тогда Виктор ничего с тобой сделать не сможет. И не бойся мужа своего, хотя для тебя он представляет опасность, поскольку в него вселился дьявол. Он будет стремиться и в тебя вселить демона. И здесь уже всё будет зависеть от тебя, твоей веры в Бога и силы дьявола. Помни, что дьявол очень хитрый и очень коварный, но он и очень боится Господа. С Богом всегда можно победить любого демона...

От услышанного у Елены на глаза навернулись слёзы. Она растерялась, не зная, что сказать батюшке Ти-

мофею, молчала. Её поразило, что он рассказывал ей про её же сон, который она, кроме Тамары и частично лишь сегодня Любе, никому не рассказывала. Явно ни Тамара, ни Люба не могли бабушке Тимофею рассказать. И она подумала: «Значит бабушка Тимофей действительно прозорливый, и он мне наперёд всё сказал, чтобы я готова была, и это со мною произойдёт... Боже, помоги мне...» И в страхе она подняла свой взор на схииеримандрита Тимофея, а он, встретившись с её взглядом, сказал:

– Не переживай, Лена, помни о том, о чём мы сейчас с тобой говорили... Многое зависит от тебя... А теперь иди.

Получив благословение, Михайлова вышла от бабушки Тимофея и направилась в келью к настоятельнице Анне. Матушка была очень рада её приходу. Она поцеловала Михайлову и сказала:

– Давненько, Леночка, ты у нас не была. Мы вон уже, посмотри-ка, и гостиницу достраиваем. Спасибо тебе, что деньгами помогла. На них мы плотников наняли, им на месяц работы ещё осталось – и дом будет готов. И каждая монахиня будет иметь отдельную келью, а то живут в одной по четыре-пять человек. Наверное, к зиме входины отметим. А ты знаешь, Леночка, в строительстве гостиницей обители и сын твой славно трудится. Вон и сейчас, как заправский плотник, с брёвен кору снимает, конопатить его рабочие научили. Он у тебя не чурается никакой работы. Смешливый и трудолюбивый растёт. Матушки его очень полюбили, а особенно матушка Ольга. И он, и Ленусенька, кажется, к ней больше всего льнут. А спит Игорёк с отцом Василием, а девочка с монахиней Ольгой. Она у тебя, дочка, тоже послушная и умненькая растёт. К Богу, как и сын, тянется. А вчера расплакалась, говорила, что домой хочет к маме Лене. Игорёк её всё утешал. И, слава Богу, ты вот приехала. Ты сколько намерена побыть в Монастыре?

– Переночую, матушка Анна, а завтра после утренней службы сразу уеду.

– Жаль, Леночка, что так мало побудешь. Я так люблю, когда ты в Монастыре живёшь. Ты такая деловая, хваткая в работе. Мне с тобою спокойно и легко.

– Может, Бог даст, матушка Анна, я в ноябре у вас поработаю, так как в этом месяце я думаю взять отпуск, и у меня будет тогда возможность к вам приехать.

– Было бы, Леночка, очень хорошо... А как складываются твои личные дела?

Елене не хотелось расстраивать матушку Анну, и она лишь вкратце рассказала о своих проблемах. Да и дальнейшему их разговору помешал стук в дверь. Это вошли матушка Ольга и Ленусенька:

– Мамуля, где ты опять потерялась? Сама сказала ненадолго, а время вон уже кто знает сколько прошло... Я же за тобой очень соскучилась.

И она, обхватив Елену своими детскими ручками, прижалась к ней и спросила:

– Мамочка, а ты меня удочерила?

– Удочерила, Ленусенька, удочерила. Вот и документ привезла... Ты теперь моя доченька.

– Тогда меня теперь от тебя в детдом не заберут?

– Не заберут, Ленусенька.

– Мамуля, никогда-никогда?

– Никогда-никогда, моя девочка...

– Вот счастье-то какое! Вот спасибо тебе, мамочка. Не даром я тебе поверила, что ты меня удочеришь. И ты не обманула меня, слово сдержала. Как же я люблю тебя, мамочка. Я буду стараться расти послушной, как Игорьёк. И не огорчать тебя, а много-много работать, чтобы быть похожей на тебя. Я тебя очень-очень люблю..

Обхватив вновь ручками Елену, поцеловала её несколько раз и виновато сказала:

– Матушка Анна, матушка Ольга, вы извините меня, что я по ночам плакала. Я боялась, что у мамы не получится меня удочерить, оттого я и плакала. И я так Боженьке молилась, всё просила Его, чтобы Боженька маме помог. И Господь меня услышал, правда, мамочка?

– Правда, доченька, правда, – целуя Ленусеньку, со слезами на глазах отвечала Елена.

– Мамочка, мы завтра поедem домой?

– Да... После утренней службы. Помолимся Господу, поблагодарим Его за оказанную нам милость, что всё у

нас получилось, что ты теперь не только по душе, но и по закону, Ленусенька, моя доченька.

– Я очень горячо буду молиться Господу. Я так рада, так рада, что сердце выпрыгивает из меня. Сейчас побегу Игорю расскажу, что я его законная сестра... Можно, ма?..

– Беги, сообщи братцу, пусть и он порадуется новостям по поводу своей сестрички, – целуя, сняв с рук девочку, ласково сказала Елена.

Наблюдая за картиной встречи и слушая беседу Ленусеньки и Елены, матушка Анна умиленно улыбалась, а матушка Ольга расплакалась.

– Матушка Ольга, почему же ты плачешь?

– От радости, Леночка. У меня тоже, как у твоей Ленусеньки, от счастья сердце выпрыгивает..

– Слезами радости, матушка Ольга, тогда можно поплакать, а слезами печали ни-ни, – улыбаясь, сказала настоятельница Анна.

Они втроём ещё долго общались, затем пошли все в трапезную. Там их ждали подошедшие остальные монашеники и отец Василий. Не было среди них только батюшки Тимофея. Все были рады приезду Елены, поскольку все её очень полюбили. И Елена отвечала им взаимностью. Некоторое время они пообщались, а затем, помолвившись, приступили к трапезе. После ужина все они разошлись по кельям, а матушка Ольга, Игорёк, Ленусенька и Елена остались, чтобы помыть посуду и всё прибрать в трапезной. И лишь затем пошли отдыхать. Игорёк, конечно же, не удержался и с восторгом рассказывал матери о своих впечатлениях, приобретённых в Монастыре и у бабушки Мани. Елена слушала его и радовалась успехам сына. Он за эти два с половиной месяца заметно повзрослел, загорел, заметно вырос и от физической работы несколько раздался в плечах. От чего Елена не удержалась и сказала:

– Игорёк, ты у меня совсем стал взрослым. Небось, Ивана Петровича уже догнал по росту.

– Ещё, наверное, нет... Иван Петрович где-то ростом метр восемьдесят два, а я скорее всего стал метр семьдесят пять. Так что мне ещё расти, мамулечка, надо.

– Ты и так, слава Богу, где-то за это лето сантиметров на десять вырос. Вон вся одежда стала тебе маленькая. Деревенский воздух и работа тебе, Игорёк, на пользу пошли. Тебя в школе и не узнают.

– Да одноклассники тоже, наверное, все хорошо выросли.. Светочка, интересно, подросла или нет?

– Это какая ещё Светочка? – с любопытством спросила Ленусенька.

– Да это девочка, с которой я сижу за одной партой. Она славная. Я тебя с ней познакомлю. Она ростом была небольшая, чуть повыше тебя. Может, за лето подросла?

– Подросла, конечно, – утешительно сказала Ленусенька.

– Мамочка, а я подросла?

– И ты, доченька, хорошо подросла. Если так будешь расти, то через три-четыре года и меня догонишь. А сейчас, дети, укладываемся спать, а то завтра рано вставать.

Побыв на утренней службе, Елена и дети по-родственному попрощались с обитателями Монастыря и поспешили в Златоречье. Затем зашли к бабушке Мане, где их уже поджидала Любушка, и все они поехали в Москву. Приехав домой, поужинали, покупались. Уставшие, дети быстро уснули. А Елене не спалось. Её беспокоили слова батюшки Тимофея, и она подумала: «Ведь скоро из командировки должен вернуться Виктор. А до сих пор всё никак не могу поставить крест на могилке Николая Ивановича. Что бы мне ни стоило, но на этой неделе я должна поставить крест. Если приедет Виктор, то он мне явно не разрешит этого сделать». И с этими мыслями она уснула.

Утром дети остались одни дома, а она поехала на работу. Обсудила с Любушкой, где можно заказать крест. К счастью, Люба знала плотника, который изготавливает кресты, что и облегчило решение проблемы. Елена Васильевна, не откладывая в долгий ящик, сразу же пригласила Семёна Григорьевича, дала ему денег и направила его к плотнику. И крест в течение трёх дней был готов. Она попросила Семёна, чтобы он крест забрал и отвёз на могилку Николая Ивановича. А они вместе с Любушкой,

Игорьком и Ленусенькой, взяв такси, тоже поехали на кладбище. Там, на могилке Николая Ивановича, установили его, помолились и с чувством исполненного долга разъехались по домам. А дома Ленусенька спросила:

– Мама, скажи, а почему на могилках усопшим ставят кресты? Вот папе почему мы установили крест?

– Леночка, ты же помнишь, папа просил похоронить его по-христиански. Я ему пообещала. Мы, как полагаются, отслужили по нему панихиду, ты же не забыла?

– Нет, мамочка, что ты! Я же помню, как служил возле папиного гроба отец Василий, а мы все держали горящие свечи и молились, потом пришёл дядя Витя и стал ругаться, чтобы мы прекратили молиться, а мы молились, тогда он бросил нас и ушёл, пока отец Василий не закончил служить панихиду.

– Правильно всё ты, дочка, говоришь, но он мне строго-настрого запретил ставить на могилке Николая Ивановича крест. Я будто бы и смирилась, но невыполненное обещание, которое я давала твоему отцу перед смертью, меня очень беспокоит. Вот поэтому, хоть и тайно от Виктора Павловича, но я всё же решила поставить, поскольку установление креста на могилке является символом Христовой победы над смертью и адом. Крест для усопших служит величественным и многолиственным деревом, под тенью которого покоится христианин, как путник после долговременного странствия.

– Мама, так папа теперь покоится под тенью многолиственного дерева, и пекло ада его не печёт?

– Не печёт, детка, твой отец был хорошим человеком. Дай, Господь, ему Царствие Небесное, прости ему грехи вольные и невольные, – перекрестясь, сказала Елена.

– Мама, а ведь я знаю: отец тебя очень любил. Он сам мне незадолго до смерти об этом сказал. И когда он говорил мне про свою любовь к тебе, то у него на глазах я видела слёзы.. Он, кажется, тогда был пьяненький.. Мама, а ты его любила?

– Леночка, очень сложный ты мне задала вопрос. Я не знаю, как тебе на него ответить. Лукавить тебе у меня нет желания, а правду... ты ведь ещё маленькая, поэтому не поймёшь.

– Что ты, мама? Какая же я маленькая? Мне девятый год уже пошёл. Но если ты не хочешь говорить, то не говори, но я не маленькая и всё пойму.

– Ленусенька, не сердись. И коль хочешь знать правду, то в юности твоего папу я очень любила.

– Почему же тогда ты, мама, за него замуж не вышла?

– Да потому, что он был женат, и у него уже было двое детей. Не могла же я у детей отца забрать.

– Это Вадик и Люда, что погибли в автомобильной катастрофе? Это они, мамуля?..

– Да...

– А меня ещё не было?

– Тебя, Ленусенька, ещё не было.

– Видал, как получилось: папы нет, а я живу у тебя и стала твоей дочкой. Тебе, мамуля, за папу надо было выходить замуж. Ведь они с мамой Ирой всегда ругались... Она всё кричала, проклинала какую-то проходимку, шалаву... А папа, наоборот, тогда говорил, что эта женщина святая, чистая как снег... Это они о тебе так говорили?..

– Не знаю, Ленусенька...

– Теперь-то я понимаю, что это о тебе... А папа после ссоры тогда брал меня, и мы уходили в парк, в цирк, в кино или ещё куда-нибудь. И после этого папа не разговаривал с мамой Ирой, а она плакала. И мне её было очень жаль. Мамуля, мне и сейчас её жаль... И я за ней соскучилась... Мамуля, поведи меня к ней... – и Ленусенька вдруг расплакалась. Елена Васильевна, обнимая девочку, сказала:

– Не плачь, не плачь, моя хорошая, конечно же мы к ней сходим...

– Правда, мамуля?.. И с Игорьком?..

– Все вместе к маме Ирине после работы мы и сходим... Только ты не плачь...

И на следующий день они втроём направились в психиатрическую больницу. Первоначально зашли к лечащему врачу, Дарье Николаевне. Расспросили её о состоянии здоровья Ирины, на что та ответила:

– Больная Снегирёва Ирина Семёновна чувствует себя не очень хорошо. У неё тяжёлая форма шизофрении.

Больная часто становится буйной, никого не узнаёт, очень агрессивная.

– Дарья Николаевна, а нам можно к ней пройти? Поговорить с ней.

– Я же сказала вам, Елена Васильевна, что больная не узнаёт никого и очень агрессивная. И ни к чему девочке показывать больную в таком состоянии.. Перепугаем ведь девочку.

– Не перепугаете, тётя врач, я очень вас прошу, разрешите, пожалуйста..

– Хорошо.. Идёмте... – И Дарья Николаевна, пригласив санитаря, повела их в палату к больной. Санитар отомкнул ключом дверь, вошёл в коридорчик, который был отгорожен от палаты словно забором, состоящим из железных прутьев, хорошо укреплённых с низу до самого потолка. В этот момент больная лежала на кровати. Увидев вошедших, Ирина вскочила с кровати, подбежала к стальным прутьям и, схватив, стала их трясти так сильно, что прутья толщиной чуть ли не в детскую руку стали гнуться. И в безумном своём состоянии стала истерически кричать :

– Это вы убили моих детей: Вадика, Людочку. Убийцы.. Я вас проклинаю и ненавижу. Выпустите меня отсюда, я вас за них всё равно зарежу. Вы от меня не спрячетесь... Где мои дети? Приведите их сюда... Вадик, Людочка, вы слышите меня? Я вас не оставлю, за вас заплачусь. Ко мне пришли ваши убийцы, ловите их..

Она долго кричала в безумстве бессвязные душераздирающие слова, раскачивая железные прутья, пытаясь вырваться наружу. Видя эту картину, Леночка перепугалась и расплакалась. Елена Васильевна взяла девочку на руки, приговаривая :

– Не бойся, Ленусенька, мы же с тобой..

– Мамочка, пойдёмте отсюда. Мама Ирина совершенно нас не узнаёт. Она ничего не понимает. Я её очень боюсь.

– Леночка, а ты попытайся её позвать, может, она тебя узнает.

– Я боюсь, мамуля..

– Но ты же у меня на руках. И ты у меня смелая ведь

девочка. Кроме того, нас разделяет, смотри, какая мощная ограда... Прошу тебя, поговори с мамой Ирой, возможно, ей легче станет...

И Ленусенька, преодолевая страх и желая не разочаровывать Елену Васильевну, дрожащим голосом стала звать:

– Мама, это я пришла, твоя дочка Леночка. Ты узнаешь меня? Я же Леночка... Посмотри и вспомни меня...

Больная вдруг прекратила дёргать стальные прутья и перестала кричать. Однако через несколько секунд, не дослушав даже последние слова Леночки, она вновь стала тряссти ограду и кричать безумные слова.

Постояв ещё некоторое время возле больной, наблюдая за её ужаснейшим состоянием, в глубокой скорби они вышли из её палаты. Обращаясь к Дарье Николаевне, Михайлова спросила:

– А есть надежда, что Ирине станет лучше и она вылезет от этой болезни?

– Болезнь прогрессирует... И поэтому надежда на выздоровление сводится к нулю. К тому же больная очень плохо кушает. Она вышвыривает всю принесённую еду. Кормим её насильственным путём. Вы же сами видели, какая она худая и как она швырнула принесённые вами продукты. Поэтому ничего утешительного вам сказать не могу.

Выслушав такие тяжкие слова лечащего врача, у Елены Васильевны на душе стало очень грустно. Ей было очень жаль Ирину, и она, обращаясь к врачу, вновь спросила:

– Дарья Николаевна, возможно лекарства нужны, которые требуют дополнительных затрат? Я в состоянии все дополнительные услуги и стоимость лекарств оплатить...

– Нет, Елена Васильевна, мы ей всё делаем в полной мере. И лечим её самыми эффективными лекарствами. Так что в этой части мы делаем для больной всё возможное...

– Извините, Дарья Николаевна, спасибо, что вы нам уделили внимание. А ещё нам можно будет прийти?

– У нас родным не запрещено больных навещать. А

вы кем больной будете?..

– Это, Дарья Николаевна, как вы уже поняли, её дочь, а я больной прихожусь знакомой. Я удочерила Леночку. А это мой сын, Игорёк.

– А где же делся муж больной? Почему он не приходит?

– Николай Иванович умер.. Нет его..

– Извините, об этом я не знала. Если вам не тяжело, Елена Васильевна, привезите нам копию свидетельства о его смерти, а также, если не возражаете, адрес вашего места жительства.

– Да адрес я вам и сейчас могу сказать.

– Елена Васильевна, мы же государственное учреждение, поэтому нам необходимо подтверждать, хотя бы в качестве справки, вашу прописку.

– Хорошо, Дарья Николаевна, я представлю вам в такой форме, в какой вы просите..

И попрощавшись с врачом, Елена Васильевна с детьми поехали домой в сопровождении августовского вечера, который льнул к ним всем своим величием плодородного поля. Поэтому они не смогли не зайти на базар, где в большом ассортименте лежали разные фрукты и овощи. Накупив полную сумку даров природы, они поспешили в свою квартиру, где их ожидал вернувшийся из командировки Виктор Павлович.

ГЛАВА XXII

Виктор Павлович был раздражён. Испытания, которые он проводил, прошли плохо. В отношении чего ему в министерстве вынесли выговор. В связи с чем он сказал Елене Васильевне, чтобы она срочно провела анализ ракетного топлива. И Михайлова, исследовав качество ракетного топлива, установила, что в нём не соответствует требуемое агрегатное состояние компонентов в условиях эксплуатации. О чём Виктор Павлович подготовил служебную записку на имя министра обороны и доказал свою невиновность, поскольку за качество ракетного топлива ответственный был не он. Разобравшись в погрешностях, министерство вновь к действиям Снегирёва ста-

ло относиться доброжелательно. И Виктор Павлович перестал пропадать на работе и допекать своих сотрудников неэффективной работой. И в знак благодарности ему хотелось Елене Васильевне сделать приятное. По этой причине в свою квартиру он не поехал, а сразу же после работы пришёл к Елене, подарив Михайловой огромнейший букет, состоящий из белых и алых роз. Не ожидая такого внимания от Снегирёва, приятно удивившись и принимая цветы, Елена сказала:

– Спасибо... С чем, Виктор, это связано, что вдруг ты мне даришь такой царский букет? Давненько ты мне уже цветов, а особенно таких, не дарил..

– А с тем, дорогая моя, что ты меня выручила и разогнала мрачные тучи, которые в последнее время в лице министерства нависли надо мной. И я с большой радостью это делаю, поскольку дарить тебе цветы мне доставляет удовольствие. Я люблю тебя, прекраснейшая моя жёнушка. Пойдём погуляем.. В клуб «Комсомольский жоак» сходим.. Там сегодня интересные фокусы Дан будет показывать.

– Виктор, да это же клуб сатанистов..

– Ну так что же? Я же его посещаю, почему бы и тебе в него не сходить? В этот клуб многие женщины ходят.

– Нет, Виктор, я в него не пойду. И тебе не советую.

– Во-первых, Елена, я в твоих советах не нуждаюсь, а во-вторых, собирайся, и мы идём. На сборы даю пятнадцать минут.

– Я плохо себя чувствую – это первое, а второе, Виктор: я не позволю тебе мною командовать. Я способна сама разобраться, куда мне ходить, а где не бывать..

– Ну знаешь ли, ты мне жена и будешь подчиняться моей воле.

– Хотя я и твоя жена, но подчиняться тебе я не буду. И особенно тогда, когда волеизъявление твоё демоническое.

– Какое?!

– Сатанинское, Виктор!

– А сатанисты тебе что, не люди?

– Они, Виктор, дьяволы, которые способны чинить людям зло...

– Да ты знаешь ли, ангельский одуванчик, что сатанисты – это высшая каста людей, которая способна управлять миром и дарить таким вот, как ты, жизнь или чинить уничтожение, от которого и ты не застрахована.

– Меня нечего пугать. Я тебя не боюсь.

– Не бойшься оттого, что я тебя, дорогая моя, ещё не пугал. Но ты меня вынудишь и познаешь тогда мою силу... Я найду способ тебя приручить и заставить тебя замолчать. На первый раз я тебя прощаю, а в последующем, если совершишь неподчинение, то вразумлять уже больше тебя не буду, а получишь то, что должна получить.

И он в гневе оттолкнул Елену от дверей с такой силой, что она упала, ударившись головой о стенку. А Снегирёв со злостью и грохотом закрыл дверь и пошёл в клуб «Комсомольский вожак». Там он был не очень долго. Его мучила мысль о том, что жена не хочет ему подчиняться. Но особых скандалов он чинить не хотел, а тем более разводиться, поскольку, как знает любезный читатель, Михайлова ему была нужна не от того, что Елена была красивая, а от того, что она была гениальным учёным. И за счёт её творческих идей и предлагаемых изобретений, которые он уже много раз применял, выдавая их за свои, авторитет его среди учёных рос, что льстило его самолюбию и придавало ему уверенности в завтрашнем дне. Поэтому он задумался над тем, чтобы составить план, по которому бы заманить Елену в свои сети, да так, чтобы она не смогла из них выпутаться и всецело бы подчинилась ему. Однако сколько Снегирёв не бился над этим планом, но придумать ничего не смог. Тогда он поехал к Дану и рассказал ему о своих проблемах. Дан подучил Снегирёва, с чего надо начинать, чтобы поработить Елену. И для быстреего разрешения вопроса ещё дал зелье и спросил:

– А квартира у Михайловой освящалась?

– Мне кажется, Дан, освящалась, поскольку был поп, но он совершал панихиду, когда умер брат Николай. А потом они уехали вместе с Еленой к ней. Явно, что она воспользовалась случаем и освятила квартиру.

– В освящённой квартире, да ещё и при сильной вере в

Бога в Елену демона вселить будет очень сложно, так как контакта в таких ситуациях – какой бы ни был силы колдун или гипнотизёр – практически установить невозможно. А ты же сам знаешь, что контакт существа из параллельного мира может подсоединиться, где нет Божьей благодати. А если квартира освящена, то в ней есть Божья благодать, и силы дьявола бессильны. Твоя же квартира, Виктор, не освящена?

– Нет... Что не освящена, то это, Дан, однозначно.

– Тогда в чём дело? Обязательно ты с Михайловой должен помириться. Сделать вид, что ты поверил в Бога и тогда приглашай существа параллельного мира. Пусть Елена поночует у тебя несколько раз. Устрой несколько раз различного рода пирушки с обязательным приглашением экстрасенса-целителя, то ли экстрасенса-гипнотизёра или колдуна. Старайся напоить Елену... В пьяном виде демона всегда легче вселить в человеческую душу. Одним словом, Виктор, когда ты подготовишься, то мне скажи, а я уже сам тебе определю, кого конкретно к тебе на шабаш направить. Идёт такой вариант?

– Договорились, Дан.

– Тогда, Виктор, до свидания...

– До свидания, Дан...

И Снегирёв с подачи Дана разработал чёткую тактику и начал искать способы её реализации. Поэтому утром позвонил Елене и, как будто бы ничего не произошло, ласково сказал:

– Доброе утро, Елена Васильевна, ты меня извини, пожалуйста, что я вчера сорвался и опять тебе нагрубил. Я не хотел этого делать – так получилось. Давай сегодня на перерыве вместе покушаем в кафе. Я за тобой заеду. Пока...

И Снегирёв повесил трубку. Елена, услышав такой разговор, очень удивилась. Она заподозрила, что Снегирёв в отношении неё затеял какую-то нечестную игру. И Елена подумала: «А не хочет ли Виктор меня хитростью и коварством заманить в этот сатанинский клуб «Комсомольский вожак»?» И эта мысль не давала ей покоя, отчего отчёт, который она читала, плохо ею осмысливался. Елена его отложила и пригласила Куланина Ивана

Фёдоровича. Заместитель директора зашёл, неся с собой папку, в которой находились все приложения к отчёту.

– Иван Фёдорович, отчёт когда в министерство нужно представить?

– Аркадий Константинович из министерства, Елена Васильевна, уже о нём осведомлялся.

– У меня сегодня что-то, Иван Фёдорович, голова разболелась... Никак не могу сосредоточиться. Вы возьмите этот отчёт и внимательно его прочитайте. Обратите внимание на предоставленные вторым отделом разработки, а то Лопатин Пётр Иванович, бывает, допускает неточности. Как проверите, то сразу можно отправлять нарочным в министерство.

– Хорошо, Елена Васильевна, я так и сделаю.

Когда Иван Фёдорович вышел, Елена, толком не зная почему, набрала номер телефона Тамары.

Сестра была в кабинете. Услышав голос Михайловой, радостно сказала:

– Здравствуй, Леночка, как ты там поживаешь?.. Я собираюсь в Москву в командировку. Была на днях в Киеве, головное предприятие по новым моделям направляет в общесоюзное министерство. Так что скоро буду у тебя и все новости расскажу. А у тебя там как дела идут?

– Ничего, Тома, потихоньку. Я рада, что ты скоро к нам приедешь. А то я уже очень соскучилась. Может быть, Олежика с собой возьмёшь? Игорёк его очень ждёт, да и Ленусенька всё спрашивает – ей не терпится повидать нового братика.

– Если ждут, то придётся и его с собой брать. Олежик, кстати, тоже очень хочет приехать в Москву.

– Вот и чудесно. Томочка, приезжайте, будем вас обоих ждать. Как возьмёшь билеты, то позвони. Целую и пока...

– Кого же это ты, моя дорогая жёнушка, целуешь? – спросил вошедший в кабинет во время разговора Виктор Павлович.

– С Тамарой разговаривала, она собирается к нам приехать. Её в Москву в командировку направляют.

– Когда Тамара думает приехать?

– На следующей неделе, наверное, в понедельник. А

может быть, на этой неделе в четверг приедет. Её направляют в Москву в срочном порядке. Она сегодня билеты только будет приобретать. Как билеты купит, то нам она и позвонит.

– Хорошо... Значит, гости к нам скоро придут, поедем их встречать... А сейчас пойдём пообедаем. Куда, Леночка, ты хочешь, чтобы мы пошли кушать?

– Да мне всё равно.

– Тогда пойдём, моя дорогая, в ресторан, что через дорогу.

– А там нас успеют в обеденный перерыв обслужить?

– В нём народу мало днём бывает, так что не опоздаем...

Глядя на Снегирёва, Елена подумала: «Почему он так слетелся? Что же Виктор задумал сделать?»

– Ты почему так, Леночка, на меня изучающе посмотрела? Что ты хочешь понять?

– Многое, Виктор... Но не пойму никак... Ведь ты вчера безосновательно затеял скандал, нагрубил мне, обидел, а сегодня ведёшь себя, как ни в чём не бывало... Как же так можно?..

– Солнышко моё, прости ты меня. Я раскаиваюсь, я виноват... Злобно себя повёл... Этот клуб «Комсомольский вожак» мне дался... Тебя захотел в него повести, помимо твоей воли. Я словно очманел. Извини, я не только тебя не буду в него вести, но и сам в него не пойду... Мир, моя красавица... Я люблю тебя... Я без тебя жить не могу... Оттого, что мы поссорились вчера и я нагрубил тебе, как последний идиот, я всю ночь не сомкнул глаз. Меня, Леночка, очень мучает совесть. Вот поэтому я сегодня так и веду себя с тобой. Ты простила меня? Скажи мне, моя золотая ласточка, простила?

– Не знаю, Виктор, что тебе и сказать... Мне очень сложно с тобою жить... Не о таком я замужестве мечтала...

– А о каком же, моя ненаглядненькая, нежненькая, самая любименькая, дорогая моя жёнушка?..

– Виктор, ты умеешь красивые слова говорить в адрес женщин, в том числе и мой. Хочется тебе верить... и только душу тебе откроешь, как тут же ты толкаешь в омут с

головой. И практически не подаёшь руки.

– Леночка, ну что ты такое говоришь? Ты же оскорбляешь меня... Я к тебе с признанием, извинением, а ты вместо того, чтобы простить, мелочно меня обливаешь грязью.. или, мягко выражаясь, наводишь тень на плетень. Мне вновь сейчас хочется стукнуть дверь и уйти. И если ты не простила меня, то я сейчас уйду..

– Да что ты заладил: простила – не простила. Я ведь хочу до тебя достучаться, чтобы ты открыл своё сердце мне не притворством, а желанием истинной любви. А ты, как артист на сцене, всё роль играешь влюблённого, самодовольного и эксцентричного юноши. Опустись на землю и будь самим собой.. Оставь свой сценарный артистизм..

– Ну знаете ли, Елена Васильевна, я к вам всем сердцем и душой, а вы, как великая королева, цены себе не сложите. И всё ищите недостатки в других. На себя лучше посмотрите, как вы умеете уничтожать, наслаждаясь своим положением. Вот сейчас, что я плохого вам сделал? Я перед вами, моя лобезная супруга, битых двадцать минут всё оправдываюсь, пытаюсь помириться. А ты вместо того, чтобы простить, отчитываешь меня, как школьника. Ответь, разве это не так?

– Виктор, мне жаль, но мы с тобой говорим словно на разных языках и не понимаем друг друга. А я хочу тебя понять. И дело не в прощении, о котором ты говоришь, а в искренности. Почему ты со мной так ведёшь себя? Ведь когда тебе что-то надо, то ты расстилаешься ковром, а когда достигаешь своего, то вновь становишься холодным и расчётливым эгоистом.. Ответь, почему ты так поступаешь?..

Снегирёв pokrылся испариной, руки его дрожали, глаза блестели злобой, он готов был ударить Елену, однако, помня наказ Дана, начальника сатанистов, зная, что к нему он может применить пытки, Виктор, переборов себя, сдержался и вновь елеиным голосом заговорил:

– Елинушка моя, ну что мы опять ссоримся? Я буду стараться слушать и слышать тебя. Ты ведь права, я действительно большой эгоист. А ты, моя дорогая жёнушка, помоги мне исправиться. Если ты мне не поможешь,

то мне никто не поможет, и я не смогу исправиться. А я очень хочу исправиться и тебе понравиться, чтобы ты мне поверила. Ведь я действительно очень тебя люблю. Но вот я такой плохой, я и сам это вижу. А я же хочу стать лучше и прошу тебя мне помочь. Я рад, что у нас сегодня состоялся откровенный разговор, и ты своею добротой и мужеством открыла мне глаза. Я увидел все свои пороки. Я молю тебя: прости меня. Я очень хочу побыть с тобой наедине. В твоей квартире дети не дадут нам уединиться, пойдём в мою? Сын же теперь живёт в квартире Николая Ивановича, поэтому я один. Вечером после работы давай заедем к детям, отвезём им сладостей, покорим, а вечером поедим ко мне. Пригласим друзей, немного отвлечёмся. А то ты со мной нигде в последнее время не бываешь.

– Виктор, ну как же можно оставить детей одних?

– Жёнушка моя, но они же уже взрослые. Игорёк умненький, он очень хорошо себя ведёт, да и Ленусенька – девочка послушная. Им уже надо немного дать самостоятельности.

– Нет, Виктор, что касается сегодняшнего вечера, то это однозначно – я не готова к тебе идти. А в отношении завтрашнего, то, возможно, и получится...

– Тогда, моя ненаглядная, завтра. Я очень хочу с тобой отдохнуть. Хотя бы немножко расслабиться, а то на работе такая запарка, да что тебе объяснять, ты и сама находишься в таком же водовороте. Но ты, Елинушка, так меня выручаешь. Ты так много делаешь за меня – я тебе очень признателен. И очень хочу, чтобы ты хотя бы вечерок отдохнула и расслабилась в кругу моих верных друзей. А то уже столько времени мы с тобой знакомы, а ты не знаешь моих друзей.

– Завтра же четверг... Тамара, возможно, приедет. Она вот-вот должна позвонить. И мы конкретно будем знать... Пойдём уже по своим рабочим местам.

– Если Тамара приезжает завтра, то мы, Елинушка, остаёмся дома, а если её не будет, то мы идём ко мне, договорились?..

– Странно, Виктор, я не могу понять, почему ты так настаиваешь, чтобы мы поехали к тебе? Повода ведь даже

нет...

– К чему нам, Елинушка, повод? Я люблю тебя... Вот в этом и вся разгадка... Ты обещаешь пойти?..

– Какой же ты назойливый, Виктор.

– Соглашайся, Леночка, я ведь всё равно не отстану от тебя, пока ты не дашь слово, что мы с тобой поедем вместе ко мне.

– Пойдём Тамаре позвоним и будем тогда знать, едет она или нет.

И они пошли в институт, дозвонились до Тамары и от неё узнали, что она собирается к ним приехать в понедельник, поскольку на четверг билетов не было. В связи с этим Елена вынуждена была дать согласие на своё присутствие завтра на вечеринке у Виктора, где соберутся его друзья.

И вот Елена в квартире Виктора Павловича знакомится с его друзьями: Даном, Абрамом, Исааком и Милей. Михайлова сразу поняла, что лидер среди них Дан, слово которого выполняется беспрекословно. Это несколько удивило и насторожило Елену. Она видела, как Виктор стремится льстиво угодить Дану. Елене же совершенно не понравился Дан, хотя внешне он выглядел интересным. Его чёрные волосы пышной волнистой копной красиво обрамляли правильной формы лоб. Высокий рост подчёркивал в нём силу. Тёмно-карие глаза пронзительно врезались остриём своих целей, принося собеседнику порабощение воли. Знакомясь с Михайловой, он резко протянул руку, говоря: «Дан».

– Елена, – скромно подав руку, ответила Михайлова.

Затем Дан, измерив её высокомерным взглядом, явно дав понять своё превосходство, спросил:

– А как ты, Елена, относишься к существованию параллельного сверхтонкого мира, с населяющими его разумными существами другой, по сравнению с людьми, природы?..

– Мне сложно ответить на этот вопрос... Он для меня неожиданен...

– А что ты можешь сказать о неопознанных летающих объектах, или, как их сокращённо называют, НЛО?..

– Дан, я же не работаю исследователем аномальных явлений, поэтому мало что могу ответить как по первому, так и по второму вопросу.

– В настоящее время стала появляться новая концепция о существовании параллельного мира. Как, Елена, ты относишься к этому понятию?

– Дан, ты что, решил мне экзамен по уфологии устроить?

– Не экзамен, Елена... Однако по этим вопросам мне очень интересно узнать твоё мнение. Я сам к этим вопросам отношусь с большим любопытством, поскольку являюсь экстрасенсом, то есть я имею сверхъестественную способность. Вот сейчас я над твоим мужем проведу фокус. Смотри... Виктор сейчас сидит спокойно, а я шепну только тебе на ухо, чтобы он кричал, плясал, пел – и он начнёт это делать.

И Дан шепнул Елене:

– Виктор, пой частушки и пляши.

И действительно, Виктор тут же вскочил, стал петь частушки и лихо отплясывать.

– В этом, Дан, ничего удивительного нет. Вы просто могли заранее договориться, чтобы Виктор вот так себя вёл.

– Если так, то шепни мне то, что ты хочешь видеть, чтобы Виктор сделал.

– Пусть пригласит Милю и они станцуют вальс.

– Хорошо, Елена, я приказываю, – говоря очень тихо, так, что слышать могла лишь Михайлова, – Виктор, подойди к Миле, пригласи её на танец и повальсируйте до тех пор, пока я вам не скажу: «Достаточно, Виктор».

И каково же было удивление Елены, когда она увидела, что действительно после произнесённого приказа Дана, о котором слышала только она, Виктор встал, пригласил Милю, и они закружились в вальсе. И танцевали до тех пор, пока Дан не шепнул Елене: «Достаточно, Виктор». После этих слов они как вкопанные остановились, Виктор взял под руку Милю, отвёл её на прежнее место, она села, а Снегирёв отправился и тоже вальяжно уселся на свой стул.

– Убедилась, Елена, что я экстрасенс и обладаю

сверхъестественной силой. Если ты чем болеешь, то могу полечить.

– Ничем я, Дан, не болею.

– Хочешь, Елена, я сейчас поставлю диагноз, расскажу о твоих болезнях и о том, что у тебя болит?

– Не нужно, Дан.

– А я всё-таки сделаю.. И скажу, чем ты страдаешь.

Елена поняла, что перед ней находится сатанист, обладающий большой демонической силой, и он хочет найти через неё контакт с существами параллельного мира, чего Михайлова очень испугалась. Она мысленно стала крестить себя и беспрестанно про себя читала Господню Молитву «Отче наш». И всё просила Господа не оставить её в столь сложный для неё час. И что только Дан не делал, какие заклинания не произносил, но с Еленой ничего он не смог сделать. Под покровом Господа она для него оставалась неподвластной. Дан не смог ей сказать ни о каких её заболеваниях, ни подчинить её своей воле. Напрасно он ей несколько раз приказывал:

– Ляг, Елена, на пол и спи. Михайлова в упор смотрела на Дана и шептала: «Милостивый Боже, не покинь меня, не отдай в руки демона, я не хочу подчиняться его воле, я верю в тебя, Господи, укрой меня своей благодатью». И потом Елена осенила себя крестом. Отчего Дан, словно ошпаренный, закричал:

– Прекрати, прекрати.. Не мучай меня.., – и он, словно подкошенный, обливаясь потом, плюхнулся на стоящий стул, опозоренный своим бессилием перед Еленой.

От этого его настроение резко изменилось. Дан злобно приказывал своим друзьям: «Встать, лечь». Что они до изнеможения и исполняли. А затем им сказал, чтобы они расходились, а Елене злобно сообщил:

– Это не последняя наша встреча. Я тебя сумею одолеть... Ты, Елена, не думай, что ты сильнее меня.., – стукнув дверью, он вышел из квартиры Виктора. Вслед за ним ушли и все остальные.

– Елена, а что ты делала? Почему Дан не сумел тебя победить? – взволнованно спрашивал Виктор. – Из-за тебя теперь он меня изживёт со свету.

– Не бойся, Виктор, Дан ничего ни с тобой, ни со мной

не сделает... Молись только ты Господу.

– Ты что? Какому Господу? Ты же знаешь, что я в Него не верю.. Сколько это тебе надо повторять, чтобы ты запомнила?..

– Виктор, опомнись... Если ты не повернёшься лицом к Богу, не уверуешь в Него, то ты действительно погибнешь. Ведь, Виктор, все аномальные явления, в том числе и неопознанные летающие объекты – это не что иное, как гуманоиды, то есть человекоподобные существа, которые способны материализоваться. Другими словами, это демоны. Экстрасенсы, колдуны, чародеи, маги, целители – все они пользуются демонической силой, которая находится в существах параллельного мира. Ведь цель гуманоидов не изменилась, Виктор, с глубиной древности до настоящего времени. Она и прежде, и сейчас заключается в том, чтобы увести людей от путей истинного познания Творца Вселенной и Его законов на ложный путь, который ведёт к отрыву от Него и Его Божественных нетворных энергий, защищающих человека от нежелательных воздействий извне. Отсутствие защищающего действия, благодати позволяют существам параллельного мира овладеть волей и в какой-то мере разумом этих людей, что делает последних почти марионетками в руках людей, которые являются контактёрами с этими демонами.

– Так ты, Елена, хочешь сказать, что Дан сверхъестественной силой обладает за счёт того, что он её получает от демона?

– Вот именно.. Дан лечит людей не за счёт своих знаний, ведь он даже не врач, а за счёт тех знаний, что ему подсказывает демон. Дан не смог же мне установить диагноз и сказать, больна я или здорова.. И именно только оттого, что я в этот момент молилась Господу, была под покровом Творца, поэтому демон не мог контактёру Дану показать, что же со мной. Я была закрыта от воздействия демона, а вы все четверо: и ты, и Мила, и Исаак, и Абрам – полностью зависите от Дана, поскольку вы отошли от Господа, в Него не уверовали, следовательно, и не защищены благодатью Господа. В связи с чем Дан вами командует, как хочет, а, точнее, демон через Дана вами уп-

равляет. Поэтому, Виктор, я очень тебя прошу: прекрати ходить ты в клуб сатанистов, а то пропадёшь. И не лечись ты ни у экстрасенсов, ни у целителей, ни у колдунов от заболевания лёгких. Ведь их лечение демоническое, а не естественное, поэтому они и смогут тебя вылечить временно. Они лишь смогут дать облегчение. Но зато потом демон навсегда заберёт твою душу. И вечно будет ею повелевать. Вот как сегодня: вы все трое помимо своей воли унизительно выполняли странную команду Дана и по его команде ложились и вставали без причины, как ваньки-встаньки. Хорошо, что он вам пока такой приказ даёт, но он же будет заставлять вас и другие, более гнусные и тяжкие, задания выполнять. Поэтому, Виктор, остановись и не совершай более действий в угоду демона. Пойдём со мной в Монастырь, там исповедуешься, причастишься...

– Не знаю, Елена, что мне делать?.. Вы меня запутали: Дан себе говорит, что он поможет овладеть сверхъестественной силой и мне никто не будет страшен. Я тогда смогу преодолевать все препятствия на своём пути и решать любые задачи.. А ты говоришь, что это всё демонические козни. И совершаются они лишь в угоду дьяволу, а, следовательно, в уничтожение моей души. Дай мне время подумать, а сейчас я хочу побыть один.

И Елена, собравшись, уехала домой. В подъезде дома она случайно повстречалась с Иваном. Он очень обрадовался, увидев Михайлову, и сказал:

– Леночка, позволь узнать, откуда это ты так поздно возвращаешься? Я уже тебя целую вечность не видел. Не пригласишь ли ты меня на чаёк?..

– Иван, да ты сам говоришь, что уже поздно...

– Леночка, я говорю, что поздно домой возвращаться, а чайку попить, так это в самый раз, ведь ещё нет и двадцати двух часов. Дети, наверное, ещё не спят...

– Не знаю, Иван, что тебе и ответить... День у меня сегодня был очень тяжёлый... Я устала...

– Работы много, да, Елена?

– Не то что работы, а так день сам по себе выдался сложным. И поэтому я бы, Иван, не возражала, если бы ты завтра часиков в восемь вечера пришёл чай пить, а

сегодня, не обессудь, друзей встречать я не расположена...

– Тогда можно задать вопрос, на который я не смог ответить моему другу Паше? Он меня уж множество раз спрашивает: влияют ли грехи родителей на рождение детей уродами.

– Сложный вы вопрос со своим Пашей задаёте. Но, на мой взгляд, следует отметить, что духовная наследственность, действием которой обуславливается передача духовных качеств от родителей и предков к детям, внукам и более дальним потомкам, как и все другие законы, имеет свои исключения. Тем не менее очень часто причины страдания детей, их болезни, а тем более появление младенцев с врождёнными уродствами или так называемыми наследственными болезнями могут заключаться в греховности родителей или предков...

– Леночка, ты же в Монастыре была долго, ты, верно, и знаешь, а за какие грехи родителей дети утрачивают Божественную благодать и рождаются с уродствами?

– Схиархимандрит Тимофей закончил духовную академию, так вот он говорит, что люди лишаются Божественной благодати и их дети могут родиться уродами, которые свершили смертные грехи, такие как открытое богоборство, участие в разрушении или осквернении Христианских святынь, в блудных грехах, в содомии, в атеистической пропаганде, участие в колдовских обрядах, спиритизме, оккультизме, в убийстве.

– Спасибо, Леночка, просветила ты меня, а я завтра отвечу на вопрос Паше, а то он занимается оккультизмом. Я ж его за это очень браню, говорю ему, что это смертный грех. Однако он мне, по своему заблуждению и духовному безкультурью, говорит, что это просто баловство и в нём нет ничего греховного. И вот в твоём ответе я нашёл единство взглядов.

– Все вопросы, Иван?

– Если честно, Леночка, то не все. Однако мне стыдно тебе их сегодня задавать в силу того, что ты устала. Но если позволишь, то я ответ на них завтра у тебя спрошу.

– Договорились, сосед?..

– Да, – радостно ответил Иван.

И они вошли в лифт, поднялись на Еленин этаж. Иван проводил Елену Васильевну до двери квартиры, а сам вновь зашёл в лифт и, счастливый, поднялся на свой этаж, мечтая о встрече с Михайловой.

Дети не ждали Елену, так как (если помнит уважаемый читатель) она им сказала, что будет ночевать у Виктора Павловича. Поэтому они очень были рады, увидев родительницу.

– Мамуля, а ты пришла? Вот хорошо.. А то что-то Ленусенька захандрила..

– Девочка моя, что случилось?

– Не знаю, мамуля, но что-то душа болит.. И так болит, что свет не мил..

– Отчего же она болит, Ленусенька?

– Хочу к тебе на ручки.. А тебя нет.., – и она вдруг расплакалась, прижавшись к Елене.

– Иди, иди ко мне, моя золотая. Что-нибудь случилось? Ты там на улице не подралась? – держа на руках и лаская Ленусеньку, спрашивала Елена.

– Подралась, мамочка..

– А почему, моя доченька?

– Федька на меня сказал, что я брошенная сиротка..

– Не плачь, доченька моя.. Какая же ты сиротка? Ты же имеешь брата, вон смотри какой герой. И я у тебя есть. А дети всякие бывают.. Это он, наверное, тебе сказал по своему незнанию.

– Это что ещё за Федька? Ты, Ленусенька, завтра мне его покажи, я его научу, как с моей сестричкой надо разговаривать..

– Да я его, Игорёк, хорошо отдубасила. Он с рёвом убежал домой. Думаю, что уже не будет так меня обзывать, а вот душа что-то болит. Ты, мамочка, поспи со мной, почитай мне сказочку.. Побудешь?..

– Пойдём, пойдём, моя детка, я тебе почитаю сказочку про девочку Таю.

– Это какая она умненькая была и как больной бабушке помогала, да, мама?

– Про неё, моя доченька. Тая была такая же хорошая и послушная, как вот ты у меня.

– Эта сказка мне нравится, я её сама уже читала, а ты,

мамочка, прочитай лучше про Ивана-Царевича.

– Хорошо, Ленусенька, эту тебе сказочку почитаю. И Елена со старанием стала излагать её содержание. Девочка, не дослушав и до середины сказки, забылась в спокойном сне. Мать заботливо укрыла свою любимую дочурку и уже осторожно стала подниматься с кровати.. И вдруг слышит:

– Мамуля, не уходи. Поспи со мной, – Ленусенька с нежностью обхватила Елену за шею, дыша ей в лицо своей любовью и надеждою. И Михайлова всю ночь так и проспала с Ленусенькой, не замечая тесноты и неудобств от узкой кровати, держа на руке головку своей золотой деточки.

А утром благодарная дочь встала и с такой неподдельной любовью стремилась поужаживать за мамой, что я, дорогой читатель, видя эту картину, от умиления не могла удержаться и утешилась слезами радости.

И вновь легкокрыло запарил день, неся в своих объятьях многообразие ветвистых дел в свете разноцветья труда, нежности, любви, радости, печали и неудач..

ГЛАВА XXIII

У Михайловой новоявленный рабочий день выдался удачным. Она плодотворно потрудилась и решила все вопросы, которые были намечены. И уставшая, но счастливая, отправилась домой, где её поджидали Игорёк и Ленусенька. И не успели они обменяться мнениями, как в дверь позвонил Иван. Довольно улыбаясь, он протянул Елене букет пышных роз.

– Иван, ты опять мне розы принёс?.. С чем же на сей раз эти розы связаны?

– С тем, Елена, что жизнь идёт по земле. И она мне нашёптывает: «Дари этой красивой женщине цветы как можно чаще». Вот я и выполняю её пожелания..

– Всё шутишь, Иван.. Проходи в зал.

И он не заставил себя упрашивать, прошёл в зал, где его с радостью встретили Игорёк и Ленусенька. Игорёк, подавая руку, спросил:

– Иван Петрович, в шахматы хотя бы одну партию

сыграем?

– Сыграем, но мне с тобой, Игорёк, играть тяжелова-
тенько. Небось я опять тебе проиграл. Но я вот, смотри,
какую новую книгу по шахматам купил. Тебе её дарю. И
хочу, чтобы ты на соревнованиях вновь выиграл. Когда
они будут проходить?

– Где-то числа двадцатого октября.

– Тогда у тебя есть ещё время эту книгу хорошо изу-
чить и на игре со мной потренироваться.

– Спасибо, Иван Петрович...

– А где же моя Ленусенька?.. Что-то она за спину ма-
мочки спряталась. Я тебе тоже вот подарочек принёс..
Посмотри... Нравится куколка?

– Очень... Но я, Иван Петрович, уже большая и почти
что взрослая, поэтому в куклы играть я уже как-то
стесняюсь...

– Хотя ты, Ленусенька, и большая уже, однако и кук-
ла не маленькая – будешь ей платица шить. Ты любишь
шить? Или ты любишь больше вязать?

– Я шить люблю. А вот, Иван Петрович, вязать я не
умею.

– Так я тебя, Ленусенька, научу. Это совсем не слож-
но. Что у вас есть: крючок или иголки?

– Мамуля, что у нас есть?

– Ленусенька, нет у нас ни крючка, ни иголок..

– Ничего, Ленусеньки, не переживай, завтра я прине-
су вам отменные иголки и крючок. А сейчас, если маму-
ля не возражает, то идёмте чайку попьём..

– Ох, Иван, ты совершенно все деньги потратил на нас.

– Не все, Елена, ещё много осталось. Я премию полу-
чил за своё рационализаторское предложение.

– Поздравляю.. И желаю тебе, Иван, чтобы ты поча-
ще вносил рационализаторские предложения, глядишь,
мы чаще тогда будем пить чай с тортиком, – шутливо-
весело сказала Елена и пошла готовить чай.

А тем временем Игорёк с любопытством рассматри-
вал подаренную книгу, а Ленусенька, положив на левую
руку куклу и прижав её к груди, качала, напевая колы-
бельную. Иван Петрович, оставшись один и не зная, чем
занять себя, пошёл к Елене на кухню:

- Помощники нужны, Елена Васильевна?
- Нет, Иван Петрович, не нужны. Я сама справлюсь.
- И всё-таки, Леночка, я думаю, что тебе помочь необходимо. Я вот сейчас расставлю посуду.
- Если хочется, Ванюша, то вот порежь торт. И сделай салат. Мне хочется салата.
- С удовольствием.. Так вы, Леночка, ещё и не ужинали?
- Не успели.. Я совсем недавно пришла с работы. А дети любят ужинать вместе со мною..
- Ишь, какие они у тебя хитрули и везунчики.. Я бы тоже желал в этой компании всегда ужинать.. Да вот Снегирёв Виктор Павлович ревновать, наверное, будет.. Кстати, Леночка, ведь ты замуж за него вышла, да?
- Уже давно, Иван.. Второй месяц пошёл..
- И как жизнь молодая? А почему я его здесь редко вижу? Леночка, мне кажется, вы как-то странно живёте.. Он вон то ревнует тебя ко всем, не желая и на минуту оставить, а то одну оставляет на несколько дней, находясь в Москве. Или он сейчас в командировке?
- Нет, Виктор не в командировке. Он приболел, а точнее, захотел побыть один.. Ведёт он себя, ты прав, Иван, странновато. И странность эта определена не столько нашими отношениями, сколько его приверженностью к сатанизму. Он посещает сатанинский клуб, дружит с самым отъявленным, на мой взгляд, в этом клубе, главарём сатанистов Даном. И им Виктор поработён полностью. И я вижу, что Дан сделал Виктора контактером с существами параллельного мира. Демон через него стремится проникнуть в судьбы окружающих его людей. И я очень этого, Иван, боюсь. Дан Виктора от себя ни за что не отпустит. Я стала переживать за себя и детей. Как бы он каким обманым путём не повоздействовал и не набросил на нас свои сатанинские сети. И я рада тому, что он не всегда бывает здесь, а живёт в своей квартире.
- Леночка, зачем же ты за него вышла замуж?
- Так получилось, Иван. Леночка очень хотела, чтобы я её удочерила. А без мужа мне не разрешили, хотя я и имела решение суда о том, что её настоящая мать признана душевно больной. Она безнадежно больна... И что-

бы удочерить Леночку, я вышла замуж за Виктора Павловича...

– Что ты натворила, Леночка?.. Я-то думал, что ты его любишь... А ты вышла замуж, чтобы удочерить Ленусеньку... Что ж ты за такой милосердный человек? Вышла бы тогда замуж за меня, ведь я тебя с первой нашей встречи полюбил. Да стеснялся тебе в этом признаться. Ведь ты такая умная, красивая, значимая. Я, конечно, совершенно не достоин тебя. Но ты могла выйти за меня замуж, удочерить Ленусеньку, и если у тебя душа ко мне не лежала бы, то разошлась бы со мной. Я бы всё сделал, что ты только бы пожелала. Леночка, что же ты наделала?.. Почему ты мне не призналась?..

– Иван, ну что ты.. Зачем тебе такая обуза?.. Двое чужих детей, не так просто воспитывать... Надо, чтобы к ним душа лежала. А то жизнь станет сплошной мукой...

– Какая, Леночка, мука? Я же очень привязался и к Игорьку, и к Ленусеньке. Не скажу, что я их люблю как тебя, не буду лукавить, но они мне приятны. Мне хочется с ними быть, видеть их, говорить с ними, мастерить что-нибудь вместе, заниматься с ними каким-то делом, что-то им сделать приятное и так далее. Я гляжу, Игорёк и Ленусенька тоже со мною желают общаться, находиться «в одной повозке». Если бы я знал, то, Леночка, я бы ни за что не отдал бы тебя Виктору...

– Иван, я же не вещь. Как же меня можно отдать?..

– Извини, Леночка, я от волнения неправильно выразился... Я хотел сказать, что за тебя бы я боролся каждой клеточкой своей души, если бы я знал правду. Леночка, а ведь всё ещё пока можно исправить. Ты разведись с Виктором, а то он, действительно, что-то может тебе недоброе сделать. И выходи за меня замуж.. Я тогда сумею тебя защитить и отстоять...

– Что ты, Иван? Во-первых, этот вопрос для меня совершенно неожиданный. А во-вторых, Виктор согласие на развод едва ли даст, это во всяком случае будет очень большая проблема. И в-третьих, зная правду, я буду стараться, чтобы Виктор не сумел набросить на меня сатанинские сети.. А за поддержку, Ванюша, спасибо тебе большое.

– Леночка, помни, что у тебя есть я.. И я не пожалею своей жизни для тебя. Обращайся ко мне в любой час, в любую минуту, где бы я ни был, я всегда к тебе примчусь на помощь и защищу тебя, моя дорогая женщина..

– Спасибо, Иван..

– Я надеюсь, что после этого разговора, Леночка, ты на меня не обидишься и не оттолкнёшь меня от себя окончательно?

– За что же, Иван, мне на тебя обижаться? Напротив: за добрые слова и твою поддержку я тебе признательна..

И прервав беседу, Елена пригласила к столу детей. Ужин прошёл в несколько неуютной форме. Елена в основном молчала. Иван пытался шутить, но шутки теряли свою остроту и коряво ложились на разговорную речь. И вскоре Иван, сославшись на внезапную деловую встречу, ушёл в свою квартиру, а Елена села за письменный стол. Её позвали стихи. Они один за другим ложились на бумагу, неся в себе разноцветье чувств. И лишь за полночь дали ей возможность отдохнуть. А утром вновь бодрая и довольная жизнью Михайлова уехала на работу, где её уже поджидал Виктор.

– Виктор, ты что так рано пришёл? Что-нибудь случилось?

– Нет, Елинушка, ничего не случилось. Я просто за тобой очень соскучился. Вот яблочек принёс. Смотри, какие красивые, сочные. И ими хочу тебя угостить. Ехал на работу, а меня соседка угостила, вот я и решил ими с тобой поделиться, потому к тебе и заехал. На вот это, самое красивое и большое, а себе я возьму чуть поменьше.. Кушай, дорогая моя..

И Виктор протянул ей яблоко, которое, действительно, имело внешне очень привлекательный вид.

– Возьми, Елинушка моя, покушай..

Елена взяла яблоко, не желая его есть, хотела положить на стол, но Виктор настоятельно сказал:

– Ну что, я зря тебе его вёз? Кушай.

И сам аппетитно начал есть другое яблоко, приговаривая:

– Надо же, хотя и раннее, но какое вкусное.. С Кавказа, наверное, привезли. Давно я таких яблок не ел. Не

держи же, Леночка, ты своё яблоко – ешь. А то съем своё и примусь за твоё яблоко.

– Нет, Виктор, я его лучше вечером детям дам. Уж очень оно красивое, что даже есть жаль.

– Не переживай, у меня и для них есть. Вот смотри: такие же красивые, но чуть-чуть поменьше, зато одинаковые. И кому какое ни дашь, обиды ни у Игорька, ни у Ленусеньки не будет. Однако их вручу с условием, то есть не дам тебе их до тех пор, пока ты не покушаешь яблоко, что держишь в руках... Поняла, жёнушка моя?..

– Поняла... И в то же время, Виктор, не поняла, почему это ты так настоятельно хочешь, чтобы я его съела?

– Да потому, чтобы ты напилалась, Елинушка, витаминами. А то ты вон какая худенькая у меня.

И Виктор, взяв руку Елены с яблоком, поднёс её ко рту и сказал:

– Кусай... Кусай же, Елинушка моя...

Елене ничего не оставалось делать. Она откусила часть яблока, прожевала его и почувствовала во рту что-то нехорошее – хотела сплюнуть. Однако в этот момент услышала, как Виктор сказал:

– Ну что, правда вкусное?

И чтобы не огорчить мужа, Михайлова с великим трудом проглотила яблоко. Затем ещё откусила, но эта часть уже не была столь неприятной. Она съела всё яблоко. И вдруг почувствовала шум в голове и тошноту – ей сделалось плохо. Елена потеряла сознание, а когда очнулась, то увидела возле себя Любашу.

– Люба, что со мной? Почему я лежу на диване?

– Я, Леночка, и сама не знаю. У тебя был Виктор Павлович, затем он ушёл. А когда к тебе зашла Ирина, то увидела, что ты лежишь без сознания. И тогда она быстренько позвала меня, а сейчас секретарь побежала в аптеку купить нашатыря, чтобы дать тебе понюхать, да, слава Богу, ты очнулась. А мы и «неотложку» вызвали... Вот-вот должна подъе...

Не успела Люба закончить слово, как отворилась дверь, и в кабинет вошли медицинские работники. Один из них спросил:

– Кому здесь плохо?

– Елене Васильевне, нашему директору, вдруг стало плохо, и она была без сознания, – ответила Люба.

– А сейчас как вы себя, Елена Васильевна, чувствуете?

– В голове шум и тошноту в груди ощущаю.

– Мы сейчас давайте вас осмотрим, измерим давление. Вы можете сидеть?

– Наверное, могу, доктор...

И Елена села. Врач просчитал пульс, измерил давление, послушал сердцебиение. И не найдя ничего, что выходило бы за нормы, предусмотренные медициной, сказал:

– У вас, Елена Васильевна, пульс, давление и сердцебиение в норме, поэтому мы вас забирать в больницу не будем, но если состояние здоровья ухудшится, то вы вызывайте нас, мы приедем. А вообще вам нужно сдать анализы.

– Хорошо, спасибо вам большое, – тихим голосом сказала Елена Васильевна. А медицинские работники не стали больше утомлять Елену своим присутствием, удалились из кабинета. Люба же никуда не уходила. Видя, что с Михайловой творится что-то неладное, она налила стакан воды и сказала:

– Леночка, попей водички.. И поехали домой, полежишь дома на кровати. А я за тобой поухаживаю.

– Любаша, да у меня будто бы ничего не болит. Только голова кружится, шум в ней гудит и тошнота мучает.

– Всё равно, Елена, поехали. В таком состоянии надо полежать.

И они уехали домой.. Увидев Елену в таком состоянии, Игорёк взволнованно спросил:

– Мама, что случилось? На тебе лица нет...

– Что-то, Игорёк, голова закружилась... Вот мы с Любашей и решили, чтобы я полежала...

– Тогда я сейчас быстренько тебе, мама, диван разберу...

И они с Любой разложили диван, постелили на его поверхность простыню, положили ей под голову подушку. И Елена легла, укрывшись лёгким тканевым одеялом. А возле неё на стульях примостились Игорёк и Любаша.

Ленусенька, встав на колени у изголовья Елены, гладила ей лоб, волосы, грудь, руки и с любовью и нежностью приговаривала:

– Мамулечка, что же это ты, наша родненькая, заболела? Вот беда-то... Но мы тебя вылечим. Мы будем Боженьке молиться, и Господь снимет с тебя боли. Правда, Игорёк? Пойдём вместе с тобой помолимся...

Игорёк и Ленусенька встали, пошли на кухню и стали молиться, читая вслух Господнюю Молитву, чтобы Елена скоро выздоровела. И в этот момент Елена вдруг как закричит, совершенно несвойственным ей диким, грубым и злобным голосом:

– Прекратите, не молитесь. Ваша молитва жжёт мне грудь. Мне становится нечем дышать...

Люба и прибежавшие из кухни перепуганные дети смотрели на Елену и не узнавали её. У неё в глазах стал гореть словно пожар, лицо исказилось, она стала извиваться от боли, крича:

– Не смейте больше молиться, выкиньте все иконы, иначе я вас всех выброшу из окна...

Ленусенька, слыша такие грозные слова из уст своей всегда спокойной мамы, не зная в чём дело, от страха горько расплакалась... Люба знаками им показала, чтобы они сели на стулья и Ленусенька прекратила плакать. Сама в волнении стала поглаживать руку Елены и шептать:

– Леночка, успокойся, не шуми.. Расскажи нам, тебя кто-нибудь чем-нибудь угощал сегодня на работе?

– Никто меня ничем не угощал...

– А Виктор Павлович у тебя с утра был в кабинете, он тебе что давал? Вспомни.

– Виктор дал мне яблоко и сказал, чтобы я его съела.

– И ты, Леночка, его скушала? Вспомни, пожалуйста, это очень, очень важно.

– Что тут важного... Я его съела и всё... И что это ты ко мне прицепилась? – вновь неистово стала кричать Елена Васильевна уже на Любашу, грозно хмуря брови, готовая её ударить.

– Не сердись на меня, Леночка... Я тебя очень прошу: не сердись и успокойся.

Но Михайлова, слушая и не слыша Любушку, вдруг вскочила с дивана и стала звонить Виктору, говоря ему:

– Дорогой мой, чем ты там занят? Приезжай ко мне. Нет, лучше я к тебе приеду. Пригласи Дана, я хочу с ним пообщаться и повеселиться в твоей компании... Так что через час я буду...

Услышав такой разговор, Люба совершенно растерялась и, не зная, как ей поступить в такой ситуации, сказала:

– Леночка, лежи, ну куда ты пойдёшь в таком состоянии...

– Состояние у меня нормальное. Сейчас я поеду к дорогому своему муженьку... Поняла?..

– Никуда я тебя, подружка моя, не отпущу!

– Да я тебя и спрашивать не буду! Ты кто мне такая, чтобы мной командовать?!

И Елена, вскочив со стула, резко толкнула Любу, что та чуть не упала, и начала собираться. А Люба стала звонить Семёну, думая его срочно вызвать сюда. Но его не оказалось на месте. Тогда Романова стала звонить Ивану, но и его тоже не было. Растерянная Люба приказала Игорю, чтобы он звонил Семёну и Ивану, а дозвонившись, передал, чтобы они приехали и ждали здесь от неё звонка. И Игорь и Ленусенька чтобы тоже были здесь и никуда не выходили. И ещё в волнении и страхе добавила:

– Игорёк, ты же понял?.. С мамой творится что-то недоброе.. Её отпускать одну нельзя, поэтому я поеду с ней.

Затем она, посмотрев на Елену и думая как-то удержать её дома или хотя бы оттянуть время ухода Михайловой, стала настоятельно просить:

– Леночка, давай пообедаем или хотя бы чаю попьём, а то есть очень хочется.

– Если желаешь, то ты оставайся здесь и ешь, и чай пей.. А мне ни есть, ни пить не хочется, поэтому я поехала.

– Леночка, Леночка, постой, ну дай я хотя бы приведу себя в порядок..

– И так хороша.. Ты надоела мне уже со своими капризами. Ждать тебя больше не стану, – и Елена оттолкнула.

нула Любу, открыла дверь и пошла к лифту.

Любушка вслед за ней выскочила из квартиры и успела вместе с Михайловой забежать в лифт. Выйдя из лифта, они направились на квартиру к Виктору Павловичу. Когда Елена с Любой позвонили к нему в дверь, вся компания уже была в сборе. И Виктор, открывая дверь и пропуская их в квартиру, спросил:

– Елена, говорила, что через час приедешь, а уже третий час тебя ждём. Что случилось?

– Ничего, дорогой мой мужёк, – целуя Виктора, ответила Михайлова.

И она, ведя за собой Любу, прошла в зал, где сидели Дан, Абрам, Исаак и Миля. Обращаясь к ним, Елена распушенно-кокетливо сказала:

– О-хо-хо! Кого я вижу... А я вам нового члена привела, Любовь Андреевну... Так что принимайте её в свою компанию...

– Это ещё надо посмотреть: сдаст ли она экзамен и пройдёт ли она испытание. Авось она, как ты, заартачится?

– Но лучше позже, чем никогда, – развязно парировала Михайлова. – Давай, Дан, начинай свой экзамен.

Люба вначале растерялась, затем взяла себя в руки, поскольку поняла, что она попала в логово сатанистов и что с ней здесь считаться не станут. И Люба незаметно перекрестилась и мысленно стала постоянно читать Господнюю Молитву. А Дан, взглянув на неё, измерив Романову своим пронзительным взором с головы до ног, сказал:

– Любовь Андреевна, спойте песенку «Расцветали яблони и груши».

– Я не певица и песни этой не знаю, поэтому петь не буду...

– Дан, а хочешь я спою вместо моей подружки?..

– Не возражаю, Елена... Но лучше всё же исполни то, от чего ты отказалась в нашу первую встречу.

– А от чего я отказалась?..

– Ты не захотела заниматься зарядкой. Так что: лечь... Встать... Лечь... Встать...

И Дан, наслаждаясь своей властью, множество раз да-

вал команду Елене, и она льстиво ему подчинялась, изнемогая от усталости. От увиденного у Любы на глаза навернулись слёзы, ей до боли было жаль Елену. Она уже нисколько не сомневалась в том, что сатанисты сумели через яблоко, которое та съела, не перекрестив его, вселить в её душу беса. И все эти команды выполняла не Лена, а вошедший в неё бес.

Наблюдая за командами Дана и за действиями Елены, Люба всем сердцем мысленно молилась, прося Господа помочь ей, и также взывала выгнать из души Михайловой беса. Пронзая Любу взглядом, чувствуя её молитвы, Дан заорал:

– Скажи, Елена, своей подруге, чтобы она прекратила про себя шептать молитвы – они мне жгут душу. И ответь ей, как ты относишься к Богу? Ты любишь Господа? Ты веруешь в Иисуса Христа?! Говори!..

И вдруг лицо у Елены вновь исказилось, глаза безумно заблестели, и она неистово стала кричать, что ни в какого Бога не верит, что Он её враг, и что Люцифер и Дан её вожди, и что она будет служить только сатанистам. И стала слать проклятия в адрес Иисуса Христа, но тут же рухнула на пол, начала биться, у неё изо рта и носа полилась кровь, но всё же продолжала выкрикивать злобные слова. Люба очень испугалась за Елену, но понимала, что их спасение заключается в том, чтобы не отдавать себя в подчинение Дана. И Люба крепилась изо всех сил, моля Господа выдержать все козни лукавого и победить его. Сила Молитвы Господней сразила плавно-го сатаниста, и он заорал:

– Прекрати, Елена, злобно говорить про Бога, а ты, Любка, тоже заткнись и не читай Господнюю Молитву.

Но Люба ни на секунду не прекращала взывать Господа, тогда Дан не выдержал и выгнал её и Елену из квартиры Виктора Павловича, говоря:

– Мы ещё посмотрим, чей верх будет. Елена тоже упиралась и нам не верила, а сегодня извивалась и с кровью доказывала свою любовь к нам. Ты, Виктор, молодец, что сумел Елене подсунуть колдовское яблоко и заставил его съесть. А через это яблоко в неё вошёл дьявол. И демон вошёл в неё великой силы. А после сегодняшнего

отступничества от Бога демон ещё больше в душе Елениной закрепился. Теперь её душа в наших руках. Мы через неё доберёмся и в Монастырь, и к схиархимандриту Тимофею, и к отцу Василию. Заставим и их совершить отступничество от Бога, разорим Монастырь, а то этот Монастырь – очень большая помеха для нас и наших действий. За совершённую работу тебе, Виктор, я выношу благодарность. Скоро я поеду к своему другу в тульские леса, они очень красивые, там много водится разного зверья, особенно диких кабанов. Так в качестве поощрения возьму тебя поохотиться именно на кабанов, поскольку мясо у них отменное...

– Спасибо, Дан, рад стараться для развития нашего клуба. И с удовольствием принимаю предложение поохотиться... Дан, а можно задать вопрос?

– Задавай...

– Скажи, а если бы Елена, прежде чем съесть заколдованное яблоко, его перекрестила, то дьявол бы вселился в её душу?

– Виктор, конечно же нет. Ты же знаешь, сила Божьего Креста очень великая. И сатана через Крест Божий никогда не сможет переступить. Поэтому надо проявлять большое искусство, чтобы хитростью суметь вселиться в души доверчивых людей. А из души человеческой дьявола выселить – ох какое большое усилие, да крепкую веру и благодать Господнюю надо иметь...

Дойдя до этих строк, я с тобой, добрый читатель, хотела бы немного порассуждать и сказать о том, что в наше время, когда по телевидению, с различных сцен, многообразных изданий на нас взирают целители, колдуны, экстрасенсы, чародеи и предлагают нам свои услуги, то ли чтобы нас лечить, то ли чтобы способствовать нашему похудению, то, на мой взгляд, они нацелены не на наше улучшение, а на то, чтобы похитить наши души. А точнее, сделать нас, наши души контактёрами с существами параллельного мира, то есть демонами, и через них управлять нами. Ведя нас к отрицанию Господа, к лености совершения молитв Творцу, в том числе хотя бы осенения себя крестом перед вкушением пищи. Что в конце концов ведётся к вечной гибели... А ты как, любезный

читатель, считаешь? Я не права?.. Мне очень хочется, чтобы ты, уважаемый читатель, задумался и принял для души полезное решение...

Однако, впрочем как всегда, останавливаться надолго нам нельзя, поскольку каждую секунду всё течёт, всё изменяется. Изменилась несколько ситуация и у наших героев – Ивана и Семёна: они в глубоком волнении уже несколько часов в квартире Михайловой ожидали Елену и Любу, а их всё не было.. И вот, наконец, раздался звонок, Иван открыл дверь и увидел Лену и Любу. Елена была очень поникшая и выглядела больной. Она безразлично взглянула на Ивана, прошла в зал и там села на диван. А Иван, следуя за ней, спросил:

– Леночка, что случилось?.. Ты выглядишь печальной...

– Ничего, Иван, со мной не случилось, я просто очень устала и хочу лечь и отдохнуть...

– Полежи, Леночка, – не зная, что сказать, ответил сосед. Однако Люба, позвав Ивана и Семёна в кухню, сообщила:

– В Елену вселился дьявол. Она пороку бывает неадекватной, особенно, когда взывают при ней к Богу, молятся, прося Господа спасти её душу. В квартире Виктора у Елены изо рта и носа обильно шла кровь. Сатана её очень мучает. И часто в ней говорит дьявол своим грубым, мужским голосом. Он её может поработить окончательно. Она очень скоро может спореть. Елену срочно нужно спасти, освободить её от сатаны. Поэтому мы сейчас же все поедem в Монастырь к схиархимандриту Тимофею. Возможно, он изгонит дьявола. Но Леночка бывает очень буйная, сама она в Монастыре на службе стоять не будет, её надо будет держать. Поедем все вместе. Ленусеньку оставим у мамы, а Игорь будет нам помогать. Так что, Иван, беги за машиной, а Леночка пусть пока отдохнёт, легче ей тогда будет ехать...

Получив задание от Любы, Иван тихонько вышел из квартиры и побежал в гараж, который находился в тридцати минутах ходьбы от дома. Когда он уже вернулся вновь в квартиру, поставив машину у подъезда, Елена ещё спала. Люба умышленно громко кашлянула, стук-

нула дверь, но Елена не просыпалась. Тогда она подошла к Михайловой и вполголоса сказала:

– Леночка, поехали к маме съездим.. Завтра всё равно выходной..

– Да не хочется мне, Люба. Вы едите, а я дома остаюсь. Я плохо себя чувствую..

– Нет, Леночка, мы без тебя не поедем. А мама очень хочет, чтобы мы приехали. Вон смотри, и Иван хочет ехать... Он уже подогнал машину к подъезду..

– Мамочка, поехали, я никогда ещё не каталась на машине Ивана Петровича. Там на речке покупаемся. Опять собираем. Я так люблю жареные опята..

– Не хочется мне, Ленусенька, ой как не хочется. Всё тело болит, его мне словно палками били. Но ради вас, так и быть, поеду..

– Спасибо, мамочка. Давай я тебе туфельки обую..

– Ладно, уже я сама обуюсь..

И вот они все сели в машину. Иван с Любой сели на передние сиденья, а Семён, Елена, Ленусенька и Игорёк разместились на задних местах – Иван умело повёл машину. Новенькая «Победа», подаренная родителями Ивану, юрко бежала по асфальту, оставляя за собой тяжёлые грузовые машины, пассажирские автобусы. Они за короткое время добрались до Златоречья, там оставили Ленусеньку, а сами, не заходя даже в дом, направились в Монастырь, чтобы успеть на вечернюю службу.

Елена всю дорогу дремала, она словно не осмысливала, куда ехала. Однако, как только стали подъезжать к Монастырю, Елена стала кричать:

– Куда это вы меня везёте?.. На погибель, а?.. Остановите машину... Если не остановите, то я выпрыгну..

Иван притормозил машину. Люба села тоже на заднее сиденье. Елену разместили между Семёном и Любой, а Игорь сел ей на колени. И машина вновь поехала к Монастырю, до которого оставалось метров пятьдесят. Как вдруг Елена стала ещё неистовее кричать:

– Не поеду.. Не хочу.. Остановите машину, а то я сейчас на ходу выпрыгну.

Но выпрыгнуть Елена не смогла, поскольку её плотно с обеих сторон прижимали Семён и Люба, Игорь не да-

вал ей биться ногами. И вот, наконец, добрались до Монастыря. Все вышли из машины... Иван и Семён, взяв под руки Михайлову, повели её на службу. Елена безумствовала, издавая вопли, затем стала ругаться, используя нецензурную брань и пытаясь вырваться и убежать. Но Семён и Иван очень крепко её держали. Они её близко подвели к алтарю. Службой как раз правил схиархимандрит Тимофей. Увидев извивающуюся Елену, он сразу понял, в чём дело. Но службу не прервал, а продолжал её вести. А когда батюшка Тимофей стал читать Евангелие, то бес, сидящий в Елене, закричал громовым голосом:

– Прекрати палить меня огнём, мне больно, я тебя ненавижу...

Потом стал ещё более нецензурными словами ругаться, визжать, как свинья, когда её режут. Батюшка же Тимофей подошёл к Елене и святой водой омыл ей лицо. Сидящий в ней дьявол скулил, лаял, шипел. Глаза Елены налились кровью. Пот ручьями стекал по её лицу, рукам. Она стояла вся мокрая, как после дождя. Смотреть на Елену было страшно. Семён и Иван тоже взмокли от напряжения и волнения, но продолжали крепко держать Елену под руки.

Служба уже закончилась, а батюшка Тимофей стал усердно читать молитвы специально предусмотренные для изгнания бесов из человека. И дьявол не выдержал, заорал пронзительным, неимоверно неприятным и оглушительным криком – и вышел из Елены..

Михайлова сразу обмякла, руки, как плети, повисли, и она почувствовала острую тошноту. Ей подали быстро тазик. И у неё началась рвота. Из желудка потоком выплёскивалась смолянистая жидкость. Батюшка Тимофей дал ей выпить святой воды. Елена вновь вырвала. Но это уже была более светлая жидкость. Схиархимандрит вновь ей налил святой воды, Лена выпила целую кружку, и после этого рвота прекратилась. Елена почувствовала облегчение. Голова перестала болеть и кружиться, исчез шум в голове. Изнемогая, но наконец-то осмысливающая Елена посмотрела на батюшку Тимофея и спросила:

– А что со мной было?

– В тебе, Леночка, сидел бес, но, слава Богу, молитвами Господа он изгнан. И те недомогания, что ты сейчас терпишь, к утру пройдут.

– Спасибо, батюшка Тимофей.. А я ведь ничего не помню. Помню только, как ко мне на работу пришёл Виктор. И практически силой заставил съесть яблоко. Я его съела и после этого очень мало что помню.

– Леночка, ты же знаешь, что Виктор нечестивец.. Что же это ты, взяв от него яблоко, не перекрестила его, а сразу стала есть? Теперь смотри же – не бери от него ничего. А то эти сатанисты тебя в покое не оставят. Они тебя хотят сделать орудием для их собственного увеселения. Но ты не бойся. Просто будь осмотрительнее и без осенения крестом в рот и в руки ничего не бери. Даже если вещь и будет заколдована, но ты её перекрестишь, беря в руки, и бес не сможет поселиться в тебе и вершить злые дела. А сейчас едьте домой, тебе надо отдохнуть. Ты прошла очень сложное испытание. Бес в тебя был вселён очень большой силы. Как приедешь, вызови врача, на работу не спеша, а то в тебе произошло очень большое истощение сил и энергии. Но не переживай, всё уже позади. Ты, детка, прошла испытание.. Слава Богу, что Любушка рядом была, не дала тебе пропасть. Конечно же это всё Господний промысел. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, что, Леночка, всё обошлось, всё хорошо.. А Дан и Виктор за свои злодеяния понесут тяжкое наказание – им уготован ад. И смерть у них будет ох тяжкая.. А ты не бойся: впереди тебя ждёт светлый путь. Бесноватость тебя не коснётся больше.

– Батюшка Тимофей, скажите, пожалуйста, почему и как бес проникает в человека?.. Ведь он невидимый.. И кто управляет человеком: вселившийся в него бес или человек?..

– Бес входит в человека, как воздух.. Живя в человеке, он порой молчит и о себе не даёт знать. Это, как правило, когда бес вселяется небольшой силы, тогда и человек, живя с этим бесом, является менее бесноватым. В тебя же, Леночка, дьявол был вселён большой силы. Он завладел тобой и, в основном, руководил твоими действиями, поэтому ты мало что и помнишь.. И хорошо сдела-

ла Люба, что сразу тебя со своими мужчинами привезла в Монастырь. Бес, поселившийся в тебе, хотя и большой силы, но он, как говорится, ещё не успел освоиться в тебе. А если бы позднее, то его сложнее было бы изгнать из тебя. Он много бы сумел зла натворить, занимаясь в человеке богоборством. Ты не помнишь, Лена, но через твои уста бес говорил пакости против Бога, в том числе выкрикивал злобные и непристойные слова, даже в таком вот Святом месте, как Монастырь. Поскольку на демона, хоть он и находится в человеке, молитвы действуют (и особенно, если идёт Божественная Литургия) горящим огнём. Говоря другими словами, беса, когда идёт Литургия, словно бросают в горящий костёр. Поэтому дьяволы так страшно кричат. И сегодня некоторым неискрушённым на службе прихожанам казалось, что кричала Елена, но это не она кричала, а находящийся в ней бес. Это он не выдерживал молитв, которые выжигали его из души Елены раскалённым железом, и кричал самые злобные слова. И не вытерпев жгучих мук, выскочил из Елены.. Однако, когда он живёт в душе, надо сказать, что дьявол питается энергией человека, творя зло, и чувствует себя очень комфортно. Поэтому он и стремится всегда попасть в душу человека и управлять им в причинении зла, поскольку бес может жить прекрасно только во зле..

Всё, Леночка, иди уже.. На все твои вопросы я ответил, а на какие ещё не успел, то задашь на следующий раз, тогда я тебе расскажу, а сейчас тебе надо полежать. Ты сегодня будешь ехать в Москву или переночуешь у Марии?

– У мамы переночуем.. Куда ей ехать такой слабой? Правда ведь, батюшка Тимофей?

– Если есть такая возможность, то конечно лучше переночевать у Марии.. Мужчины завтра не работают?..

– Нет, не работаем. Ни я, ни Семён, а дети лишь через три дня в школу идут, – за всех ответил Иван.

– Если мы будем ночевать у Марии Ивановны, то, батюшка Тимофей, завтра мне можно будет со всеми своими прийти на утреннюю службу?..

– Конечно можно, а почему же нельзя?..

– Спасибо вам сердечное, батюшка Тимофей, вы вновь

меня спасли.. Вырвали меня из лап беса.. Вернули меня к полноценной жизни. Как же я вам благодарна и признательна, сколько же вы для меня сделали доброго и светлого.. Низкий поклон вам, батюшка Тимофей, вы мне не только духовный отец, но и роднее родного. Я очень вас полюбила за ваши великие духовные подвиги и то добро и заботу, что дарите вы людям. Вы свет, которым спасаете вот таких грешных, как я. Без таких, как вы, наш мир погрязнет окончательно в рутинности грехопадений. Лишь благодаря таким вот, как вы, на земле светит солнце, есть радость жизни и свет, который освещает нам, грешным, путь, зовя к осмыслению пройденных дорог и распахивая простор к Господу к Его неподкупной правде, искромётной глубинной вере, прокладывающей стезю в Вечность.. Спасибо вам за всё, батюшка Тимофей...

И Елена со слезами радости и откровения поцеловала схиархимандрита, прося у него благословения на предстоящие дела. Её примеру получения благословления последовала и Любушка, и Семён, и Игорёк, и Иван, которые тоже были безмерно рады тому, что Елена вновь обрела русло своей прежней жизни и избавилась от вселившегося в неё дьявола. И они тоже благодарили батюшку Тимофея за его добрые благожелательные и благочестивые дела, которые он вершит для народа. На что схиархимандрит ответил:

– Мне радостно слышать ваши тёплые слова в мой адрес. Но, дорогие мои братья и сестры, это не мои заслуги, а это всё Господь ниспосылает. Творец бережёт чад своих, которые стремятся искать тропу к Нему. И он даёт её.. Стучащим Бог открывает дверь и ведёт к воротам спасения.. Всесущий никого не оставит за стеною тьмы, если стучащий молит дать ему свет, который бы осветил ему стезю прозрением и желанием следовать Господним путём. Для этой цели Бог-Отец послал нам, грешным, Бога-Сына, Иисуса Христа, чтобы научить нас добру, смирению и праведной жизни. И Иисус Христос ценою своей жизни, шагая через все тернии мук и истязаний, преподал нам урок терпения и любви к народу, во прозрение и спасение нас, грешных, недостойных такой ве-

ликой милости Господней. А Творец, разъясняя, вёл людей к блаженной жизни. И учил народ, чтобы он стремился осознанно вершить добрые дела и не совершать зла, поскольку злые поступки даже одного негодяя могут обречь тысячи, иногда и миллионы на нужду, горе, бедствия.. Но Вера в Господа, глубокая Вера в Бога даже в таких ситуациях защитит тех людей, которые стучатся во врата спасения, и Творец их пустит под Свой покров и защитит от обрушившегося на них зла. Вот и Елену спасла её вера и ваша вера.. Вы братья и сестры своей верой в Господа привезли Елену в Монастырь, а я лишь выполнил свой долг. И силой Господа, которую мне ниспослал Всевышний, за благие дела, творимые Еленой и вами, изгнал дьявола..

– Спаси вас Господи, батюшка Тимофей, за ваши добрые слова и благочестивые дела.. Защитник вы наш..

– Я уже, Леночка, сказал: Господь – наш Спаситель и защитник наш.. Слава нашему Отцу и Сыну и Святому Духу, во веки веков! Аминь..

И батюшка Тимофей перекрестился и пошёл в свою келию, а Елена, Люба, Игорёк, Иван и Семён поехали к Марии Ивановне. Она уже не раз вместе с Ленусенькой выглядывала на улицу, ожидая из Монастыря Елену и всех остальных. И вот отворились двери, и во двор заехала машина. Ленусенька бегом подбежала к машине. Увидев улыбающуюся Елену, очень обрадовалась, и открыв дверцу «Победь», спросила:

– Мамочка, тебе полегче?.. Давай твою руку, я помогу тебе из машины выйти.

– Ленусенька, здоровье, слава Богу, хорошее. Чувствую себя нормально..

– Правда?.. И ты не будешь, мамулечка, как пьяный мужик, кричать?..

– Не буду. Мне батюшка Тимофей помог избавиться от этого недуга.

– Мамочка, мамочка, вот счастье-то какое! А то я так боялась, что ты не выздоровеешь. Мы тут с бабушкой тоже молились и слёзно просили, чтобы Господь помог тебе. И Господь помог, слава Богу!

– Слава Богу, Ленусенька.. Спасибо, что вы с мамой

Маней за меня молились, – обнимая и целуя дочку, приговаривала Елена.

Затем подошла к Марии Ивановне и её обняла, поцеловала и, светясь улыбкой, сказала:

– Мама Маня, я есть хочу и спать...

– Пойдём, пойдём, Леночка, мы тут твоих любимых опять целую сковороду нажарили. Ленусенька их вон целое лукошко насобирила. Садись, Леночка, за стол, будем на дворе ужинать.

Лена села за стол на скамейку, рядышком с ней приютилась Ленусенька, а с другой стороны разместились Игорёк, Иван и Семён. А Любушка помогала матери накрывать на стол. И стол быстро украсился яствами: салатами из огурцов и помидоров, борщом, жареной картошкой с опятами, молоком, компотом, хлебом и другими продуктами. Увидев столько всего на столе, приехавшие ощутили чувство голода, ведь они уже более суток ничего не ели. Поэтому все ели с аппетитом, быстро опорожня посуду от имевшейся в ней еды. Одна Мария Ивановна не ужинала, а всё подливала то одному, то другому то борщика, то молочка или ещё чего-нибудь, светясь радостью встречи и доброй новостью о выздоровлении Елены. А Елена, быстро насытившись, пошла отдыхать. С нею пошла и Мария Ивановна. Она помогла Леночке разобрать кровать и лечь, а затем присела и сидела возле неё, пока Елена не уснула, а она уснула очень скоро. Убедившись в том, что Елена спит, Мария Ивановна пошла к столу.

Сидящие за столом тоже уже поужинали и вели беседу, анализируя злые действия Виктора и Дана и радуясь благополучному исходу с Еленой. Наговорившись вволю, они помогли Любушке убрать со стола, помыть посуду и тоже отправились спать.

А ранним утром встали и поехали в Монастырь на утреннюю службу. В Монастыре с душой помолились Господу и отслужили благодарственный молебен. А после службы, сердечно попрощавшись с настоятельницей Монастыря, с монашенками, отцом Василием и батюшкой Тимофеем, обещая через недельку приехать вновь, отправились в Москву. В Москву они приехали, когда

уже вечер спешил укрыть небо звёздами, разбрасывая их светящимися узорами Большой и Малой Медведицы. Подъехав к дому, Ленусенька, Игорёк и Елена вышли, а Иван повёз Любу и Семёна к их месту жительства. Елена же с детьми поднялись на свой этаж, открыли дверь в квартиру, а там их ждали гости – приехали Тамара и Олежик.

ГЛАВА XXIV

Олежик за эти месяцы, пока они не виделись, заметно подрос и несказанно был рад тому, что вновь приехал в Москву. Он поцеловал свою тётушку, как он называл Елену, а затем по-братски обнялся с Игорьком и, подходя к девочке, протянул руку и сказал:

– Олежик... Я брат Игорька...

– А я сестричка Игорька, Ленусенька. Это ты из Донбасса приехал, да? Мне мама о тебе и о тётке Тамаре рассказывала.

– Кому это?.. Что это мама рассказывала?.. – беря Ленусеньку на руки, спросила Тамара.

– Мне, тётя Тамара, мамуля о вас много рассказывала и обещала, как к вам в Донбасс поедет, то возьмёт и нас с Игорьком.

– Вот и чудесно, Ленусенька.. Конечно же приедешь к нам и посмотришь, где твоя мамуля жила, – обнимая и целуя девочку, говорила Тамара.

Затем, поставив Ленусеньку на пол и обращаясь к Елене, спросила:

– Сестричка, это что же ты так похудела?

– Томочка, у меня в последнее время суеты было много, вот, наверное, из-за неё я и похудела..

– А сегодня, где это вы были? Хорошо, что ключ с собой прихватила, а то бы сидели на ступеньках в подъезде...

– Любимая моя сестричка, поездка оказалась совершенно непредвиденной. У меня столько разных новостей накопилось, пойдёмте поужинаем, и я тебе их порассказываю.

Но сейчас вначале, Томочка, я хочу тебе тифельки подарить... Смотрите, нравятся?..

– Очень... И не жмут... Хорошо ногу облегают... Спасибо тебе, Леночка... А я вот платящие Ленусеньке привезла...

Ленусенька, иди-ка ко мне, примерь обновку, платящие подходит тебе?

– Очень подходит, – одев наряд, сказала Ленусенька.

– А я переживала, думала, что большое будет...

– Нет, тётя Тома, совершенно платящие не большое. Я ведь взрослая, мне же девять год уже...

– Да ты у нас большенькая девочка, – утешительно сказала Тамара.

Потом достала подарок из сумки Игорьку и ему подарила. И обращаясь к Елене, сказала: «А тебе, Леночка, ничего не привезла. Не смогла ничего приличного подыскать, завтра мы с тобой побегаем по магазинам и что-нибудь мне и тебе подберём».

– Томочка, не надо мне ничего... У меня есть всё необходимое. Пойдёмте, я вас покормлю...

И Елена, покормив своих дорогих гостей и уединившись с Тамарой на кухне, повела с сестрой доверительный разговор.

– Леночка, прости за любопытство, а где твой супруг?

– С Виктором, Тамара, целая проблема. Я не знаю, как мне с ним поступить. Он мне такую гадость сделал. Из-за него я чуть одержимой бесом не стала.

И Елена рассказала сестре, как её Виктор накормил запрограммированным дьяволом яблоком, отчего она стала бесноватой и творила ужасное богоборство, и как ей было плохо. И как Семён, Иван, Люба, которые поняли, в чём дело, в принудительном порядке отвезли её в Монастырь. И как там схиархимандрит молитвами изгнал из неё беса. Вот собственно поэтому их сегодня дома и не оказалось.

Тамара очень внимательно слушала сестру, потом не удержалась и сказала:

– Какой же подлец этот Виктор... Он знает, что ты ездила в Монастырь?..

– Нет, Тамара, не знает. Если бы он узнал, то он бы сделал всё, чтобы я в него не попала.

– Вот ты у нас, Лена, не успеешь от одной проблемы

избавиться, как уже в другую впрягаешься... Зачем ты за него замуж вышла? Он же тебе не нравился...

- Да без мужа мне Ленусеньку не разрешали удочерить...

- А теперь ты с Виктором расходиться станешь?

- Не знаю, Тома... Он, наверное, мне развод не даст... Мне надо как следует всё обдумать, чтобы не совершить следующую глупость...

- Да... Леночка... Ситуация, прямо скажем, наисложнейшая... Может, тебе пока в отпуск пойти?..

- Если он поймёт, что из меня бес изгнан, то отпуск не даст, поскольку Дан его обяжет меня известить. Да и сам он будет бояться, чтобы я никому ничего не сказала, поэтому будет стремиться или меня убить, или вновь сделать бесноватой. Виктор сам находится под властью Дана. А Дан, ты, Тома, не представляешь, какой это страшный зверь. Он обладает очень большой сатанинской силой. И если Дан захочет, то он сумеет сделать меня одержимой дьяволом. Он такой лукавый, что я и не сумею понять, когда он против меня станет плести сатанинские козни. Дан ведь Виктора поработил. Это я поняла, как сама побывала в дьявольских сетях. Человек ведь, Тамара, тогда собой не руководит, им управляет бес. Вот почему Виктор то бывает очень любезен, нежен, а то безумно ревнив и злобен, готов убить человека.

- Ой, Леночка, что же это творится?.. Мне страшно за тебя. Тебя же могут убить эти сатанисты?!. Если не Виктор, то Дан.. Надо что-то делать, Лена! Может быть, тебе со мной в Шахтёрск уехать?.. И там хотя бы временно пожить?..

- Это, Томочка, ровным счётом ничего не даст. Если я уеду тайно, то они сразу всё поймут и легко меня найдут в Шахтёрске. Мне кажется, что нужно играть роль одержимой хотя бы некоторое время, чтобы понять ситуацию. Я в понедельник вызову на дом врача, поскольку в пятницу ведь меня на работе била судорога, и были врачи, которые меня осматривали, и этот факт они зафиксировали. Поэтому завтра я возьму больничный. Да, Тамара, признаться, я действительно пока себя чувствую не совсем здоровой. Когда я была в Монастыре и там шла

Литургия, дьявол так сильно меня изматывал, что я от боли извивалась, словно находилась в огне. Однако на мне не было ни одной сухой нитки. Я стремилась всеми путями убежать из Монастыря, и меня Семён, Иван, Люба и Игорёк еле удерживали.

– Леночка, а когда батюшка Тимофей дьявола из тебя изгнал, то ты как чувствовала себя? Сразу лучше стало?

– Да... Я сразу почувствовала себя, своё тело, то есть как бы я почувствовала истязательность своего тела, но это уже была я. Я полностью сразу себя осознала и могла руководить своими действиями. А как я визжала, кричала в Монастыре, то этого я абсолютно не помню. В этот период человек сходит с ума, и всеми действиями человека руководит бес. Его Господняя Молитва печёт, и дьявол от боли словно пытается разорвать душу человека и освободиться от мучений, но, не получив желаемого и не в силах больше терпеть, бес покидает душу, а состояние человека становится после этого тоже крайне измотанным и ослабленным. Поэтому мне батюшка Тимофей и сказал, чтобы я полежала в постели хотя бы недельку.

– Ой, Леночка, какие же муки тебе пришлось вытерпеть... – и Тамара вдруг расплакалась, обнимая сестру.

– Не плачь, Томочка, всё уже позади.. Не переживай, сестричка моя, Бог даст – всё образуется. Поэтому я завтра с тобой по магазинам не пойду. Но тебя будет сопровождать Иван, да и Игорёк уже неплохо знает Москву.. И он может показать тебе наши ведущие магазины..

– Леночка, да не волнуйся ты.. Какие там магазины.. Я в министерство сбегая, а потом с тобою буду.. Я всё никак успокоиться не могу: всё же какой стервец этот Виктор Павлович!.. Как он посмел так поступить с тобой? Ты ему столько доброго сделала.. А он такую боль тебе преподнёс.. Всё это я никак осмыслить не могу. А вообще, скажи, как он управляет коллективом? Как выполняет работу?.. Как ездит в командировки, там проводит испытания, а?.. Если Виктор сатанист? У него же с психикой не всё в порядке, он же чудовище!

– Тамара, наверное, у Виктора определённые психические отклонения имеются. Но сатанизм его особо проявляется, когда речь идёт о Боге, о силе Всевышнего, о

власти и вечности Господа, о восславиИ Иисуса Христа. Услышав об этом, Виктор готов всё крушить на своём пути и бить или уничтожать того человека, который прославляет Господа. А если не касаться поношения дьявола, а напротив – его признавать, то Виктор спокоен. И очень надо быть внимательным, чтобы заметить его психическое отклонение. Я, как тебе уже говорила, это заметила только в последние дни.. Таких людей в нашем государстве, Томочка, много.. И среди них немало руководителей. Ты проанализируй и вспомни, кто правил, например, нашей страной и немецким государством? Ведь по команде Гитлера убивали, гноили миллионы людей в тюрьмах, концлагерях. А когда Сталин управлял государством, то что творилось в нашей стране?.. Теперь есть сведения, что и Гитлер, и Сталин – люди с психическими отклонениями, а они столько лет вершили судьбы миллионов людей..

– Леночка, ты коснулась очень серьёзного разговора. Я боюсь на эту тему говорить... За такой разговор нас с тобой самих, как сумасшедших, в тюрьму посадят. Поэтому прошу: давай переменим тему, а то мне стало очень страшно.

– Ты же, Тома, сама просила меня ответить, как Виктор в качестве директора управляет коллективом, вот я тебе на примерах в более широких масштабах и рассказала.. Да ты не бойся. Что Гитлер, Сталин были больны шизофренией, то это давно уже многие знали и знают, и на кухнях на эту тему поговаривают. И кроме того, мы же говорим тихо, и нас с тобой никто не слышит. Так что, сестричка, ты не бойся и не переживай. Всё обойдётся.. Главное, Виктору ничего не нужно говорить и, в первую очередь, что мы были в Монастыре и что схииерихмандрит Тимофей изгнал из меня дьявола..

– А ты, Елена, детей об этом предупредила? Они не проговорятся?..

– Нет, что Игорёк, что Ленусенька, они, как партизаны, ничего Виктору не скажут. Кстати, Виктор завтра собирается прийти к нам.

– Да ты что, Лена?.. Я его боюсь!.. Ещё что-нибудь мне подсунет...

– Ты главное, Тома, вида не подавай, что его боишься. Веди себя по-прежнему.

– А что мне делать, если он что-то мне будет давать? Мне брать от него?..

– Бери.. Только обязательно тайно перекрести.. И не спеши есть, если это съестное, и одевать, если это наряды.

И действительно, Виктор пришёл к Елене на следующий день в пятнадцатом часу, когда Тамара, Игорёк, Ленусенька и Олежик в сопровождении Ивана уехали в центр Москвы, чтобы побывать в ЦУМе, ГУМе, на Красной площади. Снегирёв был в хорошем настроении. Увидев, что Елена лежит в кровати, спросил:

– Леночка, ты почему лежишь? Ты заболела?

– Не знаю, Виктор, но чувствую себя неважно. Голова кружится и очень тошнит.

– Не переживай, жёнущка, всё пройдёт. А ты где была вчера?

– Дома, я плохо себя чувствовала, поэтому никуда и не ходила, – опустив глаза вниз, сказала Елена.

– А где же Игорёк, Ленусенька?..

– Вчера приехали Тамара и Олежик.. И они все вместе поехали по магазинам, а я решила полежать.

– Ты завтра на работу идёшь?

– Нет, Виктор. Я вызывала врача, он осмотрел меня и выписал мне больничный на три дня. И если мне не будет легче, то обещал больничный лист продлить..

– Плохо, Леночка, что ты приболела. Я ведь в отпуск решил съездить. Вернее, министерство меня выталкивает в отпуск. Мне как-то без тебя нет желания ехать. Да деваться некуда. Ведь тебе отпуск полагается только в ноябре, поэтому придётся ехать одному. Меня Дан приглашает в тамбовские леса поехать и там поохотиться. Он говорит, что там очень много диких кабанов водится. Я, правда, стреляю не очень метко, но зато мой начальник отдела Фёдоров Александр Данилович – очень хороший охотник, и он тоже просится с нами поохотиться. Дан говорит, что если Фёдоров нас повезёт на своей машине, тогда Дан не возражает его взять. А с нами ещё собирается поохотиться и кум Дана, к которому мы едем.

Так что нам будет весело и не страшно, вчетвером мы, ясное дело, кабанов двух-трёх угрожаем и окороков наготовим. Ты, Леночка, любишь кабанье мясо?

- Не знаю, Виктор. Я его никогда не пробовала.

- Теперь попробуешь. Я ведь с сегодняшнего дня в отпуске. А завтра с утра мы поедem в Шемякино. Так называется село, где живёт кум Дана. Там переночуем, а утром поедem в лес охотиться, пока дни стоят погожие... В Шемякино, Дан говорит, есть и речка хорошая, а в ней рыбка разная водится, так что ещё и порыбачим.

- На сколько же дней вы собираетесь?

- Думаем дней пять-семь в Шемякино пожить. А если понравится, то и побольше. Сейчас я позвоню Дану и уточню.

И Виктор Павлович набрал номер телефона Дана. И получив от него вдруг совершенно иную информацию, он несколько недовольно сказал:

- Ты представляешь, Елена, Дан изменил решение... Он предлагает вначале полететь в Сочи, там недельки две отдохнуть. А лишь потом поехать в тамбовские леса.

- Когда же, Виктор, вы летите в Сочи?..

- Дня через два. Поеду сейчас в аэропорт, там друг у меня есть, думаю, что билеты поможет купить, а то сейчас их, пожалуй, и не купишь... Поэтому, Леночка, я тебя покидаю. Учитывая, что к тебе приехали гости и ты себя плоховато чувствуешь, я буду ночевать дома, а завтра постараюсь навестись к вам.. А ты случайно не знаешь, почему ты всё же заболела? У тебя температура?.. Ты простыла или ты чем-то отравилась? - внимательно посмотрев на Елену, вдруг испытывающе спросил Снегирёв.

Елена почувствовала намерения Виктора. Поняв, что он хочет узнать, помнит ли она о том, как он её накормил яблоком, ответила путанно и неопределённо.

- Не знаю, Виктор, как тебе и сказать... На той неделе, в пятницу, я пришла утром на работу, чувствовала себя нормально, а потом ты ко мне явился... Мы с тобой, кажется, то ли чай пили, то ли яблоки или конфеты ели. И мне после этого тошно стало. Ты извини меня, я действительно не знаю и не помню, что мы с тобой ели. Ты меня

чем-то угощал?..

Лицо Виктора вспыхнуло румянцем, но он старался вида не подавать и был очень рад тому, как ему показалось, что Елена не помнит, как он накормил её яблоком. И он ей елеённым голосом ответил:

– Да что ты, жёнушка?.. Я тебя ничем не угощал. Напротив, ты меня напоила чаем, угостила печеньем, конфетами. Потом ты села за свой рабочий стол, а я поехал в свой департамент. И после того, как мы пили чай, мне не было плохо. Всё было нормально.. И я в хорошем настроении ушёл от тебя. А тут вдруг узнаю, что ни с того ни с сего ты стала чувствовать себя неважно. Поэтому, узнав об этом, я очень удивился.. А может быть, ты, Елинушка, беременна? Ты у врача была?.. Проверилась?..

– Нет, Виктор, не была. Возможно, я и правда беременна?..

– Надо тебе, Елинушка, провериться. А то вдруг опять случится такое, что ты впадёшь в бессознательное состояние.. Ну всё, пока.. Я побежал..

И счастливый Снегирёв поехал в аэропорт за билетами, радостно думая: «Прекрасно, Елена совершенно не знает о том, что она съела заколдованное яблоко, и не догадывается, от чего её тошнит и кружится голова. Но через недельку-другую Елена свыкнется с таким своим состоянием. И она полностью будет в моих руках. И станет выполнять любые мои пожелания. Поеду к Дану, расскажу о своих выводах и наблюдениях, что его фокус колдовства с Еленой и вселением в неё дьявола очень хорошо удался. И главное: она ничего не помнит, не знает и не догадывается. Так что в случае чего, жаловаться ей будет не на кого и не на что».

В приподнятом настроении Виктор поехал в аэропорт, отыскал там начальника, Сырина Аркадия Борисовича, купил у него два билета на завтра в Сочи на вечерний рейс и отправился к Дану. Рассказал красочно про все свои новости в отношении одержимости бесноватостью Елены, чем очень порадовал сатаниста. Затем попил с Даном и присутствующими девицами шампанского, с удовольствием с ними повеселился и потом лишь за полночь уехал домой. А где-то часов в двенадцать, когда уже

выспался вволю, позвонил Михайловой.

– Леночка, добрый день... Как ты себя чувствуешь?

– Не очень хорошо... Был врач, выписал мне много разных таблеток и сказал, чтобы я лежала в большей степени, пила лекарства, а через три дня он вновь придёт осмотрит меня и решит, продлевать мне больничный лист или нет.

– Бедная моя жёнушка, я сочувствую тебе... Мне очень жаль, что помочь ничем не могу. Так получилось, что я сегодня вечерним рейсом улетаю в Сочи. Только на сегодня были билеты, они как-то завалялись случайно... А так в кассе билеты имеются аж на пятое сентября. Поэтому, чтобы не потерять неделю отпуска, я и улетаю сегодня, – изворачиваясь и лукавя, лебезил Виктор.

Елена поняла, что Виктор говорит неправду, однако возражать не стала, но спросила:

– А с кем ты летишь отдыхать?... И когда явишься?..

– Я, Леночка, лечу отдыхать с Даном. Он взял «горящую» путёвку на двадцать четыре дня. Мы её с ним делим пополам, так что через двенадцать дней явлюсь. Ты без меня не скучай, поправляйся.. А мне Дан не даст скучать. Ты же знаешь, как он хорошо ко мне относится... Люди от зависти на нас кто знает что говорят. Но ты же знаешь, что это неправда. Так ведь, жёнушка моя?..

Елена не ожидала такой откровенности от Виктора, слегка растерялась, не зная что сказать, молчала.

– Елинушка, ты что молчишь, ты где пропала?

– Здесь я, Виктор... Я желаю вам обоим хорошо отдохнуть. Как прилетишь в Сочи, то позвони, чтобы я не волновалась...

– Хорошо, позвоню..

И Снегирёв повесил трубку. А Елена вспомнила разговор, который она услышала совершенно случайно, где речь шла о том, что Дан и Виктор гомосексуалисты, и что они сожительствуют друг с другом. Елена, услышав такую новость, вначале не поверила, а потом, проанализировав свои отношения с Виктором, подумала: «Возможно, это и так, поскольку Виктор красиво изъясняется, называет меня дорогой жёнушкой, однако ко мне, как к любимой женщине, он не стремится. И часто говорит

мне, что будет ночевать в своей квартире один, а, как выясняется, Виктор ездит к Дану и там остаётся или наоборот – Дан проводит у него ночь... А почему же он так меня ревнует?.. Неужели лишь потому, что он такой корыстный, эгоистичный и подлый?.. Тамаре, чтоб её не расстроить окончательно, не стоит говорить о том, что Снегирёв стал голубым». Елена долго ещё анализировала свою жизнь в Москве. И от грустных мыслей её отвлек ворвавшийся шум, который принесли с собой Игорёк, Ленусенька, Тамара, Олежик и Иван. Они, весёлые и довольные, подошли к Елениной кровати, и Ленусенька, поцеловав Михайлову, спросила:

– Мамуля, ты не спишь? Мы кучу всего накупили. Мне тётя Тома, посмотри, босоножечки вот какие красивые купила, а тебе – юбочку... Хочешь посмотреть?..

– Ой, Тамара, балуешь ты нас.

– Мамочка, а нас и Иван Петрович балует. Он нам всем купил конфет и большой-пребольшой бисквитный торт. Вон на кухне на столе конфеты и торт лежат.

– Ленусенька, что же ты все наши секреты выдаёшь?

– А это, Иван Петрович, вовсе не секреты. Это просто у нас сегодня опять будет праздник. Так ведь, мама?

– Так, Ленусенька, так, – целуя дочку, ласково ответила Елена.

– Но если так, то пойдёмте на кухню праздновать, – подхватив радостный тон, воззвала Тамара. – Я сейчас всё приготовлю, а ты, Леночка, пока полежи.

– Да нет, сестрица, я уже вдоволь наотдыхалась. Был Виктор. Он сегодня с Даном улетаёт отдохнуть почти на две недели в Сочи.

– А ты, Леночка, как себя чувствуешь?..

– Слава Богу, Тома, ничего... Был врач, сказал, чтобы я больше мёду ела, поскольку, как он определил, у меня ослаблен иммунитет, а мёд в таком случае помогает.

– Освобождение от работы врач дал?

– Аж до конца недели, сестричка.

– Хорошо... Мы с тобой хоть вволю наговоримся. В министерстве я почти все свои вопросы решила. Завтра с утра ещё забегу и, думаю, остальные дела довершу. А билеты у меня на обратный путь приобретены на субботу.

Поэтому давайте завтра сходим в театр или в кинотеатр, или в цирк...

– Мама, лучше всего пойдёмте сходим в цирк! Правда, Игорёк?!

– Да мне, Олежик, всё равно. Если тебе хочется в цирк, то давайте сходим в цирк. А дамы наши куда хотят?..

– Мамуля, тётя Тома, мы куда хотим?.. В цирк или кино смотреть?

– Куда возьмёте билеты, туда и пойдём. В театр и цирк, наверное, на завтра билетов уже нет.

– А что же это вы, дамы, меня с собою не приглашаете? Я ведь тоже с вами хочу пойти.

– Как это не приглашаем? Даже очень, Иван Петрович, приглашаем в цирк. Правильно я, мамуля, говорю?..

– Совершенно правильно, Ленусенька.

– Тогда, братцы, я поехал за билетами..

– Иван Петрович, и меня с Олежиком с собою возьмите.

– И я тоже с вами хочу пойти.

– Ты, Ленусенька, устала, поэтому побудь дома..

– Я совсем не устала. Мамуля, ну почему они меня с собою не берут?! Иван Петрович, нехорошо маленьких девочек обижать...

– Если нехорошо, то, Ленусенька, собирайся и ты, коль мама отпустит...

– Мамуля, отпустишь?

– Иди, только слушайся и не потеряйся.

– Не потеряюсь, мама, не волнуйся. Я за руку Ивана Петровича буду держаться или Игорька..

И наконец торг и сборы закончились, и все дружной компанией поехали за билетами. А Лена с Тамарой вели сердечную беседу, пока вся команда, возглавляемая Иваном Петровичем, не явилась. А они, купив билеты в цирк, домой не спешили. И по пути заехали в парк, там вдоволь накатались с горок. Игорёк с Олежиком ещё летали на самолётах, а Иван Петрович с Ленусенькой тем временем с удовольствием поднимались вверх и спускались вниз на огромнейшем обзорном колесе. И лишь в двадцать втором часу утомлённая, но счастливая шум-

ная компания явилась домой, радостно рассказывая, как они прекрасно провели время. Следующие дни они провели так же весело и с наслаждением, пытаясь удержать уходящее лето, поскольку стучался сентябрь, который уже стремился обратить взоры детей на новый учебный год и взывал своими багряными листочками в школы. А Олежику уезжать из Москвы очень не хотелось. Однако командировка у Тамары уже заканчивалась, и они вынуждены были отправляться в свой донбасский городок Шахтёрск.

– Томочка, мне почему-то очень не хочется, чтобы ты уезжала. Я очень тебя люблю.. Ты мне мама, папа, сестра и подруга.. Не будь тебя, я не знаю, что бы я делала?.. Ты всегда мне в сложную минуту помогаешь, спасаешь... А я всё никак не могу тебе ответить тем вниманием, которым ты ко мне распахиваешься. У меня вечно какие-то проблемы.. Ты, сестричка, прости меня.., – и она обняла Тамару, а слёзы горечи обрамили её глаза.

– Что ты, Леночка, я всегда рада тебе помочь. Да, собственно, чем это я тебе помогаю?.. Ты сама со всем справляешься... Я всё поражаюсь, почему твоя судьба такая сложная? Ты в нашем роду самая красивая, самая талантливая и, кажется, самая несчастная. Как же много ты за свой тридцать один год перетерпела мук и несчастий. Если их поделить – на целую дивизию, наверное, и то много будет. У тебя, начиная с самого детства, то болезни, то летаргический сон, то стихи, которые ещё в детстве тебя сводили с ума, то эти роковые встречи с Николаем, неудачное замужество с Дмитрием, а теперь с Виктором. Мне думается, он, стервец, тебя задумал изжить со свету. Я сколько не пытаюсь с тобой о нём поговорить, а ты всё от этого разговора уходишь. Он совершенно о тебе не заботится. Выжимает тебя, как лимон, в своих интересах, а тебе стелет пустые ласковые слова и обещания. Он сам себе на уме.. Это надо, какой же он подлец?! Как дьявольскими заклинаниями накормил тебя, сделал бесноватой, чтобы подчинить тебя в угоду своим развлечениям, наслаждениям. Виктор тебя абсолютно не любит, похоже, что он вообще женщин не любит, а неровно дышит только к мужчинам.. Потому он к Дану так стран-

но липнет... У него с ним отношения не деловые, а похоже, явно, что там кроются гомосексуальные проблемы.. Вот почему он опять с ним и только с ним? Даже в отпуск по одной путёвке вместе поехали. Ты в этом, Елена, ничего не находишь странного?

– Томочка, конечно же нахожу. Я же и сама тебе об этом намекала. Но что же я могу поделать?.. Он же сатанист.. Психика у него стала ненормальной. И его отклонения всё больше становятся наглядными. Помню, когда я впервые с Виктором встретилась, в нём этих отклонений я совершенно не заметила.. А сейчас слышу, люди поговаривают, не хотела тебе, Тома, этого говорить, да ты так меня настойчиво подвела к этому разговору, что вынуждена тебе сказать: Виктор – гомосексуалист..

– Следовательно, Елена, мои подозрения возникли не на пустом месте? Значит, сестрица, Виктор с тобой не разделяет супружеское ложе любви?

– Нет..

– Так зачем же, Леночка, он тебе сдался? Ты разведись с ним немедленно. Этот Виктор ещё опасней, чем я думала.. Вот подлец.. Вот мучитель.. Вот подонок, одним словом, – сатанист, а этим всё сказано.. Прошу тебя, Леночка, немедленно с ним разведись.. Давай я возьму отпуск, поживу у тебя, помогу тебе с разводом, подстрахую что ли тебя, чтобы этот зверь не смог тебе причинить зла, а то он изведёт тебя.

– Не переживай, Тамара, ничего не случится.. Всё обрывается. Да и защитники у меня есть. Вон Игорёк уже совсем большой, да и Ленусенька у меня шустрая. Так что, Томочка, они не дадут меня в обиду. Поезжай домой, передавай привет сёстрам и братьям. А им об этом последнем инциденте, наверное, не нужно говорить, как ты, сестрица, считаешь?..

– Похоже, что не надо.. В это, Леночка, так сложно поверить, а понять ещё сложнее. Но Вероника в Церковь ходит, значит, и сможет понять глубину этой проблемы. Поэтому я ей расскажу.. Ты, Лена, не возражаешь?..

– Смотри, Тамара, сама.. Как ты считаешь, так и действуй. Ты же, как приедешь, сразу, Тома, и позвони.. А то я переживать буду..

– Хорошо... А теперь перед дорожкой пойду проверю, все ли вещи свои забрала. Ведь я такая рассеянная, то одно, то другое забуду.

– Тома, перед дорожкой пойдём ещё покушаем.

– Да сколько можно, Лена?.. Мы же только час тому как из-за стола. Да и времени уже в обрез. Пора ехать. Пойду детей быстренько приглашу..

Но те уже сами прибежали с улицы и стояли все вместе в квартире, возглавляемые Иваном Петровичем.

– Иван, а ты откуда это взялся?..

– Из собственной квартиры, Леночка! Я же не мог не проводить твою любимую сестрицу, поэтому вот я и здесь... Ведь я уже минут десять как пришёл с работы. Очень переживал, чтобы не опоздать.

Он взял вещи Тамары, и все они направились на железнодорожный вокзал. Когда они приехали, поезд уже стоял на отведённой для него платформе. Олежик, Ленусенька, Игорёк, Тамара, Елена и Иван зашли сразу же в нужный вагон, отыскали своё купе, спрятали под сидения вещи и, наконец, сели на несколько минут на нижние сидения.

– Олежик, а ты где, на каком месте, на какой полке будешь спать?..

– На двадцать третьем, Ленусенька, вон что над нами..

– А ты не боишься упасть?

– Нет.. Я и когда в Москву ехал, то спал на верхней полке.

– А я тоже люблю на верхней полке спать. Да вот ехать пока некуда.

– Приезжайте, Ленусенька, с Игорьком и мамой к нам на зимних каникулах.

– Правда, тётя Тома?! Мамуля, мы поедем?..

– Ещё сто процентов сложно сказать, однако, если ничего не помешает, то поедем.

– А меня с собой возьмёте?

– Само собою разумеется, Иван Петрович, возьмём.. Так ведь, Игорёк, мамуля?

– Не знаю, как мама, а я бы в одной компании с Иваном Петровичем поехал. Так что дело остаётся только за мамой. Ты как, мама, на это смотришь?..

– Положительно... Однако нам пора уже выходить из вагона, а то через пять минут поезд отправляется.

И они все сердечно попрощались с Тамарой, Олежиком, вышли из вагона и трепетно помахали родственникам руками в окно купе отправляющегося поезда...

И вновь дни наступившего сентябрьского месяца ровно побежали один за другим, взывая к учёбе и труду. Состояние здоровья Елены начинало стабилизироваться. Она приступила уже к работе. Всё стало становиться на свои места. Казалось, что и сама природа способствовала спокойствию и умиротворению. Сентябрь был напоен тишиной входящей осени. Солнце по-матерински ласково грело, в Москве было тепло, но багряные листочки деревьев всё же заглядывали в сердце природы грустью уходящего лета, рождая роскошь тоски быстротечных дней.

Бег времени не замечали улетевшие в Сочи, а точнее в Адлер, и Виктор с Даном. Они прекрасно отдыхали на берегу Чёрного моря. Посещали популярные места туристических прогулок и экскурсий. И особенно в Адлере им понравился парк субтропической растительности, Воронцовские пещеры, озеро Рица. Кроме того, они побывали на горе Ахун, Агурских водопадах, Орлиных скалах. Отправиться в Москву им не хотелось. Виктор изо дня в день всё собирался позвонить Елене, но всё так о себе знать и не давал, хотя до окончания отпуска уже оставалось только три денька. И он решил ей не звонить, а явиться без предупреждения.

Михайлова же в напряжении и волнении ожидала встречи с Виктором. В ней поселился страх, но она стремилась его изгнать из себя, больше молилась. А её в этом поддерживали Игорёк и Ленусенька. Вот и сегодня, в воскресный день, они усердно помолились, и Игорёк попросил Елену рассказать о тайной вечере, о предательстве Иуды, о жизни первых христиан. И Елена на все вопросы детей со старанием отвечала...

– Мамуля, и ещё объясни, когда и почему Дух Святой сошёл на Апостолов?.. И почему в виде огненных языков?

– Потому, Игорёк, что это был пятидесятый день пос-

ле воскресения Христова. В Иерусалиме тогда сделался шум с неба как бы от несущегося сильного ветра. Он наполнил весь дом, где находились праздновавшие день памяти Синайского законодательства люди, в том числе и Апостолы. И вдруг явились огненные языки, они остановились по одному над каждым из Апостолов. И все Апостолы исполнились Духа Святого, и стали они славить Бога на разных языках, которых прежде не знали. Так Дух Святой, по обещанию Иисуса Христа, сошёл на Апостолов.

И Дух Святой, Игорёк, сошёл на Апостолов в виде огненных языков в знак того, что Он имеет силу опалять грехи и очищать, освящать и согревать души. Ведь Святой Дух имеет великую благодать, которая была явно преподана Апостолам в виде огненных языков и теперь подаётся в Православной Церкви невидимо, в её святых таинствах, через преемников Апостолов – пастырей Церкви – епископов и священников.

– Игорёк, хватит уже маме задавать вопросы, а то ты её совсем замучил.. Давай лучше мне почитай сказки или поучи играть в твои любимые шахматы.

Но вдруг их разговор прервал звонок в дверь. То явился Виктор Павлович.

– Здравствуйте.. Как вы тут, Ленусенька, живы, здоровы? А где мама?

– Она в зале Библию читает.. И нам с Игорьком об Иисусе Христе, Апостолах и Святом Духе рассказывала...

– Как?!

И Снегирёв, как разъярённый бык, проскочил в зал, и, увидев икону на столе, начал безумно кричать:

– Как ты, стерва, можешь меня слушаться?.. Я же запретил в квартире держать иконы и книги про Бога. А ты это назло мне делаешь?! Игнорируешь мои требования!.. Меня и за мужа не считаешь?!. И ты, мразь такая, что, в Монастыре была?!. Избавилась от того, чем мы с Даном тебя наградили?!

– Не смейте орать и оскорблять маму! Пошёл вон из нашей квартиры, мерзавец!..

– Ах ты, дерьмо, ты на кого гавкаешь?!. Я тебя научу,

как старших уважать!..

И Снегирёв наотмашь ударил Игорька. Игорёк упал и потерял сознание. Елена схватила Виктора за волосы и стала бить его головой об стенку. Снегирёв вырвался и ударил Елену в лицо...

Перепуганная Ленусенька побежала звать на помощь Ивана Петровича. Он, не раздумывая, прибежал и увидел дикую картину. Виктор, сидя верхом на лежащей на полу Елене, бил её по лицу, приговаривая: «Ах ты тварь, ах ты падлюка! Как это ты посмела на меня руку поднять?.. Убью, стерва ты такая!»

Иван в два прыжка оказался возле Виктора, ударил его по голове, а Снегирёв, увидев лежащий на столе нож, схватил его и вонзил в грудь Ивану. Иван упал на пол, как срезанное дерево. А Виктор подтащил Елену, которая была в бессознательном состоянии, вытянул нож из тела Ивана, вытерев рукоятку скатертью со стола, затем вложил нож в руку Елены и выскочил из квартиры.

Как только Снегирёва не стало, Ленусенька выползла из-под дивана и побежала к соседям. Соседи пришли и сразу позвонили в больницу. «Скорая» незамедлительно приехала.

Очнувшаяся Елена увидела в своей руке нож и рядом лежащего истекающего кровью Ивана, но она врачам ничего по этому поводу объяснить не смогла. Перепуганная Ленусенька тоже не могла понять, как нож оказался в руке Елены. Врачи срочно Елену, Ивана и Игорька повезли в больницу. Ивану сразу же сделали операцию.

Иван трое суток находился между жизнью и смертью. Елена и Игорёк тоже были в тяжёлом состоянии. У них у обоих было сотрясение мозга. Мать с сыном лежали в одной палате, а затем из реанимации в эту палату поместили и Ивана. За всеми ними ухаживала Люба с Ленусенькой. Они несказанно обрадовались, когда услышали тихий голос Ивана:

– Люба, дай пить...

Романова осторожно с ложечки напоила Ивана и пригласила врача. Он, осмотрев Ивана, сказал:

– Опасность миновала, все боли, Иван, позади. Завтра я разрешу следователю к тебе прийти. А то он мне

покоя не даёт, всё просится, чтобы поговорить с тобой. Ты, Иван, не возражаешь?..

– Нет... Пусть приходит.

И вот наступило утро следующего дня. Пришёл следователь. Он всё подробно расспросил Ивана о том, что произошло, кто же его ударил ножом. Иван развеял все сомнения по поводу отпечатков пальцев на рукоятке ножа, сказав:

– Снегирёв схватил нож со стола и им ударил меня.

– А где были Елена и Игорь?

– Они, товарищ следователь, без сознания лежали на полу. А когда Снегирёв меня ударил ножом, то что случилось потом – ничего не помню.

Выслушав Ивана, следователь ещё раз пообщался с Еленой и Игорьком. Он поднялся со стула и хотел уже выходить из палаты, когда Елена его спросила:

– Павел Игнатьевич, а вы Снегирёва взяли под стражу?

– Нет, Елена Васильевна. Он исчез... Мы его объявили в розыск...

– А вы, кстати, Елена Васильевна, не знаете, куда он мог поехать?..

– Он говорил, что после того, как отдохнёт в Сочи, то поедет поохотиться в тамбовские леса. И будто бы берёт с собой начальника отдела своего департамента Фёдорова Александра Даниловича и Дана, где он работает и его фамилии я не знаю. А жить они, Павел Игнатьевич, собиравались в селе Шемякино Тамбовской области, там же они хотели и охотиться.

– Полезную вы мне, Елена Васильевна, дали информацию. Я её перепроверю. Возможно, Снегирёв находится в данные дни именно на охоте в тех краях... До свидания... И ещё раз спасибо за информацию.

И следователь вышел, а Игорёк спросил:

– Мама, а как ты думаешь, найдут этого мерзкого гада и тварь вместе взятого?..

– Игорёк, не нужно Снегирёва так называть...

– А как же этого зверя и мерзавца называть?! Он нас убить всех хотел, а мы к нему ещё будем уважительные слова подбирать. Не будет этого... За то, что он так тебя

беспричинно бил, я его никогда не прощу. Спрашивается: за что бил и убить хотел? Лишь за то, что ты ходила в Монастырь, молилась там Господу и избавилась от сатанинской одержимости, которую он насильственным путём в тебя вселил. Этот Снегирёв, мама, больной, его надо в психиатрическую больницу помещать. А ты чуть ли, после всего этого, не предлагаешь этого выродка на «вы» называть.

– Игорёк, ты же сам вон говоришь, что Снегирёва надо в психиатрической больнице лечить. Поэтому прости его. Господь сам управит, как с ним поступить. А ты не расти в себе на него злобу. Ведь злоба злобу порождает, а добро в конечном счёте добром взойдёт. Так ведь, Любушка?

– Не знаю, Елена, но я бы его, как и Игорёк, до полу-смерти отдубасила бы, чтобы неповадно было в следующий раз руки распускать.

– Любушка, что ты такое говоришь? Игорёк ещё маленький, но ты ведь уже, слава Богу, взрослая, а взываешь к мщению. Не хорошо это...

– Что там, мамуля, плохого, я бы тоже его поколотила. И так жалею, что от страха за диван запряталась.

– То что ты, Ленусенька, запряталась, то тем ты нас спасла. Особенно Ивана Петровича. Если бы ты не побежала к соседям и не позвала их, то Иван бы истёк кровью. Так что ты у меня большая умница, спасительница ты наша. Подойди ко мне, моя дорогая доченька, я за то, что ты у нас такая смелая и сообразительная, поцелую тебя. И большое тебе спасибо, что ты спряталась, а то Снегирёв и тебя смог бы ударить или убить.

– Правда, мамуля, ты на меня не сердись?! Ты не считаешь меня трусихой?.. А ты, Игорёк, меня кем считаешь?..

– Я считаю, Ленусенька, что ты у нас – герой. Вот выпишемся из больницы, я тебе за это самое большое мороженое куплю.

– А ты скоро, Игорёк, выпишешься?

– Вот врач придёт, я у него спрошу и узнаю. А пока не могу сказать...

– Кто тут что хочет узнать? – спросил вошедший врач.

– Это я, Степан Николаевич, хочу знать, когда уже

меня из больницы выпишут...

– Давай, Игорёк, посмотрим твои раны, гематомы.. О, братец, тебе ещё лежать в покое надо самое малое неделю, а то и другую.. Так что домой пока не собирайся..

– У меня же через две недели, Степан Николаевич, шахматный турнир, чуть ли не мировой чемпионат. И я должен играть.

– Об этом, Игорёк, пока загадывать не будем.. У тебя тяжёлое сотрясение, так что с этим шутить нельзя.

– Так, значит, я не буду участвовать? Вы меня не отпустите?.. – сокрушённо спросил Игорёк.

– Будешь, какие ещё твои годы, – уклончиво ответил Степан Николаевич.. И подошёл к койке Михайловой.

– А вы как, Елена Васильевна, себя чувствуете?

– Немножко лучше.. Но всё болит, Степан Николаевич.

– Ещё бы не болело. Три вон ребра сломаны.. И голова вся в гематомах. Однако улучшение, Елена Васильевна, наблюдается, так что если дело так пойдёт, то через месяц и вас выпишем..

А теперь очередь и до вас, Иван Петрович, дошла. Вы у нас здесь самый слабенький. Давайте-ка я осмотрю вашу рану. Но и вам повезло.. И вы скоро с койки поднимитесь, поскольку нож прошёл, слава Богу, буквально в двух миллиметрах от сердца, но его не задел. Так что вы, Иван Петрович, счастливчик. Духом не падайте.. Рана ваша скоро затянется, и всё будет хорошо. У вас неплохая сворачиваемость крови, её вам влили достаточно, и анализы ваши идут к норме. Пришлось за вашу жизнь, Иван Петрович, очень стойко побороться. И если бы вас привезли хоть на полчаса позже, то едва ли мы вас спасти бы сумели. Но, к счастью, всё обошлось.. Хорошо, что сразу вызвали «скорую помощь». Так что благодарите судьбу и тех, кто вызвал для вас так оперативно машину..

– Это вот Ленусенька – моя спасительница.. Это она побежала к соседям и их стала просить о помощи. Так что в первую очередь я этой смышлёной и смелой девочке обязан, – улыбаясь, слабым голосом ответил Иван Петрович.

– Молодец, Ленусенька, – поглаживая головку смутившейся девочки, сказал Степан Николаевич. Затем он внимательно осмотрел и Ленусеньку.

– У тебя, Ленусенька, оказывается, тоже спинка поцарапана. Где это ты её так свезла?

– Наверное, Степан Николаевич, когда из-за дивана вылазила.. Но я от страха, что мама, Игорёк и Иван Петрович умрут, признаться, боли не чувствовала.

– Отважная, оказывается, ты, Ленусенька. Давай-ка я тебе тоже на твоей спиночке ссадины обработаю. Не бойся.. Это будет лёгкое пощипывание, и через минутку, другую всё потом пройдёт.

И Степан Николаевич очень аккуратно помазал ранки на спине Ленусеньки. Затем, пожелав всем больным скорейшего выздоровления, вышел из палаты, оставляя веру и надежду на быстрое излечение, теплоту и сердечность добрых отношений. От этого на душе у Игорька, Ленусеньки, Елены, Ивана и Любушки стало светлее и уютнее. И та боль, которую им причинил Снегирёв, становилась не такой жгучей и отравляющей. А к причинителю вреда здоровью потерпевшим вилась тропинка розыска и справедливости.

ГЛАВА XXV

Следователь Павел Игнатъевич Медведев, получив от Елены Васильевны информацию о предполагаемом месте нахождения Снегирёва Виктора Павловича, позвонил своему коллеге, Григорию Михайловичу, в Тамбов, чтобы тот проверил, нет ли в селе Шемякино разыскиваемого преступника. И оказалось, что в Шемякино из Москвы к Новодницкому Роману Борисовичу приехало три человека, а в данный момент они находятся на охоте. Но где, кто и в каком именно лесу они охотятся никто не знал. Поэтому Павел Игнатъевич срочно выехал в село Шемякино и организовал поиск Снегирёва Виктора Павловича. А он был с Даном в лесу совсем недалеко от Шемякина. Снегирёв вёл себя очень замкнуто и с какой-то опаской, частенько озирался, что и насторожило Дана. Поэтому он спросил, когда они вдвоём сидели у костра:

– Виктор, ты почему такой хмурый все эти дни? Что-нибудь случилось? Ты же так рвался на охоту... И почему ты меня попросил ехать в день приезда? Мы же с тобой на следующий день собирались. А ты со своим начальником отдела Александром Даниловичем явился ночью какой-то возбуждённый и тут же настаивал, чтобы мы поехали в Шемякино... Все эти вопросы мне не дают покоя, портят мне настроение. Но оттого, что ты такой хмурый и грустный, мне тебя очень жаль, от этого и самого тоска давит... Поэтому у нас и охота плохо идёт. Вот уже четвёртый день как здесь, а всё ни одного ещё кабана не отловили и не убили, хотя их и видели в лесу немало. Поэтому давай, выкладывай всё, ты же мне не чужой человек...

– Дан, не знаю, с чего и начинать. Ты правильно подметил, что в душе у меня не всё как обычно... Ведь тогда, когда мы с тобой из Адлера прилетели, я пошёл сразу же к Елене. А там вижу, что она сидит читает Библию, обложилась вновь иконами. Я сразу понял, что она была в Монастыре, и там поп из неё смог изгнать демона. И теперь она вновь не станет нам с тобой подчиняться. Тогда я не сдержался, стал на неё кричать, а её волчонок кинулся на меня в драку. Я тогда Игоря стал колошматить, а эта стерва, Елена, вцепилась в меня. Я тогда переключился на неё и дубасил её, пока она сознание не потеряла. Тогда примчался, непонятно почему, этот подонок Иван. И он тоже полез драться... Я его пырнул ножом – он и скопытился...

– Что же ты, Виктор, наделал? Тебя же по отпечаткам пальцев на ноже найдут...

– Не бойся, Дан, не найдут... Я их все с рукоятки ножа вытер. И кроме того, этот нож я вложил в руку этой твари.

– А Иван жив остался?..

– Нет, наверное, поскольку он сразу прохнулся на пол. Но если он и не сдох сразу, то сдох потом, кровью изошёл. Она, Дан, из него хлынула ручьём.

– Виктор, а там тебя кто-нибудь видел?..

– Нет... Правда, мне показалось, что вначале я эту девочку видел, а после всех дел я осмотрел всю квартиру,

но её в хате не нашёл, поэтому, похоже, что мне показалось. Выйдя из их квартиры, я прямо пошёл к Александру Даниловичу, он быстренько собрался, благо, что вещи уже все были наготове, и мы с ним направились к тебе.

Услышав такую информацию из уст Виктора, Дан не на шутку испугался. Он стал бояться, что милиция уже ищет Снегирёва, и подумал: «Всё равно из троих кто-то да жив. И они расскажут, как всё было.. Если даже и нет отпечатков Виктора на ноже.. А вдруг по каким-то причинам Иван остался жив? Он же всё милиции разложит по полочкам. Прижмёт следователь тогда Снегирёва к стенке, а он, трус, всё ему расскажет и о нашем сатанинском клубе. И меня тогда мой повелительный босс ещё до суда сравняет с землёй. А может сейчас его прихлопнуть? Но сейчас уже могут прийти кум и Александр Данилович, и тогда всё это трудно будет скрыть.. Нет.. Здесь нужно решать по-иному..» И Дан поднял свой потупленный в землю взгляд, посмотрел на обеспокоенного Снегирёва и сказал:

– Не бойся, Виктор, прорвёмся.. Ещё не в таких переделках были. Если тебя никто не видел, отпечатков нет, то всегда можно выкрутиться.

– Дан, а если Игорь или Елена живы, то они же смогут рассказать?..

– Конечно смогут, но кто им поверит? Игорь и Елена же на тебя напали.. И они же не видели, как ты убивал Ивана?..

– Нет, не видели, эти твари в издыхательном состоянии находились.

– Так что, мой любимый Витяшечка, не переживай. Всё нормалёк. Пойдём поохотимся, вон идут наши друзья.

Из-за бугра к ним спускались кум и Александр, они спешили. Подойдя, кум тихо сказал:

– Дан, здесь совершенно недалеко мы обнаружили целую группу кабанов, поэтому тушите костёр и идём поохотимся.

И они быстренько потушили костёр и пошли, куда их повёл кум. Новодницкий хорошо знал эту местность и

свободно ориентировался. В полукилометре охотники увидели сразу трёх кабанов и стали тихо к ним подкрадываться. А когда были уже совсем близко, Дан внезапно выстрелил. И этот выстрел испугал кабанов, и они стремглав умчались в лес.

– Дан, ну почему ты выстрелил?

– Да ты знаешь, кум, выстрел произошёл произвольно. Я упал и при падении нажал на курок. Но я искуплю свою вину. Я сам вас сейчас проведу в те места, где непременно много сгруппировалось кабанов. Пойдёмте ближе к южной стороне. Там я видел целое стадо кабанов.

– Но там местность, Дан, опасная..

– Причём, кум, местность?.. Мы же не дети и не раз бывали в этих местах. Так что не переживай. Давай, ты иди в обход и с севера кабанов будешь теснить, а я с Виктором и Александром снизу буду идти.

И они направились по разработанному плану Дана. Вдали Виктор увидел одного довольно мощного самца, а рядом с ним чуть поменьше бежала самка. Он показал рукой в сторону кабанов, Дан и Александр тоже их увидели. Дан негромко сказал:

– Вы оба идите прямо, не сворачивайте, а я зайду слева. И давайте без шума, но спешите, чтобы кабаны не ушли в глубь леса, а то их мы там не съедем.. Понятно?!

И Дан трусцой побежал влево, а Виктор и Александр прибавили ходу и направились в камыши. Вначале почва была твёрдая, а вдали блестела вода. Но Виктор и Александр были в специальных высоких резиновых сапогах, и их вода не особо пугала. Вдруг они видят, как кабаны хотят уйти, а Дан их направляет именно на них. Дан стреляет в кабана, ранит его, но не убивает. Разъярённый кабан бежит на Виктора. Александр стремится его отвлечь и направить в другую сторону, поскольку видит: в таком состоянии зверь способен загрызть человека. Александр стреляет в него, но от волнения не попадает. Ноги у него вязнут и не дают возможности сосредоточиться и поймать цель. А Виктор бежит на болотистую почву всё дальше и начинает погружаться в болото, которое стало засасывать его в свою геенную вечность. Снегирёв стал звать на помощь. К нему спасать рванул-

ся Александр, но он впопыхах оступился и тоже по колени увяз в болотистой жиже...

Дан, видя, как разворачиваются события, поспешил на помощь к Александру, хотя тому не грозила такая опасность, как Виктору. Он осторожно пошёл к дальнему дереву, чуть ли не мимо Виктора, который истерично кричал:

– Дан, спаси!.. Нагни ко мне дерево!.. Вытащи им меня.. Давай, я за конец схвачусь...

А Дан пробирался всё дальше к Александру и не пришёл на помощь к Виктору, словно не слышал криков о спасении. Снегирёв тогда понял, в чём дело, и стал умолять:

– Дан, помоги, я же тебя очень люблю, я же тебе служил верой и правдой. А ты меня умышленно вот загнал в болото, боясь, что я о тебе расскажу. Но, Дан, клянусь, что никому ничего не скажу, ты только меня вытащи.

Дан, увидев на бугре бегущих к ним двух милиционеров, начал делать вид, что помогает Виктору выйти из болота. Он стал нагибать дерево, сломал его, протянул Виктору. Снегирёв уцепился за дерево, но Дан не тянул на себя провалившегося в болотистую жижу уже по самую шею Виктора. А когда подбежали милиционеры, то увидели лишь макушку Виктора. И как ни старались его вытащить, но не смогли: момент уже был упущен. И на том месте, где стоял Виктор, лишь забулькили появившиеся на поверхности воды пузырьки. А дальше, метрах в ста пятидесяти от Снегирёва, затягивался болотом в глубину своего пекла Александр. Но здесь Дан для своего оправдания проявил большую смелость и смекалку.

Пока милиционеры думали, как помочь гибнущему Александру, Дан сломал несколько тонких деревьев, сбросил их на болото, лёг на живот и на руках, опираясь на деревья, словно на лыжах, полз к Александру. Не доползя метров пять до Александра, бросил ему сломанное деревцо. Тот ухватился за него обеими руками, а Дан со всею силой стал вытягивать его из пучины смерти. Получив точку опоры, Александр тоже изо всех сил стремился вытолкнуть себя ногами из болотистой массы. И общими усилиями они сумели преодолеть сопротивление

ние клокочущего, зловещего, бездонного болота. И оба, измождённые страхом и усталостью, подползли к твёрдому грунту, где выйти окончательно из трясины им помогли милиционеры. То был приехавший из Москвы, уже известный читателю, следователь Павел Игнатьевич Медведев и капитан милиции Задорный Тимур Арсентьевич.

Они быстро развели костёр, помогли Дану и Александру очиститься от болотистой жижи, поделились с ними своей сухой одеждой, пока на костре сушилась одежда спасённого и спасителя, дали им по несколько глотков водки. А когда Дан и Александр были в состоянии отвечать, Павел Игнатьевич спросил:

– Кто из вас будет Снегирёв Виктор Павлович?..

– Его нет среди нас.. Это мы его с вами спасали, да не смогли вытянуть из болота. Он, похоже, попал в тинный водоворот, поскольку, пока я до него полз, Виктор ментально исчез в болотистой трясины. Когда я подполз и бросил ему палку, то он не смог её уже взять руками, так как болото его уже накрыло чуть ли не по макушку.. Да что говорить?.. Вы сами всё видели.. Хорошо хоть сумел спасти Александра..

– А вы кто будете?..

– Я – Дан Абрамович Устицкий.

– Вы местные?..

– Нет, я приехал из Москвы сюда поохотиться на кабанов. Вот и поохотился..

Тут раздался хруст веток, все оглянулись и увидели, что к ним приближается человек. И Дан ещё издали крикнул:

– Кум, где это ты был? Нас тут чуть кабан не загрыз. Я в него стрелял, да не убил, а только ранил. Он, разъярённый, побежал на Виктора и Александра, а те от кабана, да, не зная местности, помчались прямо в болото. И Виктор утонул.. Мы его не сумели спасти.. Может быть, если бы ты здесь был, то этого бы не произошло.. Где ты, кум, так долго был?..

– Да откуда километра на три, наверное, отошёл. Увидел там кабана и стал его выслеживать. Выследил и убил. Вон там в кустах лежит. Он тяжеленный, килограммов

под сто, я сам не смог его нести и шёл к вам, чтобы вы мне помогли. Спешил вас порадовать... Да не в радость теперь этот кабан... Ну всё равно... Не бросать же теперь его здесь... Пойдёмте разделаем его... Да Виктора помянем.. А это, Дан, кто с вами?..

– Я майор милиции Павел Игнатъевич Медведев..

– Я капитан милиции Задорный Тимур Арсентъевич..

– Вы тоже к нам поохотиться приехали?..

– Да нет, Роман Борисович.. К Снегирёву Виктору Павловичу мы сюда ехали, да не застали в живых, лишь его смерть вот увидели.. В какой организации Снегирёв и в качестве кого работал?.. Кто может более правильно ответить?

– Я могу, товарищ майор.. Виктор Павлович работал руководителем департамента Министерства обороны. Он был моим непосредственным начальником. А я являюсь начальником отдела департамента, моя фамилия Фёдоров Александр Данилович. Это мы все вместе: Виктор Павлович, Дан Абрамович и я – на моей машине сюда приехали.

– К кому же вы приехали?..

– Как к кому, товарищ майор?.. Ко мне.. Дан – мой кум и друг.. Я его к себе пригласил. А Виктора и Александра пригласил Дан. Александр и Дан уже второй год приезжают в эти места поохотиться. Да вот беда-то какая приключилась. Что теперь делать?.. Как быть?.. Ни человека, ни трупа.. И похоронить некого.. Как же жене-то теперь сказать?.. Вот горе-то..

– А вы знаете жену Снегирёва?..

– Нет, Павел Игнатъевич, не довелось видеть. Но слышать слышал: говорят очень умная и красивая.

– Кто знает Елену Васильевну?..

– Да среди присутствующих здесь, наверное, я знаю её лучше других, – сказал начальник отдела департамента Александр Данилович. – Елена Васильевна, действительно, красивая и умная женщина. Она работает директором научно-исследовательского института. Этот институт непосредственно нашему департаменту подчиняется. Поженились они с Виктором Павловичем не очень давно. Кажется, между собой живут неплохо. Но, при-

знаться, в такие детали я не вникаю, не мужское это дело... Знаю, как руководитель Елена Васильевна очень ответственная и добросовестно относится к своим обязанностям.

- А Снегирёв как относился к своим обязанностям?

- Как вам сказать, товарищ майор, скорее всего, на данный вопрос я не могу ответить однозначно. Виктор Павлович порой мог беспричинно бросить работу и непонятно куда уехать. Иногда бывал очень вспыльчив, тогда кричал очень. Но это он стал таким последние года два, а раньше не был таким..

- Дан Абрамович, он, как я понял, был вашим другом, а вы как его охарактеризуете?..

- Скорее всего, он мне, Павел Игнатьевич, был просто знакомым. Особо о Викторе Павловиче ничего не могу сказать. Снегирёв любил охоту, на этой почве мы и сошлись... Вот, пожалуй, и всё..

Конечно же, читатель понял, что Дан Абрамович Устицкий слукавил. Он Виктора знал уже более двух лет. Вначале между ними были приятельские отношения, но вскоре они переросли в отношения, которые складываются между супругами. И эту связь они всеми силами скрывали. А для отвода глаз всегда стремились приглашать на свои увеселительные пирушки женщин. Он совершил Виктора не без помощи демонической силы. Дан вначале действовал на Снегирёва посредством гипноза и сумел ему внушить мысль о прекрасной роли жены в лице мужчины, поскольку пользовался колдовскими заговорами, изложенными в учебнике чёрной магии. О его знаниях, которые Дан извлекал из этой чудовищной сатанинской книги, Виктор фактически не знал, потому считал, что Устицкий обладает сверхъестественной силой. За это он мага Дана любил, боялся и ненавидел. Да вот демоническая сила его лишила жизни на земле. И душа погрузилась в глубинную пучину тьмы на вечные муки истязания в управление повелительного сатанинского порабощения. Но к этому вопросу, дорогие читатели, мы ещё вернёмся... А сейчас мы с вами обратим свой взор на следователя Павла Игнатьевича.

Павел Игнатьевич не смог заглянуть в душу Дана и

прочитать в ней всю правду причины гибели Снегирёва. Как говорится, в отношении Виктора и Дана уместно сказать: «По заслугам чин даётся...» Сотворённое зло всегда находит всех своих исполнителей, а ещё в большей степени в демонических лицах, лишь с разницей наступления часа расплаты. Следовательно, и для Устицкого судный день и геенная бездна разверзнута пеклом вечности. И Дан, ожидая часа ответа, сидел хмурьм и подавленным. Из болезненного состояния его вывел голос кума:

– Дан, ну что ты сидишь?.. Пойдёмте уже разделявать кабана... Или там его оставим?..

– Не знаю, что хотите, то и делайте.. Мне он не нужен. Я хочу поехать в Москву...

– Да нет, Дан... Пойдёмте, нажарим из кабана шашлыкоч и помянем Виктора, – сказал Александр Данилович.

Вся компания встала, Александр пошёл разделявать кабана, а Роман нашёл более подходящее место и стал разводиться костёр. Вскоре они подготовили обед, помянули Виктора, и москвичи уехали в Москву, а Роман Борисович – в своё родное Шемякино.

Приехав в Москву, Павел Игнатьевич уголовное дело, возбуждённое на Снегирёва Виктора Павловича, в связи с его смертью прекратил. И о гибели Виктора сообщил Елене Васильевне. От такой трагической новости сердце Михайловой гулко забилося. Ей было жаль Виктора. Она словно забыла о всех болях и несчастиях, которые он ей причинил, и всё простила ему. Ей было мучительно больно от того, что она при жизни не смогла достучаться до его души, и в голове у неё промелькнула мысль: «А теперь же душа Виктора будет мучаться вечно в огненном пекле. И нет ей спасения. Изо дня в день душа станет инструментом для развлечения и истязания её дьяволами. Он по слабости духа свою душу на земле продал дьяволу и тем самым отдал её во владение бесам. И душа его вечно теперь будет находиться в преисподней. Как страшно, Господи!.. И душе Виктора едва ли уже можно помочь... Вот к чему приводит безволие, распущенность, колдовство, магия, экстрасенсорика и другие контакты с бесов-

шиной. Господи, помоги мне спастись от власти демона, греха, ниспосли мне волю устоять перед силой бесовского зла и коварства...» И Михайлова стала шептать молитвы.

- Леночка, ты что там шепчешь?..

- Страшно мне, Иван... Гибель Виктора очень меня взволновала. Непокойно и тяжело на душе... Вот я и молюсь.

- Леночка, ну его, этого Виктора.. Что заработал, то и получил.. Меня очень интересует один вопрос. Ты не могла бы на него ответить? Что следует понимать под образом и подобием Божиим в человеке?..

- Схиархимандрит Тимофей мне этот вопрос объяснял так, что под образом Божиим нужно понимать данные Богом человеку силы души: ум, волю, чувства, а под подобием Божиим нужно понимать способность человека направлять силы своей души к уподоблению Богу, то есть совершенствоваться в стремлении к истине и добру.

- Леночка, расскажи мне, пожалуйста, о душе человека.. Где она находится?.. И что способна делать и ощущать душа?..

- Душа присутствует во всём теле человека и оживляет его, хотя и имеет известную зависимость от тела, однако остаётся существовать и после его смерти. Душа человека, Иван, имеет силу познавать настоящее, помнить прошлое и даже иногда предугадывать будущее. Душа человека способна любить других и жертвовать собою. Она имеет силу и способность мыслить, творить и создавать, строить и тому подобное. Но силы души всё же ограничены. Бог же есть Существо абсолютно свободное, поэтому Силы Божьи безграничны. А душа человека, как я уже сказала, имеет лишь определённое поле деятельности. Но вместе с тем она имеет свободу воли. Поэтому человек может желать, но может и не желать быть подобием Божиим, ибо это зависит от свободного желания самого человека, от его свободной воли.

- Лена, я не очень понял, что же следует понимать под подобием Божиим? И от чего это зависит?

- Иван, да я и сама не совсем точно разбираюсь в этих вопросах... Я ведь тоже не заканчивала ни духовную се-

минарию, ни духовную академию. Помню, схиархимандрит Тимофей на проповеди говорил, что подобие Божие зависит от направления душевных способностей. Оно требует духовной работы человека над собой. Если человек стремится к истине, к добру, к правде Божьей, то он становится подобием Божиим. А если же человек любит только самого себя, жжёт, враждует, делает зло, заботится только о земных благах, думает только о теле своём и не заботится о душе своей, то такой человек перестаёт быть подобием Божиим, а делается похожим в своей жизни на животных и может окончательно уподобиться злему духу – дьяволу...

– Как ты думаешь, Леночка, а я кому уподобляюсь?

– Ну ты же не Дан и не Виктор. Ты же, Иван, зла людям не желаешь. Напротив, вон спасать нас стал. Если бы не ты, то едва ли я бы осталась жива и Игорёк... И вообще ты по жизни, как я за тобой наблюдаю, добра много делаешь людям, следовательно, уподобляешься подобию Божьему.

– Ой, Леночка, я так рад, что ты обо мне так хорошо подумала. Я понимаю: ты авансом мне такие благие слова сказала, их я пока не достоин... Но я стану по жизни стремиться идти Господнею тропкою и быть похожим на тебя. Ты вон какая сильная, ты столько много доброго делаешь для людей. Ты хороший руководитель, тебя люди любят... И я тебя, Леночка, очень полюбил ещё с первой встречи... Но ты такая для меня недосыгаемая, ты словно неземная. Вот ты именно подобие Божие. Кто с тобой общается, помимо воли становится чище и лучше. Я признаюсь тебе, ведь я до встречи с тобой не был таким... К добру я не очень стремился. Мог и обмануть, слухавить. А сейчас, если я и хочу что-то сделать, не совсем хорошее, то сразу в этот момент передо мной встаёт твой образ. И ты мысленно, а мне порою кажется и вживую, отводишь меня от сотворения небогоугодных дел. Такое вот я над собой ощущаю уже больше полугода. И что я изменился, то это заметили и мои близкие люди. А особенно мама. Она мне последнее время всё говорит, что я словно переродился. И всё никак на меня не нарадуется. Ты извини меня, Леночка, но я маме рассказал всю

правду. Я ей признался, что виновницей в моём изменении стала ты. И что я очень и очень тебя полюбил и хочу быть похожим на тебя. Я за тобой буду следовать повсюду, куда бы ты меня ни позвала. И мне нет большего счастья, как быть подле тебя, ощущать твой взор, слушать твои душевные, насущные и мудрые слова. Леночка, я всем сердцем и душой прошу тебя выйти за меня замуж. Я буду много работать над собой, чтобы быть достойным тебя. Я понимаю, что мы с тобой не совсем равная пара. Ты благороднее, благодатнее, умнее и лучше меня. Но я буду изо всех сил работать над собой, чтобы ты во мне не чувствовала обузу, а напротив, находила во мне опору, поддержку и силу... Леночка, ну что же ты молчишь?.. Ответь: ты выйдешь за меня замуж?

– Иван, к чему я тебе с таким наследством?.. Ведь у меня двое детей.. Я их обоих люблю. И, ясное дело, какая бы у меня любовь к тебе ни была, я её буду делить с детьми. Я мать, и материнские чувства меня постоянно станут звать к ним, мне будет хотеться с ними делить время, а ты как бы останешься в стороне. В тебе проснётся ревность, станут возникать ссоры. И любовь вся пройдёт, а наш с тобой союз станет невыносимым.. Поэтому я за тебя замуж, Иван, не хочу выходить. Ты женись на свободной.. Вон, посмотри, сколько незамужних девушек, которые с радостью тебе предложат своё сердце. Дарье Петровне, гляжу, ты нравишься. Она тебя на день стремится несколько раз все прослушивать, просматривать, проконтролировать. Одним словом, всё ищет предлог, как бы прийти к тебе в палату и пообщаться с тобой.

– Леночка, ну о чём ты говоришь? Какая может быть Дарья Петровна? Она, похоже, хороший врач.. Так её профессия обязывает быть внимательной. Ей за это заработную плату начисляют. И никаких свободных девушек я не хочу ни видеть, ни слышать... Я люблю только тебя. И никогда тебя не разлюблю.. Кстати, и детей я очень люблю. Я чувствую, что и Игорёк, и Ленусенька меня любят. Ведь Ленусенька тебе тоже неродная дочка, но ты же её любишь?! И она в тебе души не чаёт. А я тоже детей не хочу отделять от тебя. Мне крайне приятно ощущать, что дети тебя любят. И я никогда не стану их рев-

новать к тебе или, напротив, тебя к ним. Мне ощущать себя в постоянном совместном проживании с тобой и дорогими детьми будет являть истинное блаженство. Слушать их искреннюю речь, дарить им радости, беседовать с ними, чувствовать себя для них востребованным, у меня, Леночка, уже сейчас от этого вырастают крылья, и мне хочется парить, согретым взором твоего сердца. И кроме этого, мне в жизни ничего не надо, лишь бы быть с тобой и вдыхать тот воздух, который вдыхаешь ты. Леночка, разреши быть мне твоим супругом. Я обещаю сделать тебя счастливой. Мне очень хочется вручить тебе свою судьбу, освещая её свечой верности и благости. А чтобы наша с тобой совместная судьба благоухала везением, мы, Леночка, с тобой давай поедем обвенчаемся в Монастыре у твоего любимого духовного отца Тимофея. Я тоже очень хочу, чтобы он был и моим духовным отцом. Леночка, как ты на это смотришь?

– Положительно, Иван.

– Положительно, Леночка, чтобы батюшка Тимофей стал моим духовным отцом?.. И положительно, чтобы ты стала моей женой?..

– Иван, не лови меня на слове. Конечно же я буду рада, если схиархимандрит даст своё благословение быть у тебя духовным батюшкой. А что касается того, чтобы быть твоей женой, то не обижайся, Ванюша, но я не готова стать твоей супругой. Я дважды уже была женой, но от своего замужества я счастьем не цвела и радости не имела. Ты же знаешь, брак с Дмитрием раскрылся мне изменой, а брак с Виктором чуть ли не закончился смертью близких мне людей.. Ты, Ваня, не торопи меня с замужеством. Во-первых, тебе надо ещё выздороветь. И не одна неделя пройдёт, пока тебя выпишут из больницы. Во-вторых, нам необходимо серьёзно обо всём подумать...

– Так ты, Леночка, подаёшь мне надежду?! Ты согласна быть моей женой?!. Леночка, ты любишь меня?.. Леночка, ответь, а то тебя и Игорька послезавтра выпишывают... И у меня уже не будет возможности так вот откровенно с тобой поговорить...

– Я уже тебе, Иван, сказала о том, что ты хороший

парень. Но люблю ли тебя, над этим я как-то не задумывалась. Ты сегодня так вот в лоб мне впервые задал вопрос, чем несколько застал меня врасплох.. И я, если честно, не знаю, что и ответить. Давай к этому вопросу вновь вернёмся после того, как тебя выпишут из больницы. Тебе сейчас нужен покой, а не бурлящие эмоции.

– Нет, Леночка.. Для меня сейчас самое главное лекарство – это именно положительные эмоции, то есть твоё согласие. Если ты согласишься стать моей женой, то я через три дня стану совершенно здоровеньким.

– Нет, Ванечка, твоя рана ещё очень опасна, как сказала Дарья Петровна, тебе нужен покой и постельный режим, так что поспи. Кажется, дети идут..

И действительно, дверь в палату открылась, и в неё вошли Любушка, Игорёчек и Ленусенька. Вскоре вся палата наполнилась ароматами груш и яблок, которые исходили из раскрытой дермантиновой сумки.

– Мамочка, Иван Петрович, мы вам принесли очень вкусных яблочек и груш. Давай, тётя Люба, доставай их, я пойду быстренько помою..

– Я тоже, Игорёк, с тобой пойду мыть..

Не прошло и пяти минут, как Игорёк с Ленусенькой поставили тарелку на тумбочку с лоснящимися, чисто вымытыми, краснобокими яблоками и янтарными грушами.

– Иван Петрович, тебе что дать: яблоко или грушу?

– Я, Игорёк, груши больше люблю..

– Мамулечка, а что ты больше обожаешь?

– А я, Ленусенька, в равной степени и груши, и яблоки люблю.

– Тогда тебе, моя мамуля, я дам и грушу, и яблочко!.. Не возражаешь?..

– Нет, Ленусенька, нисколечко..

– Мамуля, я уже так за тобой скучаю, что еле терплю. Хотя тётя Люба и бабушка за мной хорошо ухаживают, но всё равно мне без тебя и Игорёчка очень грустно. Когда вы уже выпишитесь из больницы?..

– Скоро Ленусенька. Наверное, послезавтра.

– А ты, Иван Петрович, тоже послезавтра?

– Нет, Ленусенька, я позже..

– Скорее бы уже, чтобы наша семья вся вместе собралась... Да, мамулечка, я чуть не забыла... Вот нам письмо пришло... Бабушка Маня сказала, чтобы я его тебе отдала... На... Возьми...

Елена Васильевна взяла из рук дочери письмо, распечатала его и прочитала. В нём сообщалось, что Снегирёва Ирина Николаевна умерла... Прочитав письмо, Михайлова изменилась в лице, побледнела и быстро вышла в коридор, намереваясь позвонить. Вслед за ней вышла и Люба.

– Лена, что случилось?..

– Умерла Снегирёва Ирина...

– А когда похороны?..

– Не знаю, в письме ничего по этому поводу не сообщается... Вот я хочу об этом сейчас справиться по телефону...

Елена позвонила в психиатрическую больницу, и ей сказали, что Снегирёва Ирина находится в морге и если её до завтрашнего дня не заберут, то больница завтра сама её похоронит. Не заходя в палату, Елена пошла к главврачу, объяснила ему ситуацию, и он выписал Михайлову из больницы. Расстроенная и растерянная, Елена, обращаясь к подруге, спросила:

– Люба, что мне делать? Говорить Ленусеньке о смерти матери?.. Брать ее на похороны с собой?..

– Не знаю, Леночка... Наверное, всё же о смерти надо сказать...

– Пойдём в палату. Ты мне сейчас, Люба, поможешь вещи собрать... А лучше всего нет... Пусть они здесь побудут.

Зайдя в палату, Елена села на койку и с болью в сердце сказала:

– У нас горе... Крепись Ленусенька... Умерла твоя мама... Завтра ее необходимо хоронить. Я сейчас поеду в больницу и всё конкретно узнаю.

– Мамочка, а ты меня с собой возьмёшь?..

– Возьму, Ленусенька, но не сейчас...

– Мама, и я с вами поеду... Ведь я хорошо уже себя чувствую...

– Хорошо, и ты поедешь, но тоже позже...

– Леночка, и я поеду с вами, возьмём сейчас такси, помогу вам с похоронами..

– Нет, Иван, ты останешься.. Тебе стоять ещё нельзя, не то что помогать гроб носить.. Любушка, ты Семёна вызывай и отправляйся в магазины за одеждой для погребения Ирины.. А Игорька и Ленуську мы завезём домой, сама же я направлюсь в больницу и морг. И если Бог даст – всё сложится нормально, и тело Ирины сегодня к вечеру привезут к нам домой, то завтра будем хоронить.

– Мамулечка, так ты меня не возьмёшь сейчас с собой?.. И я не увижу маму Иру?..

– Детка, но она же в морге.. Туда детей не пускают.. Она ведь даже не в больнице.. Мы ее из морга заберём, оденем и тогда тебя возьмём..

– Мамочка, я тебя прошу, не оставляй меня.. Я хочу тоже в последний раз помочь одеть маму Иру. Не отказывай мне, мамочка.. Я буду вести там себя по-взрослому, не стану обременять тебя своими слезами.. Мамочка, пойми меня, я же её дочь.. Она же меня родила.. Мне хорошо с тобой.. Но ты меня извини, ведь ты для неё чужая тётя и идёшь её одевать и собирать в последний путь, а я, которую она родила, останусь в стороне и не буду принимать никакого участия.. Это же, как ты сама говоришь, не по-человечески, не по-христиански, а я ее ведь, ты прости меня, любила и сейчас люблю. Уж так получилось по жизни, что у меня две мамы стало.. Ты и мама Ира.. И я обеих вас очень люблю.. И давай маму Иру мы из морга заберём, и дома с тобой обмоем, и оденем вдвоём. Мамочка, ей это будет приятно.. Это ведь она столько много последнее время страдала.. У неё, кроме нас с тобой, в этом мире никого не осталось..

И Ленусенька громко разрыдалась.

– Деточка, ну что ты?.. Не плачь.. Мы непременно сделаем так, как ты хочешь.. Мы сейчас же с тобой едем в больницу, берём там справку о её смерти и отправляемся в морг. А ты, Люба, с Игорем поедешь в магазин и купишь ей одежду, в которую мы должны одеть и похоронить маму Иру..

– Нет, мама, я вас не брошу.. Я поеду вместе с тобой и Ленусенькой. А тётя Люба сама справится.. Поехали,

мама, а то пока мы здесь говорим, там, наверное, уже дядя Семён к моргу подъехал и нас там ожидает...

Михайлова не стала больше возражать, а села в такси с Игорьком и Ленусенькой и поехала в больницу. Люба же отправилась в магазины за одеждой для Ирины. Когда Лена с детьми подъехала к моргу, там действительно их уже поджидал Семён. Зайдя в морг, они нашли тело Ирины. Покойная была нагая, лишь сверху прикрытая не совсем чистой простынёй. Елена вместе с Ленусенькой одели Ирину в её одежду, которую забрали в психиатрической больнице, и повезли тело в дом, где проживала Михайлова.

Подъехав к самому подъезду, Семён попросил соседа помочь ему отнести тело Ирины в квартиру. Елена и Ленусенька не успели ещё закончить процедуру обмывания покойницы, как в дом уже вошла запыхавшаяся Люба. Она принесла всю новую одежду для Ирины. Помогла Елене и Ленусеньке одеть Ирину в роскошное голубое платье с белым атласным воротником, чёрные туфли, светло-голубой платок. Ирина выглядела очень худенькой. Её измождённое недугом лицо имело серо-землистый цвет. Они поместили покойницу в оббитый сверху красной тканью гроб. Внутри гроб был обшит белой тканью, отчего тело Ирины как бы преобразилось – её лицо словно ожило. Особенно после того, как Елена на лоб умершей возложила венчик с изображением Христа, Богоматери и Иоанна Предтечи. Затем Елена достала свечи, расставила их вокруг гроба, зажгла и стала читать псалмы. И вместе с ней стали молиться Ленусенька, Игорёк и Люба, а Семён тем временем поехал в Монастырь за отцом Василием. Они приехали лишь под утро. Отец Василий отслужил панихиду, которая состояла из службы, вбравшей в себя молитвы о прощении грехов и упокоении в Царствии Небесном умершей Ирины. Ближе к двум часам дня к подъезду подъехал катафалк. Гроб с Ириной вынесли из квартиры, поместили в катафалк, и похоронная процессия направилась на кладбище. Ленусенька и на кладбище так же мужественно крепилась и не причитала. Однако слёз удержать не смогла. Они срывались из её глаз и падали: одни – на сырую землю, а дру-

гие скатывались на горестную грудь. Но когда наступили последние минуты прощания с покойной Ленусенька всё же не выдержала и стала взывать:

– Мамочка, ну почему ты умерла и уходишь от нас?.. И я никогда тебя больше не увижу... Почему ты не вылетела?.. И ты уходишь к папе... А меня оставляете одну... И лишила меня надежды, что ты меня вновь узнаешь... А я так хотела, чтобы ты узнала меня, а я тебе бы рассказала, какая хорошая мама Елена, которую ты так почему-то ругала. Мамочка, а я ее очень люблю. Если бы я её не встретила, то осталась бы совершенно одна. Никто бы мне не помог. И не помог бы папу и тебя похоронить. А мама Лена это всё сделала, несмотря на то, что ты её кляла. Мне так хотелось, чтобы ты перед мамой Леной извинилась, а ты уходишь навсегда и никогда этого уже не сделаешь. А как мне смотреть ей в лицо? Ведь она нам делала лишь добро, а мы ей – одно зло. И вот вы все меня бросили, а я осталась с ней и ее прошу не бросать меня. Мама, что ты натворила?.. Это меня мучает и будет мучить. Ведь твой грех переходит в мой грех... Мама Лена, ты извини мою маму Иру, что она напрасно на тебя проклятья посылала. А то маме Ирине на том свете с этим грехом тяжело будет находиться... Мамулечка, очень прошу тебя, пособи моей маме Ире... Умоляю тебя всем сердцем и душой.. Я так боюсь, что Господь маме Ире за её злобные проклятия не откроет врата спасения и направит её в ад. Ты помолись за неё, мамулечка, прости ей все её прегрешения, которые она сделала... Мама Ира, как всё говорил папа, была далека от Господа... А я так мечтала, что мама Ира выздоровеет, что мы с ней станем ходить в Церковь, что там она прозреет, раскается в своих грехах и попросит у тебя прощения...

И Ленусенька вдруг пала на колени перед Еленой и вновь горестно начала просить:

– Мамулечка, прости мою маму Иру, помолись за неё, помоги ей пройти мытарства, своим прощением проводи её через врата адовы.. Я не хочу, мамочка, чтобы мама Ира горела в геенне. Она уже и на этом свете была Господом наказана. У неё Всевышний забрал детей, мужа и разум.. И не дал возможности ей покаяться и причас-

титься... Мамочка...

– Ленусенька, доченька, ну что ты?.. Я на твою маму Иру не гневаюсь.. И всё ей давно простила. И обязательно за неё в Церкви молиться буду. И мы с тобой непременно сорокоуст закажем, чтобы Иисус Христос по совершенным молитвам вознёс маму Иру на Небо, в Небесные обители, и простил ей грехи вольные и невольные.. Не плачь, моя деточка, успокойся.., – и она обняла её, целуя, прижала к груди и прошептала:

– Крепись, мужайся.. Пока я буду жива, Ленусенька, тебя в обиду не дам.. И постоянно стану молиться за маму Ирину, твоего папу, чтобы Господь ниспослал им Царствие Небесное..

– Спасибо, мамочка, я буду очень стараться, чтобы походить на тебя и стать тебе настоящей дочерью..

Ленусенька кое-как успокоилась, а тем временем работники гроб опустили в могилку и умело засыпали землёй. И вот уже вместо зияющей ямы появился, вобрав в себя гроб с телом Ирины, холмик, украшенный цветами и венками.. А все присутствующие сели в автобус и поехали в столовую, где был заказан Михайловой поминальный обед Снегирёвой Ирине Николаевне.

Елена Васильевна слово сдержала: она поехала в Монастырь и там заказала сорокоуст. Вместе с Ленусенькой и Игорьком усердно молилась за рабу Ирину в третий день и в девятый. А в сороковой день к ним присоединился и выздоровевший Иван Петрович. Он к этому времени выписался из больницы. Хотя глубокая рана ещё давала о себе знать, но, в целом, Иван Петрович чувствовал себя уже нормально.

ГЛАВА XXVI

И вот сегодня, после сдачи больничного листа уже тридцатый день пошёл, как Иван Петрович вышел на работу. Настроение у него было хорошее, несмотря на то, что на улице было сыро, ветрено, и снег срывался обледенелыми крупинками, стремясь холодным ручьём пробраться за воротник куртки. Но Иван Петрович не замечал неуюта, напротив: в душе у него был праздник.

За достигнутые успехи в работе его поощрили денежной премией. Получив деньги, он не стал задерживаться на работе, а сразу направился в цветочный магазин и купил для Елены Васильевны семь ярко-красных роз. Затем зашёл в гастроном и для детей приобрёл их любимый торт «Сказка», «Московской» колбаски, сосисок, бутылку шампанского и, счастливый, направился в квартиру Михайловой. На его звонок дверь открыла только что вошедшая Елена Васильевна.

– Леночка, позволь тебе преподнести эти цветы.

– В честь чего?..

– Как в честь чего?! Хотя бы в честь того, что ты у нас такая же красивая, как эти розы. И ещё в честь того, что мне дали премию.

– Что-то тебе, Иван, часто премию выдают..

– Надо, дорогая Елена Васильевна, хорошо работать. Моё рационализаторское предложение внедрили, и от того получился большой экономический эффект. Вот мне от него немножко и перепало.. Поэтому я, Леночка, решил поделиться этой радостью и с детьми.. Купил торт.. Так что возьми всё содержимое.. Кстати, а где дети?..

– Во двор пошли кислородом подышать..

– Леночка, я пойду их позову..

– Нет, Иван, пусть погуляют, а то они вышли на улицу минут десять тому назад.. Я вот кушать сейчас спотворю, и тогда ты их пригласишь.

– А что ты, Леночка, хочешь готовить?.. Я вот здесь колбаски принёс, сосисок..

– Ой, Иван, балуешь ты нас.. Спасибо тебе за всё и особенно за цветы.. Розы необыкновенно красивы. Ты прямо, Иван, из ничего в квартире сделал праздник. С чего бы это?..

– Это всё оттого, Леночка, что я вас всех очень и очень люблю. И мне действительно каждый день для вас хочется превращать в праздник.. Пойдём, моя ненаглядная, я тебе помогу ужин готовить. Ты что хочешь, чтобы я приготовил?

– Давай, Иван, пюре с сосисками сварим?..

– Хорошо, Леночка, я тогда иду чистить картошечку.. А ты иди отдохни.. Тяжёлый день на работе был?

– Не очень... Правда меня приглашали в Министерство обороны, озадачили новой научно-исследовательской темой. Но она, на мой взгляд, не очень сложная. Я думаю, мы с ней в течение трёх-пяти месяцев справимся.. И там я встретила Дана. Он пытался со мною заговорить.

– А что ему от тебя надо?..

– Не знаю, Иван.. Я не захотела с ним разговаривать.

– Вот мерзавец. Леночка, позволь я его отдубасю, чтобы он к тебе не приставал.

– Ну что ты, Иван.. Нашёл с кем связываться и руки марать?.. Сам же говоришь, что он мерзавец.. От него ты подальше держись. И не вступай с ним ни в какой разговор.. Видел, что он со мною когда-то сделал.. Сатанист он и есть сатанист. Дан очень опасен в своём лукавстве..

– Да вот за то, что он тебе причинил такую боль, мне, Леночка, и хочется его проучить.. Я же боксер. Так что раз вмажу – и он забудет, как к тебе цепляться.

– Нет, Иван, не трогай его. Да может, это так пришло.. И он не станет больше ко мне с разговором цепляться..

– Тогда, Леночка, обещай, если только Дан вновь к тебе станет липнуть и беспокоить тебя, то ты мне об этом скажешь, чтобы я с ним по-мужски мог поговорить.. Договорились?..

– Хорошо, Иван, поживём – увидим. А сейчас, ну его.. Не будем им портить себе настроение.. Давай я потолку твою картошечку, смотри, как она уже вся разварилась, а ты иди, зови детей.

Пока Иван приглашал Игорька с Ленусенькой, которые дружно игрались с другими детьми во дворе, Елена уж успела накрыть на стол. Увидев на столе наполненные тарелки яствами, Игорёк радостно возгласил:

– Ма, с чем это связано, что у нас сегодня такой богатый стол?

– Иван Петрович премию сегодня получил, вот и накупил всего, чтобы свое рационализаторское предложение «обмыть», – улыбаясь, ответила Елена Васильевна.

– Это дело хорошее.. Я тоже, когда вырасту, буду ра-

ционализаторские предложения вносить, чтобы такие вот роскошные столы иметь... Так, Ленусенька?..

– Не знаю, Игорёк.. Ведь я рационализатором не хочу быть. Я мечтаю быть врачом.

– Ты же, Ленусенька, хотела быть артисткой..

– Нет, Иван Петрович, артисткой я раздумала быть. Во мне таланта нет.. А вот на врача непременно выучусь. И стану вас всех лечить, чтобы вы не болели, а то вон мамуля у нас слабенькая.. Частенько она болеет.. Так я буду заботиться о ее здоровье, так ведь, мамочка? Ты не возражаешь, чтобы я была врачом?..

– Совершенно не возражаю, чтобы моя доченька была врачом. А сейчас быстренько все садитесь за стол, а то пюре и сосиски уже скоро остынут..

Наконец, вся дружная семейка угомонилась и с аппетитом приступила к трапезе. Один Иван Петрович заметно переживал. То и дело посматривал то на детей, то на Елену Васильевну, явно желая что-то сказать. Но его давили стеснения, через которые он никак не решался переступить. И всё же, пересиливая себя, он вдруг встал и сказал:

– Дорогая Леночка, дорогие дети – Игорёк и Ленусенька.. Я очень волнуюсь и не знаю, с чего мне начать говорить.. Но сердце хочет сказать о том, что вас я всех очень люблю. И умоляю тебя, Леночка, согласиться стать моей женой. И прошу вас, Игорёк и Ленусенька, поддержать меня в этом вопросе. Я вас по жизни никогда не обижу напрасно. Буду вас воспитывать, как своих детей, поскольку, как я уже вам сказал, очень я вас полюбил. И не могу жить без вас: ни без Леночки, ни без вас, дети. Я всем своим существом, всем сердцем к вам прикипел, без вас мне белый свет не мил.. Леночка, я очень буду стараться, чтобы ты и наши дети были счастливы.. Я стану очень стремиться, чтобы ни ты, ни дети во мне не разочаровались, поскольку я так долго ждал этого часа.. Вы – моя судьба.. Леночка, прошу сказать: ты согласна стать моей женой? Дети, взываю и вас ответить мне: вы не возражаете меня впустить в ваши доли в качестве отца?.. Если Леночка позволит и вы, дети, согласны, то я бы хотел Игорька усыновить, а Ленусеньку удочерить..

Ведь я вас беспредельно всех люблю. Вы мне очень часто снится по ночам, без вас я не мыслю своей жизни..

– Иван, ты хороший человек, добрый. Похоже, что из тебя получится хороший семьянин.. Но обдуманый и не преждевременный ли ты делаешь выбор? К чему тебе, холостому, брать на себя такую обузу? Хотя ты мне далеко не безразличен и я тоже тебя незаметно для себя полюбила всем сердцем и всей душою.. И согласна быть тебе верною женою.. А что касается детей, то Игорёк и Ленусенька пусть сами скажут.. Они хозяева своей судьбы и должны сами думать и принимать жизненно важные решения.. А я, как мать, их пожелания разделю своим согласием..

– Ма, а что тут думать?!. Я давным-давно хочу, чтобы Иван Петрович стал нашим батькой. Я его тоже полюбил, и мне приятно будет называть Ивана Петровича отцом. Он настоящий мужчина. И я хочу быть похожим на него.. Иван Петрович не раз нас вытаскивал из тяжёлой ситуации и не оставлял нас одних с бедой, а всегда всю ответственность брал на себя.. Я без него тоже не мыслю нашей счастливой семейной жизни. И я обещаю слушаться Ивана Петровича и чтить его, как родного отца..

– А я тоже, мамулечка, как и Игорёк, буду подчиняться Ивану Петровичу и называть его папой. И стараться его не огорчать, поскольку душа против него не взъерошивается, а напротив – к нему льнёт и зовётся..

И Ленусенька вскочила со стула, подбежала к Ивану Петровичу, обхватила его за шею руками, расцеловала в лицо и сказала:

– Наконец-то Иван Петрович теперь полностью наш. И он не станет убегать от нас домой.. Теперь, папочка, мы с Игорёчком и мамочкой тебя от нас не отпустим. Ты когда с мамулей пойдешь расписываться?..

– Завтра, если мама не возражает..

– Мамулечка, ты не возражаешь?..

– Ух, какие вы шустрые?!. Но коль вы все согласны, то я тоже не против. Однако, дети, быстренько вы нас сосватали. Не дали нам долго раздумывать.

– А что тут раздумывать?!. У вас столько много дней пробежало, что уже десять раз можно все было решить..

А сейчас, батя, наливай шампанского... «Обмоем» вашу помолвку...

Иван Петрович не заставил себя долго ждать. Он ловко с праздничным всплеском открыл шампанское, налил его в фужеры и раздал их сидящим за столом. Затем взял фужер в руки и с волнением и трепетом сказал:

– Спасибо вам, дорогая Леночка, и вам, любимые мои детки, что поддержали меня. Леночка, я очень тебе признателен за твоё согласие стать моей женой. Я от этого безмерно рад и счастлив. И я несказанно благодарен судьбе, что она меня так щедро наградила и доверила мне таких двух прекрасных детей: Игорёчка и Ленусеньку. От счастья, которое мне выпало, ощущения, что я муж такой прекрасной женщины, что я отец двух детей, у меня от умиления замирает сердце. Я вас, дорогие мои, безгранично люблю и никому не позволю вас обидеть. Вы – моя мечта, цель и надежда всей моей жизни. Я стану очень стараться, чтобы вам за меня, мои поступки не было стыдно и вас не досаждали угрызения совести. Позвольте только, мои любимцы, говорить вам правду. Не льстить и воспитывать вас, дорогие детки, сердцем и душой, и не скрывать те проблемы, которые (хотим мы или нет), но они по жизни будут возникать. Однако при их разрешении позвольте мне всегда быть честным и справедливым, поскольку я вас очень и очень люблю и мне до глубины души хочется, чтобы вы были счастливы и дорога жизни бы вам удалась... А я свечой судьбы, которую вы мне доверили, изо всех сил буду стремиться светить вам, чтобы вы не сошли в темень и не сбились бы с пути. Поэтому я тост предлагаю за вас, дорогие мои дети, и за мою любимую Леночку. Кланяюсь вам до земли и выражаю вам глубокую признательность и желаю взаимопонимания, светозарности души, лучезарности чувств, которые бы нас согревали, объединяли и ткали стезю жизни благодеянием, верой и уютностью..Вот за эти слова, за вас, дорогие мои, позвольте мне и выпить.

И Иван Петрович осушил свой фужер с шампанским до дна. Его примеру последовали и Елена, а Игорёчек и Ленусенька звонко стукнулись фужерами и поставили их на стол нетронутыми. Затем Игорёчек побежал на

кухню, принёс компот, налил себе и Ленусеньке в чистые фужеры и сказал:

– Я очень рад, что наша мамочка выходит замуж. И думаю, что она с Иваном Петровичем будет жить в радости. Он достойный человек. И мы его с Ленусенькой, как я уже говорил, полюбили и станем его поддерживать, но а в случае чего, ты прости, Иван Петрович, мамулечку мы в обиду не дадим..Так ведь, Ленусенька? Но это я сказал, как говорится, на всякий случай, просто к слову. Я знаю, что Иван Петрович – светлейшей души человек, с прекрасными помыслами, и он нам с Ленусенькой по сердцу пришёлся, и нам другого батяни не надо. Я очень рад, что мама обрела счастье, а вместе с ней и мы.. Так что: «Горько»..Так ведь, Ленусенька?..

– Да, Игорёк, очень «горько» ..Компот совершенно не сладкий, так что, мамуля и папуля, вам надо его подсластить...

Иван Петрович, радостно улыбаясь, подошёл к Ленусеньке, поцеловал её в обе щёчки, затем подошёл и к Игорьку, его крепко обнял и по-родственному поцеловал, а потом расцеловался и с Леночкой. Счастливое семейство весело общалось чуть ли не до рассвета. Им никак не хотелось расставаться, и они всё не могли наговориться друг с другом. И лишь под утро, сморенные усталостью, Ленусенька и Елена заснули, а Иван побежал домой, позвонил Любе и Семёну, пригласил их свидетелями на свадьбу. Затем помчался в магазин, накупил разных продуктов. Подогнал свою машину к подъезду, украсил её цветами и к восьми часам с нагруженными авоськами и огромнейшим букетом позвонил в квартиру Елены Васильевны, где его уже ожидали празднично одетые Люба, Семён, а также Елена, Игорёк и Ленусенька. Они все сели в машину и поехали в ЗАГС, где и удостоверили союз любви Ивана да Елены.

В ЗАГСе Иван и Елена не стали задерживаться, а, приобретя юридически свидетельствующий об их новом правовом статусе мужа и жены документ, явились все друженько в квартиру к Михайловым. Любушка и Елена накрыли свадебный стол. Все быстренько за него уютно уселись, налили в фужеры шампанского, а Ленусеньке и

Игорьку фужеры наполнили сидром... И вот уже Любушка взяла слово и говорит:

– Дорогие Лена и Иван, позвольте вас поздравить с законным браком и пожелать вам долгой и счастливой семейной жизни, а также здоровья и благополучия... И разрешите спросить вас, как это вы так скоренько решили пожениться?... Для нас с Семёном ваша сегодняшняя роспись в ЗАГСе стала превеликой неожиданностью. Кто это вас так смог быстро сосватать?..

– Любушка, это случилось вчера, а сватами оказались собственные дети. В особенности способным оказался Игорёк...

– Правильно, Леночка, так оно и было... И мне выпросить у тебя согласия стать моей женой помог мой сыночек.. Игорёк так лихо тебя сосватал, что я от него такой резвости даже не ожидал. Я тебя уговаривал, уговаривал месяцами, а ты всё отнекивалась, а Игорёк в считанные минуты сумел добиться твоего согласия. А ему и Ленусенька помогла, если бы не они, то мне бы года три ещё пришлось бы уговаривать Леночку выйти за меня замуж. Поэтому я предлагаю этот тост выпить за наших детей – Игорёчку и Ленусеньку, за то, что они мне помогли наконец-то осуществить мою мечту. И за то, что они у нас такие чуткие, отзывчивые и сердобольные. Я вам несказанно рад. Спасибо вам, мои дорогие дети, я вашего расположения и помощи никогда не забуду. Помните: я всегда буду стараться, чтобы в моём лице вы нашли отца, как Игорёк с Ленусенькой меня называли, батяню, чему я очень и очень рад, а также друга... Я за вас, дорогие мои дети, сумею постоять и никому вас не дам в обиду. Я вас полюбил, как я об этом уже несколько раз говорил, всем сердцем и душой... И поэтому, уважаемые гости, прошу в этом вопросе меня поддержать. – Иван отпил несколько глотков шампанского, а затем продолжил:

– И ещё, дорогие дети и гости, позвольте высказать слова благодарности Леночке. За то, что она согласилась стать моей женой. Я приложу все усилия, чтобы моя жёнушка не разочаровалась в своём выборе, а нашла бы во мне опору жизни, радость, счастье и нежность сердца... И за это я прошу вас выпить...

– О, Иван, всё ты правильно говоришь, но шампанское очень горькое, поэтому надо его подсластить... Так ведь, Любушка?

– Безусловно так, Семён.. Горько...

Дети тоже поддержали взрослых и с ними в унисон, поглядывая на Ивана и Елену, кричали «горько»... Молодожёны, подчиняясь воле присутствующих, смущённо целовались, придавая свадьбе трепетность, радушие и праздничность взирающего дня. Отчего на душе становилось уютно и умиленно. Но всё имеет своё начало и свой конец, так и наша свадьба закончилась, а впереди всех ждали уже трудовые будни, без которых ожидаемые праздники теряют всю прелесть...

И вот Елена и Иван вновь явились на свои рабочие места. Весть о том, что Елена Васильевна вышла замуж за Ивана Петровича быстро разнеслась по институту. Одни им завидовали, другие, напротив, радовались их счастью. Елена Васильевна была одухотворена внутренним чувством радости. Её лицо благоухало цветением появившихся чувств, которые столько лет в ней непробудно спали, а порой от нахлынувших впечатлений вспыхивали и молниеносно сторали. Теперь же Михайлова от них изнутри словно светилась светом первозданности и умиротворённости жизни, лазурности трепетных далей, даровавшие ей судьбою Господню благодать. Отчего жизнь становилась сказочно мила, желанна, содержательна и насыщена зовом любви и милосердия, и в то же время напоена страхом. Да так, что однажды Елена не удержалась и, лёжа в объятиях Ивана, сказала:

– Ванюшечка, любимый, ненаглядный, нежнейший мой, дорогой человек, я с тобой очень счастлива. И счастлива так, как никогда в своей жизни не была. Мне порою, Ванечка, бывает страшно от своего счастья. Я боюсь, что оно вдруг пройдёт или раздавится в жерновах и тисках человеческих порочностей. Я очень опасаюсь за нашу жизнь, семьи и особенно за тебя. Ведь когда ты стал моим мужем, то к нам в квартиру и в наши души поселилось солнце... И оно заревом освещает мне, Игорьку, Ленусеньке тропы жизни, согревая их светом радости, счастья и умиления. Я с тобой чувствую единение сердец.

Душа моя обрела покой в искании сущности жизни и осмыслении истины Господней. И чтобы не случилось, я всегда буду верна Всевышнему. Творец через тернии и муки ниспослал мне тебя и через тебя дал мне возможность понять истинное назначение женщины.. Ванечка, я неизмеримо люблю тебя так, как может только любить женщина, жена и мать в одном лице. И по этому поводу я написала стихотворение, которое посвящается тебе..

- Почитай мне его, Леночка..
- С удовольствием, мой желанный..

*Молю Бога, чтоб долго ты жил,
Чтоб тропа тебе зорькой светила.
И, как голубь, усладно парил,
И любовь твоё б сердце пленила.*

*Той, которую мне подарил,
От которой сердечко взвырало,
Ею ты нас навек породнил,
И любви время счастья настало.*

*Но с тех пор за тебя я боюсь,
Чтоб лихого с тобой не случилось,
Потому и с молитвой ложусь,
Чтобы горюшко к нам не пробилось.*

*Молю Бога, чтоб долго ты жил,
Чтоб тропа тебе зорькой светила.
И, как голубь, усладно парил,
И любовь твоё б сердце пленила.*

- Леночка, дорогая моя, спасибо тебе за такие прекрасные строчки. Чудесное стихотворение. Я на него напишу музыку... Ты не возражаешь?

- Нет... Но, Ванюша, мне, действительно, почему-то страшно за нашу любовь... Поедем в Монастырь и там закажем благодарственный молебен?

- Поедем... Если хочешь, то давай на службе побываем в Монастыре в эти выходные... Машина у меня на ходу... Да и Игорьёк с Ленусенькой будут довольны. Игорьёку дам возможность по трассе немного поуправлять машиной - ему это дело очень нравится..

- Да рано ему, Ванюша, ещё машиной управлять..

– Ну что ты, Леночка! Игорёк уже не раз за руль сажился, и он умело её ведёт. Сынок у нас ведь большой. И ростом он у нас вон уже меня догоняет, и умненький, смьшлённый растёт. Так что уже ему машину можно доверять.

– Под стать ему и Ленусенька вызревает... Красивая она у нас, правда, Ванюша?

– Да, Леночка, очень славные детки у нас с тобой растут, слава Богу... Вот, Господь даст, скоро у нас ещё ребёночек родится... Ты, Леночка, кого больше хочешь: мальчика или девочку?

– Не знаю, Ванюша... Я и сыночка хочу, и ещё одну дочку иметь буду рада. А ты кого хочешь?

– А я, Леночка сразу двух ещё хочу иметь – сына и дочку. Я очень люблю детей. С ними на сердце тепло и уютно. Они щебечут, как птички. С ними есть продолжение и смысл жизни... Мне так радостно с Игорьком и Ленусенькой живётся. Я очень счастлив с тобой, моя голубушка. Поэтому что родишь – тому и слава Богу... Только бы всё хорошо обошлось... Я, золотце моё, очень переживаю за тебя... Ты береги себя, ходи тихо, а то ты летаешь, под ноги не смотришь. Вон вчера упала... Я сам теперь тебя на работу до кабинета провожать буду, страховать тебя стану, чтобы ты не упала.

– Ой, Ванюша, что ты? Сотрудники смеяться станут. Скажут, что ты меня совершенно занял. Да и на свою работу будешь опаздывать...

– Пусть говорят... А опаздывать я не стану. Мой же институт рядышком с твоим находится. Так что в этой части ты, зорянушка моя, не переживай... Леночка, а возьми-ка ты отпуск, а там, глядишь, и предродовой отпуск подойдёт... Чтобы ты дома имела возможность больше побыть и никуда не уходить...

– А что я стану делать дома?..

– Как что?.. Любушка с Семёном начнут чаще в гости к нам ходить. Поможем им нянчить Наденьку. Она у них такая славная растёт. Ты же её крёстная. И она тебя очень любит. Как ни придёт, всё свои ручки к тебе тянет... Да и стихи писать будешь, наукой станешь заниматься. Кстати, Леночка, а почему твой сборник стихов до сих пор не

выходит? Ты же давно рукопись сдала в редакцию?..

– Меня приглашал редактор и по поводу моих стихов сказал, что они заслуживают внимания и представляют интерес. Но ряд стихотворений он мне предложил переделать, говоря, что стихи должны носить в себе коммунистическую направленность. В них должны звучать слова коммунистического и высокого партийного восславления... Красной нитью в них подчёркивать необходимо прогрессивность и торжество нашего коммунистического строя, а также восхвалять ведущую, руководящую роль нашей партии, ЦК КПСС, Леонида Ильича Брежнева, новые пятилетки и так далее и в том же духе. А то, что я пишу стихи о духовности, нравственности, то их он все исключил и сказал, чтобы я их никому не показывала, а лучше всего, чтобы эту поэзию уничтожила... Поэтому я забрала рукопись и в стол вон положила – пусть полежат... Уничтожить мне их, Ванечка, очень жалко, ведь общество в них очень нуждается... Может, придёт моё время и мои стихи будут напечатаны когда-нибудь... Знаешь, Иван, а у меня в душе зреет необъяснимая внутренняя потребность, которая всё больше и больше во мне раскрывается и зовёт меня освещать именно эту духовно-историческую тематику – писать о Господе, о Божьей Матери, о Библии, об Апостолах и вообще исследовать становление и развитие православного христианства. Я, Ванюша, уже написала около семисот стихов, которые носят псалмопевческий, нравственный, благочестивый и духовный характер. Но мне хочется коснуться широких и глубинных полотен, которые изложены в Завете Господнем и высказываниях Его учеников, и написать духовно-исторический роман в стихах о равноапостольной княгине Ольге, об Апостоле Андрее Первозванном, поэму о пути Господнем и его избранных, поэму об Иисусе Христе, также подготовить ряд других произведений, которые бы несли в себе любовь к Всевышнему и определяли, и раскрывали назначение человека на земле и вечности его души..

– Ой, Леночка, за такие стихи, романы и поэмы тебя в два счёта упекут в психушку или в тюрьму и стгоят в Сибири. Ты поосторожней, пожалуйста, с такими идея-

ми и идеологическими взглядами. А ты, случайно, свою библейскую поэзию никому не давала?..

– Часть стихов под рубрикой «И к Богу хочется мне руки простирать» у меня взял, а точнее, выкрал Виктор Павлович незадолго до своей гибели, и куда он их дел, я, Ванюша, не знаю..

– Это не очень хорошо.. Но ты, Леночка, не переживай, возможно, всё обойдётся.. И они где-то затерялись и не станут предметом рассмотрения в прокуратуре или в милиции..

Но эта рукопись не затерялась. Её Виктор Павлович дал Дану, а он о ней забыл. Но месяцев двадцать спустя, перебирая в столе бумаги, Дан обнаружил эту рукопись. Внимательно прочитав, он на следующий же день отнёс её в прокуратуру. В прокуратуре не заставили себя долго ждать, и через два дня следователь явился в квартиру к Михайловой с обыском. Были обнаружены и изъяты Библия и духовная поэзия, написанная Еленой, а Михайлову, как опасную преступницу, сразу же арестовали, заключили под стражу. И пятнадцатого июня тысяча девятьсот семьдесят четвертого года возбудили против неё уголовное дело по статье семидесятой Уголовного кодекса РСФСР.

Конец второй части.

P.S. Период, описанный автором, охватывает
1971-1974 годы.

24.12.07 – 05.04.08 гг.
город Луганск

СОДЕРЖАНИЕ

Политюк В.С., Одинцова М.И. Будущее, за которое стоит бороться.....	3
---	---

Роман «Свеча судьбы»

Глава I	10
Глава II	25
Глава III	43
Глава IV	49
Глава V	59
Глава VI	70
Глава VII	80
Глава VIII	87
Глава IX	100
Глава X	120
Глава XI	131
Глава XII	146
Глава XIII	164
Глава XIV	183
Глава XV	204
Глава XVI	220
Глава XVII	241
Глава XVIII	258
Глава XIX	277
Глава XX	301
Глава XXI	324
Глава XXII	344
Глава XXIII	359
Глава XXIV	379
Глава XXV	399
Глава XXVI	417

Лазор Л.И.

Л17

Свеча судьбы. Часть вторая. – Луганск, 2008. – 432 с.

ISBN

Лидия Ивановна Лазор являет читателям вторую часть романа «Свеча судьбы». В нём автор раскрывает самые глубинные и тонкие струны человеческой души. Каждая сцена многогранного романа вызывает доверие своей реальностью, она видится словно воочию.

Роман наполнен запоминающимися деталями и подробностями жизнеустройства уже далёких для нас советских времён. Это свидетельствует о большой подготовительной работе, проведённой автором, свободно владеющим фактами истории страны и народа.

Мастерски выстроенная композиция, своеобразный многоуровневый характер, эмоциональная свежесть, психологическая тонкость, а также глубина и сила постижения жизни позволяют предполагать, что роман будет интересен самым разным категориям читателей.